Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского»

Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Ярославль
2010

ББК 63.3 (2) Я 434 + 63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
В 748

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования : материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2010. – 402 с.

ISBN 978-5-87555-621-0

В данном сборнике опубликованы тексты докладов ежегодной научной конференции «Чтения Ушинского» за 2010 год, сгруппированные по кафедрально-тематическому принципу. Они отражают результаты преимущественно инициативных научных исследований преподавателей кафедр всеобщей истории, отечественной истории, политологии и социологии, теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, вновь создаваемой кафедры теологии.

УДК 930, 930: 372.8, 93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
ББК 63.3 (2) Я 434 + 63.3(0) Я 434

Редколлегия: Н.А. Миронова, канд. ист. наук (отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 978-5-87555-621-0

© ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д.Ушинского»,
2010
© Авторы материалов, 2010

УДК 930

Н.С. Басалова

Основные аспекты изучения социокультурной истории Египта Птолемеев в зарубежной историографии XX века (Великобритания, Франция, США)

В силу объективной причины – значительной продолжительности существования Египта как самостоятельного государства, а также, вероятно, ввиду причины субъективной – трагического характера любовных отношений Антония и Клеопатры, - Египет уже долгое время привлекает внимание ученых. Исследователи старались понять механизм превращения державы Птолемеев в крупнейшую средиземноморскую империю, оценить роль и место Египта в системе эллинистических государств. Вопрос о том, какие аспекты исторического развития монархии Птолемеев являются наиболее исследованными на настоящее время в английской, французской и американской историографии, является предметом анализа в данной статье.

Всплеск интереса исследователей к изучению истории Египта III- I вв. до н.э. возник в начале XX в. благодаря тому, что к этому времени в музеях Англии, Франции и США сконцентрировалось огромное количество разрозненного папирологического материала и эпиграфических данных, характеризующих различные стороны жизни эллинистического социума египетской монархии. Перед зарубежными исследователями встала задача их систематизации в сборники и хрестоматии. Под руководством ведущих папирологов и историков того времени Е.Н. Адлера, А.С. Ханта, Ц.Ц. Эдгара были изданы многотомные сборники египетских папирусов. Одновременно зарубежные исследователи приступили к изданию монографий, в которых они излагали социально–экономическую и политическую историю эллинистических держав, в том числе и Птолемеевского Египта [2;9;18].

В первой половине XX в. основным направлением в зарубежной историографии в изучении Египта эллинистического времени ста-

ло обращение к анализу общественной жизни. Исследователи акцентировали свое внимание на освещении структуры социума Египта при Птолемеях, что было отражено в обобщающих работах по истории государства Лагидов [6;12;15;22]. Издание сводных исследований, касающихся политических устоев и социально–экономических основ эллинистических государств, в которых исследователи стремились дать полный обзор государственного устройства эллинистических монархий [1;3;6;15;25;27], доминировало в зарубежной историографии вплоть до 80-х гг. XX в.

Со второй половины XX в., согласно выводам отечественного исследователя О.М. Шутовой, зарубежные историки пришли к осознанию необходимости сориентировать историю на исследования антропологического характера [10]. Это было связано с расширением понятия «культура», в которое стали вкладывать не только описание материальных «достижений в области искусства, науки и просвещения», но и анализ «отношения человека к природе, обществу и самому себе» [10, с.9].

Значимым результатом антропологизации истории стали исследования, направленные на социокультурный анализ материалов археологических раскопок той или иной местности Египта [14;16;17;20]. На основе обнаруженного папирологического и эпиграфического материала исследователи изучали этнический состав, плотность заселения отдельных местностей и Египта в целом, повседневную жизнь жителей.

Важным результатом антропологизации истории стало также повышение интереса к междисциплинарным объектам исторического исследования – гендера и семьи. Пристальное внимание исследователи стали уделять анализу семьи в эллинистическом Египте, поскольку именно этим временем датировались большинство сохранившихся папирусов. Фундаментальной работой по объему собранного материала по частноправовой тематике в эллинистическом Египте является работа английского историка Р. Таубеншлага «Закон греко–римского Египта в свете папирусов (332 г. до н.э.–640 г. н.э.)» [26]. Труд стал первой монографией, где были перечислены все папирусные свидетельства, касающиеся внутрисемейных отношений: соглашения о заключении и расторжении брака, завещания, акты о правах наследования и усыновления. Но монография Р. Таубеншлага может рассматри-

ваться как собрание сведений о папирусах по разным отраслям внутрисемейных отношений, но не аналитическое исследование.

Детальное изучение означенных Р. Таубеншлагом папирусов началось только в 80-х гг. XX в. и было связано с дальнейшим углублением изучения гендерной истории [11; 19; 23; 24; 28]. Однако исследователи делали акцент на исследовании процесса синкретизации брачно-правовых систем греков и египтян, а не на рассмотрении характера взаимоотношений между супругами в биэтнических семьях.

Исследование социальной истории, в том числе и религиозной жизни, с культурологических позиций в зарубежной историографии начинается с обобщающей работы В. Тарна по истории эллинизма, вышедшей в 1927 г. [6]. Ценность данного труда с методологической точки зрения заключается в том, что автор отходит от формационного подхода к изучению истории и впервые применяет цивилизационный подход. Определяя эпоху эллинизма как цивилизацию в культурном смысле, В. Тарн акцентирует внимание не только на исследовании этнической ассимиляции, но также на культурном и религиозном синкретизме в эллинистическом Египте [4].

После издания монографии В. Тарна в зарубежной историографии появляются работы социально-исторической направленности, в которых исследовалась повседневная жизнь жречества, роль религии в жизни населения, давался анализ религиозной политики Птолемеев и состава пантеона богов эллинистического Египта [4;5;20;21]. Философско-антропологическое исследование религиозной жизни социума Египта остается приоритетным в зарубежной историографии вплоть до настоящего времени [14;18] .

С 40-х гг. XX в. направление "социальная история" стало разрабатываться аспектно: актуальными были исследование вопросов частноправовой тематики (организация суда, порядок оформления документации) [21] и рабовладения (характеристики этнического состава, условий труда рабов) [12;18;19].

Одним из основных направлений изучения социально–политической истории Египта эллинистической эпохи в зарубежной историографии стало выяснение роли политического деятеля в развитии эллинистических государств. Повышенный интерес у зарубежных историков вызывали конкретные личности: Александр Македонский, политическая деятельность которого ознаменовала наступление эпохи

эллинизма [7;9], и последняя египетская царица Клеопатра VII, правлением которой закончилось трехсотлетнее царствование династии Птолемеев в Египте [2;8]. Зарубежные исследователи затронули и некоторые аспекты «культурной истории», стремясь дать личностную характеристику отдельным царям из рода Птолемеев. Так, в своей работе «Греческая цивилизация» швейцарский историк–эллинист А. Боннар подчеркивает, что формирование государства Птолемеев во многом определялось такими личностными качествами первых двух Лагидов, как храбрость, упорство, дипломатичность [1, с.225-256].

Основным направлением изучения непосредственно культурной истории Египта эллинистической эпохи стала сфера религии. Однако религия изучалась преимущественно через призму социально–экономической и социально–политической истории, что отразилось в трудах вышеназванных исследователей. Они освещали экономическую политику Лагидов по отношению к институту египетского жречества и храмовых поселенцев [3;15], анализировали культ греко–египетского божества Сараписа [8;15] и династический культ Птолемеев [8;15;18;19], освещали повседневную жизнь этнических групп в Птолемеевском Египте [9;15;22], одновременно проявляя интерес и к их религиозным привязанностям.

Подводя итог вопросу об основных аспектах изучения социокультурной истории государства Птолемеев в XX в., можно сделать следующий вывод:

1. Основными направлениями в изучении социокультурной истории Египта Птолемеев III – I вв. стали социально-политический, социально-экономический и гендерный аспекты.

2. Исследование социокультурной истории Египта Птолемеев в XX в. проходило по двум направлениям: 1) создание обобщающих трудов по социокультурным аспектам истории эллинистического Египта; 2) Написание работ, посвященных частным, в том числе социально-политическим и культурологическим проблемам истории Птолемеевского Египта.

3. Если в начале XX в. акцент делался на изучении социально-экономических и политических основ монархии Птолемеев и создании сборников папирологических источников, то со второй половины XX в. приоритет отдается социокультурным исследованиям антропологического характера, особенно в рамках гендерной истории.

Библиографический список

1. Боннар, А. Греческая цивилизация: в 3-х т.: пер. с фр. [Текст]. – М.: Искусство, 1995. – Т.1. – 266 с.; Т.2. – 331 с.; Т.3. – 399 с.

2. Грант, М. Клеопатра. Последняя из Птолемеев: пер. с англ. [Текст]. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 349 с.

3. Дройзен, И.Г. История эллинизма: в 3-х т. [Текст]. – М.: К.Т. Солдатенков, 1890 – 1893. – Т. 1. – 400 с.; Т.2. – 513 с.; Т.3. – 503 с.

4. Левек, П. Эллинистический мир: пер. с фр. [Текст]. – М.: Наука, АН СССР, Институт Востоковедения, 1989. – 251 с.

5. Монте, П. Египет Рамзесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов: пер. с фр. [Текст]. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 376 с.

6. Тарн, В. Эллинистическая цивилизация: пер. с англ. [Текст]. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1949. – 372 с.

7. Фор, П. Александр Македонский: пер. с фр. [Текст]. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 444 с.

8. Френ, И. Клеопатра, или неподражаемая: пер. с фр. [Текст]. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 479 с.

9. Шахермайр, Ф. Александр Македонский: пер. с нем. [Текст]. – М.: Наука, 1984. – 384 с.

10. Шутова, О.М. Трансформации подходов к истории: антропологизация и образы прошлого [Текст]. / О.М. Шутова // Преподавание истории в школе. – 2000. - №9. – С. 9 – 12.

11. Bell, H. Brother and Sister Marriage in Roman Egypt [Text] / H.Bell // RIDA. – 1949. – II. – PP. 83-92.

12. Bevan, Ed. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty [Text] – London: Methuen, 1927. – 409 p.

13. Bouché – Leclercq, A. A Histoire des Lagides: In 4 vol. [Text] – Paris, 1903 –1907. – V. I. – 372 p.; V. II. – 365 p.; V.III. – 370 p.; V. IV. – 372 p.

14. Bowman, A.K. Egypt after the Pharaohs. 332 B.C. – 642 A.D. [Text] – London: British Museum Press, 1996. – 270 p.

15. Cary, M. A History of the Greek World from 323 to 146 B.C.: With Maps [Text] / Ed by M. Cary. – London: Methuen &Co. LTD 36 Essex Street W.C., 1932. – 448 p.

16. Clarysse, W. Ptolemaic Papyri from Lycopolis [Text] / W. Clarysse // Actes Bruxelles.– IV. – P.239-244.

17. Crawford, D.J. Studies in Ptolemaic Memphis [Text] / Ed. by D.J. Crawford, J. Quaegebeur, W. Clarysse. – Louvain, 1980. – 144 p.

18. Hölbl, G. A History of the Ptolemaic Dynasty: Transl. from German [Text] – London, New York: Taylor & Francis Group, 2001. – 257 p.

19. Hopkins, K. Brother - Sister Marriage in Roman Egypt [Text] / K. Hopkins // Comparative Studies in Society and History. – XXII. – 1980. – P. 303-354.

20. Fraser, P. Ptolemaic Alexandria: In 3 vol. [Text] – Oxford: The Clarendon Press, 1972. – V. I. - 812 p.; V. II. – 1116 p.; V. III. – 155 p.

21. Kákosy, L. Imhotep and Amenhotp son of Hapy as patrons of the dead [Text] / L. Kákosy // Acta Orientalia Aademiae Scientiarum Hungaricae, Akadémiai Kiado. – Budapesht. - 1961. – v. 21. - P. 109 – 119.

22. Mahaffy, J.P. Under the Ptolemaic Dynasty [Text] / By J.P. Mahaffy. – London: Methuen, 1895. – 261 p.

23. Pomeroy, S. Families in Classical and Hellenistic Greece. Representations and Relatives [Text] – Oxford: The Clarendon Press, 1997 – 261 p.

24. Pomeroy, S. Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra [Text] – New York: Schocken books, 1984. – 241 p.

25. Rostovtzeff, M. The Social and Economic History of the Hellenistic World: In 3 vol. [Text] / Ed. by M. Rostovtzeff. – Oxford: The Clarendon Press, 1941. – V. I. – 602 p.; V. II. – 710 p.; V. III. – 467 p.

26. Taubenschlag, R. The Law of Graeco – Roman Egypt in the Light of the Papyri (332 B.C. – 640 A.D.) [Text] – New York: Herald Square Press, 1944. – 485 p.

27. Walbank, F. The Hellenistic World [Text] – Brington: The Harvester Press, 1981. – 287 p.

28. Watterson, B. Women in Ancient Egypt [Text] – New York: Sutton Publishing, 1991. – 201 p.

УДК 930.1

А.С. Ходнев

Конструирование идентичности горожан в конце XIX – начале XX вв.: выбор и подвижность досуга

Идентичность – многозначный термин, образованный от английского слова "*identity"*(тождественность). В науках о человеке и гуманитарном знании понятие «идентичность» имеет две главные области применения. В психологии личности, социальной психологи и социологии выделяют личную и социальную идентичность. Идентификация с определенными социальными общностями превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «Мы» и «Они». Личная идентичность или самоидентичность *(Self-identity)* – это единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и жизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Социальная идентичность – это переживание и осознание человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, через понимание общих ценностей.

В начале 1980-х гг. историки, по утверждению американского профессора Ф.Глисона, заметили, что не могут обойтись без понятия «идентичность». Данный термин часто употребляли при исследовании проблем истории этничности, иммиграции и в целом формирования различных общностей [6, с. 910]. Понятно, что исследовательское поле было связано, в основном, с контекстом Америки, где процессы формирования национальной идентичности проходили как раз в виде миграций, колонизации и «подвижной границы». Например, М.Цукерман писал в 1977 году об особенностях «производства» идентичности в период ранней колонизации Америки. Автор исследовал осознание нового внутреннего «Я» у первых колонистов и, после столкновения с местными народами, постепенный отход от европейской идентичности [9, с. 211-213].

В результате исследования употребления понятия «идентичность» Ф.Глисон пришел к выводу о возрастающей потребности использовать его в трактовке, предложенной социологией, а не в том значении, которое появилось в психоанализе после исследований Э.Эриксона. Ф.Глисон призывал историков к осторожности в рассуж-

дениях об идентичности, чтобы новое понятие не стало слишком широким и не превратилось в клише [6, с. 930-931].

Новые исследования формирования наций и роли идентичностей в этом процессе привели к парадоксальным результатам. Известный исследователь национализма и критик устойчивого понятия нация Б.Андерсон (нации – «воображаемые», «символические» сообщества) поставил вопрос о пересмотре проблемы формирования коллективных субъективностей через рассмотрение материальной, институциональной и дискурсивной основы идентичности. Он подчеркивал существование двух противоположных типов серийности – *неограниченной* и *ограниченной*. Примером неограниченной серийности, по его мнению, восходящей в своих истоках к печатному рынку, особенно к газетам и к ярмарочным представлениям, «служат такие открытые к миру множества, как националисты, анархисты, бюрократы и рабочие». Примером ограниченной серийности, которая, по словам Б.Андерсона, восходит в своих истоках к правительственной власти, особенно к таким институтам, как перепись и выборы, служат конечные серии. Б.Андерсон заявил, что последняя серийность делает немыслимым существование ООН, и предлагает переименовать ее в Организацию Объединенных Этнических Общностей или Организацию Объединенных Идентичностей [1, с. 57-58].

Область исследований, связанная с объяснением, что собой представляет национальная идентичность, росла. Тем не менее, даже в разделенном на нации современном мире важную роль продолжают играть и другие разновидности культурной идентичности. Известный исследователь культурной истории П.Берк подчеркивал, что в Европе позднего средневековья и начала нового времени имели большой вес конкуренты национальной идентичности – региональная, этническая, городская идентичность, идентичности сословий, например, купцов, священнослужителей или дворян [2].

Идентичность, как правило, зависит от стереотипных представлений человека о себе, а также от стереотипных представлений о других — таких, как, например, протестантский стереотип католика, «паписта», или стереотипы мусульманина и иудея в христианском сознании [2].

П.Берк обратил внимание на то, что культурные идентичности «должны представлять собой артефакты, если не изобретения». «Воз-

можно, “изобретение”, – отмечал П.Берк, – термин излишне драматический, подразумевающий такую преднамеренность, которая на практике часто отсутствует, но процесс формирования идентичности, тем не менее, следует рассматривать как коллективное конструирование» [2].

Коллективные идентичности, исследованные в рамках антропологии, свидетельствуют о том, что, несмотря на попытки сделать их определения четкими и строгими, часто выглядят текучими, хрупкими или «открытыми для дискуссии» (negotiable) [2]. Они также зависят от контекста в том смысле, что одни и те же люди по-разному представляются в различных ситуациях. Значение этих многочисленных идентичностей для отдельных личностей и групп, их приоритеты, иными словами, иерархия идентичностей, – это вопрос, который историкам следует принять всерьез, как бы ни было трудно ответить на него. Другая проблема, на которую им, несомненно, придется обратить внимание: выражались эти идентичности эксплицитно или конструировались опосредованно, через язык или ритуал. Некогда историки культуры полагали, что внешние формы культуры «выражают» или «отражают» некую глубинную, внутреннюю реальность. Ныне это предположение, по мнению П.Берка, часто подвергается критике как чересчур редукционистское или детерминистское [2]. Необходимо говорить скорее о «конструировании», а не «отражении» внутренней реальности или идентичности. Исторические свидетельства не позволяют предположить, что коллективная идентичность может быть изобретена или сконструирована по чьему-либо произволу. Большинство попыток конструирования коллективных идентичностей сверху, при помощи государственной пропаганды, были обречены на провал. Тем не менее, государство может оказывать воздействие на эти процессы через поощрение социализации граждан и осознания ими общих ценностей.

Иная традиция складывалась в России. Государство и в дореволюционной России характеризовалось высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения (в сравнении с конституционными и впоследствии с демократическими государствами), не дававшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшими принцип гражданства принципу «подданичества власти» [4,

с. 13]. Не случайно в научной литературе появилось описание «слабой национальной идентичности» в России XIX века[8, с. 163].

Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Помимо этого российская идентичность основывалась на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, а также исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности не исключает, а способно дополнять друг друга, что дает основание некоторым исследователям говорить о совместимости этих идентичностей [4, с. 28].

Кроме того, идентичность «воплощается» в таких опосредующих формах, как ритуал, миф и материальная культура. Мифы реализуют идентичности в виде легенд. Ритуалы могут способствовать определению границ групповой идентичности – не только за счет исключения посторонних, но также и за счет символических нападок на врагов сообщества.

Еще один важный фактор, который не следует упускать из виду при изучении коллективной идентичности, – социальная память, образ группового прошлого, общего для членов группы. Кто мы есть, зависит от того, кем мы были в прошлом [2].

Конец XIX – начало XX века стали важной эпохой конструирования различных идентичностей. На первый план во многих странах, прежде всего, в Англии, США (Россия также не осталась в стороне от этих процессов), выступает рост городов. Города становятся символами нового времени – модерна. Все нации-государства, успешно вошедшие в эпоху современности (модерна), прошли три важных стадии развития*: урбанизацию, индустриализацию, глобализацию/глобализм.* Россия двигалась к эпохе урбанизации и индустриализации с большими трудностями и особенностями. По данным Б.Н. Миронова, значительная часть населения русских городов не переставала в конце XIX века заниматься сельским хозяйством, т.е. натуральными, не рыночными, не характерными для «модерного общества» видами деятельности. И, тем не менее, история модернизации в России в немалой степени была связана с городами. Чаще всего это были столичные города. Однако рядом со столицами, или в отдалении от

них, всегда существовали города второго, третьего, четвертого круга: волостные, районные, губернские, областные. У каждого города было свое лицо, свой характер, дух, общество, мифология места. Город был живым организмом и действующей персоной модернизации.

Идентичность – центральное понятие для определения места горожанина в обществе, поскольку конструирование ролей человека в обществе отвечает на вопрос «кто я»/«кто – люди». Чаще всего этот термин употребляли в единственном числе. Между тем, идентичности имеют тенденцию множиться, пересекаться и даже противоречить друг другу [3, p.107].

Тем не менее, существуют достаточно серьезные трудности с определением объекта и предмета исследования. Английский историк П.Борсей отмечал, что досуг как предмет исследования – расплывчатый, неясный, и к тому же обладает способностью перетекать в другие области [3, p.1]. Подмеченный парадокс последних публикаций по истории досуга состоит в следующем. Все попытки определить досуг с точки зрения противопоставления досуга/работы наталкиваются на противоречия. Обычно перечисляют все, что связано с активной деятельностью человека, относится к работе и не может считаться свободным временем или досугом: сама работа, а также образование, религия, гражданская активность (политика и волонтерская работа), «обыкновенная жизнь» (включающая такие обязательные действия, как сон, еда, секс). Этот список ставит новые вопросы, и, прежде всего, проблему, а что понимать под термином «работа»? [3, p.1-2]. Кроме того, несмотря на то, что досуг обычно постигают как время, свободное от работы, историки незанятого времени стараются обрисовать досуг в индустриальных обществах, где его, естественно, больше, не отделяя его от работы, рабочих часов. Например, популярны исследования занятости в сфере досуга. Существуют и другие противоречия в определении досуга. Нелегко отделить религиозные практики и досуг-отдых. Имеются взгляды на досуг как способ вознаграждения, получения удовлетворения и удовольствия в обществах, где люди тяжело и много работают [5, с. 396].

История досуга, несмотря на туманность предмета исследования, занимает возрастающее место в определении не только множественных систем идентичности, но и в конструировании самого понятия нация. Дело в том, что нация в восприятии отдельного человека слиш-

ком большой институт, в котором ее отдельные члены не могут узнать друг друга или увидеть «лицом к лицу». Практики досуга, появившиеся в конце XIX – начале XX вв., предоставили важный механизм для преодоления «анонимности» конструкта нации. В новых формах досуга люди могли ощутить себя частью большого национального сообщества. Таким образом, по истечении примерно ста лет с начала конструирования наций-государств (Американская и Французская революция XVIII века – считаются началом появления национального патриотизма) при помощи досуга нация стала обретать реальную форму в глазах граждан. В Британии этот процесс протекал особенно трудно, поскольку с конца XIX века стали проходить регулярные спортивные соревнования между четырьмя главными частями нации: англичанами, шотландцами, валлийцами и ирландцами. Первые официальные матчи по регби и футболу между Англией и Шотландией были проведены соответственно в 1872 и 1973 г. [3, с. 151].

В исследованиях досуга обычно выделяют следующие формы идентичностей: биологические (пол, возраст), национальные (этничность), организационные (семья, клуб, сообщество). Все это формы коллективной идентичности [3, с. 107-108]. Между ними существует связи. Например, в конце XIX – начале XX вв. в описаниях досуга преобладали формы организованного или коммерциализованного «активного» отдыха для мужчин. В результате сведений о женском досуге сохранилось значительно меньше. Однако женское движение, развивавшееся в конце XIX – начале XX вв., принесло изменения и в эту область.

Не меньшее влияние на развитие форм досуга оказали возрастные особенности. Вопрос о том, когда появились представления о той или иной форме досуговой активности как «детской» или «взрослой» игре и их классификация, является для историков дискуссионным в течение многих лет.

Семья обладает наиболее важными потенциальными функциями конструирования всех форм коллективных идентичностей, которыми обладают люди. Одной из важных тем, на которую часто обращают внимание историки досуга, стало исследование поворота среднего класса в Англии конца Викторианской эпохи от публичных к частным видам досуга, ориентированным на дом и семью [3, с. 133-134].

Новые массовые формы досуга, появлявшиеся в конце XIX – начале XX вв., как правило, в городе, не только становились популярными, но выковывали новые идентичности. Американский историк М.А. Макьюиртер считает, что в основе конструирования городской идентичности афроамериканцев лежала такая форма досуга, как чтение [7, с. 9]. Она выбрала в качестве главного объекта исследования два важных института формирования грамотности и, следовательно, конструирования идентичностей горожан-афроамери-канцев, населявших Вашингтон в начале XX века: библиотеку и газету. Рост территорий городов в конце XIX – начале XX вв. и превращение многих из них в метрополисы привели к появлению новых знаков городской жизни. Умение ориентироваться в городе, прочесть название или номера улиц, вывески, объявления, афиши стало важным элементом существования человека в новой городской среде. В свою очередь, чтение превращалось, с одной стороны, в необходимое условие городской жизни, а с другой – сохраняло роль важнейшего вида досуга. Многие страны переживали настоящий бум печатной культуры, как элитарной, так и массовой. И этот бум означал, что многие материалы этой печатной культуры стали доступны новым массам читателей. Страницы ежедневных и еженедельных городских газет создавали базу для репрезентации города. В свою очередь, эти репрезентации не только давали читателям информацию о жизни города, но и учили их «как быть горожанином» [7, p.14]. Люди могли создавать собственные дорожные карты города, а на их основе конструировалась новая идентичность. Участие в популярном виде досуга не налагало на жителей города никаких расовых или пространственных ограничений.

В целом, многие досуговые формы (спорт, посещение кино и др.) конструирования идентичностей в городе в своем большинстве обходили в конце XIX – начале XX вв. различные ограничения в виде классовых различий, а также расовой и иной дискриминации.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности [Текст] // Логос. – 2006. - № 2. – С.57-72.

2. Бёрк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени [Текст] // Новое литературное обозрение. – 1999. - № 36. [Элек-

тронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/36/berk.html

3. Borsay P. A History of Leisure: The British Experience since 1500 [Text]. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 306 p.

4. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России [Текст] / отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с.

5. Havighurst R. J., Feigenbaum K. Leisure and Life-Style [Text] // The American Journal of Sociology. – 1959. – Vol. 64. – No. 4. – P. 396-404.

6. Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History [Text] // the Journal of American History. – 1983. – Vol. 69. – No. 4 (Mar., 1983). P. 910-931.

7. McQuirter M.A. Claiming the City: African Americans, Urbanization, and Leisure in Washington, D.C., 1902-1957 [Text]. – PhD dissertation, University of Michigan, 2000.

8. Prizel I. National Identity and Foreign Policy. Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 443 p.

9. Zuckerman M. The Fabrication of Identity in Early America Author [Text] // The William and Mary Quarterly. – 1977. – Third Series. - Vol. 34. – No. 2. – P. 183-214.

УДК 94(41/99)

М. С. Осипова

Эволюция английского законодательства о детском труде в первой половине XIX века

На первый взгляд, тема детского труда достаточно подробно освещена в марксистской исторической литературе, в том числе в трудах советских историков. Вслед за основателями марксизма, советские историки утверждали, что эпоха промышленной революции была временем резкого ухудшения положения рабочего класса в целом, и особые страдания пришлись на женщин и детей в связи с расширением применения женского и детского труда. Изображение промышленного

переворота как черной страницы в истории рабочего класса стало самой характерной чертой советской историографии рабочего движения в Англии первой половины XIX века.

Такие оценки мы находим в работах многих советских исследователей, в том числе и таких известных англоведов, как Е.Б.Черняк, А.Б.Резников, а также Н.А.Ерофеев. Даже в работе «Туманный Альбион», которая не без оснований считается одной из лучших в отечественном англоведении, автор, тем не менее, считает необходимым акцентировать внимание на социальных противоречиях той эпохи [6]. Это тем более характерно для трудов А.Б.Резникова, который связывал чартистское движение с ухудшением положения рабочих [7]. Такая точка зрения имеет свои недостатки. Во-первых, представление о том, что первая половина XIX века была именно временем резкого ухудшения положения рабочего класса, имеет не только сторонников, но и противников в историографии. Во-вторых, можно обнаружить немало противоречий и в оценке положения детей низших классов. В частности, известно, что внедрение фабричного законодательства предполагает обязательное введение начального образования для этих детей. Наконец, стоит подчеркнуть, что и пресловутые работные дома оценивались современниками и историками по-разному. Наряду с господствовавшим подходом, который сравнивал эти работные дома едва ли не с тюрьмами, всегда существовал и другой, - подчеркивавший, что условия существования рабочих в этих работных домах часто были приемлемыми, а дети не только имели минимум необходимого пропитания, но также были обязаны по закону обучаться таким дисциплинам, как письмо, арифметика, религия. Эти и другие противоречия в историографии данного вопроса делают тему нашего исследования актуальной.

Кроме работ отечественных авторов, для настоящего исследования были привлечены работы некоторых британских специалистов. Среди этих трудов хотелось бы выделить следующие: Х.Хендрик исследует положение детей в английском обществе, начиная с поздневикторианского периода и прослеживает эволюцию взглядов на детей, на роль образования [3]. Такой подход позволяет выделить главную проблему исследования: чем было мотивировано изменение в отношении к детям, в том числе детям рабочего класса; отражало ли появление фабричного законодательства в отношении детей новый взгляд на детство,

который формируется в викторианской Англии, или же это было следствием, как утверждали марксисты, усиливавшейся борьбы рабочего класса за свои права. Интересной работой является книга С.Митчелл «Повседневная жизнь в викторианской Англии», в которой, в частности, затрагиваются проблемы истории детства и которая позволяет сравнить положение детей рабочих по отношению к детям других классов [4]. Среди важных публикаций последнего периода, имеющих прямое отношение к изучению данного вопроса, необходимо выделить труд Х. Каннингхэма «Дети бедных: репрезентация детства, начиная с XVII века» [1]. Ряд разделов этой работы специально посвящен использованию детского труда и таким категориям детей бедных, как трубочисты, дети фабричных рабочих, слуги, дети улицы и др.

По мнению этого автора, именно с конца XVIII века формируется новое отношение к детскому труду в английском обществе, причем немалую роль в формировании этого отношения имели не только социальные факторы, но и христианская религия.

На данном этапе целью нашего исследования является выяснение тех наиболее общих представлений, которые существовали в английском обществе в ранневикторианский период о труде детей, а также изучение главных черт эволюции английского законодательства в этом вопросе. Для решения таких задач были использованы следующие источники: во-первых, это материалы рабочего законодательства Великобритании, в частности, опубликованные в сборнике «English Historical Documents». (XII (1), 1833-1874) – некоторые сочинения современников [2]. На этом этапе работы показалось целесообразным акцентировать внимание на классическом труде Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [8]. Несмотря на известную однобокость этой книги, нельзя не отметить, что Энгельс пытался писать её на основании источников, опубликованных свидетельств.

Во-вторых, специфическим, но весьма важным источником является художественная литература. Классическим в этом смысле можно считать произведения Ч.Диккенса. Бедный ребёнок – один из главных героев этого автора, начиная с его раннего произведения «Приключения Оливера Твиста».

Наконец, говоря об источниках, привлеченных на данном этапе исследования, можно также выделить свидетельства прессы и, в частности, российских журналов, в которых очень часто печаталась ин-

формация об Англии и её социальных проблемах, и даже статьи, прямо отражавшие положение детей. Среди этих журналов можно назвать «Библиотеку для чтения», «Журнал мануфактур и торговли».

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что именно викторианская Англия первой создала модель регулирования детского труда. Детский труд не был порождением той эпохи, в той или иной степени он присутствовал и присутствует во всех обществах, но именно в рассматриваемый период в Англии были сделаны первые шаги, хотя и непоследовательные, направленные на гуманизацию положения детей рабочих.

При изучении темы детского труда историки обращают внимание на следующее: как правило, детей начинали использовать с самого раннего возраста (4-5 лет). Много детей работало в шахтах [7, с.53]. Широко применялся труд не только мальчиков, но и девочек. Девочки обычно были носильщиками угля. Часто работали женщины, они составляли более половины всех фабричных рабочих [7, с.54-55].

В некоторых районах дети направлялись в шахты в качестве «учеников». Эта система широко применялась в Южном Стаффордшире, Йоркшире, Ланкашире и Западной Шотландии. Даже в 1900 году 13-14-летние подростки работали на фабриках целый день. Дети работали не только на фабриках. Младшие дети выполняли иную работу: мастерили различные коробочки, рождественские открытки, раскрашивали страницы объявлений, собирали букеты, вышивали, вязали. Часто матери, которые занимались этой деятельностью, обучали своих детей и привлекали их к работе. Маленькие, 3-4-летние девочки и мальчики часто плели тесёмки и корзины из соломы, одновременно обучаясь ремеслу, оплачивая своей работой обучение. Часто дети работали на улицах города, особенно в Лондоне, мели дорожки перед богато одетыми людьми или держали длинные юбки женщин за пенни. Цветочницы с утра ходили в сад женского монастыря, чтобы забрать остатки цветов по очень низкой цене. Они составляли букеты для петлиц или маленькие связки цветов, которые впоследствии могли продать. Мальчики также зарабатывали, подводя лошадей, или ждали возле деловых офисов, надеясь, что им передадут какое-то сообщение, которое надо распространить на несколько улиц [4, p.44-45].

Побочной стороной проблемы было увеличение преступности, в которую были вовлечены дети. Можно вспомнить, что в том же ро-

мане Ч.Диккенса сюжет был основан на попытке преступников втянуть детей в свою деятельность. В журнале «Библиотека для чтения» 1834 г. была помещена специальная статья «Воры и мошенники в Англии», которая рассказывает про жизнь «особого народа» - воров, в число которых входили и дети. Приводятся воспоминания этих детей, вовлеченных в преступный мир, они были обучены этому «ремеслу» и не представляли себе другой жизни. «В нашей улице, кто искуснее крал, тому более удивлялись; стыд состоял только в том, чтобы быть пойманным» - такое занятие было привычным для бедных детей, которые с самого раннего возраста были вынуждены зарабатывать таким способом [5, с.71].

Часто владельцы текстильных заводов считали выгодным использовать труд именно маленьких детей, так как из-за своих размеров дети лучше подходили для некоторых видов работы. Часто владельцы фабрик заключали соглашения с властями города для того, чтобы брать на работу детей-сирот [7, с.126-149]. Они жили при предприятиях и работали по двенадцать часов в день, днем и ночью. Другие дети ходили на работу с родителями, старшими братьями и сёстрами. Продолжительность рабочего дня должна была равняться десяти, исключая время на приём пищи, иногда доходила до одиннадцати, двенадцати, часто до пятнадцати, шестнадцати и даже восемнадцати. Поэтому дети в промышленных районах, начавшие работу в раннем возрасте, не получавшие нужной одежды и пропитания, были низкорослыми, чахлыми, болезненными, со значительными физическими недостатками. Ф. Энгельс приводит многочисленные примеры физических уродств людей, трудившихся на фабриках, связанных именно с условиями производства: «Глядя на калек…,сразу можно догадаться о причинах их уродства, которое у всех совершенно одинаково: колени вогнуты внутрь и немного назад, ноги искривлены внутрь, суставы изменены и утолщены, позвоночник часто искривлён вперёд или вбок. Наиболее жестокие условия были, по-видимому, у фабрикантов шелковых изделий…,на этих фабриках работали очень маленькие дети – начиная с пяти-шести лет» [8, с.383].

В 1802 году был издан первый законодательный акт «О здоровье и нравственности трудящихся детей», в котором утверждалось, что владельцы предприятий должны обеспечивать детей-рабочих одеждой, должны обучать их чтению, письму, арифметике (соответственно воз-

расту), а также заботиться о должном состоянии рабочих помещений и о надлежащем медицинском обслуживании, рабочий день не должен был превышать двенадцати часов [2, p.723].

Фабричный Акт 1819 года был принят для дальнейшего регулирования условий на хлопкопрядильных заводах и фабриках, для сохранения здоровья молодых людей, работающих там. Акт постановил, что дети до 16 лет не могут быть использованы на работе более 12 часов; на еду должно отводиться не менее получаса на завтрак и не менее часа на обед (между 11 часами утра и 2 часами дня). Также оговаривалось состояние помещений: потолки и стены необходимо мыть известью два раза в год. Копии Акта должны находиться на фабриках [2, p.734].

Фабричный Акт 1831 года аннулировал законы, касавшиеся рабочих, нанятых на хлопковые и хлопкопрядильные фабрики, и обозначил другие условия вместо прежних. Во-первых, для сохранения здоровья и нравственности запрещалось использование вечернего и ночного труда (то есть с 8-30 вечера до 5-30 утра) работников до 25 лет. Рабочее время подростков до 18 лет ограничивалось 12 часами, в субботу – 9 часами, из этого времени полтора часа отводилось на приём пищи. В хлопкопрядильную отрасль запрещалось принимать детей до 9 лет, причём родители или же опекуны обязаны были предоставить свидетельство возраста ребёнка, иначе владельцы мануфактуры, в случае проверки, облагались штрафом. Мировой судья должен был действовать согласно данному акту. В Акте упоминалось также о состоянии рабочих помещений: потолки и стены должны быть вымыты раз в год.

Однако законы не были эффективны до 1833 года, когда были назначены первые инспекторы. Акт 1833 года также запретил работу детей на текстильных фабриках до девятилетнего возраста, работа детей была ограничена двенадцатью часами в день, то есть сорока восьмью часами в неделю. Рабочее время для подростков от 14 до 18 лет составляло 69 часов в неделю или не более двенадцати часов в день. Этот закон ввёл обязательные перерывы для еды общей продолжительностью не менее полутора часов в день и подтвердил запрещение ночного труда для всех рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет, причём фабриканту под угрозой

штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача о возрасте ребёнка и без справки от учителя о посещении им школы. За это фабрикант получал право еженедельно удерживать из заработной платы ребёнка 1 пенни на оплату учителя.

Закон о бедных 1834 года был предназначен для улучшения благосостояния бедняков, он полностью реорганизовал всю систему административно контроля за низшими слоями населения [4, p.91-95]. Примерно 15000 самостоятельных приходов были объединены в 634 округа. Каждый округ должен был иметь собственный работный дом. Согласно Новому Закону о бедных, деньги и продовольствие предоставлялось только старикам и инвалидам, если они продолжали проживать у себя в доме. Это было сделано для того, чтобы помочь их семьям заботиться о них. Все другие категории нуждающихся в общественной помощи должны были переселиться в работный дом, где они будут выполнять подходящую работу за еду и жильё.

С 1840 года запрещалась использовать мальчиков для чистки дымоходов [2, p.742]. С течением лет всё больше увеличивался список отраслей, в которых запрещалось использовать детский труд. Всё выше поднимался минимальный возраст приёма на работу детей. Были сокращены часы работы, запрещена вечерняя и ночная работа. К последнему году правления Виктории двенадцатилетний возраст стал нижней границей поступления на производство. Дети могли работать, но уже не полный рабочий день и не во всех сферах хозяйства, а только в сельском хозяйстве, торговле и в обслуживании. Дети были вынуждены работать, так как часто их труд был единственным источником дохода для семьи.

Детский труд не был изобретением викторианцев: он существовал и в доиндустриальных обществах, но до XIX века английское законодательство не предпринимало попыток защитить детей от родительского гнёта или хоть как-то регулировать эксплуатацию их труда, поэтому действительным изобретением викторианской эпохи является именно забота о работающих детях. Государство впервые вмешивается в организацию детского труда.

Библиографический список

1. Cunningham H. The children of the poor: representations of childhood since the seventeenth century [Text]. Oxford, 1991. – 283 p.

2. English Historical Documents. XII (1), 1833-1874 [Text] /Ed.by G.M. Young and W.D. Haudcock. L.,1970. – 624 p.

3. Hendrick H. Children, childhood and English society 1880-1990 [Text]. Cambridge, 1997. – 128 p.

4. Mitchell S. Daily Life in Victorian England [Text]. Westport, 1996. – 313 p.

5. Воры и мошенники в Англии [Текст] // Библиотека для чтения. – 1834. – Т.IV. – С.70-72.

6. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион [Текст]. – М.,1982. – 320 с.

7. Резников, А.Б. Первая классовая битва пролетариата Англия 1842 год [Текст]. – М., 1970. – 310 с.

8. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии [Текст] //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.2. – М.,1995.

УДК 94(415)

Н.В. Новикова

Женское движение в Ирландии в начале XX в.

Развитие «наций-государств» (или «национальных государств») как особого исторического типа в XIX - начале XX вв. означало консолидацию обществ вокруг новых идеологических конструктов, среди которых категория «нация» становится ведущей детерминантой социальной и политической идентичности групп и индивидов. Триумф идеи нации и национализма как идеологии и политики позволил многим современникам и историкам осмысливать это время как «эпоху национализма», в которой, по словам немецкого исследователя Х. Кона, «нации выступают великими корпоративными деятелями истории; несовпадения национальных характеров и точек зрения задают ход исторических событий. Только в это время воля наций – более, чем воли индивидуумов, династий или вненациональных организаций, таких как церковь или классы – приобретает решающее влияние» [1].

Женское движение, которое в начале XX века в большинстве стран Запада развивалось преимущественно как политическая борьба феминисток за политические права женщин, оказывалось перед необ-

ходимостью выразить свое отношение к процессам национального строительства. Они заключались не столько в утверждении модели гражданского национализма как основы функционирования государства, сколько в создании механизма социальной и политической мобилизации общества, формирования его единства для укрепления государства и обеспечения его жизнеспособности. Национальная принадлежность, национальное самосознание и национальная идентичность находились в прямой связи с представлениями о гражданстве и составляли основу политического дискурса эпохи. Важным его элементом было понимание нации-государства как «мужского» пространства, в котором женщинам отводилась лишь роль объектов политики. В своей критике современного государства феминистки, безусловно, отстаивали особую групповую идентичность и развивали особый дискурс, которые, однако, невозможно отделить от специфического этнонационального контекста. Кампании суфражисток необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент истории национального строительства, который и вырастает из национальной культуры, отражает ее коренные характеристики и одновременно определяет, продуцирует характер национального дискурса.

Все сложности и противоречия отношений между феминистским движением и национализмом проявились в Ирландии в начале XX в. – в это время здесь активизировались движения и националистов, и суфражисток. Последним приходилось делать выбор между преданностью интересам своей страны, пребывающей под тяжестью британского правления и стремящейся к освобождению, и верностью феминистским идеалам, над-национальным по своей сути. Любое решение порождало конфликт: действуя прежде всего как ирландки, они ставили под вопрос доминирование английских суфражисток в движении, а выступая с феминистскими лозунгами, они вызывали критику своих соотечественников, которые видели в них «английских агентов». Проявления этих потенциальных противоречий и будут показаны ниже.

Начало женского движения за избирательные права в Ирландии приходится на период, последовавший после провала попытки включить положение о политическом представительстве британских женщин в закон о реформе парламента 1867 г. Образованная тогда Ирландская ассоциация женских избирательных прав и местного

управления (далее – Ассоциация) была нацелена на лоббирование интересов женщин в среде членов британского парламента от Ирландии. Особенность положения Ассоциации заключалась в том, что она не могла апеллировать непосредственно к национальному парламенту. Как подчеркивала в своих работах американская исследовательница К. Мерфи, ирландские депутаты, заседавшие в Вестминстере, более всего были заинтересованы в законе об ирландском самоуправлении, а «женский вопрос» в лучшем случае считали второстепенным [4, p. 1010].

Деятельность Ассоциации, опиравшейся исключительно на мирные, конституционные методы, не приводила к каким-либо видимым результатам, и в начале нового века движение входит в новую фазу.

Ирландская женская лига избирательного права (далее – Лига), воинствующая или, как тогда говорили, милитантская организация в ирландском суфражистском движении появилась в ноябре 1908 г., пять лет спустя после образования Женского социально-политического союза (далее – Союз) – аналогичной английской организации женщин, впервые обратившейся к наступательной тактике и стратегии неповиновения правительству в своей борьбе за права женщин. Инициаторами ее создания стали две семейные пары – Фрэнк и Ханна Ши Скиффингтон и Джеймс и Маргарет Казинс. Хотя Союз предпринимал к этому времени усилия по формированию сети своих отделений по всей Британии, включая Шотландию и Уэльс, ирландские женщины не считали желательным создание ячейки этой организации в «своих» графствах. Свою цель они видели в том, чтобы создать «милитантское суфражистское общество, соответствующее особенной политической ситуации Ирландии – зависимой страны, стремящейся к освобождению от власти Англии». Члены Женской лиги надеялись заручиться обещаниями всех членов общенационального парламента, представляющих Ирландию, голосовать в поддержку любых законопроектов в пользу женского избирательного права, которые могут проходить обсуждение в палате общин. Ирландские суфражистки настойчиво агитировали за включение требования женского избирательного права в условия ожидаемого закона о гомруле.

Поначалу две группы суфражисток тяготели к сотрудничеству, и это было отражением их взаимозависимости. Общенациональный

парламент имел возможность наделить правом голоса и британских, и ирландских женщин, и то, как проголосует Ирландская национальная партия – политическая сила, обеспечивавшая на протяжении десятилетий баланс между либералами и консерваторами, - оказывалось важным и для англичанок, и для ирландок. Лидер Женского социально-политического союза К. Панкхерст посетила Ирландию в марте 1910 г., а ее мать, Э. Панкхерст, - в октябре того же года в рамках тура по главным городам Ирландии, организованного Союзом в поддержку согласительного билля – законопроекта, по которому наделялась бы политическими правами небольшая часть состоятельных женщин. Взаимная поддержка суфражисток продолжалась. По крайней мере восемь ирландок участвовали в петиционном марше в Лондоне, вошедшем позже в историю как «Черная пятница», и четыре из них были осуждены и подвергнуты тюремному заключению как зачинщицы беспорядков. Э. Панкхерст писала, что они тогда очень гордились ирландскими женщинами: «Хотя это была их первая делегация, они все время находились на переднем плане этого сражения». К марту 1912 г. 13 членов Ирландской женской лиги отбывали срок в тюрьмах Англии [7, p. 130].

Заметное участие ирландских женщин в пропагандистских кампаниях суфражисток в столице Объединенного королевства вряд ли можно объяснить только их желанием продемонстрировать женскую солидарность и увеличить число участников митингов и маршей. Поскольку членами парламента были и ирландские представители, они обращались прежде всего к ним. Каждый раз, когда ирландки появлялись в Англии, они прилагали дополнительные усилия, чтобы их особая идентичность сохраняла свою видимость: носили зеленые платья, держали в руках ирландские флаги и иногда их сопровождали ирландские музыканты [6]. В этой презентации «ирландскости» не было нужды в самой Ирландии. У себя дома ирландские суфражистки проявляли скорее враждебность Ирландской партии, которая отстаивала интересы только «мужского» населения. Попытки выделить и подчеркнуть свою национальную идентичность в Лондоне можно считать демонстрацией своего права на независимое существование и настороженного отношения к доминированию англичанок в движении.

Гармония в отношениях между английскими и ирландскими феминистками начала рушиться, когда вопрос о гомруле выдвинулся

на первый план британской политики. Очевидный факт, что ирландские члены парламента сознательно блокировали любые законодательные инициативы в пользу избирательных прав женщин, заставил К. Панкхерст заявить, что Женский социально-политический союз начинает войну против Ирландской национальной партии. Стратегия милитанток теперь заключалась в лозунге «нет права голоса для женщин – нет гомруля» [5, p. 403]. Ирландская женская лига попыталась использовать этот стратегический поворот, и в письме лидеру антисуфражистов в Ирландской партии Е. Редмонду председатель Лиги Х. Ши Скиффингтон заявила, что рассматривает участие партии в провале согласительного билля как «выдающийся акт предательства, который мы никогда не забудем и не простим». Далее она намекала, что партии следует ожидать враждебных действий не только со стороны англичанок: «Столкнется ли партия с организованным наступлением ирландок, зависит от Вашего ответа сегодня» [7, p. 132].

Со своей стороны, Женский союз настаивал на дальнейшем присутствии Ирландской женской лиги в политике Лондона, руководствуясь соображением о том, что принятие закона о гомруле с включенным в него положением о женском избирательном праве будет иметь положительные последствия и для англичанок. Если женщины в самоуправляющейся Ирландии получают политические права, то эти права неизбежно должны быть распространены и на британок в целом.

Лига согласилась отправить в Лондон Хильду Вебб, но события сложились иначе. 13 июня 1912 г. Вебб участвовала в милитантской акции протеста против отказа Ирландской партии включить в проект о гомруле положение о женских политических правах. В этих обстоятельствах стратегия воздействия на политиков в столице теряла для ирландских феминисток смысл. И хотя различные ирландские суфражистские организации и продолжали посылать своих делегатов на акции в Лондон, действовали они под патронатом столичных организаций. Ирландское лобби оставалось обособленным.

По мере обретения уверенности в своих силах ирландское женское движение переставало удовлетворяться тем, что единственным источником популяризации его деятельности был лондонский еженедельник «Воутс фо уимен», официальный орган Женского социально-политического союза. Информация об ирландских суфражистках просачивалась и на страницы местной националистической прессы, кото-

рая оценивала значение суфражистской проблемы исключительно в контексте борьбы ирландцев за политическое освобождение. Фрэнк Ши Скиффингтон, внештатный журналист изданий левого толка, заявлял: «Нам нужна своя газета, чтобы отделить британское и ирландское суфражистские движения и вести пропаганду в наших интересах» [7, p. 130]. Любопытный факт: в Ирландии не было средств для создания такой газеты, и 260 ф.ст., необходимые для выпуска первых номеров, предоставил Женский союз, имевший в своем распоряжении щедрые пожертвования покровителей-англичан. В мае 1912 года появился первый номер «Айриш ситизен». С этого времени ирландские суфражистки обрели независимый инструмент для поддержания своей особой политической идентичности.

С помощью новой газеты феминистки Ирландии пытались наладить диалог с ирландской политической элитой и националистической прессой, которая часто подчеркивала организационные и личные связи ирландских и английских суфражисток и считала деятельность женщин частью *британского* движения. «Айриш ситизен» публиковала статьи, в которых милитантская активность расценивалась как производная от ирландской национальной традиции восстания против угнетения. Обращаясь к своим соотечественникам, суфражистки вопрошали: «Как могут ирландцы, сами страдающие от гнета колонизаторов, сами вести себя как колонизаторы и притеснять женщин?» В сентябре 1912 на страницах газеты появилось заявление, призванное положить конец всем подозрениям националистов: «Суфражистское движение в Ирландии родилось и выросло здесь, управляется и контролируется в Ирландии и полностью свободно от влияния извне» [4, p. 1012]. В своей риторике феминистки с готовностью воспроизводили аргументы самых влиятельных идеологов ирландского национализма конца XIX – начала XX в. У. Йетса и Д. Хайда, которые видели четыре составляющих «ирландскости»: представление об ирландцах как о самом древнем народе, представление об этнической гомогенности ирландцев, представление о естественных границах, отделяющих ирландцев от других народов (весь кельтский остров – территория ирландцев) и, наконец, представление о том, что как особая нация ирландцы нуждаются в особой форме самоуправления [3, p. 410-411].

Существенно осложняла положение Ирландской женской лиги продолжающаяся активная деятельность Женского социально-

политического союза на территории Ирландии. Панкхерст считали своим долгом увеличивать здесь свое присутствие, так как справедливо полагали, что судьба любого законопроекта о реформе парламента зависит от голосов ирландской фракции в парламенте. Особенно не вдаваясь в нюансы местной политики и не смущаясь красноречивыми намеками ирландских феминисток, опасающихся чрезмерно воинственных выступлений суфражисток, лидеры Женского союза направляли в графства «Зеленого острова» своих агентов для организации запоминающихся акций. Самым ярким эпизодом стало «суфражистское сопровождение» визита премьер-министра Г. Асквита в Дублин летом 1912 г. Три суфражетки «отличились» знаменитым метанием топорика в сторону премьера, попыткой поджога Королевского театра, где должен был выступать Асквит, и картиной сметания агитаторш с крыши здания мощной струей воды из брандспойта. Эти события вызвали в Ирландии резко негативную реакцию и способствовали снижению доверия, и без того трудно завоевываемого, к ирландским феминисткам. Г. Асквит преподносил свой визит в Ирландию как знак одобрения идеи гомруля, которую либералы пытались воплотить. Поэтому нападения на премьер-министра расценивались как политические провокации, результатом которых станет ужесточение политики в отношении Ирландии. Когда в Дублин приехала Сильвия Панкхерст для выступления на митинге, эти настроения еще не утихли, и она позже записала: «Митинг в Феникс Парке, оказавшись далеким от выражения сочувствия женщинам-заключенным, был скорее страшным рыком враждебности» [5, p. 407].

Х. Ши Скиффингтон в своей переписке с К. Панкхерст пыталась отстоять интересы своей организации и женского движения в Ирландии в целом. Признавая заслуги Женского союза в общем деле мобилизации усилий феминисток, она подчеркивала особую ситуацию, в которой находились суфражистки Ирландии, и настаивала на признании автономного существования ирландских женских групп и необходимости координировать усилия активисток. Сдерживая раздражение, она писала харизматичному лидеру английских суфражисток: «В данных обстоятельствах было бы мудрее попытаться наладить сотрудничество с местной группой милитанток, как Вы это делали до сих пор, и что было очень полезно, чем расшвыривать силы милитанток и растрачивать их энергию, учреждая английскую милитантскую организацию» [7, p. 138]. Однако руководство Женского социально-

политического союза предпочитало не замечать этой напряженности и в своих ответах неизменно апеллировало к тезису о том, что «значение имеет личность, а не национальность» [Там же].

В целом деятельность ирландских суфражисток не была более успешной, но и не была более провальной, чем деятельность англичанок. Желанная цель равенства политических прав мужчин и женщин приблизилась с утверждением Закона о народном представительстве 1918 г., наделившего избирательным правом состоятельных жительниц Британии старше 30 лет. С образованием независимого государства в 1921 г. ирландские женщины вновь оказались перед необходимостью мобилизовать усилия, чтобы добиться более сбалансированного представительства интересов в политике. И в новых условиях идеи национализма оказались, по выражению американской исследовательницы М. Букур, «троянским конем», с помощью которого женщины сумели войти в цитадель гражданских прав [p. 86].

Библиографический список

1. Кон, Х. Идея национализма [Электронный ресурс] // Ab Imperio. - 2001. - № 3. Режим доступа: http://abimperio.net

2. Bucur, M. Between Liberal and Republican Citizenship. Feminism and Nationalism in Romania, 1880-1918 [Текст] // Aspasia. - 2007. - Vol. 1. - P. 84-102.

3. Kornprobst, M. Episteme, nation-builders and national identity: the re-construction of Irishness [Текст] // Nations and Nationalism. - 2005. - № 11 (3). - P. 403-421.

4. Murphy, C. Suffragists and Nationalism in Early-Twentieth-Century Ireland [Текст] // History of European Ideas. - 1993. - Vol. 16. - No. 4-6. - P. 1009-1015.

5. Pankhurst, S. The Suffragette Movement [Текст]. - London: Virago, 1977.

6. Votes for Women [Текст]. - 1910. - June 6.

7. Ward, M. Conflicting Interests: the British and Irish Suffrage Movements [Текст] // Feminist Review. - 1995. - No. 50. - P. 127-147.

УДК 94(5)

А. В. Литвинов

Младодвижения в странах Востока: сравнительный анализ

После Июльской революции 1930 г. во Франции по Европе прокатилась волна младодвижений – «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Ирландия», «Молодая Польша». Со второй половины XIX века появились также младочехи, младофинны, младолатыши и другие общества. Общими знаменателями всех этих движений являлись национализм, стремление к развитию экономики, культуры и образования своей страны, а главное - противопоставление молодости и новизны старым и косным консервативным политическим принципам. Во второй половине XIX –начале XX века стали возникать различные общественно-политические движения и в странах Востока, которые на Западе часто и не вполне точно стали называть по словообразовательной аналогии с европейскими. Так появились младотурки, младоэфиопы, младоалжирцы, младоафганцы и другие политические группы восточных интеллектуалов. Всего в европейских источниках с разной степенью интенсивности упоминается около 15 таких движений. Их европеизированные названия перешли и в историческую литературу, хотя восточные общественно-полити-ческие объединения молодых интеллектуалов в определенной степени отличались не только от западных, но и друг от друга. Как правило, младодвижения изучались по отдельности, поэтому их полной и подробной типологии до сих пор не создано. Безусловно, данная тема заслуживает более глубокого и тщательного изучения, но представляется целесообразным наметить основные направления исследования, проанализировать главные характерные особенности восточных младодвижений и состоятельность употребления принятых в исторической науке терминов для их обозначения.

Хронологически рамки развития младодвижений в странах Востока можно условно ограничить 1865-1943 гг. Первая дата связана с созданием в Султанской Турции «Общества новых османов», получившего в Европе наименование младоосманского, вслед за которым началось организационное оформление других общественно-политических движений, продолжавшееся вплоть до начала XX в. При этом предпри-

нимались первые попытки со стороны младодвижений захватить власть, такие как борьба вокруг Конституции 1876 г. в Османской империи или «Сто дней реформ» в Китае. Нижняя граница развития младодвижений связана с окончательным поражением в Северной Африке итало-немецких войск, после которого фактически распалась профашистская организация «Молодой Египет». В этом временном промежутке можно условно выделить две волны младореформаторства, когда целому ряду общественно-политических движений удалось прийти к власти в своих странах и начать проведение мероприятий модернизационного характера.

Первая волна 1905-1918 гг. совпадает с событиями, названными в советской историографии «Пробуждением Азии», которые связывались с Русской революцией 1905-1907 гг. Для развития младодвижений большее значение имело поражение России в войне с Японией, оказавшееся неожиданным для Западного мира. Так, после русско-японской войны даже образованные младоэфиопы, ответственные за внешние сношения и входившие в состав Абиссинско-Европейского комитета по закупкам оружия, верили, «будто русских так много убили на войне, что они теперь стали маленьким народом» [1, с. 17]. Япония, сумевшая благодаря реставрации Мэйдзи усвоить западные достижения, сохранить свою независимость и нанести поражение Европе, всегда вызывала уважение, пристальный интерес и желание использовать ее опыт у всех интеллектуалов Востока. Под этим углом стоит рассматривать деятельность младодвижений первой волны. Подобно лидерам Мэйдзи, пришедшим к власти под предлогом свержения незаконного правления Сегуна, младотурки и младоперсы захватили власть в борьбе против деспотии Абдул Хамида II и Мохаммеда Али-шаха соответственно. Против деспотии боролись и младохивинцы, младобухарцы и другие общества. В странах, находящихся в колониальной или полуколониальной зависимости, младоегиптянам, младотунисцам и другим младодвижениям не удалось прийти к власти, но они заметно усилили свою активность. Первая волна младодвижений постепенно пошла на убыль после поражения центральных держав в Первой мировой войне. Младотурецкий комитет самораспустился, младоперсы потеряли влияние в результате оккупации страны англичанами, младохивинцы и младобухарцы раскололись, в колониях начались запреты, разгромы или притеснения мла-

дотунисского, младобирманского, младоалжирского и других движений.

Вторая волна всплеска активности младодвижений 1919-1936 гг. связана с реформами младоафганцев и младоэфиопов, которые пришли к власти с помощью военных переворотов (формально младоэфиопы уже участвовали в перевороте 1916 г. против императора Иясу V, но им потребовалось еще некоторое время, чтобы отмежеваться от так называемых староэфиопов). На этом этапе помимо японского и европейского большое влияние на младореформаторов приобрел также турецкий опыт проведения модернизации М. Кемаля. Однако и вторая волна младодвижений закончилась их политическим поражением. В 1929 г. произошел переворот в Афганистане, а в 1936 г. Италия провозгласила Эфиопию своей колонией. Безусловно, после поражений многие деятели как первой, так и второй волны младодвижений продолжали свою работу в эмиграции, как, например, лидер младоафганцев М. Тарзи или глава младотурецкого правительства Энвер-паша, но они уже не играли значительной роли в истории своей страны или пересматривали свои взгляды. Так, вернувшийся в 1941 г. в Эфиопию бывший лидер младоэфиопов император Хайле Селассие I довольно быстро занял довольно консервативные позиции, и такой же консервативный поворот претерпели его бывшие сподвижники. Таким образом, можно утверждать, что с 1930-х гг. младодвижения постепенно пошли на спад и уступили место иным политическим силам. Попытка профашистских младоегиптян накануне и в годы Второй мировой войны укрепить свое положение с помощью Германии уже заранее была обречена на провал в случае победы любой из сторон из-за нацистской идеологии Гитлера.

Таким образом, условно можно выделить три этапа развития младодвижений с точки зрения их практики:

1. 1865-1905 – зарождение и организационное оформление младодвижений, использование ими в основном легальных методов борьбы: организации митингов, подачи петиций, издания резолюций, агитации в прессе, участия в выборах, создания школ и кружков.

2. 1905-1918 – переход большей части младодвижений к насильственным методам захвата власти, первые попытки государственных модернизационных мероприятий в Османской империи и Персии с использованием европейского и японского опыта. Ориентация младодвижений на политику младотурок.

3. 1919-1943 – второй этап проведения реформаторских мероприятий модернизационного характера в Афганистане и Эфиопии. Ориентация младодвижений на Японию и Кемалистскую Турцию. Стоит, однако, отметить, что программы реформ младоафганского и младоэфиопского движений сформировались в конце XIX – начале XX века и имели сходные с младотурецкими, младоперсидскими и иными движениями идеологические предпосылки, поэтому данный этап выделяется только с точки зрения практической реализации с учетом изменившейся международной обстановки.

Сходными для младодвижений Востока являлись также условия и причины их зарождения. Все они возникали в традиционных восточных обществах, находящихся под все более усиливающимся влиянием Запада, что приводило к разного рода кризисам и возрастанию зависимости страны, сдвигам социальной структуры. Младодвижения были своего рода одним из ответов Востока на вызов западной цивилизации. При этом для их возникновения ведущим было не экономическое или политическое, а культурное влияние Запада. Для осуществления контактов с западным обществом или противодействия им потребовалось образование нового современного типа, которое привело к двум основным результатам: обучению квалифицированных кадров для растущей бюрократии и распространению стремления к переменам, порождая чиновников и интеллектуалов. Большинство деятелей младодвижений получали такое образование добровольно или вынужденно, находясь в эмиграции на Западе, а также в учебных заведениях европейского типа в своей стране, и, как правило, не сумев пробиться в чиновники, попадали в разряд интеллектуалов. Они выступали за ряд реформ, чтобы придать новое социально-экономическое и политическое содержание сохранившейся независимости государства или добиться ее в колониальных странах. Молодые интеллектуалы рассматривали образование также как средство обеспечить себе достойную жизнь, однако знания представляли для них еще и самодостаточную ценность, цель, к которой следует стремиться. Но лидеры младодвижений не могли найти применения своим знаниям на родине, поскольку все важнейшие посты в государстве занимали представители традиционной элиты или приспособленцы к существующим колониальным или абсолютистским режимам. Они могли становиться чиновниками низшего и среднего ранга, но путь наверх по различным причинам им был закрыт. Таким образом,

они попадали в разряд контрэлиты, т. е. людей, не уступающих или даже превосходящих тех, кто находился у власти, но в силу социальных барьеров не имеющих доступа к принятию важнейших политических решений.

Сила сопротивления традиционалистов молодым интеллектуалам была велика, но они действовали с помощью административного ресурса, не прибегая к помощи печатного слова. Стремления же реформаторов в силу образования выражались прежде всего литературно; именно литература стала их первоначальным орудием идеологической борьбы. Люди в невиданном для традиционного общества количестве стали читать, писать, одушевляемые идеями, которые им давало новое образование. Молодые интеллектуалы, упоенные недавно полученными западными знаниями, в которых они видели панацею от всех бед, умудрялись не замечать того обстоятельства, что знания эти дают действительно впечатляющие результаты, но только в странах, их породивших. В традиционных же обществах эти знания практического применения найти не могли. Европейские выученики, сталкиваясь с неудачами, веры в просвещение, тем не менее, не теряли и тогда обвиняли в неуспехе всех – и своекорыстных чиновников, и невежественный народ, и консервативное духовенство, отзываясь о них весьма нелестно. Они могли сделать одно исключение – для монарха или главы колониальной администрации, через которого надеялись осуществить свои реформы очень просто – с помощью указа – и получить при нем высокое и заслуженное положение. Собственно, таким «просвещенным правителям» младореформаторы собирались быть отнюдь не слугами, а учителями, и преданы были не столько им, сколько своим идеям. Идеи же их часто оказывались весьма непрактичными в реальной обстановке их родной страны, да и самим монархам или колониальным администраторам не очень нравилось такое понимание преданности. Поэтому, если политическая власть не предпринимала усилий приблизить их к себе, они уходили в оппозицию, с разным успехом переходя к насильственным методам борьбы. Приходя к власти, младодвижения начинали осуществлять свои преобразования без учета реалий традиционного общества, мнения консервативной части населения, и это было главной причиной их политического поражения.

Таким образом, терминологическое толкование данных движений должно осуществляться с учетом культурного содержания, а не

только экономического и политического. Необходимо проанализировать термины, употребляемые в исторической литературе по отношению к младодвижениям.

Наиболее распространенным является термин «буржуазные националисты», но он отчасти противоречит сущности этих движений. В частности, далеко не все эти движения стояли на позициях национализма. Так, младотурки придерживались пантюркизма, т. е. объединения не по национальному, а по языковому признаку. Младоэфиопы были скорее регионалистами, т. е. защищали интересы отдельных регионов своей страны, а не эфиопской нации в целом. Младоалжирцы выступали за получение своими соотечественниками прав французских граждан даже ценой отказа от ислама и арабской культуры. Поскольку главную роль в программах младодвижений и в их первостепенной политической деятельности играли не экономические, а политические и культурные реформы, которые сами собой должны были разрешить экономические проблемы, нельзя назвать этих интеллектуалов и «буржуазными». К тому же социальную базу данных движений составляла в большей степени армия и интеллигенция, а отнюдь не буржуазия, которая во многих странах Востока была либо небольшой в количественном отношении (Эфиопия, Афганистан), либо она была в значительной степени инонациональной (Турция, Персия, колониальные страны).

Более точным по отношению к младодвижениям представляется термин «просветительские движения», предложенный группой советских ученых еще в 1960-е годы [2], поскольку развитие образования и просвещения было одним из ключевых пунктов программ молодых интеллектуалов. Но данный термин не отражает отличия младодвижений от других политических сил, ратовавших за просвещение своего народа, например, от революционно-демократических движений.

Сам термин «младодвижения», созданный по аналогии с европейским, отражает культурный взгляд на эти движений в западных источниках и не отображает их сущности, поскольку они развивались в иных исторических условиях, чем «Молодая Италия», «Молодая Германия» и др.

Таким образом, наиболее подходящим термином для обозначения младодвижений в странах Востока представляется «конституционно-монархические движения интеллектуальной контрэлиты». Первая часть данного термина отражает их общую политическую и культурную

программы, а вторая - условия зарождения и позицию в обществе до прихода к власти.

Библиографический список

1. Кохановский, А. Император Менелик II и современная Абиссиния [Текст] : доклад министру иностранных дел С. Д. Сазонову / А. Кохановский – СПб. : [б. и.], 1913. – 45 с.

2. Просветительство в литературах Востока [Текст] : труды межвузовской научной конференции по истории литератур зарубежного Востока. – М. : Изд-во Московского университета, 1973. – 126 с.

УДК 94(430)

А. М. Ермаков

Маскулинность и гендерные роли мужчины в мировоззрении Гитлера

Национал-социалисты называли свою партию мужским союзом, а современные исследователи утверждают, что Третий рейх был государством мужчин. Гитлер, возглавлявший эту партию и это государство, считался идеалом мужественности. Он располагал такой властью, что его указания, даже сделанные мимоходом, становились для партийных и государственных чиновников руководством к действию. Еще в 1924 г., не будучи фюрером и рейхсканцлером, а являясь узником Ландсбергской тюрьмы, Гитлер выдавал свои собственные представления, в том числе и гендерные, за официальные государственные приоритеты: государство «видит идеал человечества не в благопристойном обывателе и не в добродетельной старой деве, а в упрямом воплощении мужской силы и в женщинах, которые в состоянии снова производить на свет мужчин» [5, S. 455].

После прихода национал-социалистов к власти представления Гитлера о мужественности и гендерных ролях мужчины стали в Германии доминантными. Взгляды будущего нацистского вождя, «гранитный фундамент» его действий, сформировались, в основном, в 1909-1913 гг., когда Гитлер жил в столице австро-венгерской монархии Вене. По мнению немецкого историка Иоахима Феста, на фюрера сильно повлияло

мужское общежитие, в котором он длительное время проживал. На всех остальных этапах его жизни, где бы он ни находился, «постоянно казалось, что Гитлер воспроизводит образ жизни мужского общежития, знавший одни лишь отрешенные формы совместного проживания и довольно точно отвечавший его представлению о человеческих связях вообще» [4, с. 91].

Сконструированные нацистским вождем «мир женщины» и «мир мужчины» охватывали сферу профессиональной деятельности. Сугубо мужской считал Гитлер солдатскую профессию. «Мне было бы стыдно быть немецким мужчиной, если бы когда-либо в случае войны хотя бы одна женщина была вынуждена пойти на фронт. У женщины есть свое собственное поле боя: каждым ребенком, которого она производит на свет для нации, она ведет борьбу за эту нацию», - заявил он на партийном съезде 1935 г. [10, S. 127] На следующем съезде НСДАП нацистский вождь поклялся, что «пока у нас есть здоровое поколение мужчин, а об этом мы, национал-социалисты, позаботимся, в Германии не будут формироваться никакие подразделения гранатометчиц и женщин-снайперов, ведь это не равноправие, а ущемление прав женщины» [6, S. 167].

Нацистский вождь разделял распространенное с XIX в. представление о солдате как о воплощении мужественности. Настоящего солдата, писал Гитлер, характеризуют сознание своей физической силы и ловкости. Оно «пробуждает ощущение собственного мужества, наступательный дух» [5, S. 456]. В будущем государстве, фантазировал Гитлер в 1924 г., солдата будут обучать не только маршировке и обращению с оружием. Армия станет «высшей школой патриотического воспитания». Вершина же военного воспитания - превращение мальчика в мужчину. Новобранец, будущий мужчина, «должен научиться не только повиноваться, но и приобрести предпосылки для того, чтобы в будущем отдавать приказы. Он должен научиться молчать не только тогда, когда его порицают справедливо, но и молча сносить несправедливость. Он должен упрочить свою веру в собственную силу, воспитать свой корпоративный дух, воспитать в себе глубокое убеждение в непобедимости собственной нации» [5, S. 459]. По-видимому, фюрер считал, что в Третьем рейхе эта цель была достигнута. На партийном съезде 1938 г. он заявил военнослужащим вермахта: «За эти два года вы стали не только солдатами, а прежде всего

мужчинами. Мужчинами, которыми нация может гордиться с полным на то основанием» [7, S. 77].

Как исключительную прерогативу мужчин Гитлер рассматривал политическую деятельность. Часто, рассуждая о политике, нацистский вождь заменял слово «человек» (Mensch) словом «мужчина» (Mann), поскольку женщина в политике для него была немыслима. Гитлер был убежден, что «мужчина, за исключением случаев исключительной одаренности, должен принимать участие в политической жизни не раньше 30-летнего возраста», потому что «до этого момента происходит формирование общей платформы, исходя из которой он проверяет различные политические проблемы и окончательно формирует собственную позицию». И только потом «внутренне созревший мужчина должен или может принять участие в политическом руководстве обществом» [5, S. 71].

Членство в нацистской партии было для Гитлера синонимом мужественности. В 1934 г., вспоминая о «периоде борьбы», он говорил о своей партии как о нескольких сотнях дисциплинированных мужчин. Отождествление НСДАП с мужским началом проявлялось и в том, что партийцев Гитлер нередко называл «политическим солдатами», «солдатами национал-социалистического освободительного движения» или «солдатами собственного народа». На съезде НСДАП 1936 г. он заявил тысячам партийных руководителей, которых, опять-таки по аналогии с армией, часто называл «политическими офицерами»: «Быть национал-социалистом – значит быть мужчиной, значит быть бойцом, значит быть храбрым, мужественным и самоотверженным» [8, S. 47]. Сама партия наделялась Гитлером такими «мужскими» добродетелями, как «гордое мужество», героизм и храбрость [10, S. 87].

Не только мужчины, но и женщины, состоявшие в НСДАП, наделялись чертами маскулиности. Именно на этих условиях фюрер допускал их в «мужской союз». В 1936 г. Гитлер назвал свою партию «не имеющей себе равных семьей сражающихся мужчин и храбрых женщин» [8, S. 58]. Тот же прием применялся повсюду, где женщины действовали наравне с мужчинами или выполняли «мужские» функции. Например, «храбрые женщины», как прозвучало в речи Гитлера 24 февраля 1935 г. вместе с «храбрыми мушкетерами и гренадерами» во время

Первой мировой войны четыре с половиной года голодали, «храбро и верно» защищали родину [10, S. 77].

В этой связи понятно, почему на съездах вместо привычного обращения «уважаемые дамы и господа» из уст Гитлера звучало: «товарищи и товарки по партии! национал-социалисты!» или «национал-социалисты и национал-социалистки». Нередко, если аудитория слушателей состояла из одних мужчин, фюрер вербально подчеркивал это. Например, выступления перед партийными руководителями на съездах НСДАП открывались словами «мои товарищи по партии! мужчины национал-социалистического движения!», а речи, обращенные к членам штурмовых и охранных отрядов, Национал-социалистического корпуса автомобилистов, - обращением «мужчины боевых национал-социалистических организаций». Гендерная принадлежность слушателей подчеркивалась и в речах вождя перед законодательным корпусом, из которого после прихода национал-социалистов к власти женщины исчезли. «Депутаты! Мужчины Германского рейхстага», - так начинал свои выступления Гитлер. Он лично запретил давней участнице НСДАП Матильде фон Кемниц выдвигать свою кандидатуру на выборы в рейхстаг. Вождь считал, что 99% вопросов, обсуждаемых в рейхстаге, - это мужские проблемы, в которых Кемниц ничего не понимает. Выступления и воззвания Гитлера, адресованные населению в целом, тоже чаще всего начинались с обращения к мужчинам: «Соотечественники и соотечественницы». Нацистский лидер говорил так преднамеренно и пояснил такое словоупотребление в речи в Национальном клубе в Гамбурге 28 февраля 1926 г.: «Политическое собрание нельзя открывать словами “Уважаемые дамы и господа”. Сперва идут мужчины и только потом женщины. Меньше всего это действует на самих женщин» [2, с. 248].

Вождь национал-социалистов не представлял себе политической борьбы без насилия, без усмирения любого противника «силой кулака» [10, S. 78]. Поэтому штурмовые отряды НСДАП состояли исключительно из мужчин, частично из армейских сослуживцев фюрера, частично - «из молодых партийных товарищей» [5, S. 550]. Немало страниц книги «Моя борьба» посвящено дракам штурмовиков с «красными» в цирке «Кроне» в Мюнхене в начале 1921 г. и «походу в Кобург» в октябре 1922 г. Не раз упоминаются автором книги и резиновые дубинки, которые пускали в ход как сами национал-социалисты, так и их полити-

ческие оппоненты. Разумеется, при такой постановке вопроса о политической борьбе женщинам в политике было не место, синонимом слова «политик» или «партиец» становилось слово «мужчина».

Другие профессии глава Третьего рейха, напротив, рассматривал как недостойные мужчин. В январе 1935 г. по его указанию в Германии была запрещена профессия жиголо, а в феврале 1938 г. Гитлер пожелал заменить во всех ресторанах мужчин-официантов женщинами. По его мнению, «работа официанта не является настоящей мужской работой, а скорее работой для женщин и девушек» [9, S. 75]. Не мужской, а исключительно женской нацистский фюрер считал профессию школьного учителя. Имперский шеф прессы Отто Дитрих вспоминал, что «предубеждение к учителям, за исключением учителя истории, он сохранил на всю жизнь, и оно нередко прорывалось наружу. Свою нелюбовь к этой профессии он проявил, заявив, что мужчины не должны работать учителями, а на педагогическом поприще следует трудиться только женщинам. Позже он намеревался попробовать претворить эту идею в жизнь» [1, S. 143]. Гитлер не раз поражался тому, «как эти учителя народных школ вообще были в состоянии каждый год повторять своим ученикам одно и то же. Для этого подходят одни лишь женщины благодаря своим физическим данным и психологическому складу» [3, с. 201-202].

После прихода нацистов к власти фюрер и рейхсканцлер навязал свои представления о воспитании «настоящего мужчины» всей немецкой молодежи. На партийном съезде 1935 г., выступая перед 54 тысячами членов ГЮ, он заявил: «Представления нашего народа об идеале мужчины не всегда были одинаковыми. Сегодня мы с радостью не считаем таковым человека, который может выпить много пива и алкоголя, а закаленного молодого мужчину, крепкого молодого мужчину. Ведь важно не то, сколько стаканов пива он может выпить, а то, сколько ударов он может выдержать, не то, сколько ночей подряд он может прокутить, а сколько километров он может пройти маршем. Сегодня мы видим идеал немецкого народа в здоровых и подтянутых мужчинах и девушках». Заимствуя, как ему казалось, удачные, сравнения из «Моей борьбы», Гитлер продолжал: «В наших глазах будущий немецкий юноша должен быть стройным и гибким, проворным как борзая, твердым как кожа и жестким как крупповская сталь. Мы

должны воспитать нового человека, чтобы наш народ не погиб, став жертвой дегенерации» [10, S. 135].

В результате «систематического» и «планомерного» государственного воспитания юноша должен был обладать такими качествами, как чувство ответственности, готовность мужественно отстаивать свое мнение, сила воли и решимость к действию, преданность, верность, готовность к самопожертвованию, умение молчать. Многие из них неоднократно упомянуты в книге «Моя борьба» как желаемые результаты воспитания. Гитлер считал их отличительными чертами мужчин «великого военного поколения» – старших братьев и отцов нынешних юношей [8, S. 51]. «Такой же важной задачей воспитания является - систематически отучивать от слезливых жалоб, от вечного хныканья и т. д. Наша школа должна воспитывать детей в той мысли, что надо уметь, когда приходится, молча переносить и страдания и справедливые удары». Кроме того, молодой человек должен был покидать школу «не полупацифистом, демократом и т.п., а настоящим немцем», обладающим «инстинктивным чувством расы», понимающим «принципиальную важность расовой проблемы» и готовым «сделать все необходимое для сохранения чистоты расы» [5, S. 461-462, 474-476].

Патриархатные взгляды нацистского вождя прослеживаются и в его представлениях о внешнем облике настоящего мужчины и проявлениях мужественности. Как известно, самыми прекрасными образцами германского искусства он считал стилизованные под античность статуи Арно Брекера «Вермахт» и «Партия», изображавшие эти институты в виде мускулистых обнаженных мужчин. «Обнаженное мужское тело выдвигалось в качестве политического символа, - пишет американский историк Джордж Моссе. – Нацисты устанавливали подобные идеализированные статуи именно на общественных зданиях… Мужские тела в своей наготе стали символами фашизма» [2, S. 242].

Однако в реальной жизни немцы носили одежду, а у фюрера были свои представления о ней. Ему было «просто жалко смотреть, как наша молодежь становится жертвой безумия, связанного с модой… Одежда должна служить делу воспитания молодежи. Тот юноша, который летом расхаживает в длинных штанах, закутанный до шеи, уже из-за такой одежды теряет стимул для своей физической закалки. Ведь нужно воспитывать самолюбие и, скажем прямо, желание

нравиться. Не желание нравиться благодаря красивой одежде, какую не всякий может купить, а желание нравиться благодаря красивому телу, хорошим формам, чего при желании может добиться каждый, - утверждал Гитлер и сразу же связывал представления об одежде со своими сексуальными и расовыми представлениями. - Если бы вопрос о красивом теле не был сейчас благодаря дурацким модам отодвинут на самое последнее место, то кривоногие истасканные еврейчики не могли бы свести с правильного пути сотни тысяч наших немецких девушек. Нация заинтересована в том, чтобы в брак вступали люди с красивыми телами, ибо только это способно обеспечить нашему народу действительно красивое потомство» [5, S. 457-458]. В Третьем рейхе, объявил фюрер участникам Гитлерюгенда на партийном съезде 1936 г., «возник новый тип красоты. Образцом нашего времени больше не является растолстевший от пива обыватель, а стройный, гибкий юноша, который твердо стоит на этой земле, широко расставив ноги, который здоров телом и духом» [8, S. 50-51].

Проведенный анализ источников личного происхождения и официальных публичных выступлений Гитлера позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, взгляды Гитлера на маскулинность и гендерные роли мужчины сформировались под влиянием идей, которые доминировали в XIX столетии. Общественными институтами, где он прошел социализацию, были, наряду с семьей и школой, такие сугубо мужские коллективы, как общежитие в Вене и германская армия. Гитлер не мыслил себе иного порядка вещей, нежели патриархатный, когда мужчина господствует над женщиной во всех сферах жизни, включая приватную. Представления о нацистского вождя о мужественности и месте мужчины в политике, обществе, экономике, семье разделялись значительной частью его современников и современниц – той частью, которая не принимала лозунги феминистского движения и с тревогой наблюдала за модернизационными процессами. После прихода национал-социалистов к власти это обстоятельство облегчило фюреру и рейхсканцлеру проведение политики, шедшей вразрез с тенденциями развития общества и сводившейся к укреплению патриархатного господства.

Во-вторых, гитлеровская картина мира предусматривала четкое распределение гендерных ролей, когда на долю мужчины прихо-

дились политическая и управленческая деятельность, производительный труд во всех секторах экономики, а на долю женщины – домоводство, материнство и работа в сельском хозяйстве. Эта картина существенно отличалась от реальной жизни Германии 1920-1940-х гг., когда границы между «мужскими» и «женскими» обязанностями стали более расплывчатыми ввиду массового проникновения женщин в промышленное производство, ввиду их появления на политической арене в качестве избирательниц, членов различных партий и депутатов, ввиду получения ими высшего и среднего профессионального образования и занятия должностей в сфере государственного управления, образования, юриспруденции, здравоохранения в соответствии с полученными специальностями. Нацистский вождь решительно выступил против этой «феминизации» и, используя свою власть фюрера и рейхсканцлера, постарался ужесточить профессиональную сегрегацию по признаку пола.

В-третьих, представления Гитлера о мужественности и гендерных ролях мужчины органично вписывались в систему его идей и взаимодействовали с такими элементами этой системы, как расизм и антисемитизм, презрение к образованности и интеллектуалам, преклонение перед войной и насилием вообще как доминантами отношений между людьми. В борьбе рас, которая является двигателем развития человечества и ведется с помощью насилия и войн, роль субъекта действий он отводил мужчинам – не обремененным «излишними» знаниями, но физически сильным, смелым, готовым пойти на любые жертвы, умеющим наносить и переносить удары, повиноваться приказам и отдавать приказы, обладающим хорошо развитым «расовым чувством». Самые мужественные, идеальные мужчины, по представлениям фюрера, - именно те, которые находятся на острие этой борьбы и олицетворяют эти качества, то есть солдаты и политики. Мужчина-политик властвует над массой, которая отличается «женскими» чертами и, следовательно, склонна к подчинению. Так патриархатная гендерная идеология использовалась нацистским лидером для обоснования антидемократических форм политического господства.

В-четвертых, глава нацистской партии и государства не смог полностью остановить и повернуть вспять объективные тенденции развития общества, изменявшие традиционные представления о распределении гендерных ролей. Более того, его идеология испытала

влияние модернизации. Перемены, происходившие в Германии в период закладки «гранитного фундамента» гитлеровского мировоззрения, не могли не оказать на него влияния. Фюрер, не задумываясь, считал недавно получившую широкое распространение профессию секретарши не мужской, а именно женской. Как подходящую скорее для женщин, чем для мужчин, он рассматривал и работу учителя народной школы. Между тем учительская профессия еще не стала в основном женской, и Гитлер видел даже не результат, а только процесс роста доли женщин среди учителей. Эти отступления от партиархатных основ гитлеровской картины мира касались, однако, только его взглядов на распределение гендерных ролей, но не представлений о мужественности и женственности. Работа в народной школе считалась женской именно потому, что там якобы не требовалось развитого «мужского» интеллекта. В других случаях, когда действия женщин в «мужской» сфере нельзя было проигнорировать или запретить, нацистский вождь наделял женщин «мужскими» качествами.

Библиографический список

1. Дитрих, О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933-1945. [Текст] / Отто Дитрих - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 255 с.

2. Кох-Хиллебрехт, М. Homo Гитлер: психограмма диктатора [Текст] / Манфред Кох-Хиллебрехт - Минск.: ООО «Попурри», 2003. – 416 с.

3. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера. [Текст] / Генри Пикер. - Смоленск: Фирма «Русич», 1993. – 496 с.

4. Фест, И. Гитлер. Биография [Текст] Т. 1. / Иоахим Фест. – Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. – 368 с.

5. Hitler A. Mein Kampf. [Text] 620. Aufl. / Adolf Hitler - München: Zentralverlag der NSDAP, Franz Eher Nachf., - 1942. – 782 S.

6. Der Parteitag der Ehre vom 8. bis 14. September 1936. [Text] Offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Kongreßreden. - München: Zentral Verlag der NSDAP, Franz Eher Nachf., 1936. - 309 S.

7. Reden des Führers am Parteiteg der Arbeit 1937. [Text] - München: Zentral Verlag der NSDAP, Franz Eher Nachf., 1938. – 104 S.

8. Reden des Führers am Parteiteg der Ehre 1936. [Text] 4. Aufl. - München: Zentral Verlag der NSDAP, Franz Eher Nachf., 1936. – 80 S.

9. Schneider W. Frauen unterm Hakenkreuz. [Text] / Wolfgang Schneider -Hamburg: Hoffmann und C., 2001. – 240 S.

10. Siebarth W. Hitlers Wollen. Nach Kernsätzen aus seinen Schriften und Reden. [Text] 6. Aufl. / Wolfgang Siebarth - München: Zentral Verlag der NSDAP, Franz Eher Nachf., 1939. – 320 S.

УДК 94(430)

Е. В. Зорина

Благотворительность в третьем рейхе: цели и принципы

Развитая социальная политика являлась характерным атрибутом политической культуры немецкого государства задолго до установления нацистского режима. Придя к власти, национал-социалисты не только не прервали существующие традиции социального вспомоществования, но и значительно расширили их, проводя новые, беспрецедентные на тот период времени социальные мероприятия. В настоящее время отечественные исследователи довольно активно обращаются к теме социальной истории нацистской Германии, так как, во-первых, работы советских авторов по понятным причинам не могут претендовать на объективность, во-вторых, с появлением такой категории, как «новая социальная история», значительно расширился тематический спектр исторических исследований. В данной статье рассматриваются цели и принципы благотворительной деятельности гитлеровского правительства.

Благотворительные организации существовали в Германии и в период Веймарской республики: «Внутренняя миссия», «Немецкий благотворительный союз», «Красный крест» и т. д., большинство из них имело конфессиональный характер. Собственная система вспомоществования была создана и внутри НСДАП, но действовала она преимущественно в столице, и помощь ее в тот период распространялась в основном на членов гитлеровской партии и ее штурмовых отрядов (СА). С приходом к власти фашистов ненацистские организации были либо распущены, либо унифицированы и постепенно перешли

под контроль НСДАП. Унификация затронула и благотворительные союзы, причем дольше других сохраняли автономию религиозные благотворительные организации, но со временем и они прекратили свое существование.

В период гитлеровского режима благотворительная деятельность находилась под жестким контролем государства. В 1933 г. была создана Национал-социалистическая благотворительная организация (НСВ), вскоре получившая статус дочерней организации НСДАП. Руководителем ее назначили Эриха Хильгенфельда, куратором же стал сам министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс. Благодаря усилиям Э. Хильгенфельда деятельность нацистской благотворительной организации приобрела поистине государственные масштабы. К ее задачам относились оказание помощи чистокровным немцам, испытывающим временные экономические затруднения, попечительство над здоровьем немецкого народа, помощь женщинам во время беременности и после родов, а также зимняя помощь малоимущим слоям населения. В формулировке Э. Хильгенфельда это звучало так: «Главной задачей НСВ должно стать вспомоществование всем здоровым силам нации и служба на благо здоровья нации» [5, с. 119].

Руководство НСВ размещалось в Берлине в отдельном здании и включало в себя шесть управлений: организационное, финансовое, помощь молодежи, здравоохранение, пропаганда, образование. Внутри организации был введен жесткий командный стиль и выстроена следующая вертикаль власти: руководящий орган НСВ – региональный – окружной – районный – городской – первичная организация. Вступить в организацию мог любой гражданин, достигший 21-летнего возраста, имеющий «арийское» происхождение и национал-социалистические взгляды. В июле 1933 г. всем членам НСДАП было приказано вступить в НСВ, и к 1939 г. ее численность составила 12,5 млн. человек, то есть 15 % населения страны

Исходя из задач, поставленных перед НСВ, работа велась в нескольких направлениях. Вот перечень некоторых подразделений и учреждений, входивших в сферу ее компетенции: организация «Мать и дитя», помощь подросткам, организация помощи на вокзалах, продовольственная помощь, организация помощи больным туберкулезом и стоматологическая помощь, помощь деятелям изобразительного искусства, зимняя помощь (ВХВ). Наиболее широко была развернута

работа в рамках отделов «Мать и дитя» и «Зимняя помощь». НСВ поддерживала «полноценных» с расовой точки зрения беременных женщин и матерей, финансируя расходы на роды и кормление новорожденного, создавая детские сады, устраивая проведение каникул, оказывая помощь в трудоустройстве и т.д. [2, с.41-42]. Эти задачи выполнялись в основном силами участниц Национал-социалистической женской организации (НСФ), деятельность которой также была сосредоточена в основном на социальной и благотворительной работе [3, с. 160-177].

Организация «Зимняя помощь» имела особое положение в сфере социальной политики нацистского режима. Об этом свидетельствует тот факт, что ее деятельности уделялось внимание на самом высоком правительственном уровне. Так, ежегодно начало кампаний по сбору средств в фонд «Зимней помощи», посредством радиообращений к нации, открывал сам А. Гитлер. Кроме того, он лично принимал участие в таком мероприятии, как «день одного блюда», когда во второе воскресенье каждого зимнего месяца обед немцев дома, в столовых или ресторанах должен был состоять только из одного блюда, а сэкономленные таким образом средства жертвовались в ВХВ [6, S. 58]. Фонд «Зимней помощи» пополнялся за счет фактически узаконенных вычетов из заработной платы трудящихся, поборов, которыми облагались частные фирмы, за счет уличных акций по сбору средств, а также за счет вещевых пожертвований. Кроме того, значительными были средства, поступавшие от продажи почтовых марок, открыток и значков «Зимней помощи», а также от проведения лотерей. В целом благотворительные сборы достигали многомиллионных сумм, однако помощь нуждавшимся гражданам редко имела денежное выражение. В основном это были услуги различного характера, организация бесплатных обедов, раздача вещей, топлива для обогрева жилья.

Отметим, что благотворительной помощью НСВ пользовались только «полноценные» немцы, а «расово чуждые элементы» не могли рассчитывать на подобную заботу со стороны государства, несмотря на то, что от внесения пожертвований они не были отстранены. Не обеспечивались помощью и лица, имеющие наследственные заболевания. Помощь таким людям считалась «бесперспективной», а расходы на нее – «неоправданным расточительством народного имущества» [4, с. 462]. НСВ отказывала в заботе жизненно слабым, неполноценным

соотечественникам, так как в соответствии с официальными установками поддержки заслуживали только безупречные в физическом и умственном отношении люди, которым предстояло генетическим путем передать эти качества своему потомству и тем самым способствовать «укреплению силы народа» [4, с. 462]. Таким образом, в основе нацистской благотворительной деятельности, как и в основе всей социальной политики Третьего рейха, лежал расово-биологический принцип.

Значение деятельности НСВ выходило за рамки собственно благотворительности. Проводимая работа имела целый ряд целей, более масштабных, чем просто забота о нуждающихся соотечественниках. С помощью благотворительной деятельности успешно решались важные социальные задачи: сплочение нации, снятие социальной напряженности, создание у людей ощущения заботы со стороны государства, воспитание чувства сопричастности к жизни страны и жертвенности на благо соотечественников. Эти стремления нацистов имели успех, и НСВ часто «олицетворяла совесть нации; она творила добро в чрезвычайно эффективной и эффектной форме и в невиданных ранее масштабах. Если и можно говорить о реализации декларированного нацистами лозунга о создании "национальной общности", то в наибольших масштабах это происходило в рамках НСВ» [5, с. 121].

Большое значение имел пропагандистский аспект благотворительной деятельности. Все благотворительные акции и кампании отмечались средствами массовой информации. В качестве наглядной агитации выпускались плакаты, рекламировавшие деятельность НСВ и ВХВ, с призывами: «Здоровье народа, народное общество, защита ребенка, защита матери, борьба с бедностью, помощь путешественникам. Все это цели НСВ. Присоединяйтесь», «Никто не должен голодать, никто не должен мерзнуть», «Не трать. Жертвуй» и т.д. Благодаря массированной и хорошо спланированной пропаганде широко освещались все мероприятия, предпринимаемые государством для народного блага, что приводило к популяризации нацизма в стране.

Деятельность НСВ имела также немаловажное экономическое значение. Исследователи отмечают особую роль этой организации в экономике, так как она являлась основным покупателем угля, текстиля и обуви, закупала излишки урожая, курировала рыбообрабатывающую промышленность [4, с. 481–482]. Кроме того, НСВ являлась еще и

крупным работодателем, что было особенно актуально в период массовой безработицы в Германии.

Конечно, понятие благотворительности у нацистов отличалось от современных трактовок, большинство которых особо подчеркивают принципы добровольности и бескорыстия со стороны жертвователей. Именно эти принципы часто нарушались при осуществлении благотворительных мероприятий в Третьем рейхе. Добровольные взносы в благотворительные фонды со временем превратились в добровольно-принудительные, а своеобразную корысть можно усмотреть в желании людей показать лояльность режиму по тем или иным причинам либо просто в желании не попасть в «черные» списки с фамилиями тех, кто отказывался принимать участие в пожертвованиях и не подвергнуться общественному порицанию. Так же, с современной точки зрения, не может расцениваться как благотворительная такая деятельность, цель которой – расширение властных полномочий или увеличение влияния на общество [1, с. 9].

Таким образом, основу благотворительной политики национал-социалистов составляли расово-генетические принципы, противоречащие общепринятым человеческим ценностям, а одной из основных целей была пропаганда нацистского режима среди населения. Особенностью можно назвать и масштабы благотворительности, в которой так или иначе было задействовано буквально все население страны. Помимо своих прямых обязанностей благотворительная помощь населению выполняла и социальные, и политические, и экономические функции, т.е. вторгалась во все основные сферы государственной деятельности. И все же дать однозначно негативную оценку системе нацистского социального вспомоществования нельзя, так как невозможно отрицать его реальной помощи миллионам нуждающихся людей.

Библиографический список

1. Горбань, С. В. Благотворительность в современной России: законодательство, методология, практика [Текст] / С.В. Горбань. – Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2003. – 256 с.

2. Бок, Г. Женщины и фашизм. Нацистская гендерная политика и женская история [Текст] / Гизела Бок // Гендерные исследования. – 2003. – №10. – С. 31-53.

3. Ермаков, А. М. «Из благодарности фюреру, из любви к родине»: Нацистское женское движение в Германии (1941-1945 гг.) [Текст] / А. М. Ермаков - Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 259 с.

4. Паламарчук, Е. А. Социальная политика Третьего рейха. [Текст] / Е.А. Паламарчук – Ростов н/Д: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 560 с.

5. Цит. по: Пленков, О. Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии) [Текст] / О. Ю. Пленков. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. – 480 с.

6. Bauer W., Dehen P. Tatsachen und Zahlen über Deutschland. [Text] 2. Aufl. / Wilhelm Bauer, Peter Dehen - Berlin, 1941. – 103 S.

УДК 94(430)

Т.С. Вершинина

Конструирование образа солдата в пропаганде Третьего Рейха

Нацисты создали беспрецедентную в мировой истории систему государственного манипулирования массами. Силой тоталитарной пропаганды является ее массовость и всеохватность. Важность идеологического и психологического воздействия Гитлер осознал еще перед Первой мировой войной. Во время этой войны фюрер наблюдал эффект пропаганды на немцах. Он принес эти идеи с собой в молодую нацистскую партию, созданную в Мюнхене в 1919 г. Понимание особой роли пропаганды было одним из факторов, способствующих росту популярности партии. Уже к 30-м годам XX в. партия была одной из

самых многочисленных, а в 1933 году национал-социалисты пришли к власти и создали тоталитарное государство.

Пропагандистскую работу в нацистской Германии вело не только министерство народного просвещения и пропаганды, но и ряд других ведомств, к числу которых относились внешнеполитическое ведомство НСДАП, министерство культуры, управление прессы и пропаганды министерства иностранных дел, созданное в июле 1941 г. министерство оккупированных восточных областей, специальные структуры вермахта, СС и т.д. Вся эта гигантская система была предназначена для ведения информационно-психологического воздействия на массы. С началом войны пропагандистская машина нацистов заработала с новой мощью. Военная пропаганда рассматривалась нацистами как важнейшее средство ведения войны, равное по своему значению одному из родов войск.

Основными для нацистской пропаганды являлись принцип простоты и принцип размаха и концентрации. Первый ярко иллюстрируют слова Й. Геббельса: «Секретом эффективной пропаганды является отказ от стремления говорить о многих вещах и сосредоточение всех усилий на немногих вопросах. Необходимо постоянно обращать на них внимание народа... до такой степени, чтобы они стали понятны любому человеку с улицы» [1, с.43]. Второй выражается, по мнению руководителя национального радиовещания Рейха Дресслера-Андресса, в «тотальном воздействии на народ, обеспечении единой реакции на события» [1, с.74]. Для достижения своих целей в Третьем рейхе использовались всевозможные средства пропаганды: митинги, демонстрации, пресса, различные визуальные средства. Применение радиовещания в целях психологической обработки населения стало одним из главных методов.

Нацистская пропаганда создавала и транслировала множество образов. Помимо образа врага, был и образ солдата - того человека, на котором во многом основывалась мощь Третьего Рейха. Способы конструирования образа солдата, используемые пропагандой, были уже известны в истории. Это обращение к прошлому и будущему. В первом случае перед теми, на кого обращены средства пропаганды, предстает воин прошлого: опытный, в рыцарских доспехах, с тяжелыми мечами - это были все те, кто создавал на протяжении веков славу и

силу Великого Рейха. Во втором случае нацисты использовали расплывчатые надежды об образе будущего государства и его жителях.

Образ солдата, транслируемый пропагандой, реализовывал прежде всего взгляды фюрера, изложенные в «Майн кампф». Гитлер полностью отождествлял себя с солдатом, и на это давал ему право собственный солдатский опыт во времена Первой мировой войны. Солдат в представлении фюрера - обязательно мужчина, немец, потому что только тогда он сможет испытывать чувства «любви к Отечеству, желание защищать честь нации, веру в ее величие» [2], в отношении физической подготовки – почти спортсмен. Одно из концептуальных качеств солдата – это рыцарственность, которая позже будет столь широко присутствовать в облике солдата на плакатах. Главный идеолог нацистов А.Розенберг в своем «Мифе XX века» понимает рыцарство как национальный институт, наполняет его положительной коннотацией [6, с. 203]. В.Х. Сахибгоряев считает, что именно рыцарство имело громадное значение в практической пропаганде фашистской Германии: «представления о средневековых рыцарских орденах стали прообразом организации «СС», члены которой считали себя представителями новой расовой элиты» [7, с. 113]. Помимо этого в числе солдатских качеств присутствовали любовь к фюреру, убежденность в непобедимости собственной нации, дисциплинированность и доверие к руководству, ответственность, скромность, требовательность к себе. Таким образом, среди качеств солдата преобладают высокие нравственные категории.

Ковал нацистскую пропаганду доктор Йозеф Геббельс, стоящий во главе соответствующего министерства. Будучи преданным фюреру и идее, он отдал себя Рейху, и, пожалуй, именно его образы государства и нацистов реализовывались наравне с гитлеровскими положениями. Из-под пера Геббельса вышло множество лозунгов, растиражированных по всей стране: «Евреи - наше несчастье», «Кровь и почва», «Народ без пространства» и т. д. Министр пропаганды был убежденным нацистом, главными врагами считал славян и евреев, а своей задачей – воспитать в немцах непременное качество нацистов - беспощадную ненависть к врагам. В этой связи он мастерски рисует врага – это прежде всего еврей-спекулянт и большевик, доктор возводит в абсолют опасность врага, задает ей глобальные масштабы.

В визуальной пропаганде нацисты использовали огромное количество плакатов. Основные их принципы - простота изображения, яркость основного цвета и отделение его от общего фона, краткие и емкие фразы, понятные для всех слоев населения. На большинстве плакатов боец изображен в качестве молодого человека, ему примерно лет двадцать-двадцать пять. Почему так: неужели все солдаты армии Рейха были столь молоды? Не связано ли это с желанием представить некий идеализированный тип мужественности? Соглашаясь с некоторыми исследователями, эту проблему можно объяснить с точки зрения изменения взгляда на солдата. Это заключается в том, что с изменением средств и технологий убийства солдатского тела, с возрастающим применением огнестрельного оружия и воцарении на поле боя (если рассматривать его как символическое пространство) «вместо крепости мужских тел нечеловеческой мощи огневых средств армии» [5, с.147], с вторжением медицинского взгляда в непосредственную близость от пространства битвы (и вторжение фемининного (в роли медицинской сестры) в традиционно маскулинную зону (поле боя) меняется и тип мужественности, теперь это мальчишеская мужественность, которая предполагает прежде всего хрупкость тел в солдатской форме. Даже фюрер на плакатах изображен молодым. Еще одним характерным приемом изображения солдатского тела стала его «мускулистая маскулинность» [3]. Идеология немецкого национал-социализма видела мужское тело прежде всего «жестким», противопоставляя его «мягкому» женскому. Физические упражнения считались средством формирования нордического характера. Воплощение мужского государства, о котором говорили главные идеологи, видно и в скульптуре. Творения Арно Брекера «Вермахт» и «Партия» - это прежде всего мужские тела с их грузностью, мускульностью и суровостью. Одна из характерных черт изображения мужского тела в пропаганде – агрессивность и воинственность. Немецкому мужчине не дозволено быть эротичным, чувствительным и ранимым. В пропагандистских материалах тело мужчины практически всегда изображено в движении, потому что пассивная, расслабленная поза, поза «без действия» делает мужчину уязвимым и женственным.

Особое место среди средств пропаганды занимало кино. Как одна из совершенных форм визуализации, оно создавало псевдореальность, благодаря которой зритель являлся, с одной стороны, всего

лишь наблюдателем, который сидит в кинозале, с другой стороны – как бы непосредственным участником происходящего действия: перед ним объемные фигуры, движущиеся на него объекты, множество звуков и голосов.Немецкие пропагандистские фильмы были призваны изменить сознание немцев в нужном режиму направлении. Самым известным центром киноиндустрии в Третьем Рейхе была студия «Ufa». Основная тематика нацистских фильмов была представлена следующими темами: культ героя-мученика; фильмы, возвеличивающие фюрера; тема войны; тема расизма и антисемитизма. Некоторые исследователи считают, что немецкое кино в период национал-социализма перестало быть искусством и превратилось в простое отражение действительности [4, с. 140]. Все картины, выходившие в период 1933 — начала 1940 годов, можно условно разделить по следующим категориям: это были прежде всего фильмы развлекательного характера и фильмы пропагандистские. В пропагандистских фильмах киностудии «Ufa» зрителю показан идеальный солдат. В фильме «Кандидат в офицеры» подробно показана физическая подготовка солдат, которая еще раз подтверждает тезис, выдвинутый фюрером о том, что солдат – это почти спортсмен. Показана также и политическая подготовка солдат – инструктаж по национал-социалистическому руководству, ведь солдат должен быть преданным борцом национал-социалистической идеологии. Бытовые условия, в которых живут солдаты, – предельно скромны: двухъярусные кровати, умывальники, тумбочки. Скромность в быту воспитывала неприхотливость на фронте. Если в «Кандидате» показана подготовка солдат, то в фильме «Полк лейбштандарт «Адольф Гитлер» солдаты показаны «в действии». В центре фильма – боевые успехи полка. Действие происходит в начале Второй мировой войны, тогда еще солдат-ариец – это победитель. Благодаря прекрасной подготовке солдаты беспрепятственно берут города и крепости, успешно форсируют реки, обращают в бегство врагов – евреев и англичан. Достопримечательности Парижа показаны в окружении толп немецких солдат, это один из приемов унижения врага. В фильме показана и несостоятельность пропаганды врага: «только осла могут привлечь листовки белградских правителей», - на экране смеющиеся немецкие солдаты-победители кормят осла листовками сербов. Но все же главный враг – это большевизм. Поэтому, покончив с континентальной Евро-

пой, «полки «Адольф Гитлер» маршируют к величайшей и решающей победе – к борьбе против большевизма».

Таким образом, положительно описывая солдата, пропаганда и идеологи Рейха как бы давали право на апробацию в современном им обществе своих основных идей, заключенных в рамках расизма и нацизма. Высшие партийные функционеры еще могли упомянуть в своих речах или трудах солдатские пороки или ошибки, пропаганда же – ни в коем случае. Солдат – это реализация прежде всего мужской субъективности. Миф солдата-героя, создаваемый пропагандой, был чрезвычайно важен для строительства нации и государства, агрессивного по своей сути. Нацистская пропаганда транслирует идеальный образ солдата, навязывая массам этот готовый идеал. Образ солдата – это доминирующий тип мужественности в гитлеровском государстве, что характерно для тоталитарного военизированного режима. В образе воина отражается идеология, национальный характер и доля личных убеждений главных идеологов.

Библиографический список

1. Галкин, А.А. Германский фашизм [Текст]. – М., 1989. – 328 с.

2. Гитлер, А. Моя борьба [Электронный ресурс]. //http://militera.lib.ru

3. Кон, И.С. Мужские исследования и парадигмы маскулинности [Электронный ресурс]. // www.neuro.net.ru/sexology/publ018_2.html

4. Макарова, Л.М. Буржуазные историки об идеологической функции кино в фашистской Германии [Текст] // Проблемы буржуазной историографии второй мировой войны. – Ярославль, 1975. – С.128-147.

5. Михель, Д. Мужчины, мальчики и поле боя [Текст] // Гендерные исследования. – 2002. – №6. – С. 133-149.

6. Розенберг, А. Миф XX в. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени [Текст]: пер. с нем. С.Н.Лобанова. – М.,1998. – 518 с.

7. Сахибгоряев, В.Х. «Миф XX века» Альфреда Розенберга и его место в мифотворчестве германского фашизма [Текст]// Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2000. – №2. – С.110-114.

УДК 94(41/99)

Г.М. Ермолина

Сторонники германского фашизма в 1920-30-е гг. в Великобритании

Фашизм в Великобритании и его поддержка являются в своем роде уникальным явлением. Британия формально вышла из Первой Мировой войны страной-победительницей. Здесь были верны демократическим традициям, то есть, с одной стороны, не было оснований для возникновения реваншистских настроений и опасности ниспровержения демократического строя группами, которые стояли бы на платформе авторитарного пути развития общества; с другой стороны, с 1930-х годов наблюдался определенный интерес к группам, пропагандировавшим использование политики «твердой» руки для недопущения распада того строя, который сложился в стране в начале XX века.

Весь комплекс причин, по которым фашизм приобрел ряд поклонников, заключался в следующем: попытка остановить распространение коммунизма, борьба за сохранение имперского величия и существующего положения дел с британскими колониями. Немаловажной предпосылкой было и преодоление слабости пацифизма, который заставлял британцев сдавать позиции в международных отношениях [8, с. 27].

Говоря о поддержке фашистов в Великобритании, в первую очередь имеют в виду Британский союз фашистов (БСФ) Освальда Мосли. БСФ возник 1 октября 1932 года в Лондоне, в обстановке мирового экономического кризиса, и стал самой массовой британской фашистской организацией в межвоенный период. БСФ не был первой и уникальной организацией профашистского толка – предшественниками фашистских организаций в Англии явились различные экстремистские группировки. Одной из них был Британский имперский союз, выступавший под националистическими лозунгами. В 1923 была создана организация «Британские фашисты», деятельность которой правительство разрешило официально. Программа партии, основанной мисс Линторн-Орман, была сформулирована так: «бороться с красной революцией, защищать короля и страну [отечество]... противостоять коммунизму, социальному анархизму, атеизму и профсоюзам» [1, с.

57]. Фашисты представляли собой боевые дружины, готовые сражаться за короля и державу в случае гражданской войны. Таким образом, они являлись дополнением к партии консерваторов. Мисс Линторн-Орман призывала своих избирателей голосовать за консерваторов, но при этом она предупреждала тори, что если они не будут твердо стоять на своих принципах, то на смену им придут именно фашисты. В августе 1924 организация насчитывала более 100 тыс. человек, которые объединялись в мелкие группы, возглавляемые командирами.

В конце 1920-х — начале 1930-х в Англии появились и другие фашистские и профашистские организации. В 1928 были созданы «Имперская фашистская лига», издававшая газету «Фашист», «Национал-социалистическая лига», организация «Зелёные рубашки» и некоторые другие. Основной костяк «Британских фашистов» и различных фашистских групп влился в созданный в 1932 Британский союз фашистов. Руководитель союза британский «фюрер» Освальд Мосли был членом исполкома лейбористской партии и входил в состав правительства Макдональда. В мае 1930 он вышел из правительства и попытался использовать недовольство рядовых членов лейбористской партии, чтобы захватить руководство и сделать карьеру. Когда эти попытки провалились, Мосли объявил о создании новой партии, которая затем превратилась в Британский союз фашистов. Подражая А. Гитлеру, Мосли изложил свою программу в манифесте «Великая Британия», изданном в 1932. Внутриполитическая программа Мосли сводилась к установлению «корпоративного государства». В ней содержались пункты, рассчитанные на различные слои населения: безработным Мосли обещал работу, мелким предпринимателям — защиту от «рабочих-большевиков», капиталистам — новые прибыли. Мосли выдвинул лозунг «Англия превыше всего» и поклялся добиться установления британского мирового господства. Но, зная об укоренившемся в сознании англичан уважении к конституционно-парламентским нормам, Мосли делал акцент на мирный переход к корпоративным порядкам. В первом издании «Великая Британия» говорилось даже о подчинении корпоративного государства парламенту [11, с. 48].

Организация Мосли имела полувоенную структуру. Во главе организации стоял вождь Союза — Освальд Мосли, обладавший в БСФ неограниченной властью. Ниже по иерархической лестнице БСФ следовали общенациональные, районные руководители, офицеры и

рядовые. Последние были объединены в роты, взводы, звенья. Рота состояла из пяти взводов, взвод из пяти звеньев, в звене насчитывалось шесть рядовых членов. Высшие руководители, офицеры и активисты БСФ имели право носить форму – чёрную рубашку и чёрные (или серые) брюки. Эмблемой БСФ (до конца 1935 года) был древнеримский символ власти – пучок связанных ремнём прутьев с топором в середине. Позже ее заменили на молнию на красном фоне [1, с. 75]. С конца 1933 года руководители БСФ регулярно проводили массовые митинги и шествия в крупнейших городах страны, издавали газеты, среди которых ведущей была «Блэкшэрт».

1 января 1934 года лидерами БСФ основан «Январский клуб», куда входили видные представители английского общества. Председатель клуба Джон Скваер, редактор журнала «Лондон Меркьюри», говорил, что члены клуба «в большинстве своем относятся с симпатией к фашистскому движению». В клуб входило около 450 человек, в том числе лорд Ротермир – владелец «Дейли Мейл», Винсент Виккерс — директор Лондонской страховой компании, лорд Ллойд — бывший губернатор Бомбея, председатель Имперского экономического союза, граф Глазго — крупный землевладелец и др.[12, с. 205].

К лету 1934 года БСФ имел десятки отделений по всей Великобритании и за ее пределами — в Италии и Германии. Были созданы фашистские организации женщин, молодёжи, Фашистский союз британских рабочих, а также Федерация британских университетских фашистских ассоциаций. Заметную роль на начальном этапе существования Союза играли штурмовые отряды — так называемые Силы обороны БСФ, которые лидеры Союза в начале 1934 года всемерно укрепляли и расширяли. В это время некоторые отделения Союза превращались в казармы; были сформированы транспортные секции; создана служба оказания первой медицинской помощи. К лету 1934 года в рядах БСФ состояло от 40 до 50 тысяч человек. Социальный состав Союза отличался неоднородностью. В рядах фашистской организации можно было встретить представителей практически всех социальных слоев британского общества, от аристократа до безработного. Руководителями среднего звена в основном были представители средних слоев и офицеры в отставке. Много в БСФ было молодёжи, которая оказалась особенно восприимчивой к националистическим лозунгам и социальной демагогии. Немалое воздействие на молодых людей ока-

зали внешняя атрибутика БСФ, а также использование формы, полувоенная дисциплина Союза, массовые шествия и демонстрации, организуемые лидерами фашистов. Таким образом, в возрастном плане фашистское движение Англии 30-х гг. на 4/5 было представлено молодежью, а в социальном плане – на 2/3 средним и мелкобуржуазным слоем [10, с. 250].

В 1936 году члены партии БСФ потерпели неудачу при организации митинга в Ист-Энде, где проживало большое количество еврейского населения. Митинг был санкционирован, и трех тысячную толпу чернорубашечников сопровождали представители властей. Но пройти по намеченному маршруту не удалось: на Кейбл – стрит митинг встретили антифашистские настроенные жители на баррикадах. После трех часов столкновений комиссар полиции запретил проведение митинга и призвал членов БСФ разойтись [10, с.252].

Не сумев в конце 1936 года добиться успеха на улицах Ист-Энда, Мосли весной 1937 года попытался взять реванш, но теперь в избирательных участках. 4 марта 1937 года представители Союза фашистов приняли участие в выборах в Совет Лондонского графства, однако нигде в Восточном Лондоне не смогли победить. После неудачи на выборах и на улицах Ист-Энда Мосли был вынужден сократить количество платных сотрудников Союза. В результате этого в руководстве фашистской организации произошел раскол, и Союз покинул ряд ведущих его членов. В начале мая 1940 года Освальд Мосли и большинство руководителей Союза фашистов были интернированы, а в июле 1940 года фашистская организация была запрещена.

Тем не менее, в середине 1930-х БСФ привлекала консервативные круги, видевшие в ней естественного партнера, а также богатых и влиятельных представителей британского общества. Особое внимание стоит обратить на владельцев и издателей газет, так как именно журналы и газеты являлись в Великобритании одним из главных источников формирования общественного мнения [13, с.10]. «Daily Mail» была газетой, которая держалась пронацистской линии, и происходило это благодаря ее владельцу, лорду Ротемиру. Когда Гитлер стал канцлером в 1933 году, Ротемир выпустил серию статей, которые восхваляли нацистский режим. Самым известным текстом являлась напечатанная 10 июля 1933 года статья под названием «Юный Триумфатор», в которой он заявил, что «был убежден в величии нацистского режима» [2].

Идя в разрез с мнением остальных, одержимый идеями Гитлера, он пытался убедить читателей, что все действия Гитлера были «дарованы» Германии как благо[3]. Ротемир общался с Гитлером как лично, так и по переписке. В 1934 году, после посещения Германии и визита к Гитлеру, в газете была опубликована статья «Все, что Гитлер сделал для Германии, вызывает восторг» [4]. 8 января 1934 года заголовок гласил: «Ура, чернорубашечникам!», выражая одобрение деятельности БСФ. На протяжении всего 1934 года Дейли Мейл агитировала за фашизм и Освальда Мосли, который стремился осовременить Британию[7, с. 43].

Другой точки зрения придерживалась «English Review», редактор которой Джерральд имел смешанные представления о нацистском режиме. Он был смущен преследованиями евреев в Германии, но также утверждал, что «насильственное свержение герра Гитлера считалось бы бедствием, а нацизм внушал немного уверенности в свои конструктивные способности» [5].

Отношение Йетс-Брауна, журналиста, редактора «Everyman» к нацистскому движению в начале 30-х гг. было скорее сочувствующим, хотя и сдержанным. В 1932 году он пишет: «Если бы я был молодым немцем, я должен был быть нацистом». В 1933, после прихода нацистов к власти, Йетс-Браун отмечал их страстное и самоотверженное беспокойство за рабочих. «За нацистской напыщенностью есть идеал братства и душа за гордо развевающейся свастикой» [7, с.235]. Владелица «Saturday Review» леди Хаустон более симпатизировала Муссолини, но уже после плебисцита в Сааре поместила статью, в которой решительность действий Гитлера была одобрена. Однако в этом же номере содержались статьи, предупреждавшие об опасности гитлеровского режима [7, с. 42].

Таким образом, 1930-е годы в Великобритании характеризовались острыми политическими и экономическими проблемами, и некоторые представители британской общественности возлагали свои надежды на власть «сильной руки» и порядок, который предлагали фашисты. Часть интеллектуалов, видевшая такой выход, поддержала образованный Мосли Британский союз фашистов. Эти представители интеллигенции восторгались европейскими диктаторами, которые привлекали их результатами практической деятельности, решимостью и намерением сокрушить коммунизм. Однако основная масса интел-

лигенции занимала антифашистскую позицию, считая фашистский режим ограничением политических и гражданских свобод, что, по их мнению, было недопустимо.

Библиографический список

1. Cross C. The Fascists in Britain. [Text]/ C. Cross. - New York, St. Martin's Press, 1963.
2. Daily Mail. - 1933. - 10 July.
3. Daily Mail. - 1934. - 28 December.
4. Daily Mail. - 1933. - 28 November.
5. English Review. - 1933. 28 September.
6. Gilbert M. The roots of appeasement. [Text]/ M. Gilbert. - L., Weidenfeld and Nicolson, 1966.
7. Griffiths R. Fellow travelers of the right [Text] / R. Griffiths. - L., Oxford University Press, 1983.
8. MacKenzie John M. Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880-1960. [Text] / J. MacKenzie. - L., Manchester University Press, 1984.
9. Skidelsky R. Oswald Mosley. [Text] / R. Skidelsky. L.: Macmillan London Ltd., 1975.
10. The fascism reader. Edited by A.A. Kallis. [Text].- L., Routledge, 2003.
11. Прокопов, А. Фашисты Британии [Текст] / А. Прокопов. - СПб.: Алетейя, 2001.
12. Саркисянц, М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» [Текст] / М. Саркисянц.- СПб.: Академический проект, 2003.
13. Соколов, В.С., Виноградова, С.М. Периодическая печать Великобритании [Текст] / В.С. Соколов, С. М. Виноградова. - Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

УДК 94(41/99)

С. В. Воронина

Поиски религиозной идентичности исламскими сообществами в Великобритании в конце XX – начале XXI века

Переселение людей из одной страны в другую – существенная часть человеческой и, особенно, исламской истории. Силы, которые приводят в движение миграционные потоки, различны: от вынужденных переселений и бегства в результате религиозных притеснений до поездок с целью заработка. Сегодня в Великобритании уже сформировались достаточно многочисленные общины мусульман, воспринимающих эту страну как постоянное место проживания. Большинство британских мусульман – 1 миллион человек – проживает в Лондоне, крупные сообщества есть также в Бирмингеме, Бредфорде и Лестере. В настоящее время почти половину мусульман составляют те, кто родился в Великобритании, остальные – как правило, выходцы из Пакистана, Бангладеш и Ближнего Востока. Рост численности мусульман, проблемы, встающие в связи с этим, а также интеграционные процессы дают европейским исследователям все новые темы для анализа существующей ситуации. И если несколько десятилетий назад исследования, касающиеся жизни мусульман в Британии, носили скорее описательный характер, повествующий о причинах появления тех или иных этнических групп, их адаптации и интеграции, то на сегодняшний день ученые-эксперты сконцентрированы на более детальном рассмотрении вопросов формирования мусульманских сообществ. Внимание исследователей приковано к изучению процессов, происходящих внутри мусульманских сообществ, взаимоотношению этих сообществ и государственной политики Великобритании, их взаимовлияния и взаимоотталкивания.

Цель данного сообщения – проследить поиски религиозной идентичности исламскими сообществами, а также рассмотреть проблему ее признания в Великобритании в конце XX – начале XXI века. Для реализации данной цели я использовала такие виды источников, как публицистику. Данной проблеме уделяли большое внимание такие уче-

ные-эксперты, как Ш. МакЛуглин, С. Сабах, Ч. Блат, А. Фельдман, Й. Нильсен и др.

Мусульмане появились в Великобритании в VIII в. Однако говорить о мусульманском сообществе как о сформировавшемся явлении можно только с XIX в., после того, как возникли международные торговые пути. Период же самой массовой миграции начался в 50-х годах XX в., когда приверженцы ислама стали приезжать в Великобританию из сельских районов Южной Азии, в основном – чтобы восполнить существующий в стране дефицит рабочей силы. Будучи гражданами Британского Содружества, они de facto стали гражданами Британии. Однако иммиграционное законодательство с 1960-х гг. часто допускало популистские устремления, выражая расово дифференцированную концепцию гражданства, предполагающую, что мусульмане не могут быть по-настоящему частью британской нации [7, p.150].

Именно в контексте поиска компромиссных подходов включения мусульман в жизнь Британии в 1980-х гг. был основан Брэдфордский Совет мечетей (БСМ). Главной заботой БСМ стало сохранение исламской идентичности (осознание мусульманами своей принадлежности к исламу и исламскому обществу). Совет мечетей согласился на «уступки»: мультикультурный школьный учебный план, обучение на родном языке, альтернативные стили в одежде, обеспечение мясом халяль (т.е. мясом скота, забитого в соответствии с установлениями ислама). В итоге к требованиям БСМ прислушались, но только после того, как организации удалось побудить примерно 10 тыс. детей бойкотировать свои занятия и устроить демонстрацию возле брэдфордского Таун-холла [8, p.65-66].

В то время как эти «уступки» рассматривались левыми как неприемлемые, а проблема негативного отношения к мусульманам не была решена, реакция правого крыла не заставила тебя ждать. Споры сфокусировались вокруг Рэя Хонефорда, директора Дрюммондской средней школы. В серии статей Р. Хонефорд полагал, что внимательное отношение к культурным различиям отрицательно сказывается на социальной интеграции [9, p.111].

Идеи Хонефорда были созвучны идеям национализма «новых правых», высказанным в 1980-е гг., где попытка утвердить, что значит быть британцем, часто являлась составной частью понятия национальной принадлежности [7, p.155]. Например, закон о реформе образова-

ния 1988 г. подчеркивал, что религиозное образование в школах должно носить «христианский характер» [12, p.74].

Закон 1988 г. фактически привел к формированию «первых легально существующих органов, которые должны были обеспечивать форум для мусульман». А передача части функций центрального управления местному – «могла быть значительным фактором в растущем самоутверждении мусульманских организаций» [10, p.42-44].

События 1989 г. обнажили и сильные, и слабые стороны сконцентрированных на местах попыток выражения политики мусульманской идентичности в Британии в течение 1980-х гг. С одной стороны, БСМ добился общественного признания мусульман в сфере образования и некоторых других областях. Однако, с другой стороны, ни один мусульманин не был членом парламента.

Претензии мусульманских меньшинств на право быть признанными обществом именно как «мусульмане» не могут обсуждаться без рассмотрения интернационального контекста. Эпоха глобализации, исламская революция в Иране, борьба афганских моджахедов против Советского Союза – все это не могло не оказывать влияние на британских мусульман [2, p.34]. С конца 1980-х гг. мусульманские организации стали играть заметную роль в политической жизни Великобритании. Это было связано в значительной степени с «делом» Салмана Рушди. Сразу же после публикации нашумевшей книги «Сатанинские стихи» в 1988 г. мусульманами был создан Действующий комитет по делам ислама Соединенного Королевства. Однако, несмотря на письменные обращения комитета, он не смог оказать влияния на правительство консерваторов. Политический истеблишмент дал понять, что ни Закон об общественном порядке (1986), ни Закон о межрасовых отношениях (1976) не заставят его исправить положение. Тем самым утверждалось, что законы о богохульстве защищают только христиан. Это было воспринято как очередное оскорбление для мусульман и явилось еще одним доказательством маргинализации их положения в Великобритании. Сожжение «Сатанинских стихов» Брэдфордским советом 14 января 1989 г. может рассматриваться как последняя, отчаянная попытка донести ощущение бессилия мусульман до широких слоев общества. Но одним из главных последствий дела Рушди было достижение – впервые на национальном уровне – политического единства мусульман [8, p.76-77].

Именно тогда БСМ перевел протесты против «Сатанинских стихов» в новое русло. Комитет не был в состоянии повести за собой обывателей-мусульман и их рабочий класс, представленный сотнями общинных мечетей, во внутренние города Британии. Таким образом, сожжение книги Рушди в Брэдфорде осталось локальным явлением [4, p.121-122].

Большинство «книгосжигателей» были из числа рядовых пакистанцев и кашмирцев крестьянского происхождения. Это люди, для которых ислам – во многом вопрос преданности Пророку. Известные как «Барелви», они стремились защитить традиционные верования и практики мусульман субконтинента [13, p.74]. «Книгосжигатели» имели мало общего с исламизмом. Политический ислам в Британии сегодня делится на радикальный и умеренный. Мусульманский институт К. Сиддики в Лондоне может быть отнесен к первой категории. Доктор К. Сиддики опубликовал "Мусульманский манифест", в котором для мусульман Британии предусматривались статус "автономного сообщества", а также создание "Совета британских мусульман". Однако в 1992 году вместо этого Сиддики провозгласил создание "Мусульманского парламента" из 150 членов, спикера, четырёх его заместителей (включая двух женщин) и "лидера палаты". Однако этот "парламент" стал всего лишь ещё одной из многочисленных организаций мусульман в Англии. Сиддики призывал к неуплате налогов, гражданскому неповиновению, неподчинению "несправедливым" законам и даже осуждению западной демократии как "диктатуры большинства", нагнетал и драматизировал ультрарадикальные настроения мусульман, считая это необходимым. Однако заметного отклика со стороны исламского сообщества эти призывы не имели. В настоящее время знамя радикализма перешло к более нетерпимым организациям – «Хизб ат-Тахрир» (1953 г.) и «Ал-Мухаджирун» (1983 г.). Обе видят свою задачу в восстановлении уммы (исламской общности) и освобождении мусульман, которые живут в немусульманских странах, через создание халифа (халифата) и исламского государства, управляемого на основе шариата.

Более умеренное направление политического ислама в Британии представлено Исламской миссией Соединенного Королевства и Исламским Фондом. Эти организации имели большой опыт институционального взаимодействия с государством и «игры в системе». Они

были озабочены развитием взаимосвязанных стратегий – политической стратегии и да'ва – для мусульман, живущих в Британии. Именно поэтому данные организации имеют большую поддержку со стороны исламских обществ Великобритании. Мусульмане, приверженные «умеренному» подходу, сейчас в наибольшей степени вовлечены в дебаты о гражданстве и гражданском обществе. Политическая активность и организация сделали их наиболее репрезентативными в глазах более широких слоев европейской общественности [7, p.200-203].

Нужно отметить, что организации (такие как Действующий комитет по делам ислама и БСМ) в действительности представляют интересы исламских сообществ. В апреле 1990 г. комитет в Верховном суде выступал за то, чтобы законы о богохульстве в Британии были пересмотрены и распространялись также и на ислам. Своей основной цели он не достиг, однако удалось привлечь внимание к несоответствиям в статусе мусульман перед законами Великобритании.

Заметным шагом на этом пути стал призыв к мусульманам вступить в Религиозный совет в 1992 г. Создание совета было идеей Департамента окружающей среды, транспорта и регионов в сотрудничестве с Англиканской церковью. Религиозный совет обеспечил первый правительственный форум для мультирелигиозного представительства и совещания на национальном уровне. Однако открытие для мусульман диалога с другими религиозными общинами было, возможно, более прогрессивным шагом [11, p.101-102].

В период между 1992 и 1997 гг., когда к власти пришло новое лейбористское правительство, были предприняты другие шаги к признанию мусульман на национальном уровне. БСМ удалось добиться мусульманского представительства в парламенте Великобритании. В 1998 г., когда были основаны первые поддерживаемые государством начальные школы («Исламийя» в Лондоне и «ал-Фуркан» в Бирмингеме), мусульмане достигли равенства с англиканцами, католиками и евреями в этом вопросе. Первой мусульманской средней школой, получившей общественные денежные средства, стал колледж «Февершам», открывшийся в Брэдфорде в 2001 г. В 1999 г. появилась первая гражданская должность в мусульманском сообществе, – исламский консультант по тюрьмам, т.к. число заключенных-мусульман за последние несколько лет выросло вдвое. Через литературу, прессу и другие СМИ в Англии широко распространяется информация о мирной, культурной,

просветительской и чисто религиозной деятельности мусульманского сообщества королевства. Вопрос о вероисповедании был включен в перепись населения 2001 г., результатом которой стало официальное признание мусульманской общности теми, кто занимается первоначальным распределением скудных ресурсов государства [1, с.17-18].

Враждебное отношение к мусульманам усилилось в Великобритании после терактов 11 сентября 2001 г. в США, а также вторжения США и их союзников в Ирак. Участились нападения как на отдельных граждан, так и на мечети. Кроме того, мусульмане столкнулись с преследованиями со стороны полиции, которая начала проводить обыски выходцев из азиатских стран. В итоге в 2001 г. был поднят вопрос о религиозной дискриминации в публикации результатов исследования, поддерживаемого Домашней службой университета Дерби [5, p.52-53]. Более 100 засвидетельствованных нападений на мусульман из-за этих событий и страх перед всеми формами экстремизма побудили расширить законодательство такими актами, которые подстрекали бы ненависть к религии. Однако среди настоящих угроз исламской идентичности следует перечислить две основные. Первая – устаревшие и не соответствующие современным реалиям представления о мусульманах, проживающих на Западе, а вторая – проблема передачи полноценного исламского сознания и воспитания второму и третьему поколению западных мусульман. К сожалению, в Великобритании правительство, не стесняясь, вмешивается в частную жизнь людей и стремится ограничить соблюдение ислама в повседневной жизни. Без всякой причины молодые мусульмане, стремящиеся изучать ислам, рассматриваются как угроза государству, к ним относятся с подозрением и подвергают преследованиям. Однако мусульмане воспринимают существующие проблемы и угрозы как повод для сплочения и укрепления собственной исламской идентичности. Мусульмане стараются селиться рядом с единоверцами, придерживаются своих обычаев и традиций, стремятся посещать торговые и другие учреждения, принадлежащие мусульманам, группируются вокруг ближайшей мечети и имама общины, мгновенно возникающей всюду, где есть мусульмане. В мусульманских кварталах большинство жителей (особенно женщины и дети) выделяются специфическими мусульманскими деталями одежды, а люди старшего и пожилого возраста нередко одеваются традиционно, как у себя на родине. В настоящее время в стра-

не действуют 400 исламских организаций, 1200 мечетей и религиозно-культурных центров. Исламский фонд Лейстера играет ведущую роль в улучшении отношений между исламскими сообществами и государством. Фонд является центром образования, воспитания, научных исследований и собрания для мусульман и немусульман. Благодаря серьезности работы и качеству своих публикаций фонд добился уважения как со стороны властей, так и научного мира [1, с.130-131].

Таким образом, исламские сообщества, появившись в результате массовой миграции из мусульманских стран, стали частью социального облика Великобритании. Вынужденные подчиняться законам европейского государства, мусульмане решают непростую задачу совмещения исламских ценностей с ценностями и нормами западного общества. Расчет правящих кругов Великобритании на то, что мусульманские сообщества полностью ассимилируются, вплоть до отказа от собственной религиозной идентичности, не оправдался. Свою роль здесь играют и социально-экономические факторы, и то обстоятельство, что сообщества уже сложились как жизнеспособные организмы. Мусульманские общины обладают структурой и механизмами самоорганизации. Их функциональность зависит от сохранения культурной и религиозной идентичности членов общины, и именно принадлежность к общине составляет своеобразие социального статуса иммигранта-мусульманина. Модель отношений, отмеченная ранее недоверием и даже враждебностью к исламским сообществам в Великобритании, сейчас характеризуется скорее относительной доброжелательностью и началом сотрудничества.

Библиографический список

1. Ислам в Европе и в России. - М.: Изд. дом Марджани, 2009. – 229 с.

2. Abedi M., Fischer M. Debating Muslims: Cultural dialogues in Postmodernity and Tradition. – Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1990. – 314 p.

3. Arab Women. Between Defiance and Restraint/edited by Suha Sabbagh, N. Y.: Olive Branch Press, 2003. – 267 p.

4. Blatt Ch. Purity and Liberation: Race, New Religious Movements and the Ethnics of Postmodernity. – L.: University College London Press, 1997. - 401 p.

5. Feldman A., Kingsley P., Weller P. Religious Discrimination in England and Wales. – L.: Home Office Research Study, 2001. – 350 p.

6. Halstead M. Education, Justice and Cultural Diversity. – L.: I. B. Tauris, 1988. – 276 p.

7. Husband Ch. The Political Context of Muslim Communities. – L.: I. B. Tauris, 1994. – 284 p.

8. Kepel G. Allah in the West. – Oxf.: Polity Press, 1997. – 358 p.

9. Murphy D. Tales from Two Cities: Travels of Another Sort. – L.: Penguin, 1987. – 387 p.

10. Nielsen J. Toward a European Islam. – Basingstoke-New York: Macmillan Press Ltd., 1999. – 399 p.

11. Religions in the UK: A Multi-Faith Directory. – Derby: University of Derby, 1997. – 425 p.

12. Thompson K. Religion, Values and Ideology. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 296 p.

13. Usha Sanyal. Devotional Islam and Politics in British India: Ahmad Riza Khan Barelwi and His Movement, 1870-1920. – Delhi: Oxford University Press, 1996. – 302 p.

УДК 94(4)

А. А. Тихонов

Европейская социал-демократия в эпоху глобализации: меняющаяся идентичность

XX век прошел для Европы под знаком гегемонии социал-демократии как в идейном, так и в политическом плане, однако на протяжении всего этого времени социал-демократические партии проделали большой путь политической и идейной эволюции. Сегодня, наблюдая за политическими процессами, происходящими в ведущих европейских странах (где нередко у власти находятся социал-демократы), можно заметить ослабление позиций партий, входящих в Социнтерн. Провал Социалистической партии Франции на президентских выборах 2002 и 2007 годов и СДПГ на парламентских выборах в сентябре 2009 года, сокращение электоральной базы лейбористов в Великобритании - все это указывает на кризисные явления

внутри европейской социал-демократии. В чем причины неудач современных наследников Второго Интернационала? Способны ли они представить альтернативу неолиберальному консенсусу, и есть ли будущее у социал-демократов в период глобализации?

После Второй мировой войны социал–демократические партии оказались в совершенно новой политической ситуации. Европа была разделена между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. В контролируемой СССР части Европы независимое существование социал-демократов по ряду причин оказалось невозможным. Тем не менее, в Западной и Южной Европе партии участники возрожденного в 1951 году Социнтерна получили значительное преимущество перед своими политическими оппонентами, что позволило им осуществлять политическую и идейную гегемонию в золотое для социал-демократии послевоенное тридцатилетие. Существует несколько причин, позволивших социал-демократическому консенсусу сохраняться так долго.

Во-первых, социал-демократы были связаны с традицией Сопротивления гитлеровскому режиму, в то время как многие их политические оппоненты воспринимались как косвенно ответственные за приход нацистов к власти. Социнтерн и входящие в него партии заняли жесткие антикоммунистические позиции, что следует из 10 пункта Декларации принципов Социалистического интернационала [1]. Следствием этого стал тот факт, что, даже находясь у власти, партии демократического социализма выступали в качестве важнейших стабилизаторов политической системы, сложившейся в западноевропейских странах после войны.

Но, конечно, важнейшей причиной массовой поддержки, которую получили социал-демократы, была их экономическая программа. В своей основе она была проникнута идеями кейнсианства. Демократические социалисты признавали плановое хозяйство, частичную национализацию, большую роль профсоюзов и «организаций производителей и потребителей». Все это должно было способствовать достижению «полной занятости, увеличению производства, постоянному повышению благосостояния, социальному обеспечению и справедливому распределению доходов и собственности», то есть созданию «государства всеобщего благосостояния» [1,с.14-15]. Эти цели, по мнению авторов программы, были близки не только рабочим, но и крестьянам, конторским служащим, людям свободных профессий. Именно в соци-

альной и экономической защищенности, а также в росте благосостояния всех социальных групп видели послевоенные социал-демократы будущее европейского общества.

Конец 1960-х стал временем, когда неожиданно для себя социал-демократы столкнулись с критикой сложившегося консенсуса с крайне левых позиций. «Новые левые» движения 1968 года выступали с одинаково жесткой критикой как гегемонии США (и согласия СССР с этой гегемонией), так и «старых левых» (социал-демократических партий и традиционных коммунистических). По мнению молодых радикалов, придя к власти или став как минимум частью политического истеблишмента, «старые левые» не выполнили своих первоначальных обещаний [2]. Не менее резко «новые левые» критиковали дисциплинарные методы фордистско-тейлористской организации фабричного труда [3]. Однако именно на согласии с дисциплиной конвейера, дополняемой благами «социального государства», и строилось, по выражению современного итальянского философа А. Негри, «общество-фабрика», которое возникло в послевоенное время при непосредственном участии социал-демократов.

Модель «дефицитного бюджета», активно используемая европейской социал-демократией для поддержания status quo в обществе, проявила свою несостоятельность в ходе экономического кризиса 70-х годов. Крах Бреттон–Вудской системы фиксированных курсов валют, нефтяной кризис, повсеместный рост инфляции и безработицы вместе с пересмотром функций международных финансовых институтов (МВФ, МБРР) и оттоком капиталов на Юг поставили под вопрос возможность использования прежних инструментов регулирования рынка государством. Возрастающая компьютеризация производства способствовала росту безработицы и тем самым увеличению социальных расходов. Утрата контроля национальных правительств над международными финансовыми институтами ограничивала возможность для сохранения кейсианских методов регулирования экономики в полном объеме. Созданный социал-демократами консенсус рухнул. Одно за другим правительства демократических социалистов, не сумев справиться с кризисными явлениями, теряют власть или отказываются от радикальных социальных перемен. Сохранение «дефицитных бюджетов» для стабильности «социального государства» более не гарантировало интересы всех социальных слоев.

Именно в это время широкую популярность приобретают идеи австрийского политического философа Фридриха Ф. Хайека. В своих работах он отвергал любое вмешательство государства в рынок, а главную проблему современности видел (под влиянием кейсианства) в отказе от следования «безличным законам рынка», которые способствуют развитию цивилизации [4].

Свое политическое воплощение теоретические установки Хайека и других «рыночных фундаменталистов» нашли в программах различных неоконсервативных партий. Наиболее значимым образцом такого подхода стала деятельность консерваторов в Англии в те годы, когда премьер-министром была Маргарет Тэтчер. Политика, проводимая под ее началом, была направлена на демонтаж «государства всеобщего благосостояния» и перехода к концепции «социально ответственной личности». С этой целью Тэтчер предложила ряд мер по сокращению социальных расходов, приватизации государственного имущества, сокращению регулирующих функций государства и значительный пакет антипрофсоюзных законов [5].

Победа в противостоянии с профсоюзом горняков в ходе забастовки 1984-1985 гг. сделала позицию консерваторов неоспоримой. На протяжении 80-х годов идеи неолиберализма укоренились в массовом сознании как единственно возможный вариант экономической политики, что не в последнюю очередь связано с коллапсом СССР на рубеже 90-х. Отсутствие альтернатив неолиберальному курсу в экономике нашло свое выражение в политике социал-демократов, вернувшихся к власти во второй половине 90-х. Новая тактика социал-демократов нашла свое теоретическое обоснование в документе, созданном лидерами двух крупнейших организаций, входящих в Социнтерн – Т. Блэра (лидера Лейбористской партии) и Г. Шредера (председателя СДПГ).

Статья Т. Блэра и Г. Шрёдера «Европа: Третий путь - Новая середина» стала своего рода манифестом обновленной в 90-е годы социал-демократии.

В этом документе обнаруживается стремление авторов к конвергенции социал-демократической риторики и неолиберальной практики. Блэр и Шредер отказываются от идеологизации понятия «левый» и, тем более, от его привязки к какой-либо социальной группе, тем самым превращая свои партии в «электоральные машины». Они

критически относятся к предыдущим попыткам обеспечить «равенство в результатах». В духе доктрины Тэтчер о «социально ответственной личности» они заявляют, что «тестом на справедливость общества является то, насколько эффективно используются эти средства, в какой степени они предоставляют людям возможность помогать самим себе» [6, с. 90-91].

Т.Блэр и Г.Шредер видят роль государства в том, чтобы оно «меньше контролировало, больше предъявляло требований». В соответствии с этим необходимо сокращать государственные расходы и модернизировать сам аппарат, уменьшив бюрократию, что должно способствовать росту инициативы. С целью стимулировать инвестиционную политику государство должно снижать налоговое бремя на корпорации. Малый и средний бизнес, по мысли Блэра и Шредера, с одной стороны, должен быть освобожден от «административного гнета» в налоговой сфере, а с другой - получить облегченный вариант найма работников. Особенно это касается новых высокотехнологичных предприятий. Не отрицая полностью необходимости использования государственного долга для стабилизации «во время цикличного спада», Блэр и Шрёдер считают невозможным «дефицитное финансирование» социальных расходов, практиковавшееся социал-демократами в 70-е годы [6, с. 94-101].

В сфере трудовой политики авторы «третьего пути» отрицают необходимость добиваться полной занятости. В соответствии с неолиберальной логикой современные социал-демократы «хотят превратить «сеть социальной безопасности» в трамплин для прыжка», т.е. переложить основную ответственность на плечи работника, а не созданной государством системы социальной защиты. Отрицая саму возможность полной занятости в современной экономике, Шрёдер и Блэр готовы поддержать различные формы частичной занятости и систематическую переподготовку работников. Это, по мнению сторонников «третьего пути», облегчит людям, оставшимся без работы, возвращение к трудовым отношениям [6, с. 101-104].

Следует отметить, что стратегия «третьего пути» получила одобрение далеко не всех сторонников социал-демократии. Практически вся Скандинавия на протяжении 80-х и 90-х годов достаточно успешно продолжала проводить политику полной занятости и высоких социальных расходов, не теряя при этом темпов экономического разви-

тия. Однако этот опыт, во многом обусловленный локальными особенностями, не мог быть использован в большинстве других стран Европы. Следует также отметить, что альтернативный вариант стратегии был предложен лидером Социалистической партии Франции Л. Жоспеном. В своем докладе – «На пути к более справедливому миру» - он выступил с гораздо более традиционной для социал-демократов риторикой [7,с.106-127]. Возможно, «традиционализм» Жоспена объясняется тем, что, в отличие от Блэра и Шрёдера, он вынужден был сохранять большую социальную артикуляцию. В политической жизни Франции у Социалистической партии, в отличие от лейбористов и СДПГ, имелись заметные конкуренты слева.

В новом глобальном мире социал-демократии все трудней и трудней сохранять верность своей традиционной политике. Глобальный финансовый рынок, не контролируемый национальными государствами, технологическая революция и флексибилизация трудовых отношений лишают демократических социалистов привычных рычагов влияния на рынок. Пытаясь найти новые основания для своей политики, европейская социал-демократия приняла стратегию «третьего пути», разработанную интеллектуалами, близкими к руководству лейбористской партии[8]. Сторонники «третьего пути» попытались выйти из положения, сместив идеологический крен внутри социал-демократии в сторону неолиберализма (особенно в сфере экономики), стремясь сохранить при этом социальную солидарность и развивать демократию. Осуществляемая на практике социал-демократическими правительствами идея «третьего пути» и «нового центра» потеряла привлекательность не только в глазах рядового избирателя, но и среди своих первоначальных сторонников[9,с.184-194]. В первую очередь, критике подвергается возможность сохранения и развития демократических институтов и традиций при осуществлении социал-либеральной политики. Левые критики «третьего пути» также фиксируют, что данная стратегия является разрывом с традиционной социал-демократической политикой [10]. Мы видим, что попытка совместить элементы неолиберализма и традиционной установки социал-демократов на сохранение социальной солидарности не удалась и привела к размыванию традиционной для сторонников Социнтерна политической и экономической программы. Это ставит перед партиями-наследниками Второго Интернационала задачу пересмотра своего

стратегического курса в сторону адаптации накопленного за более чем столетний период политического опыта к условиям глобализации, большему вниманию к росту социального неравенства внутри стран и большему контролю над мировыми финансовыми институтами без размывания собственной идентичности.

Библиографический список

1. От Женевы к Стокгольму: материалы конгрессов Социалистического интернационала [Текст]: в 2 ч. Ч.1. – М.: РАН ИНИОН, 1992. – С. 10-17.

2.Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

3.Хардт, М., Негри, А. Империя [Текст]. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

4.Хайек, Ф.А. фон. Дорога к рабству [Текст]. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.

5.Явнова, И. Проблемы социального реформирования в политике консервативного правительства М.Тэтчер (1979 – 1990 гг) [Текст]: автореф.. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. - С. 16.

6.Блэр, Т., Шрёдер, Г. Европа: Третий путь - Новая середина [Текст] /Т. Блэр, Г. Шрёдер// Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: проблемно – тематический сборник / РАН ИНИОН. - М., 2000. - С. 88-105.

7.Жоспен, Л. На пути к более справедливому миру [Текст] / Л. Жоспен // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: проблемно –тематический сборник / РАН ИНИОН. - М., 2000. – С. 106 - 127.

8.Giddens, Anthony. The Third Way. The Renewal of Social Democracy [Текст]. Cambridge: Polity Press.1998. P. 176

9.Лапшов, Б.А. От «Третьего пути» к «Прогрессивной глобализации» [Текст]/ Б.А. Лапшов // Социал- демократия Европы в начале XXI века: время перемен: сб.статей /РАН ИНИОН. – М., 2006. – С.184-194.

10.Watkins Susan, A weightless hegemony [Электронный ресурс] - http://www.newleftreview.org/?view=2488

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470)

М.В. Талашов

Кризис великокняжеской власти 1014-1019 гг. в летописной и агиографической традиции

1014-1015 гг. были ознаменованы драматическими событиями на Руси. Скоропостижная смерть Владимира Святославича спровоцировала ожесточенную борьбу его сыновей за обладание киевским великокняжеским столом. Страна оказалась в состоянии острого династического кризиса, на сей раз значительно более тяжелого, чем за все предшествующие периоды. Древняя Русь уже знала одну усобицу, начавшуюся и завершившуюся братоубийством: в 975-980 гг. трагически погибли Олег и Ярополк Святославичи. Их смерть помогла Владимиру водвориться в Киеве и стать единовластным правителем огромного государства. Однако даже эти кровавые события не могут сравниться с той смутой, что развернулась в стране после смерти князя.

Традиционно считается, что главным виновником кризиса является Святополк, приемный сын Владимира Святославича, попытавшийся устранить своих сводных братьев, ставших его основными политическими соперниками в борьбе за власть. Ответственность за усобицу 1015-1019 гг. возлагали на князя как средневековые летописцы, так и маститые историки нового и новейшего времени. В трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и многих других дореволюционных исследователей фигура Святополка стала воплощением человеческого властолюбия, не имеющего права на оправдание [1]. К началу XX столетия эмоциональный подход в оценке характера смуты значительно ослабел, однако общая тенденция сохранилась. В советской историографии критика внутренней политики князя была традиционной и опиралась на те же общечеловеческие ценности, каковыми руководствовались предшественники. Тем не менее, советские ученые более глубоко подошли к проблеме выявления причин династического кри-

зиса 1014-1019 гг., попытавшись увидеть в поступках Святополка государственную необходимость, а не просто стремление к единоличной власти (Б.Д. Греков, Р.Г. Скрынников, А.В. Назаренко) [2].

Принципиально новый подход к оценке интересующих нас событий был предложен М.Б. Свердловым. Изучая политическую ситуацию в стране в начале XI столетия, историк пришел к заключению, что кризис был спровоцирован вовсе не Святополком, а Владимиром Святославичем, допустившим целый ряд грубых ошибок во внешней политике и вопросах престолонаследия [3]. С доводами исследователя трудно не согласиться. Действительно, одним из крупнейших просчетов Владимира следует считать коварное убийство его старшего брата Ярополка и усыновление Святополка, что противоречило курсу на укрепление великокняжеской власти и создавало в дальнейшем почву для грядущей усобицы. Поступок Владимира ставил под угрозу уже сложившийся на Руси порядок наследования по прямой нисходящей линии старших сыновей и тем самым грозил дестабилизировать положение в государстве. По всей видимости, надеясь укрепить отношения с пасынком, князь отправил его посадником в Туров и женил на дочери польского князя Болеслава Храброго. Таким образом, благодаря географической близости Турова к Киеву именно Святополк получил шанс первым оказаться в столице по смерти Владимира и захватить престол, упредив своих сводных братьев [4, с. 191, 195]. В то же время династический брак позволял Святополку опереться на вооруженные силы и экономические ресурсы Польши в случае, если его права будут оспорены кем-либо из родственников. Необходимо отметить, что пасынок не преминул воспользоваться своими связями с Болеславом и еще при жизни отчима составил заговор с целью его низложения. К сожалению, летописи умалчивают о деталях этих событий, однако совершенно очевидно, что ключевую роль в них сыграла супруга Святополка и приехавший с ней епископ колобрежский Рейнберн, поддерживавшие тесный контакт с польской знатью и подбивавшие туровского князя к восстанию против Владимира. Заговор был раскрыт, и все три основных заговорщика заключены в острог, откуда их выпустили только в 1013 г. после многочисленных просьб Болеслава Храброго, опасавшегося за судьбу дочери. Беспокойного Святополка пощадили и перевели в Вышгород, еще более близкий к Киеву, чем Туров.

Необходимо отметить, что русские летописи обвиняют в непокорности Владимиру не только Святополка. Повесть временных лет в статье 1014 г. рассказывает о восстании Ярослава Владимировича, не желавшего платить дань киевскому князю: "Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: "Расчищайте пути и мостите мосты", ибо хотел идти войною… на сына своего… " [4, с. 195]. Только болезнь и скоропостижная кончина князя предотвратили кровопролитие. Именно эти события связывают с началом политического кризиса 1014-1019 гг. Как видно, Святополк не был единственным изгоем в семействе Владимира. Нельзя забывать, что последний умертвил отца и братьев Рогнеды, матери Ярослава, а в 987 г., вознамерившись жениться на византийской принцессе и принять христианство, сослал ее вместе со старшим сыном Изяславом в заброшенный поселок на р. Свислочь. Данные факты со всей очевидностью свидетельствуют, что личные мотивы, побуждавшие выступить против киевского владыки, имелись не только у Святополка, но и его сводных братьев – сыновей полоцкой княжны Рогнеды. Максимально усилить напряжение внутри правящего семейства должен был последний, роковой шаг Владимира, по всей видимости, и послуживший поводом к выступлению Ярослава и закулисной активности Святополка: Владимир приблизил ко двору Бориса Ростовского и Глеба Муромского, потомков от последнего своего брака с Анной Византийской. Интересно, что накануне смертельной болезни князя при нем находился именно Борис, оставивший свои обязанности наместника в Ростове и прибывший в столицу по требованию отца: "Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день" [4, с. 195].

Особое положение Бориса и Глеба при Киевском князе было давно подмечено отечественными и зарубежными исследователями и стало поводом для многочисленных, хотя и небеспочвенных спекуляций. Еще В.Н. Татищев и С.М. Соловьев на основании летописных данных пришли к заключению, что Владимир Святославич готовился передать престол Борису, тем самым нарушив права своих старших

сыновей [5]. Известный польский славист А.В. Поппэ высказал предположение, что после Крещения правительство Владимира предприняло целый ряд мер, направленных на "византиизирование наследования киевского стола". По мнению ученого, новый курс привел к формированию института соправления, вполне традиционного для греческой модели монархической власти. С точки зрения А.В. Поппэ, Борис и Глеб получили не только формальный титул соправителей Великого князя, но были коронованы, то есть официально признаны единственными законными наследниками Владимира. В подтверждение своей мысли о трансформации порядка престолонаследия на Руси в начале XI столетия польский исследователь ссылался на свидетельство немецкого миссионера Бруно Кверфуртского, согласно которому один из старших сыновей киевского князя (предположительно Святополк) был отослан к печенегам в качестве заложника [6]. Факт использования подобной практики для урегулирования отношений с кочевниками действительно следует признать уникальным: он привычен для удельного периода и столкновений с половецкими ордами, но совершенно исключителен для контактов с номадами на столь раннем этапе существования Древнерусского государства. Необходимо отметить, что гипотеза А.В. Поппэ находит косвенное подтверждение в агиографических источниках. Так, в церковной службе Борису и Глебу (Роману и Давыду в крещении) упоминается, что был "цесарским венцем от уности украшен, пребогатый Романе" [7]. Вне зависимости от того, насколько справедливы предположения А.В. Поппэ, нужно признать, что попытки Владимира опереться на младших сыновей в обход старших провоцировали соперничество между молодыми князьями и значительно осложняли отношения в правящем семействе. Таким образом, летописное предание позволяет составить довольно полное представление о причинах династического кризиса 1014-1019 гг. Последний становится результатом непоследовательных и мало продуманных действий киевского правителя, предпринявшего неудачный шаг к изменению порядка престолонаследия ради укрепления центральной власти. Приводимых летописцем данных вполне достаточно, чтобы снять со Святополка обвинение в разжигании смуты и возложить всю вину на Владимира. Однако именно Святополк выступает в качестве основного разрушителя государственного порядка, становится жестоким братоубийцей и получает прозвище Окаянного.

Наиболее яркие памятники Борисоглебского цикла (Повесть об убиении Бориса, вошедшая в русские летописи в виде самостоятельной записи 1015 г., и Пространное житие Бориса и Глеба, более известное как Анонимное сказание) единодушно обличают Святополка, активно используя библейские аналогии. Совершенные князем преступления послужили причиной его уподобления сыну Адама Каину, убившего своего младшего брата Авеля в результате ссоры. "Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на бога, - пишет автор Анонимного сказания, - то стал строить козни и, как в *древние времена Каина*, замышлявшего *братоубийство*, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине *второго Каина*: ведь хотел он перебить *всех наследников отца своего*, чтобы одному захватить всю власть. Тогда призвал к себе *окаянный треклятый Святополк* сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом… дружине: "…Идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, …убейте его" [8, с. 266-267]. Агиографу вторит летописец, продолжая раскрывать цепь событий при помощи тех же ярких эпитетов: "Святополк же *окаянный* стал думать: "Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?" И замыслив *Каиново дело*, послал гонца к Глебу… ". Уже после гибели муромского князя под 1015 г. летопись сообщает: "Святополк же *окаянный и злой* убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: "Перебью *всех своих братьев* и стану один владеть Русскою землею" [4, с. 199]. "Окаянство" пасынка Владимира было перенесено и на его сподручных. "Спешат они на неправедное пролитие крови…, - повторяет летописец слова Соломона, повествуя об убийстве Бориса, - И навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо несчастием изымают свою душу". "И вот напали на него (Бориса – *прим. авт.*), как звери дикие, …и проткнули его копьями… Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие беззаконники… Такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое… Злой человек, усердствуя злому делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится… " [4, с.197-198].

Уподобляя Святополка Каину, летописец и агиограф стремятся максимально сблизить жизненный путь, пройденный князем и библейским героем. Именно в этом сближении заключается вся неоднознач-

ность образа Святополка. Безусловно, такой прием позволяет более глубоко понять мотивы действий князя в разворачивавшейся усобице. Напомним, что причиной конфликта между сыновьями Адама стали жертвы, принесенные богу. “Каин принес от плодов земли дар господу, и Авель… от первородных стада своего и от тука их. И призрел господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его” [Быт. 4:3-5]. Таким образом, именно зависть старшего брата к младшему привела к трагедии. Интересно, что в иудейской традиции существует иная трактовка библейских событий. По мнению еврейского мыслителя XIV века Йосефа Альбо, мотивом убийства стала месть за жизнь животного, принесенного в жертву Авелем. С точки зрения Альбо, Каин не видел за собой права убивать скот, поскольку считал людей и животных равными. Позднее он сделал следующий логический вывод: тот, кто лишает жизни скот, сам достоин смерти. Этим он и оправдывал свое преступление [9]. Следует отметить, что обе трактовки вполне соответствуют данным летописи и Анонимного сказания: у Святополка были все основания ненавидеть отчима и завидовать сводным братьям, несправедливо опередившим его в наследовании киевского стола.

В то же время уподобление приемного сына Владимира Каину значительно затрудняет попытки выяснить судьбу князя после завершения конфликта с Ярославом и бегства за границу. В соответствии с библейской легендой проклятый убийца Авеля стал “изгнанником и скитальцем на земле” [Быт. 4:12]. “И сделал господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его" [Быт. 4:15].Такая же судьба была уготована и Святополку: “И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках… Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом божьим. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти – муку вечную” [8, с. 275-276]. Совершенно очевидно, что данное свидетельство не отвечает географическим реалиям: никакой пустыни в приграничной полосе между Польшей и Чехией никогда не существовало. Но что более значимо, данная информация противоречит тому, что сообщает о Каине Писание. В книге Бытие говорится: “И пошел Каин от лица господня и поселился в зем-

ле Нод, на восток от Эдема… И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох" [Быт. 4:16-17]. Супругой изгнанника, очевидно, стала его родная сестра [Быт. 5:4]. В последующих строках перечисляется многочисленное потомство Каина: Енох родил Ирада; Ирад Мехиаеля; Мехиаель родил Мафусала и т.д. [Быт. 4:20]. Таким образом, скитания братоубийцы завершились крепким и счастливым браком под защитой крепостных стен. В соответствии с иудейской традицией, Каин искренне раскаялся и впоследствии был нечаянно убит своим потомком, слепым Ламехом. Род Каина не пережил Потопа, однако вполне возможно, что именно от него произошли так называемые "кенеи", племя кузнецов и металлургов, упоминающееся в качестве современников Авраама [Быт. 15:19], Моисея [Суд. 1:16], Деворы [Суд. 4:11] и Саула [1 Цар. 15:6]. Более того, раннесредневековый монстр Грендель из англосаксонского эпоса "Беовульф", согласно преданию, являлся далеким потомком Каина [10].

Вышесказанное убеждает в том, что автор Анонимного сказания и летописец весьма избирательно подошли к использованию библейских сюжетов в описании судьбы Святополка. Это могло явиться результатом княжеской цензуры, что вполне вероятно после прихода к власти Ярослава и его сыновей, предпринявших активные шаги в связи с канонизацией Бориса и Глеба и дальнейшей популяризацией их культа. Именно цензура была способна ограничить творческий порыв средневековых авторов, заставить вести изложение в определенных рамках, при которых подобного рода недомолвки приобретали особый смысл. По мнению И.Н. Данилевского, в летописном тексте, восходящем к Анонимному сказанию, присутствуют "вкрапления" из 2-й книги Маккавеев и "Хроники Георгия Амартола", позволяющие донести до читателя в завуалированной форме информацию о невиновности Святополка. Этой же цели, с точки зрения исследователя, служило известие о гибели мнимого братоубийцы, в реальности являвшееся аллюзией на искупительные жертвоприношения иудеев в пустыне, свидетельства чему сохранились как в канонической Книге Левит, так и в апокрифической книге Еноха. Кроме того, И.Н. Данилевский обратил внимание на тот факт, что в летописном перечне сыновей Владимира Святославича, совпадающим со списком сыновей Иакова у Епифания Кипрского, Святополку отводится место Дана, покушавшегося на своего младшего брата Иосифа, но так и не решившегося на злодеяние

[11]. Необходимо отметить, что для русского средневекового книжника, прекрасно знающего Библию, легитимность перехода власти в руки туровского князя не должна была вызывать каких-либо сомнений. Писание всегда отмечало особое положение старших сыновей и их право на наследование престола: “И дал им (сыновьям – *прим. авт.*) отец их большие подарки серебром, и золотом, и драгоценностями, вместе с укрепленными городами в Иудее; царство же отдал Иораму, потому что он первенец” [II Пар. 21:3]. Апостол Павел резко порицал наследников, отказывавшихся от права первородства ради ничтожной подачки [Евр. 12:16]. Таким образом, занимая великокняжеский стол после смерти Владимира, Святополк не просто восстанавливал попранный отчимом порядок наследования, но следовал христианским традициям, обязывавшим его, как старшего в роду, взять бразды правления в свои руки. Интересно, что в древнерусском и церковнославянском языках эпитет “окаянный”, ставший прозвищем Святополка, использовался в значении “несчастный”, “жалкий”, “грешный”, “печальный”, что прибавляет двусмысленности сообщениям летописи и Анонимного сказания [12]. Если убийц, направленных князем к Борису и Глебу, средневековые авторы называют “окаянными”, подразумевая проклятие, которое они навлекли на себя своими действиями, то по отношению к Святополку эпитет мог сохранить свое традиционное значение и употребляться с сочувственным оттенком. В этом случае он становился неотъемлемой частью предлагаемого читателю ребуса, основанного на библейских параллелях.

Чем же был несчастен Святополк, что могло вызвать жалость агиографа и летописца? Частичный ответ можем найти в рассказе о рождении князя. “Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены… ” [8, с. 263]. “Владимир же стал жить с женою своего брата…, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира” [4, с. 173-174]. Из приведенных данных очевидно, насколько шатким было положение князя в семействе Владимира. Укрепить его можно было, восстановив передачу власти по прямой нисходящей линии старших сыновей. Именно к этой цели, по-

видимому, стремился Святополк, но не смог ее достигнуть. На основании источников сложно судить о его причастности к смерти братьев, однако имеющихся данных достаточно, чтобы снять обвинение в узурпации власти и развязывании кровавой смуты 1015-1019 гг.

Библиографический список

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст]: в XII т.; в 3 кн. - М., 2006. - Кн. 1, Т. I-IV. - С. 169-176; Соловьев, С.М. Об истории древней России [Текст]. - М., 1993. - С. 46-47.

2. Греков, Б.Д. Киевская Русь [Текст]. - М., 1953. - С. 482-483; Назаренко, А.В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI вв.: Тексты, перевод, комментарий [Текст]. - М., 1993. - С. 174-176; Скрынников, Р.Г. История Российская. IX – XVII вв [Текст]. - М., 1997. - С. 66.

3. Свердлов, М.Б. Домонгольская Русь [Текст]. - М., 2003. - С. 308-313, 324.

4. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996.

5. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-4 [Текст] // Соловьев, С.М. Сочинения в 18 книгах. - М., 1988. - Кн. 1-2. - С. 194-195; Татищев, В.Н. История Российская [Текст]: в 3 томах. - М., 2003. - Т. 2. - С. 65-66, 614, 628.

6. Поппэ, А.В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. - СПб., 2003. - Т. 54. - С. 308-315.

7. Цитируется по: Боровков, Д.А. Тайна гибели Бориса и Глеба [Текст]. - М., 2009. - С. 23.

8. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу [Текст] // Боровков, Д.А. Тайна гибели Бориса и Глеба [Текст]. - М., 2009. - С. 263-279.

9. Каин, Гитлер и Вегетарианство // Режим доступа: http://www.jewish.ru/tradition/classics/philosophy/2006/06/news994235611.php

10. Каин и Авель // Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/KAIN_I_AVEL.html

11. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XI вв.) [Текст]. - М., 1998. - С. 336-354.

12. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]: в 3-х т. - М., 2003. - Т. II. - С. 640.

УДК 94(470)"16/18"

Е.Л. Сараева

Культурные универсалии европейской цивилизации Нового времени: взгляд русских западников

Важной тенденцией общественного развития в Новое время стало расширение культурного взаимодействия, определившего проблему отношения к «другому». В России она приобрела актуальность с начала процесса европеизации. Гуманистическая система ценностей русских западников сороковых годов XIX в. обусловила их заинтересованность в аккумуляции общечеловеческого опыта Запада. Она содействовала формированию позитивного отношения общества к взаимодействию наций, потребности расширения знаний о других культурах. Западники своими печатными трудами стремились доказать ложность стереотипа самодостаточности национальной культуры, накопленного опыта политического и социального развития. Созданный ими образ Запада, предполагали «русские европейцы», позволит разрушить существовавший в определенных кругах миф о неприемлемости для России чужого опыта. Западникам принадлежит заслуга осмысления общечеловеческих компонентов и констант европейской цивилизации. Они широко использовали понятие *европейской цивилизации*, определяя ее как совокупность исторически выработанных форм и идей. *Главной ее особенностью они считали наиболее зрелое, разумное и гуманное решение проблемы личности.*

Русские мыслители использовали концепты «европейская цивилизация» и «западная цивилизация» как синонимичные в значении историко-культурного мира, единство которого обеспечивалось христианством, общей системой ценностей, схожими социально-

политическими процессами. Европе западники отводили роль цивилизации, содействующей прогрессу других.

«Русские европейцы» 40-х гг. были уверены в существовании единой европейской цивилизации, одновременно подчеркивая, что история и культура каждой страны имели свои особенности. Они сравнивали европейскую цивилизацию с семьей, родней, имевшей кровные узы. По их мнению, существовали общие факторы развития стран Европы, обусловившие формирование одного историко-культурного ареала, создание которого не исключало складывания отдельных, национальных сообществ. Формирование цивилизации шло под влиянием исторических обстоятельств, утверждал Грановский. «Обстоятельства, в которых живет какое-либо сословие или целый народ, условливает возникновение их цивилизации и их воззрения на жизнь» [3.С.175-176]. Поскольку условия существования общества менялись во времени, изменялись и черты цивилизации, полагал историк.

Новый период в истории Европы, начавшийся, по мнению западников, с XV века, стал временем формирования гражданского общества, развития просвещения, науки, искусства, промышленности, торговли, складывания правовых отношений под влиянием римских законов, заимствования элементов культуры античной цивилизации, движения идей. *В Новое время, особенно в период Просвещения, в европейских странах находили признание идеи свободы и достоинства человеческой личности, святости ее прав.* Считая эти идеи *универсальными*, западники ценили вклад европейской цивилизации в утверждение гуманистических принципов. Они стремились определить общечеловеческие компоненты европейской цивилизации, которые могли быть усвоены другими народами.

Особенностью культуры Нового времени, считали западники, являлось *признание личности высшей ценностью*. Мысль западников о доминировании в ментальности европейцев идеи свободы и достоинства личности – свидетельство идеализации ими развития духовной сферы на Западе. В.Г. Белинский, полагая, что идейную основу европейской культуры составляют универсальные ценности, называл европейскую цивилизацию общечеловеческой [1, т. 4, с.20]. А.И. Герцен писал о распаде общества на мыслящую элиту и малообразованную массу. Духовное содержание европейской цивилизации, полагал он, определяли мыслящие люди. «…В тиши кабинетов, в мастерской ар-

тистов жила тогда новая мысль и росла новая мощь. Это гамлетовский период истории» [2, т. 2, с. 170-171]. Европейская цивилизация обеспечила развитие науки – условия прогресса общества, подчеркивал Кавелин: «Другой науки, кроме той, которая развита и выработана в Европе, доселе не имеется» [4].

Ведущей тенденцией цивилизационного развития Европы в Новое время, по мнению западников, было расширение свободы личности. На государственном уровне, в общественном сознании укоренились *ценности свободы и равенства граждан*. В Новый период только Запад демонстрировал готовность расстаться со старыми формами и создать новые. Герцен полагал, что *способность к динамичному развитию является одной из отличительных свойств Запада* [2, т. 2, с.170].

Верно ли восприятие западнического воззрения как европоцентристского? В научных исследованиях существует мнение об обусловленности становления европоцентристской картины мира в конце XVIII – первой половине XIX в. прогрессом Западной цивилизации [5, с. 40-41]. Е.Б. Рашковский и В.Г. Хорос объясняют складывание европоцентристского типа мышления общей философской культурой того времени, когда утверждалась идея единства истории. Характеризуя мировоззрение образованного общества начала XIX в., С.М. Усманов отмечает его глубокий европоцентризм, унаследованный от предыдущего столетия. Ссылаясь на мнение А.М. Каримского, он определяет европоцентризм как представление об исключительной, всемирно-исторической роли Европы с вытекающими отсюда выводами о правомерности притязаний Запада на политическое и культурное лидерство в мире. «Такое восприятие мира в его “восточно-западном” измерении было типичным для сознания европейца нового времени. И в России в начале XIX века это было свойственно даже самым выдающимся личностям, включая Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского» [6, с. 5]. Западники не были европоцентристами, но полагали, что Европа смогла выработать общечеловеческие ценности и идеи. Они не утверждали, что неевропейские народы должны повторить путь Запада, имеющего право диктовать иным социумам свои условия движения.

Несомненно, западники не смогли избежать идеализации Запада. Они отмечали, что акцентирование ими внимания на положительных результатах развития Европы обусловливалось отсутствием сво-

боды в России. Идеализированный образ Запада сложился под влиянием европейской философско-исторической литературы. Герцен, объясняя идеализацию им Европы в сороковые годы, писал, что тогда он знал преимущественно идейное развитие на Западе; его образ Запада формировался под влиянием трудов западных интеллектуалов. Его любовь к Западу вызывалась ненавистью к николаевскому самовластию, петербургскому порядку [2, т.18, с.278]. Сознавая «тяжкое положение бесправия» людей в России, западники отмечали большую свободу личности в Европе [1, т. 8, с. 194]. Центральной идеей западников была свобода личности. «Свобода лица – величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе», - писал Герцен [2, т.6, с.14].

Западники не идентифицировали европейскую культуру как универсальную. Белинский предупреждал, что нельзя восхищаться всем европейским только потому, что оно европейское. «Все европейское, в чем нет человеческого, необходимо отвергать с такою же энергиею, как и все азиятское, в чем нет человеческого» [1, т.8, с.194].

Выделение западниками общечеловеческих, гуманистических начал европейской цивилизации имело целью определить, на какие ее достижения другим народам следует обратить внимание. Невольная *идеализация* западниками Европы обусловливалась оценкой ее культурного потенциала. В меньшей степени их интересовала массовая культура в европейских странах. Многие представители круга западников ездили за границу и имели возможность познакомиться с действительной жизнью европейцев. Не подлежит сомнению, что высокая оценка западниками европейской цивилизации была реакцией на негативное отношение к Европе славянофилов и представителей официальной народности. Западников удивляло, что «тяжкий приговор» будущему Европы звучал во многих книгах, журналах, брошюрах, газетах [4, с. 705]. Их беспокоило навязывание обществу мысли о нравственной деградации европейцев [1, т.7, с.119]. Отмечая, что литература и журналистика легко манипулируют мнениями публики, поскольку она не имеет устойчивых убеждений, западники считали своим долгом внушить людям уважение к другим народам и культурам. К.Д. Кавелин в 1845 г., выражая свое недоумение по поводу того, что часть образованной публики не понимала значения развития науки на Западе,

писал: «С восторгом превознося все славянское, особливо древнее, возвещая несуществующую славянскую науку, многие с большим или меньшим предубеждением отзываются обо все европейском. Блестящая история Европы, ее великое настоящее, ее высокая цивилизация, ее наука, созданная веками, - для них как будто не существует» [4, с. 703]. Отрицание славянофилами значения культуры Запада заставляло западников подчеркивать лучшие черты европейской цивилизации.

Западники ощущали себя внутренне свободными людьми, уважавшими независимую мысль. Рациональным компонентом их оценки европейской цивилизации было выделение из многообразного опыта Запада гуманных элементов его культуры. Полагаем, что их ошибкой было восприятие теоретических положений европейских мыслителей как умственной конструкции действительных процессов, повседневной жизни конкретных людей, которую они знали недостаточно. Книжный мир Запада заслонил от них, живших в мире идей, сложную противоречивую реальность. Моменты идеализации и односторонности в их оценках обусловливались в значительной степени их историософией (проблему преемственности в развитии цивилизаций они рассматривали только как положительное явление).

Итак, классические западники выделили *общечеловеческие компоненты европейской цивилизации*, усвоение которых в России содействовало бы ускорению динамики социокультурных процессов. С их точки зрения, ***в движении Запада в Новое время ведущим процессом было создание нового типа культуры личности, утверждающей ценность индивидуального дарования, право человека на свободу самовыражения***.

Образ Запада, сформированный «русскими европейцами» сороковых годов в печатном дискурсе, существенно отличался от славянофильского взгляда на Европу. Он фокусировал внимание на культурных универсалиях цивилизационного процесса. Теоретический модус анализа европейской модели развития позволял западникам выделить ее системообразующие компоненты. Работы западников содержат интерпретацию многих событий политической и социальной жизни в странах Запада, нередко контрастирующую с созданным ими образом европейской цивилизации. Корреляция мыслительной конструкции западной модели развития была осуществлена «русскими европейцами» в конце

сороковых годов, когда они стали больше писать о противоречиях политической и социальной системы на Западе.

Характеристика западниками европейской цивилизации отличалась определением интегрирующих факторов развития (христианство, взаимодействие народов, усвоение наследия античности, развитие науки и культуры), ее смыслообразующих констант, этапов эволюции. Выработку общечеловеческих компонентов этой цивилизации русские мыслители связывали с христианской культурой, формировавшей представление о достоинстве человеческой личности. Воспитанные в православии, западники преимущественно интересовались проблемами духовного становления человека, не отрицая необходимости создания комфортных условий жизни. По мнению западников, основным достижением европейской цивилизации стало определение общечеловеческих основ жизни: свобода и уважение прав человека, гражданское устройство, сознательно-разумные семейные и общественные отношения. Западники не считали, что высокий социально-нравственный идеал уже воплощен в европейских странах. Отличительной чертой истории Запада, полагали они, является развитие личностного начала.

Важным компонентом воззрения «русских европейцев» на историю Запада в Новое время стала идея формирования европейской цивилизации как политической и социокультурной системы, общечеловеческие элементы которой могут быть усвоены незападными народами. Для русских западников Европа была не только историческим и географическим ареалом, но и цивилизацией, создавшей модель свободного развития личности путем самосознания и самореализации. Миссию этой цивилизации западники видели в становлении новой культуры просвещенной независимой личности. Цивилизацию, формировавшуюся в Новое время в Европе, западники идентифицировали с просвещением, правопорядком, свободой личности. Они акцентировали внимание на гуманистических элементах европейской модели цивилизационного развития. Этот умозрительный образ влиял на осмысление российской действительности.

Анализ становления европейской цивилизации убедил западников, что взаимное восприятие народами достижений друг друга ускоряет развитие, обогащает жизнь людей, делает ее многосторонней, расширяет возможности самореализации. Развитие науки и просвещения в

европейских странах, не имевших культурных границ, обеспечило формирование общего круга идей. Запад – постоянно развивающаяся цивилизация, не знавшая длительных периодов застоя, омертвления форм политической и материальной жизни. Саморазвитие - важнейшее условие прогресса - обеспечило быструю социальную и культурную динамику европейских обществ.

В становлении цивилизации Нового времени западники выделяли процесс расширения свободы личности. Их теоретическая конструкция цивилизованного общества периода Модерна базировалась на идеях законодательного регулирования деятельности представителей власти, расширения свободы саморазвития и гражданской деятельности человека. Западники отметили *тенденцию к культурной унификации западного ареала*. Чертой европейской идентичности является идея общности судеб народов Запада. Представляет интерес теоретико-историческое решение западниками бинарной оппозиции «европейское» - «общечеловеческое»: западная цивилизация утвердила высшими ценностями личность и правопорядок, поэтому она представляет фундаментальные основы социально-политической жизни, но не все европейское имеет универсальное содержание. С точки зрения западников, общечеловеческими компонентами, выработанными европейской цивилизацией, являются свобода личности, ее права на жизнь, уважение своего достоинства, благосостояние, свободное творчество, развитые гражданские формы жизни. Проблема национальной идентичности народов Европы для западников была менее значима, поскольку их обращение к опыту Европы определялось, прежде всего, стремлением осознать начала развития личности.

Другой процесс, отмеченный западниками, - распространение европейской культуры Нового времени на незападные страны. «Русские европейцы» сороковых годов были убеждены в необходимости восприятии общечеловеческих ценностей и идей, выработанных на Западе, поскольку они давали импульс к созданию новой цивилизации в России. Западники участвовали в формировании таких традиций взаимоотношений народов, как осознание ценности наследия «другого», выявление универсальных элементов культуры, синтезирование значимых достижений цивилизационного развития разных народов с опытом своего движения.

Развитие современной науки доказывает конструктивность западнического подхода к анализу европейского опыта – выделение общечеловеческих компонентов в движении общества.

Библиографический список

1. Белинский, В.Г. Собрание сочинений [Текст]: в 9 т. / В.Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1976-1982.

2. Герцен, А.И. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т. / А.И. Герцен. – М.: Изд-во АН СССР, 1954-1966.

3. Грановский, Т.Н. Лекции 1848/1849 г. (Запись В. Собчакова) [Текст] / Т.Н. Грановский // Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 175-176.

4. Кавелин, К.Д. Наш умственный строй [Текст] / К.Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989.

5. Рашковский, Е.Б. Мировые цивилизации и современность [Текст] / Е.Б. Рашковский, В.Г. // Восток – Запад – Россия. - М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 36-66.

6. Усманов, С.М. Русская интеллигенция и Восток. Становление пространственных ориентиров в первой половине XIX века // Интеллигенция и мир. - 2001. - № 2/3. - С. 5-11.

УДК 94(470)"16/18"

Л.Л.Смирнова

Литературная жизнь Костромского края на страницах губернских ведомостей в 30-70-е гг. XIX в.

“Костромские губернские ведомости” начали выходить в 1838 году, газета состояла из “Официальной части” и “Прибавлений”. “Прибавления” в 40-е годы были именованы “Неофициальной частью”. В официальной части, как и в “ЯГВ”, помещались “Объявления и извещения”, “Постановления и предписания губернского начальства”, статьи “Об отыскании лиц и имений им принадлежащих”. “Прибавления” были представлены “Частными извещениями” вроде следующего: “О вышедшей из печати книги “Подробное описание Костромского Успенского Собора”, составленное Протоиереем оного собо-

ра и кавалером Иаковом Арсеньевым" [3, №10] или такого: "В прянишном ряду, под №5, продаются разные вновь вышедшие книги: Учебные. Духовные, Романы, Исторические и Театральные пьесы; лучшие литографированные картины и самоучительные стекла в рамах для обучения детей чистописанию; при чем честь имею известить, что открывши оную лавку проездом, я в городе Костроме пребывать долее не могу, как до 10 числа генваря месяца, будущего 1839 г. Книгопродавец Михайло Кузнецов" [3, №49]. Из второго объявления можно получить подтверждение о существовании в Костроме в 1838 году книжной торговли и даже адрес этой книжной лавки, но уже в 1839 году адрес этот изменится, судя по объявлению в №14 "КГВ", помещенном в прибавлениях, это уже будет "табачный ряд №15 и 16", а торгует здесь все тот же книгопродавец М.Кузнецов. Из объявлений в "Прибавлениях" известно и о выходе книги "Взгляд на историю Костромы Князя Александра Козловского" [3, №50], в них также сообщается о приезжающих и уезжающих из Костромы гражданских лиц, военных и чиновниках. С первых лет издания газеты в "Прибавлениях" публикуются интересные исторические материалы, к сожалению, они без подписи: "Извлечение из исторических известий о Костромском Богоявленском монастыре" [3, №11], "О Костромском кремле или старом городе Костроме" [3, №45-48], "Ипатьевский первокласный монастырь" [6, №3], "Николаевский Бабаевский мужской монастырь" [6, №8].

В 30-е годы в "Прибавлениях" же печатаются многочисленные статьи на сельскохозяйственные темы, в большинстве своем это перепечатки из губернских ведомостей Нижегородской, Тверской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Владимирской, Новгородской, Белостокской и других губерний. В этой же части газеты постоянно помещаются "Извещения (объявления) о бродягах, беглых крестьянах", в которых подробно описываются внешность, одежда - своеобразный источник для этнографических материалов.

В №47 за 1839 год редакция объявляет, что с 1840 года "Костромские губернские ведомости" будут издаваться в двух частях: официальной и неофициальной. Надо сказать, что организация двух отделов в газете сыграла большую роль: значительно расширилась "Официальная часть" - регулярно печатаются новости о торгах и ярмарках, а в "Неофициальной части" оформились несколько отделов, которые

во второй половине 40-х годов были названы “Материалы для истории”, “Материалы для этнографии”, “Библиографические известия”, материалы по народному образованию: “Об открывающемся в городе Нерехте Училище для девиц. (Один из ходатаев об открытии Градской голова купец Дьяконов)” [4, №1], “Предметы Гимназического курса обучения” [5, №45]. Часто здесь помещаются сообщения о торжественных актах в Костромской губернской гимназии, так, в “Торжественном акте, бывшем в Костромской губернской гимназии 1 сентября 1840 года”, читаем: “...Державших окончательный экзамен было 7; из них четверо (Березовский, Писемский, Гусев и Лапшанский) удостоенные похвальными аттестатами выбыли из Гимназии в конце июня месяца для поступления в Университеты и другие высшие учебные заведения” [4, №51].

В 30-е - 40-е годы происходило становление газеты. Она была еще в большинстве своем печатным изданием, которое лишь констатирует факты из жизни губернского города и его уездов. Но постепенно картина меняется.

В конце 40-х, в 50-е годы на страницах неофициальной части появляются фамилии костромских краеведов: М.Диева, Д.Прилуцкого, С.Бологовского, А.Иванова, П.Андроникова. Статьи их посвящены истории, этнографии края.

С 1852 года редактором неофициальной части состоял старший чиновник по особым поручениям при Костромском губернаторе Н.Ф. фон-Крузе. Планировалось назначение редактором А.Ф.Писемского, но оно не состоялось ввиду его служебного перевода и отставки. Не состоялось и сотрудничество А.Ф.Писемского в газете, обещанное в заметке “От редакции” в №4 за 1854 год. Известно, что впоследствии Н.Ф.Крузе с 1855 по 1859 год служил цензором и своим разумным отношением к этим обязанностям способствовал свободному выражению мнений в оживившейся журналистике. Н.Н. Скатов по этому поводу писал: “В 1858 году Крузе по распоряжению Александра II был уволен за некоторые послабления печати. Это дало повод литераторам выразить протест и заявить сочувствие потерпевшему. Среди 59 литераторов, подписавших приветственный адрес, были Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров и др. Во время чествования Крузе 8 апреля 1858 г. на квартире Некрасова поэт произнес приветственные стихи в его честь, которые полностью

были напечатаны лишь в ПСС 1927 года. Образ мужественного бойца, гражданина в стихах, конечно, шире своего реального прототипа" [20, 352]. Обращение к читателям редактора неофициальной части газеты Н.Ф.Крузе способствовало значительному появлению исторических, этнографических, литературных материалов: "Долгом считаем известить Гг. наших подписчиков, что в настоящем году ведомости наши примут совершенно другой характер, соответствующий более их назначению. Как местное периодическое издание, они будут заключать в себе преимущественно сведения о Костромской губернии по предмету Истории, Археологии и Статистики. ... Мы постарались помещать в них и хозяйственные и небольшие литературные статьи» [7, №1].

Редакция с желанием принимала и статьи о настоящей, повседневной жизни Костромы, например, таково сообщение: "Несколько слов об увеселениях в Костроме" [7, №1] или "Благородный спектакль в пользу бедных и театра Костромы": "...Для этого спектакля актеры выбрали четыре пьесы: Маскарад, две сцены из драмы М.Ю.Лермонтова; Выдал дочку замуж! Комедия в одном действии, переделанная с французского П.С.Федоровым; Тяжба, сцены Н.В.Гоголя и Элексир гр. Калиостра, комедия в одном действии, перевод с французского. ... В первой из указанных нами пьес, т.е. Выдал дочку замуж весь ensemble был прекрасный. Роль Кукушкина играл А.Ф. Писемский в особенности превосходно. Г. Писемский, как мы могли убедиться, обладает прекрасным сценическим талантом; он совершенно понимал свою роль и выдержал ее до конца...Что касается до второй пьесы "Тяжба", то здесь, по всей справедливости, должно сказать, что А.А.Потехин в роли секретаря Пролетова был бесподобен и едва ли самый искусный актер мог бы лучше выполнить типичное лицо Гоголевского чиновника. Как он прекрасно выразил свой гнев против бедной Северной Пчелы, принесшей ему горькую весть о повышении его прежнего сослуживца и ровесника по службе. Корыстная, мелкая и завистливая душа несчастного чиновника выказалась вполне А.А. Потехиным в этот момент...." [7, №4]. Следует заметить, что здесь приводятся факты, подтверждающие сведения о биографии писателей А.Ф.Писемского и А.А.Потехина.

Редакция газеты не могла оставить без внимания Волгу, реку, на которой находится губернский город Кострома. Ранее, в 1848 году, в четырех номерах ведомостей печаталась с продолжением статья

“Геогностическое описание берегов Волги и рыболовство на этой реке”, и вот в 1854 году 12 номеров газеты предлагают читателям большой очерк “Волга”, в котором идет речь о значении этой реки в истории России: “Три великие державы основались в первых веках христианства на Волге, которой политическую важность можно уже увидеть из того, что сказано выше, - сперва империя Гуннов, которые с главными силами народа скоро оставили берега этой реки для грабежа и завоеваний в Римских провинциях; потом Хазарская к югу и Булгарская к северу...” [8, №11-23]. В 1854 году последовало еще одно обращение редакции к читателям, “принявшей на себя отчетность по неофициальной части Костромских Ведомостей”: “...Костромская губерния - одна из тех, о которых до сих пор еще было написано очень мало.....Набожность, крепость семейных уз, редкая благотворительность и хлебосольное гостеприимство вообще характеризует жителей Костромской губернии. Все то, о чем мы теперь намекнули так коротко, разовьется нами с совершенною подробностию во многих статьях, которые ... будут помещаемы в неофициальной части Костромских Ведомостей...” [8, №4]. Вот перечень исторических статей, следом появившихся в газете, как и обещала редакция: А.В.Иванов “Кадый” [8, №3], “Юрьевец” [9, №50]; И.Сперанский “Межа” [12, №1]; М.Диев “Солигалич” [11, №10-12]; В.Борисов “Догадка о происхождении Костромы” [12, №43]; П.Андроников “Костромской Богоявленский монастырь” [11, №26-28], “Окружное послание преосвященного Симеона к Костромской пастве по случаю появления на Волге Пугачева” [12, №51]. Любой материал по истории края представляет в настоящее время не только большой интерес, но и значимость, например статья “Николаевский Бабаевский общежительный монастырь” рассказывает не только историю монастыря, но, описывая монастырь поэтичным языком, как бы передает трепетное отношение к обители: “Лучший вид на монастырь с юго-западной стороны, - от реки Волги; с левого гористого берега ее виден монастырь на далекое пространство, особенно в весенний разлив Волги; когда вода почти доходит до самых стен ограды монастырской, все здания его издали представляются как будто стоящими в воде, или как на острове. Название “Бабаевский” монастырь получил от бабаек или больших весел, употребляемых вместо руля, при сгонке сплоченного леса по реке Волге из рек Шексны и Мологи Ярославской губернии...” [10, №14].

Большую работу по сбору этнографического материала проводил П.И.Андроников, в неофициальной части "КГВ" регулярно печатаются его статьи: "Этнографические заметки о Костромской губернии" [10, №9], "Две волжские песни" [10, №14], "Злая жена (Костромская простонародная сказка)" [10, №16], "Свадьба в Парфентьеве" [10, №26], "Поговорки, употребляемые в Костромской губернии" [10, №39], "Ивановская ярмарка" [10, №41], но это далеко не полный их перечень. Наблюдательность и восприимчивость автора к изучаемому материалу подтверждает материал "Этнографические заметки о Костромской губернии": "Дебри и дремучие леса характеризуют местность северовосточного края России, куда надобно отнести и Костромскую губернию. Этот дремучий бор, сказывающийся в самих названиях селений губернии, наложил на обитателей здешних мест особую печать. ...." [10, №9]. Затем читателям рассказывается о быте жителей и языке, причем замечено, что порой два села соседних разделяет лишь небольшой лес, но жителей этих сел не спутать: у них разнятся и манера одеваться, и привычки, и особенно речь. В статье Н.Сперанского "Межа" описывается часть Кологривского уезда Костромской губернии: "...Если кому-нибудь случится быть в этом крае, тот с первого взгляда легко заметит всю поразительную противоположность между жителями, находящимися по эту сторону леса, и поселившимися за лесом на верхней Меже. Лишь только вступите в селение, то, не входя в дом и не видя жильцов, сейчас же заметите эту противоположность; так, в постройке домов нет никакого порядка, ни удобства, ни чистоты, все они разбросаны как пришлось, <...> иной дом с полуразвалившейся соломенной крышей смело встал на самой проезжей дороге <...>; нет возможности проехать по деревне и не заплутаться в закоулках" [12, №1]. Далее автор, совершенно отойдя от научно-этнографического изложения материала, переходит к бытоописанию, рассказывая о жителях селения. Каковы дома, таковы и люди: совершенный беспорядок в одежде, которая выглядит нелепо до карикатурности, речь этих людей невозможно понять. Создается ощущение ирреальности всего окружающего, но оно есть и существует, и существует с давних времен.

В 1850-1860 годы Костромские губернские ведомости отразили на своих страницах оживление русской общественной жизни. Провинция жила, как и вся страна, ожиданием реформ, новых перемен. Столичные писатели пишут о надеждах и чаяниях своего поколения,

именно в эти годы росли и крепли имена таких писателей, как И.А.Гончаров, А.Н.Островский, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, И.С.Тургенев и многих других. Провинциальная печать откликалась на этот душевный подъем по-своему: публикацией материалов о местной истории, этнографии края, изданием стихов местных поэтов. Естественно, провинциальная поэзия прямо зависела от общерусской и в то же время своеобразно интерпретировала ее. Рецензий на стихи Н.Ашмарина, И.Львова, Н.Лаговского, Н. Воронова, А.Салькова, В.Клеева в газете не было. Трудно говорить о поэтических достоинствах этих произведений, но одно можно заметить, что хороши они искренним поэтическим выражением чувств и переживаний. Надо думать, что редакция тепло встречала местных поэтов и предоставляла им возможность напечататься в газете. Вот, например, как представил П.Андронников стихи крестьянина В.Клеева, "поднесенные Г. начальнику губернии на новый год": "Помещая здесь стихи Клеева редакция считает своею обязанностью заметить, что ни форма их, ни идея, конечно, далеко не удовлетворяют требованиям искусства. Но автор их - не поэт: он простой крестьянин и не добивается звания художника, даже и понятия не имеет о художественности стиха. Он просто хотел высказать полноту своего сердца, как умел и как мог. Смотря на его стихотворение с этой точки зрения, редакция считает долгом своим поместить эти стихи в "Губернских Ведомостях" [11, №2]. Жанр подношения важному лицу на Новый год, на приезд, на какой-либо торжественный акт существовал в провинции весьма долго. В стихах Н.Воронова, А.Салькова ярко обозначена тема любви к государю, так, у А.Салькова в стихотворении "По случаю события 4 апреля 1866 года" читаем:

Прими Державный Повелитель,
За чувства радости живой,
Что сохранил тебя Спаситель,
Закрыв крестьянина рукой... [14, №15].

В № 24 за этот же год редакция пишет: "В №17 Сев.Почты помещены стихи кн.Вяземского, вызванные, как ясно видно, теплым русским чувством любви к Царю, и так близкие сердцу каждого русского человека, что редакция Губ.Вед. считает обязанностью познакомить с ними своих читателей. Вслед за этим редакция считает себя не вправе отказать от удовольствия видеть в столбцах газеты, достав-

ленную ей Н.А.Вороновым песню, которая может некоторым образом служить доказательством чувств костромичей" [14, №24]:

Велика Россия
Обойди весь свет
Царства есть другие
Ей подобных нет.

Русскому народу
Александр второй
Дал права, свободу,
Царству - новый строй...

Еще одна тема у местных поэтов - любовь к малой родине, в бесхитростных стихах этих воплотились все чувства авторов к родной земле, так, у Н.Воронова в стихотворении "Посвящено моей родине" написано:

Тебя люблю я всей душою
Приволжский край, мой край родной;
Тебе назначено судьбою
Дать перл России дорогой... [16, №5]

Можно охарактеризовать стихи местных поэтов как своеобразную форму народно-литературного красноречия, таково стихотворение Н. Ашмарина "Старик" - рассказ об отходничестве, распространенном в Ярославской и Костромской губерниях:

Эх, дитятко, дитятко! в мире - что в море:
И радость увидишь, потерпишь и горе.
И грусть, и веселье я в жизни встречал;
Ни много, ни мало всего испытал.
.....
Но был у нас дядя; он в Питере жил
И матушке часто он так говорил:
"Пусти ко мне в Питер Ивана, сестра,
Не выйдет, в деревне, из парня добра!" [10, №2]

Часто встречается литературное эпигонство романтического плана[2,366], а вернее - подражания, так, например, у Н. Ашмарина:

В душе моей - одне страданья
Лишь думы грустные одне...
Желал я много; но желанья

Давно наскучили уж мне:
Ведь пользы не желать напрасно!
Любить желал я - полюбил;
Любил три года нежно, страстно;
Но, наконец, и разлюбил... [10, №4]

А вот строки из стихотворения Н.П.Огарева:

Я помню робкое желанье,
Тоску сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье
Я помню слезы и любовь.
Шло время - ласки были реже,
И высох слез поток живой,
И только оставались те же
Желанья с прежнею тоской... [19, 55]

Местные поэты на страницах губернских ведомостей имели возможность публиковать свои стихотворные произведения, сколь бы значительными или незначительными они ни были.

В конце 60-х годов на страницах "КГВ" сокращается число краеведческих материалов, происходит частая смена редакторов неофициальной части, объем которой уменьшается наполовину. Печатаются в это время в основном "Политические известия" (перепечатки из столичных газет), материалы "Земские собрания в уездах" и "Журналы уездных земских собраний". В "Библиографических известиях" рассказывается в конце года или о выходящем "Справочном календаре Костромской губернии" на новый год, или о подписке на столичные газеты и журналы: "Друг народа", "Нива", "Петербургский листок", "Русское богатство", "Русские ведомости", "Новое время", "Парижские моды", "Модный магазин" и др. Краеведческие материалы очень редки, так, в 1863 году было лишь две статьи: "Ипатьевский монастырь со времени учреждения штатов до его восстановления в 1835 году" П.Красовского, "Галич" (б.а.) [13, №37]. В "Костромских заметках" рассказывается только о чрезвычайных происшествиях в жизни губернского города: о пожарах, кражах и т.п. В 1867 году в трех номерах неофициальной части были опубликованы статьи "Из записок Артиллерийского офицера о Крымской кампании" (Доставлено Б.Залесским) [15, №40-43]. Написаны они не рукой профессионала -

простым языком, в рассказах о воинской доблести звучит искренний патриотизм автора-участника тех боевых действий.

В 70-е годы на страницах неофициальной части пройдет несколько краеведческих материалов: “Рыболовство в Костромской губернии” Ф.Арсеньева [17, №1-2], “Троицкая церковь, что в Ликурге, Костромской губернии, в Буйском уезде” В.А.Самарянова [17, №43-47], “Очерк красильного производства в Костромской губернии” [18, №14-15]. Все остальное место в неофициальной части займут сообщения о “Пожертвованиях денежных и материальных в пользу бедствующего населения Герцеговины и Боснии”, репортажи и телеграммы с фронта военных действий, списки раненых и погибших на русско-турецкой войне. Период 70-х годов в издании “Костромских губернских ведомостей” не был интересен публикациями, причин тому может быть много, одна из них - частая смена редакторов, которые, недолго поработав, “исчезали” со страниц газеты, так что о них забывали читатели. Распался прежний круг сотрудников ведомостей, той преемственности, которую можно наблюдать в это же время в ярославской газете, здесь не было. Поэтому, видимо, из-за отсутствия сколько-нибудь интересного материала редакция предлагает читателям в “Объявлениях” подписываться на столичные газеты и журналы.

За период 1830-70-х годов мы наблюдаем весьма широкий диапазон тем публикаций и их жанровое разнообразие. Ведомости сберегли многие памятники фольклора, они напечатали немало исследований об обычаях, обрядах, которые стали известны благодаря только этим публикациям; они – источник материалов по народному творчеству. В целом же в ведомостях реализовалась общая тенденция, которая продумывалась И.С.Аксаковым (она изложена в его статье “О значении областной России и необходимости областной печати” [1,184-185]), но со своей логикой развития, что, в свою очередь, давало немало отклонений от начальной точки движения в пути.

Библиографический список

1. Аксаков, И.С. О значении областной России и необходимости областной печати [Текст] / Иван Сергеевич Аксаков // Аксаков, И.С. Сочинения. Славянофильство и западничество. 1860-1886. Т. 2. - М., 1886. - С.183-189.

2. [Без автора] Ночь светла…[Текст] / Без автора // Русские песни и романсы. – М.,1989.

3. Костромские губернские ведомости, 1838 [Текст] / КГВ. (Далее ссылки на «Костромские губернские ведомости» даются в тексте в квадратных скобках с указанием номера)

4. Костромские губернские ведомости, 1840 [Текст] / КГВ.

5. Костромские губернские ведомости, 1841 [Текст] / КГВ.

6. Костромские губернские ведомости, 1844 [Текст] / КГВ.

7. Костромские губернские ведомости, 1853 [Текст] / КГВ.

8. Костромские губернские ведомости, 1854 [Текст] / КГВ.

9. Костромские губернские ведомости, 1856 [Текст] / КГВ.

10. Костромские губернские ведомости, 1858 [Текст] / КГВ.

11. Костромские губернские ведомости, 1859 [Текст] / КГВ.

12. Костромские губернские ведомости, 1862 [Текст] / КГВ.

13. Костромские губернские ведомости, 1863 [Текст] / КГВ.

14. Костромские губернские ведомости, 1866 [Текст] / КГВ.

15. Костромские губернские ведомости, 1867 [Текст] / КГВ.

16. Костромские губернские ведомости, 1868 [Текст] / КГВ.

17. Костромские губернские ведомости, 1875 [Текст] / КГВ.

18. Костромские губернские ведомости, 1879 [Текст] / КГВ.

19. Огарев, Н.П. Я помню робкое желанье… [Текст] / Николай Платонович Огарев // Огарев, Н.П. Стихотворения. – М., 1856.

20. Скатов, Н.Н. Комментарий к стихотворению «Н.Ф. Крузе» [Текст] / Николай Николаевич Скатов // Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. - Т.2. – Л.: Наука, 1981.

УДК 94(470)"16/18"

Н.М. Александров (ЯрГУ)

Крестьянский отход и демографические процессы в пореформенной деревне (по материалам Верхнего Поволжья)

В пореформенный период резко возросли темпы прироста населения в России. Так, если по подсчетам А. М. Анфимова ежегодный прирост крестьянского населения, которое являлось основной частью насе-

ления страны и определяло демографическую ситуацию, в 1815-1857 гг. составлял 0,83%, то в 1863-1897 гг. ежегодный прирост сельского населения Европейской России составил 1,52% (по нашим подсчетам, прирост населения составлял соответственно 0,82% и 1,41%). На самом деле прирост населения во второй половине XIX в. был выше, так как не учитывалась механическая убыль сельского населения из-за миграционных процессов, в частности - переход крестьян в города и переселение на новые земли [1, с. 10-11].

Основными причинами демографического роста крестьянского населения были следующие: экономическая - повышение уровня жизни и юридическая - правовая самостоятельность крестьян. Более того, магическое слово "воля" способствовало прямому физическому росту крестьянского населения. На связь реформы 1861 г. и демографической ситуации в деревне указывали и современники. Так, знаменитый русский писатель Афанасий Фет, являвшийся помещиком Орловской губернии, писал: "Интересна будет статистика браков 1861 года. Свадеб было без конца" [11, с. 79]. Предположение А. Ф. Фета полностью подтвердилось. В 1861 г. в Европейской России приходилось 11,6 браков на 1000 человек населения. Это был самый высокий показатель за весь период с 1861 по 1911 гг., по которому имеются соответствующие данные. Высокие показатели «брачности» сохранялись до середины 70-х гг. В результате введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в последующие годы наметилось некоторое снижение этих показателей [7, с. 171].

Демографическая ситуация в пореформенной России имела существенную региональную специфику. Сравнение статистических показателей за 1863 и 1897 гг. по региону Верхнего Поволжья дает следующую картину: больше всего население увеличилось в Костромской губернии - 29,1%; чуть менее во Владимирской - 24,6% и менее всего в Ярославской - 10,5%. Это меньше, чем в целом по Европейской России, население которой увеличилось за рассматриваемый период в 1,5 раза (52,7%). Одной из причин невысоких темпов увеличения населения в регионе был слабый естественный прирост среди его жителей.

Сведения о величине естественного прироста в губерниях региона в пореформенный период содержатся в табл. 1.

Таблица 1

Естественный прирост населения Верхнего Поволжья в 1861-1895 гг.*

Губернии	Средний прирост на1000 населения в среднем за 1861-1895 гг.	Место среди 50 губерний Европейской России
Владимирская	9,6	41
Костромская	10,3	39
Ярославская	6,1	48
50 губерний Европейской России	13,8	

*Составлено и подсчитано по: Рашин, А.Г. Население России за 100 лет. - М., 1956. - С. 216-218. Место губерний дано за период с 1861г. по 1913 г.

Из данных таблицы видно, что естественный прирост населения в Верхнем Поволжье был намного ниже среднего по стране. Особенно маленький естественный прирост был в Ярославской губернии. Только в двух губерниях Европейской России прирост населения был еще меньше - в Московской и Петербургской [7, с. 216].

Медленное увеличение населения Верхнего Поволжья главным образом происходило из-за низкого прироста сельской части населения губерний. За 1863-1897 гг. число жителей сел и деревень в регионе возросло всего на 16,7%, тогда как в целом по Европейской России на 47,8% [9, с. 4-7, 10-11, 16-17, 30-31; 6, с. 4, 8, 9]. Кроме высокой смертности сильное негативное влияние на демографическую ситуацию в регионе оказывал отток сельских жителей в другие районы страны. В связи с этими факторами в ряде уездов Владимирской, Костромской и Ярославской губерний во второй половине XIX в. произошло сокращение сельского населения.

Быстро развивавшийся отток сельского населения из родных мест в пореформенный период объясняется следующими социально-экономическими причинами. Отмена крепостного права нанесла сильный удар по земледелию нечерноземной зоны, которое поддерживалось долгое время за счет принудительного прикрепления крестьян к земле. Последовавшее за реформой 1861 г. быстрое развитие промышленности, путей сообщения и торговли подорвало земледелие в этом регионе; усилилась конкуренции сельскохозяйственной продукции из более плодородных областей, что сделало сельское хозяйство мало эффективным. В регионе получили дальнейшее развитие неземледельческие промыслы, особенно отход на заработки в Петербург и Москву. Отходничеством занималось значительное количество крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Широко развитый отход крестьянского населения губерний Верхнего Поволжья оказывал влияние на такой институт, как семья. Необходимо заметить, что диспропорция, возникавшая среди сельского населения в связи с отходом значительной части взрослого мужского населения на заработки, отрицательно сказывалась на семейно-брачных отношениях в деревне. Вот что писал по поводу влияния отхожих промыслов на демографическую ситуацию в костромской деревне доктор Д. Н. Жбанков: «…сравнительно малое количество браков относительно числа женщин в отхожих уездах, почему многие женщины остаются девушками, т.е. невольно бесплодными». В доказательство этого он приводил цифры о соотношении численности женщин и количества браков в уездах, отличавшихся разным уровнем развития отхода. В Ветлужском уезде, где крестьяне не сильно были вовлечены в отхожие промыслы, на 1000 женщин приходилось 19,3 браков, а в одном из центров отхода крестьян в столицы - Чухломском уезде - только 15,6 браков [5, с. 116].

Указанная зависимость подтверждается и данными на уровне губерний. Если в 1897 г. в среднем по 50 губерниям Европейской России процент замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше равнялся 62,6 %, то во Владимирской губернии - 61,5 % (29 место в Европейской России), в Костромской - 58,5 % (33 место), а в Ярославской - 50,0 % (47 место). Более низкий показатель был только в трех губерниях страны: С-Петербургской - 46,1% (без Петербурга); Лифляндской - 47,8% и Эстляндской -49,9% [6. Приложение, с. 52-53].

Современники так характеризовали положение дел в Угличском уезде - одном из центров отхожих промыслов Ярославской губернии: "Не смотря на постоянное тяготение отхожепромышленника к своей деревне, трудно, конечно надеяться, чтобы при жизни с раннего детства на стороне, каждый из них женился только на своих землячках. Таким образом, с развитием только мужского отхода шансы на замужество среди остающихся в деревне незамужних женщин уменьшаются и число их значительно превосходит численность неженатых мужчин. Это явление, наблюдаемое во всех волостях Угличского уезда…является отчасти результатом численного перевеса женщин над мужчинами" [10, с. 91].

Зато по количеству (%) вдов среди женщин 15 лет и старше Ярославская губерния занимала третье место в Европейской России

(18,7%) после Московской(19,4%) и Архангельской губерний (18,9%). Средний показатель по стране составлял 13,5% (Владимирская - 16,3%; Костромская - 16,1 %) [6. Приложение, с. 50-51]. Большое количество вдов в регионе было связано с низкой продолжительностью жизни мужчин, занимавшихся отхожими промыслами. Исследуя положение ярославских отходников, доктор М. Шмелев отмечал: "Отлучка множества молодых людей преимущественно в столицы должна иметь большое влияние на смертность. Масса молодого мужского населения, находясь под влиянием крайне неблагоприятных условий для здоровья, вытекающих частью из самого ремесла, частью из дурных гигиенических условий быта чернорабочего населения в столицах и других промышленных центрах, частию вследствие распущенности нравов, получает зародыши болезней, губящих многих в молодые годы…" [12, с. 50].

По наблюдениям земского врача Д.Н. Жбанкова, в северо-западных уездах Костромской губернии около 10% «питерщиков» ежегодно проводили по месяцу в столичных больницах. Особенно часто болели «не привыкшие к петербургскому климату» молодые крестьяне. Среди отходников распространены были такие тяжелые заболевания, как чахотка и сифилис [5, с. 33].

Доля семейных среди мужчин 15 лет и старше составляла в Ярославской губернии 65,8%, что даже несколько превышало средний показатель по Европейской России - 65,2% (Владимирская - 71,0; Костромская - 69,4%) [6. Приложение, с. 50-51]. Высокий показатель семейных среди мужчин региона свидетельствует, что им данная ситуация была даже выгодна.

Низкий показатель числа женщин, состоящих в браке, отрицательно сказывался на рождаемости. Если по данным за 1896-1897 гг. в среднем по 26 губерниям страны на 1000 женщин 15-50 лет, проживавших в сельской местности, рождалось 206 детей в год, то во Владимирской губернии было 207 рождений, в Костромской - 193, в Ярославской – 161 [2, с.1451]. Необходимо отметить также следующую закономерность: чем сильнее в местности был развит отход, тем старше возраст мужчин и женщин, вступавших в брак. Этот факт неоднократно отмечали исследователи пореформенной деревни. Так, К. Воробьев, изучавший отхожие промыслы в Ярославской губернии, писал, что «отхожие промышленники вступают в брак в более зрелом возрасте, чем

сельское население» [3, с. 11]. В текстовом обзоре материалов подворной переписи Суздальского уезда 1899 г., написанном А. Смирновым, приведены данные о влиянии отхожих промыслов на «брачность» населения Владимирской губернии. В составленных А. Смирновым таблицах уезды губернии разделены на три группы в зависимости от степени развития отхожих промыслов с указанием процента мужчин и женщин, вступивших в брак в возрасте до 25 лет в каждой группе. Данные этих таблиц в несколько переработанном нами виде приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Влияние отхожих промыслов на время вступления в брак у мужчин и женщин Владимирской губернии*

Группы уездов	Уезды с наименее развитым отходом				Уезды с среднеразвитым отходом					Уезды с наиболее развитым отходом			
Число месяцев отхода**	**4,8**	**5,7**	**6,4**	**6,9**	**7,6**	**7,9**	**9,1**	**9,5**	**9,9**	**10,0**	**11,2**	**11,6**	**8,6**
Наименование уезда	Муромский	Меленковский	Судогодский	Переславский	Гороховецкий	Юрьевский	Вязниковский	Суздальский	Ковровский	Александровский	Владимирский	Покровский	Шуйский
% мужчин, вступивших в брак до 25 лет	**85,7**	**83,7**	**75,9**	**81,5**	**74,8**	**83,9**	**70,8**	**84,0**	**74,0**	**72,4**	**75,3**	**77,4**	**74,2**
	81,7				**78,4**					**74,7**			
% женщин, вступивших в брак до 20 лет	**73,2**	**67,8**	**46,6**	**43,4**	**46,0**	**48,7**	**46,7**	**58,5**	**48,0**	**46,4**	**47,5**	**52,5**	**50,0**
	57,8				**50,0**					**48,9**			
% женщин, вступивших в брак до 25 лет	**92,9**	**92,4**	**90,4**	**90,4**	**86,5**	**90,0**	**86,9**	**92,1**	**86,4**	**87,9**	**91,0**	**88,8**	**87,1**
	91,5				**88,9**					**88,2**			

*Источник: Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Вып. III. Владимир на Клязьме, 1902. С. 14.

**В примечании к таблицам А.Смирнов указывает следующее: «Число месяцев отхода взято по данным в паспортах. Общее число месяцев отлучки разделено на число дворов, это и есть взятая нами средняя. Шуйский уезд, хотя и дает сравнительно небольшое число месяцев отхода, но в нем масса фабрик и много крестьян работает без паспортов; это наиболее промышленный уезд во Владимирской губернии».

Сведения, содержащиеся в таблицах, показывают, что чем сильнее в местности развиты отхожие промыслы, тем позже население вступает в брак. Поздние браки в свою очередь вели к сокращению репродуктивного периода у родителей (особенно у женщин), что также оказывало влияние на количество рождений. Так, в среднем по 50 губерниям Европейской России в 1910 г. на заключенный брак приходилось 5,3 рождений. Лидерами здесь являлись следующие губернии черноземной полосы: Тульская - 6,8; Пензенская -6,7; Тамбовская - 6,7; а аутсайдерами - прибалтийские губернии с их несколько иным, чем у русских, институтом семьи: Эстляндская - 3,6; Курляндская -3,4; Лифляндская - 3,1. Губернии Верхнего Поволжья по этому показателю значительно отличались друг от друга. Во Владимирской губернии на каждый заключенный брак приходилось 6,0 рождений (10 место), в Костромской - 5,4 (23 место), в Ярославской - 4,9 (38 место) [7, с. 182-183].

Длительные и частые разлуки супругов (в местах с развитым отхожим промыслом) во время их наиболее высокой плодовитости снижали вероятность зачатия и уровень рождаемости. На это неоднократно указывали современники: «Уменьшение рождаемости отхожей полосы, - писал Д.Н. Жбанков, - есть постоянное явление, подтвержденное наблюдениями за целые 25 лет…Первая и важнейшая причина – продолжительное отсутствие мужей, которые иногда не возвращаются по 1-5 лет домой, и поэтому невольное воздержание жен от половой жизни» [4, с. 17].

Свое наблюдение о том, что дальний отход сильно понижает рождаемость, Д.Н. Жбанков подтверждает данными по Костромской губернии. Согласно его вычислениям, средняя рождаемость в губернии выражалась следующими цифрами:

	1866-1870 гг.	1881-1883 гг.	1866-1883 гг.
Лесные уезды……..	4,73	5,22	4,94
Фабричные уезды …	4,75	4,70	4,55
Отхожие уезды ……	4,20	4,35	4,32

Средняя «плодовитость» браков (частное от деления числа рождений — не считая незаконных — на число браков), согласно расчетам исследователя, также зависела от хозяйственной специализации местности. Это доказывается следующими данными:

	1866-1880 гг.	1881-1883 гг.
Лесные уезды ……..	5,37	5,61
Фабричные уезды …	5,21	5,25
Отхожие уезды …	5,01	4,99

Д.Н. Жбанков утверждал, что костромские женщины, мужья которых постоянно проживали дома, рожали в среднем по 9,58 детей каждая, а жены, мужья которых отправлялись в отход на промыслы, - около 5,0 детей [8, с. 272].

Итак, пореформенная эпоха с характерным для нее быстрым развитием всех отраслей народного хозяйства, усилившейся экономической специализацией районов не только внесла большие изменения в социально-экономическую жизнь деревни, но и оказала сильное влияние на демографические процессы в селе. Трудовая миграция значительной части мужского населения из мест с развитым крестьянским отходом приводила к деформации традиционных семейно-брачных отношений и, как следствие, к снижению темпов роста сельского населения.

Библиографический список

1. Анфимов, А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России [Текст]. - М., 1980.

2. Вестник общественной гигиены [Текст]. - 1904. - № 9.

3. Воробьев, К. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк [Текст]. - Ярославль, 1903.

4. Жбанков, Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения [Текст] // Врач. - 1895. - № 23-25.

5. Жбанков, Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866-83 гг. [Текст] // Материалы для статистики Костромской губернии. – Кострома, 1887. - Вып. VII.

6. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. [Текст] - СПб., 1905.

7. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет [Текст] - М.,1956.

8. Россия: Энциклопедический словарь [Текст]. - Л., 1991.

9. Статистический временник Российской империи [Текст]. - Сер.1. Вып.1. Спб., 1866.

10. Статистическое описание Ярославской губернии [Текст]: в 2-х т. - Ярославль, 1908.

11. Фет, А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство [Текст]. - М., 2001.

12. Шмелев, М. Опыт медицинской топографии Ярославской губернии [Текст]. - СПб., 1868.

УДК 908(470+571)

Н.А. Лихова

Отходничество в Ярославской губернии в кон. XIX-нач. XX вв.: социокультурный аспект

В конце XIX-начале XX вв. отход являлся фактором, который оказывал существенное влияние на самые различные сферы жизни русских крестьян. Ярославская губерния всегда отличалась широким развитием крестьянских отхожих промыслов и занимала одно из ведущих мест по проценту отходников в ряду губерний Европейской России. По данным паспортной статистики ярославского земского статистического бюро, в 1901 году было выдано 200 666 паспортов, из них 162 706 мужских и 37 960 женских. Таким образом, около 20% населения Ярославской губернии уходило на заработки. Земский начальник 2 участка Ростовского уезда Ярославской губернии характеризует отходничество так: «Отхожими промыслами деревня живёт, одевается, учится и оплачивается» [1]. Влияние отхода не исчерпывалось одной экономической составляющей, не менее важное влияние он оказывал и на культурное развитие населения. В данной статье рассматривается влияние отходничества на социальную и культурную стороны жизни крестьян-общинников, что отразилось в изменении внешнего облика, уровня грамотности и духовности населения, взаимоотношений внутри крестьянской семьи.

Немалую роль отходничество сыграло в изменении внешнего облика крестьян. В крестьянском быту наряду с традиционным домотканым платьем все большее значение приобретает одежда фабрично-

го производства. Отходник отличался от других крестьян костюмом, носил кожаную обувь, поддевку, пиджак или сюртук. Крестьянин-отходник старался покупать дорогую одежду и содержать её в чистоте. Так описывает своих односельчан крестьянин Ярославской губернии: «Народ у нас любит пощеголять и жить не приберегая копейку. Прежде всего на заработанные деньги старается закупить обновок из дорогого тонкого сукна» [3]. Традиционная одежда отходит на второй план. Разбогатевшие крестьяне сменили лапти на сапоги, армяк и грубые порты на кафтан и плисовые штаны, валяную шапку на картуз. Крестьяне, особенно молодёжь и отходники, стремились одеваться в духе времени, заботились о своём внешнем облике, так как внешний вид становится показателем благополучия и достатка.

Жизнь в городах с её культурным многообразием, отсутствием деревенского гнёта не могла не оказать влияние на мировоззрение крестьян. Отходничество способствовало развитию грамотности населения: ранее 13 лет в отход не отправляли, и каждый мог окончить курс начальной школы, также в городах неохотно принимали на работу неграмотных и даже малограмотных. Родители, занимающиеся отхожими промыслами, понимали, как плохо быть неграмотным, и заставляли детей учиться. Согласно Всеобщей переписи 1897 года население, занимающееся отхожими промыслами, было значительно грамотнее населения, живущего в деревнях. Так, например, в Мышкинском уезде грамотность мужского населения в семьях с отхожими промышленниками была в полтора раза выше, чем в семьях с местными промышленниками. Земский начальник Ростовского уезда Ярославской губернии свидетельствует: «Приходя с промысла, крестьянин… вносит в среду сознания потребности грамотности и образованности, приносит технические, агрономические и другие знания, которые могут быть непосредственно применены в крестьянской жизни» [2].

Отходничество оказывало как положительное, так и отрицательное влияние на крестьян. Рост числа крестьян-отходников способствовал падению нравственности в деревне. Под влиянием модернизации, возросшей социальной мобильности сельского населения широкое распространение в крестьянской среде получало пьянство. Крестьяне охладели к церкви, поскольку всё свободное время уделяли торговле. Замечается также склонность к весёлой и разгульной жизни. Молодёжь, по сообщениям крестьян, не умела вести себя в церкви.

Всё это приводило к падению нравственности молодого поколения и ослаблению уважения к церкви и религии. Только люди почтенного возраста и крестьяне, не занимавшиеся отхожими промыслами, были «воздержаны и к храму Божию усердны».

Семейные отношения также претерпели некоторые изменения в связи с развитием отходничества. На заработки уходили с 11-13 лет, в основном те члены семей, без которых хозяйство не пострадает. Крестьянин Любимского уезда Ярославской губернии Иван Никандров отмечает: «…мужик не знает, как бы дождаться, когда его сыну будет 11 лет, и напрягает все силы, чтобы отправить его на заработки в Петербург, не ради наживы, а ради того, что хлеба не будет дома есть, да и одевать его не надо» [5]. Дома оставался, как правило, глава семьи, хотя после окончания основных полевых работ и он покидал семью. Зачастую на заработки отправлялись и отец и сын. Детский отход дурно влиял на здоровье и нравственность детей: юноши, приезжавшие в деревню в первый раз к 16-17 годам, были мало развиты физически, все почти курили табак и выпивали. Привыкшие к этому в городе, они не оставляли эти занятия и в деревне. В отсутствие мужа женщине приходилось управлять всем крестьянским хозяйством: заниматься заготовкой дров, вывозом сена с полей и.т.д. Отходничество сказывалось на семейной жизни; нарушение супружеской верности становится обычным явлением. Получает распространение «снохачество». Пользуясь отсутствием сына, свёкор принуждал сноху к интимным отношениям. В народе такого свёкра называли «снохач». Женщина могла обратиться в волостной суд, но, как правило, суд старался избегать разбора таких дел. Женщинам ничего не оставалось, как просить защиты у Бога. Так, например, в церкви Иоанна Предтечи в Толчковой слободе сохранилась фреска Св. Фомаиды (по преданию, она умерла за свое целомудрие, отказав свёкру в близости), молодые женщины обращались к ней, прося защиты от домогательств свёкра. Многие женщины отправлялись на побывку к мужьям, стараясь восстановить, хотя бы отчасти, разрушаемую продолжительными отлучками мужчин семью.

С отходничеством было связано и увеличение крестьянских разделов. Отходники старались тратить заработанные деньги на собственные нужды и утаивали часть заработка от семьи, что и служило причиной частых конфликтов и разделов. Установлено, что сходы часто при-

нимали к своему рассмотрению требования сыновей о разделе семейного имущества при жизни отца и разрешали такие разделы вопреки родительской воле. Кроме хозяйственного расстройства, чрезмерное увеличение семейных разделов причиняло немалый вред нравственности крестьян. Самовольные разделы, совершаемые без разрешения даже сельского схода, которые происходили очень часто, еще более подрывали значение и основы родительской власти и семейного союза. Дробление хозяйств крестьяне считали одной из причин бедности, наряду с малоземельем, пьянством, общинным устройством и неграмотностью [4]. Процесс модернизации сопровождался разрушением традиционных устоев патриархальной семьи. На протяжении второй половины столетия происходит постепенное уменьшение власти глав семей и в определённой степени перераспределение ролей в семье в связи с развитием отходничества. Семейные разделы стали следствием роста мобильности сельского населения, развития рыночных отношений, влияния городской культуры и кризиса патриархальной власти.

Таким образом, отходничество являлось важным фактором, влияющим на культурную и социальную стороны жизнь крестьян. Уход мужчин из деревни на отхожий промысел приводил, с одной стороны, к частым и длительным разлукам супругов, что негативно влияло на семейную жизнь, а с другой, - посредством отходничества осуществлялось влияние городской культуры на село. Это влияние носило неоднозначный характер. Положительно оценивается рост грамотности и образованности крестьян, привнесение в деревню технических и агрономических знаний, отрицательно - падение авторитета старших в семье, частые семейные разделы, пренебрежение молодого поколения к церкви и религии.

Библиографический список

1. ГАЯО. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 23489. – Л. 2.
2. ГАЯО. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 23489. – Л. 2, 2 об.
3. Сельский вестник: газ. – СПб. 1897. - №1.- 14 с.
4. Сельский вестник: газ. – СПб. 1886. - №13. -4 с.
5. Сельский вестник: газ. – СПб. 1897. -№29. – 5 с.

УДК 94(470)"16/18"

Г.В. Красильников (Ярославль)

«Что ни мужик, то приятель»: крестьяне-отходники дворян Некрасовых в документальных и мемуарных источниках

Крестьяне родовой усадьбы Некрасовых Грешнево и села Абакумцева (приход крепостных семьи поэта) с окрестными деревнями славились мастерством в строительных специальностях. Особенным спросом пользовались среди них каменщики и печники. Еще в 1795 году абакумцевские мужики Федор и Матвей Ивановы заключали договор с ярославским губернатором князем Никитой Урусовым о поставке в Гатчину для строительства казарм «каменщиков 60 человек, совершенно знающих из тамошних плит класть домы и протчее <…> » [1].

Дворяне Некрасовы в первой половине XIX века всемерно поощряли отхожие промыслы в своих вотчинах, отпуская крепостных на оброк. Отдельные факты из жизни «питерщиков», т.е. отходников, их портретные характеристики Николай Алексеевич мог в той или иной степени использовать при создании своих героев, например, подрядчика Кирьяныча и «унылого мужика» в романе «Жизнь и похождения Трифона Тростникова» [2, с.124 – 125, 270 – 274] или каменщика Трифона и печника Филиппа Корчагина в поэме «Кому на Руси жить хорошо» [3, с. 52, 131]. Примечательно, что Кирьяныч, также как абакумцевские мужики, «набрал артель человек в шестьдесят» - «казармы поставить» [2, с. 125]. Не исключено, что старожилы помнили события 1795 года, поведали о них Николаю Некрасову, и он мог использовать их рассказы при создании образа подрядчика.

Обобщенный образ крестьян-отходников, приносивших барину «гостинцы добровольные», запечатлен в монологе помещика Оболта-Оболдуева, имеющего сходство с отцом поэта:

В моей сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны…
Ждешь – не дождешься осени,
Жена, детишки малые,

И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут! <...>
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!… [3, с. 78]

Мемуарные источники подтверждают «ассортимент» подарков, обычно подносимых барину оброчными мужиками и запечатленных в стихотворном отрывке. В воспоминаниях гражданской жены поэта А.Я. Панаевой зафиксированы «дорогие» вина из Петербурга [4]. А по рассказам грешневского крестьянина Павла Осиповича Широкова, крестьяне дарили отцу поэта «хорошего вина бутылку» из Питера, икру и рыбу из Астрахани [5].

Среди мемуарных источников о крестьянах-отходниках отметим также воспоминания сестры поэта Е.А. Ивановой (Фохт-Рюмлинг) [6], его биографа А.К. Голубева [7], крестьян А.В. Пургина [8, 9] и Паленина [8]. Эти сведения существенно дополняются документальной информацией, имеющей более достоверный характер, например, материалами ярославских судов: уездного и гражданского. В исповедных росписях и метриках церкви села Абакумцева, в ревизских сказках дворян Некрасовых можно обнаружить данные биографического характера о крепостных и их семьях.

Самые ранние сведения о некрасовских «питерщиках» относятся к 1818 – 1820 годам. Дядя поэта Сергей Сергеевич обратился с жалобой на свою мачеху Надежду Михайловну в Ярославский уездный суд, обвинив ее в злоупотреблениях при разделе крестьян, оставшихся после смерти отца в 1807 году [10]. Оправдываясь, помещица заявила, что на долю истца и его братьев достались как раз, наоборот, «лучшие» крестьяне, «способные во все тягла», а не только к «местной» работе и службе. Осо-

бенно помещица отметила крестьянина деревни Гогулино Василия Федорова, «каменного и щекотурного подрядчика».

С крестьянином Василием Федоровым связана история, приобретшая в семье Некрасовых легендарный характер и нашедшая отражение в автобиографических записях поэта [11]. Этот крестьянин с двумя своими племянниками после смерти сестры Дарьи, вышедшей замуж за владимирского помещика Чиркова и также умершего, оказался владельцем нескольких десятков ревизских душ «мужеска пола» [12]. По закону он должен был продать их в полугодичный срок, т.к. крепостным нельзя было владеть ревизскими душами. Второй муж умершей крестьянки И.И. Певницкий мог рассчитывать только на седьмую часть имения. В 1817 году он, согласно показаниям дяди поэта Сергея Сергеевича, с корыстной целью приехал в Грешнево, «обольстил» сестру братьев Некрасовых Елену и вступил с нею на третий день знакомства в брак. На самом деле бракосочетание губернского секретаря Ивана Певницкого с девицею из дворян Еленой Некрасовой состоялось 15 февраля 1818 года в церкви села Абакумцева [13]. Поручителем был записан всего один человек – надворный советник Иван Алексеевич Жеребцов, помещик Ярославской округи сельца Полянок, опекун второй сестры Некрасовых – Татьяны. Примечательно, что таинство венчания совершал священник соседнего села Печелки Феодор. Абакумцевский иерей Стефан, возможно, опасался конфликта с братьями Некрасовыми.

Супруги Певницкие разработали план действий по захвату имения Дарьи Чирковой. Почасту доводя Василия Федорова «в пьяное положение», они пообещали ему и племянникам «волю» и вынудили в 1818 году продать Елене Сергеевне 91 мужеска пола душу со всеми угодьями и тремя господскими домами за 50 тысяч рублей, хотя реальная стоимость имения оценивалась в сумму более 100 тысяч. Осуществлять данную сделку и тем более дать крестьянину отпускную Певницкие не имели права, т.к. Василий Федоров и его племянники после раздела имения перешли в собственность А.С. Некрасова. В 1831 году Ярославская палата гражданского суда расторгла эту сделку [12, с. 94]. А в 1834 году грешневский помещик с этими же крестьянами уже сам оформил купчую на имение, но ... за 24 тысячи [12, с. 100]. По данным ревизских сказок за этот год Василию Федорову значилось 57 лет [14, с. 641 об.]. Из аналогичных документов 1850 года узнаем, что он был «отпущен на волю» отцом поэта в 1835 году [15, л.18 об.].

В 1837 году в Ярославском уездном суде рассматривалось «дело» по иску санкт-петербургского купца Абрама Колотушкина, требовавшего деньги с А.С. Некрасова за долги его крепостных [16]. В ходе следствия выяснились следующие обстоятельства. В 1833 году отец поэта подписал контракт с вышеназванным купцом, определив к нему на работы братьев Дорофея и Алексея Молочковых, а также Аполлона Степанова [16, лл. 908 – 908 об.]. Предварительно братьям был выдан задаток в размере 180 рублей в обмен на их «пашпорта». Однако по договоренности с купцом крестьяне эти остались в вотчине, а вместо них отправились на работы Степан Петров и Евграф Степанов, на которых и был переписан задаток.

Степан и Евграф, крестьяне из деревни Кощевки, прибыв в Петербург, обнаружили, что в артели Колотухина они не нужны, т.к. купец снял «каменную» работу, а они всегда производили только печные [16, лл. 904 – 904 об.]. Возвратив задаток в 180 рублей, в обмен они получили паспорта. А на «каменных» работах остались другие некрасовские крестьяне: третий брат Молочковых Федор, Ефим Васильев, Михаил Андреев и Степан Михайлов. Судьба этих крестьян оказалась поистине трагичной. Не выдержав тяжелых условий труда, Михаил Андреев «пропал без вести» в Петербурге, т.е., по всей видимости, сбежал. Сын его Степан, согласно показаниям помещика, «по неудовольствию Колотушкина за побег отца, быв послан им на весьма высокую работу, к которой он еще по молодости не имел привычки, упал с подмостков, получил болезнь и вскоре помер» [16, л. 908 об.]. При этом юноша проработал у Колотушкина четыре месяца и по артельному расчету заработал 150 рублей. Деньги, заработанные им и его отцом, купчина, видимо, решил присвоить себе, а крестьяне вполне справедливо полагали пустить их на погашение выданных ранее задатков.

Федор Молочков, проработав все лето, от купца не получил ничего. Колотушкин при расчете с ним заработанными им деньгами погасил 176 рублей задатка, взятого ранее некрасовскими крестьянами Козьмою Васильевым и Николаем Степановым [16, л. 904]. «Пашпорт» обратно на руки и хотя бы «из жалости» 10 рублей денег на дорогу домой крестьянин также не получил. К счастью для Федора Молочкова, в Петербурге в это время находился Алексей Сергеевич, который оформил крестьянину билет на проезд и дал денег на дорогу.

Ефим Васильев, последний некрасовский крестьянин артели Колотушкина, оказался у него в заложниках. В 1833 году, получив в задаток 88

рублей, он «работал с великим прилежанием до самых больших морозов» [16, л. 905 об.]. По артельному расчету сверх взятого задатка должен был получить 162 рубля. Однако денег Ефим на руки не получил, якобы за неотработанные авансы, полученные ранее крестьянами Аполлоном Степановым и умершим после несчастного случая Степаном Михайловым. Купец предложил Ефиму перезимовать, чтобы весною вновь наняться к нему и выплатить оставшиеся долги. Однако крестьянин, оставив паспорт у Колотушкина, «решился идти в вотчину Христовым именем, страдая в дороге от голоду и холоду, не имея ни копейки денег, сделался в дороге болен, так что едва мог дойти домой» [16, л. 906].

Чем закончилось «дело», выяснить не удалось. Почему Колотушкин сразу не подал на Алексея Сергеевича в суд? Что его от этого удерживало почти 4 года? Были ли какие-либо вообще взаимоотношения между купцом и помещиком после злосчастного для некрасовских крестьян-отходников 1833 года? На эти вопросы пока нет ответа.

О произошедших событиях в столице поэт, вероятно, был осведомлен. В это время он учился во втором классе гимназии. События из детства (летом 1833 года Николеньке Некрасову было 11 лет, 1837-го - 15) могли запомниться ему на долгие годы и впоследствии найти отражение в творчестве. Узнать о них мог Николай Алексеевич и в зрелом возрасте непосредственно от самих крестьян, участников петербургского происшествия. История «унылого мужика» из романа поэта «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», ставшего жертвой обмана подрядчика, возможно, навеяна событиями 1833 года. Сам поэт пояснил ее так: «Большая часть крестьян, приходящих на работу в Петербург, обыкновенно нуждаясь перед отправлением из дому в деньгах, отдают свои паспорта так называемым подрядчикам, получая от них на таком условии несколько денег вперед, что называется: пойти в задаток. Задаток простирается обыкновенно от 70 до 100 рубл. ас<сигнациями>, и мужик, получивший его, поступает на лето в распоряжение подрядчика, который, сняв большую работу, поручает ее исполнение таким образом набранной артели, деятельно понуждая рабочих своих не лениться принятыми в таких случаях мерами и рассчитываясь с рабочими в конце лета – по своему усмотрению» [2, с. 273]. Именно «*по своему усмотрению*» (курсив наш. – Г.К.), а не «по совести» и даже не «по договору» рассчитался петербургский купец Колотушкин с грешневскими мужиками. Он, словно стараясь соответствовать в поступках своей фамилии, буквально выколачивал из

них долги, оставляя в безысходном положении. С другой стороны, не следует забывать, что жульничество подрядчиков во взаимоотношениях с отходниками, часто даже не знавшими элементарной грамоты, настолько было распространено в среде «промышленников», что Некрасов мог знать не один, а десяток подобных случаев. Поэтому и образы его героев построены не только на местных грешневских реалиях, но и на типических материалах общероссийского характера, в первую очередь петербургского.

Из ревизских сказок 1834 и 1850 гг., представленных Некрасовыми в казенную палату, и метрик узнаем фамилии некоторых крестьян, степень родства с другими артельщиками (если она имелась), состав семьи и возраст, место жительства, у отдельных крестьян год смерти, или год сдачи в рекруты, или год выхода на волю.

Из некрасовской деревни Кощевки происходили родом Степан Петрович и его сын Евграф. В 1834 году первому крестьянину в ревизских сказках указан возраст 58 лет, второму – 26 [14, л. 645 об.]. В 1840 году, согласно сведениям из аналогичных документов 1850 года, Евграф был сдан помещиком в рекруты [15, л. 14 об.]. Из метрик узнаем, что его отец С.П. Сорокин скончался 13 марта 1855 года в возрасте 84 лет «от старости» [17]. Год рождения Степана Петровича по «сказкам» вычисляется приблизительно как 1776-й, а по метрикам – 1771-й. И помещик, и священник возраст крестьян могли определять произвольно, иногда со слов их родных или знакомых, не руководствуясь данными метрических свидетельств. Помещик при этом мог соблюдать свои интересы, например, женить раньше положенного срока или не отдать в рекруты того или иного крепостного, а священник иногда просто не удосуживался посмотреть предыдущие записи метрических книг. Иногда метрики в церкви просто не сохранялись по причине пожаров или небрежения со стороны самих священно- и церковнослужителей. По данным формулярных ведомостей абакумцевского храма, метрики хранились в нем с 1799 года [18], следовательно, правильно указать возраст умершего крестьянина Сорокина настоятель этой церкви не мог. В деревне Кощевке, по данным «сказок» 1834 года, проживал Ефим Васильевич Полена, ему было 44 года [14, 643 об.]. Умер Е.В. Паленин, согласно метрическим документам, 20 марта 1855 года «от удушья» в возрасте 65 лет [17, л. 17]. Здесь год рождения крепостного – приблизительно 1790-й – по документам совпадает. Прозвище крепостного с некоторыми изменениями преобразовалось

в фамилию [19]. В этой же деревне проживал Николай Степанович Жулов. По сведениям «сказок», в 1834 году ему было 36 лет [14, л. 644 об.]. Из аналогичных документов 1850 года узнаем год его смерти – 1842 [15, л. 16 об.]. Михаил Андреев, убежавший от купца Колотушкина, и сын его Степан, упавший с лесов, проживали также в деревне Кощевке. В ревизских сказках 1834 года у отца указана фамилия – Волков [14, л. 644 об.]. А у сына его Степана, вернувшегося больным в вотчину, год смерти – 1834. В связи с этим вспоминается герой поэмы «Кому на Руси жить хорошо» каменщик Трифон, «счастие» которого состояло в том, чтобы умереть на родине [3, с. 53]. А возможным прототипом подрядчика «бестии» из поэмы, ставшего виновником болезни и гибели крестьянина, вполне мог быть купец Колотушкин.

Из соседней деревни Васильково происходили родом братья Молочковы. По данным «сказок» 1834 года, Алексею Алексеевичу значится 28 лет, Федору – 23 года, Дорофею – 19 лет [14, л. 646 об.]. В 1844 году Дорофей записан крестьянином сельца Грешнева: 23 января он женился на девице Зиновье Кузьминой из деревни Гогулино [20]. Это был уже второй брак жениха, указанный в метриках его возраст – 29 лет. Скончался отставной солдат Д.А. Молочков 15 ноября 1886 года в возрасте 75 лет «от рака» [21]. Брат его Федор умер 22 мая 1887 года в возрасте 80 лет «от старости» [22]. В деревне Гогулино проживал Козьма (Кузьма) Васильевич Баталин. По «сказкам» 1834 года, ему исполнился 41 год [14, л. 641 об.]. Скончался крестьянин 27 января 1843 года «от горячки» в возрасте 50 лет [23]. В «сказках» 1834 года у грешневского крестьянина Аполлона Степанова из артели Колотушкина указан возраст 19 лет и фамилия Деревягин [14, л. 639 об.].

Иногда некрасовские крестьяне, получив от помещика «плакатный пачпорт» и, следовательно, относительную свободу, убегали от него. Именно так поступил крепостной дяди поэта С.С. Некрасова Петр Яковлевич Белов, проживавший в деревне Кощевке. В конце 1833 года он был отпущен помещиком «для промыслу», переменил свое имя и пойман был в Тамбове только в феврале 1836 года [24]. После смерти Сергея Сергеевича был причислен к вотчине отца поэта, который его в 1850 году отпустил на волю [15, 16 об.].

Не у всех некрасовских крестьян-промышленников судьба сложилась неудачливо. Некоторые из них сумели стать достаточно состоятельными людьми и даже выйти в купеческое сословие, напри-

мер, крестьянин Евграф Сергеевич Метлин. По данным метрических книг церкви села Абакумцева, Евграф родился в деревне Васильково 28 ноября 1815 года [25]. В 1858 году он выкупился у А.С. Некрасова с семейством на волю [26]. По данным исповедных росписей абакумцевского храма за 1861 и 1865 гг. значится петергофским купцом [27, 28]. В метриках этого же храма за 1870 год уже именуется санкт-петербургским купцом 2-й гильдии [29]. В исповедных росписях 1875 года также назван санкт-петербургским купцом [30]. Проживал Метлин, по сведениям биографа поэта А.К. Голубева, в Петербурге на Песках, неподалеку от Знаменской и Греческой церквей в собственном доме [7]. Среди местных крестьян он считался «питателем» Некрасова в его «скорбные годы жизни», т.е. в период болезни Некрасова.

Полагаем, что именно о Евграфе Метлине содержатся сведения в мемуарах А.Я. Панаевой. «Одному из крестьян отца Некрасова, - вспоминала Авдотья Яковлевна, - посчастливилось нажиться в Петербурге, беря подряды ставить печи в строящихся домах. Он все ходил к Некрасову, чтобы тот ходатайствовал у отца о его выкупе со всем семейством. Некрасов горячо ратовал в своих письмах к отцу, чтобы он согласился отпустить на волю печника. Но отец не соглашался на том основании, что печник был единственный из его крестьян, живущий на оброке и платящий ему большие деньги» [4]. И тогда Некрасов посоветовал печнику написать в деревню, что тот болеет и хочет вернуться в деревню. Метлин, видимо, так и сделал. Об этом свидетельствует письмо Алексея Сергеевича от 25 июня 1855 года к сыну Федору [31]. «Евграфа принудь к ответу на мои письма, - просил помещик, - каковы забыты».

Об этом же крестьянине находим несколько строк в мемуарах сестры поэта Е.А. Ивановой (Фохт-Рюмлинг): «В отношении к крестьянам Алексей Сергеевич ничего особенного не проявлял, но и не притеснял их. Те, кто имел возможность, откупились на волю за 300 рублей. Я помню двоих. Один из них, Евграф, откупившись, переселился в Петербург и стал подрядчиком, каменщиком. Другой, Артамон Степанов, также переехал с семейством в Петербург, имел большой трактир на углу Казанской и Гороховой улиц» [6]. Возможно, речь идет об Аполлоне, а не Артамоне, Степанове, крестьянине артели Колотушкина. Но, скорее всего, в мемуарах подразумевается Автоном Степанов, крестьянин Н.М. Некрасовой, который являлся старостой абакумцев-

ской церкви и в этот храм дарил иконы совместно с Евграфом Метлиным.

Большинство некрасовских крестьян чаще всего уходили на заработки в северную столицу. В 1837 году, например, здесь находился на оброке крепостной А.С. Некрасова Алексей Иванович Романов [1]. После его смерти сын Григорий в 1848 году также работал каменщиком в столице. По сведениям 1859 года, в Петербурге, кроме него там находились «по каменному мастерству» крестьяне отца поэта Федор Алексеев, Алексей Петров и Никандр Аполлонович Деревягин [32]. Федор Алексеев – это, вероятно, один из братьев Молочковых из деревни Васильково.

Помимо Петербурга крестьяне Некрасовых работали и в других городах. В 1847 – 1849 годах крестьянин тетки поэта Татьяны Сергеевны Алтуфьевой Степан Михайлович Комаров вместе с женой Стефанидой проживал в Астрахани [33]. Супруга крестьянина скончалась здесь от холеры. По данным 1856 года, крестьянин отца поэта печник Михаил Иванов также находился в этом волжском городе [34]. Известно, что в 1858 году он выкупился на волю [35]. В 1859 году крестьянин А.С. Некрасова Осип Андреевич Маланин работал печником в городе Камышине Саратовской губернии [32]. В начале 1860-х гг. временнообязанные крестьяне сельца Грешнева братья Маркел и Данила Белышковы находились на отходном промысле по печному делу в Перми [12, с. 135].

О встречах крестьян-отходников с Некрасовым в Петербурге сохранились воспоминания двоих интервьюируемых крестьян. Один из них - Паленин – в возрасте 69 лет сообщал в 1927 году: «Работали на Лиговке в каменщиках. Шел я со стариками на Марсово, в Александров день, по Невскому, а навстречу едет Николай Лексеич на паре. Ну, узнал стариков-то (рассказчик перечисляет имена) и замахал нам рукой. Я дотоле не знал его. Подошли, поздоровались; поспросил о нас, молодых. Был при нем кошелек какой-то вязаный, долгий. Вынул три целковых: не поминайте лихом папу» [8].

Другой крестьянин, известный как «Вавилыч» (Александр Вавилович Пургин), возможно, был членом той же самой артели. В 1927 году в возрасте 72 лет он вспоминал: «Добрый был Николай Алексеевич, едет пришпектом, ну, увидим, поклонимся, а он сейчас извозчику: стой, стой, мои соседи идут! И со всеми в ручку. По осени, ежели у кого денег нет, кому 8, кому 10 даст на дорогу» [8]. Рассказ, возможно, об этой же встрече был записан у него в 1937 году: «Старик, бывший в молодости маля-

ром, хорошо помнит самого поэта. – Ну как же, - рассказывает он. Не только что здесь (в Грешневе. – Г.К.), но и в Питере я с ним виделся. Едет это он проспектом, и мы малярники идем. Ну, как поравнялись, поклонились. А он с извозчика-то скок!.. «Стой, говорит, ему, - мои соседи идут. И со всеми за ручку». Вавилыч улыбается своим воспоминаниям и, припоминая, продолжает:

- Да, вот еще. Потолки мы у него белили. Работаем мы, а он тут же на кухне с нами разговаривает.

- А о чем он с вами беседовал?

- Да ведь, известно, какая беседа. Про нашу жизнь больше» [9].

Эти беседы, причем на актуальные для крестьян темы, велись не только в Петербурге, но и в Грешневе. Сам поэт писал об этом в стихотворении «Деревенские новости» накануне отмены крепостного права: «Сходится в хате моей Больше да больше народу: Ну, говори поскорей, Что ты слыхал про свободу?-» [36]. В автобиографии Николай Некрасов признался: «Итак, отношения мои к грешневцам были такие:

<...> - Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Я постоянно играл с деревенскими детьми и, когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость» [11]. Примечательно, что писатель П.Д. Боборыкин обнаруживал даже внешнее сходство Некрасова с крестьянами волжских местностей [37].

В заключение несколько выводов:

1. Крестьяне-отходники дворян Некрасовых не просто были знакомы поэту, судьбы их нашли отражение в его сочинениях. Черты некоторых крепостных, их жизненные обстоятельства он в той или иной степени мог использовать при создании своих героев.

2. Документальные и мемуарные источники, дополняющие друг друга, дают возможность создать более полные и достоверные портреты крестьян «питерщиков», являвшихся очень значимой частью его ярославского и петербургского окружения.

3. Некрасовские крестьяне уходили в отход обычно по нескольку человек, среди них имелись родственники (отец и сын, бра-

тья). Одиночки на заработки могли уходить с женами, возможно, и с детьми.

4. Возрастной диапазон грешневских артельщиков: от 18 до 57 лет.

5. Среди «питерщиков» в основном преобладали каменщики и печники, но были также штукатуры и маляры.

6. Выявленная география отходнических маршрутов некрасовских крестьян включает в себя города Санкт-Петербург, Астрахань, Пермь, Камышин (Саратовская губерния).

Библиографический список

1. Яковлев, В.И. Крестьяне все подрядчики… [Текст] // Северный край. – 1988. - 6 октября.

2. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем [Текст]: в 15 т. - Л., 1984. Т. 8.

3. Некрасов, Н.А. Указ. соч. - Т. 5.

4. Панаева (Головачева), А.Я. Воспоминания [Текст]. - М., 1986. - С. 388.

5. Попов, А.В. Н.А. Некрасов и Ярославская область [Текст] // Альманах: Литературно-художественный и краеведческий сб. - М.; - Ярославль, 1938. - С. 90.

6. Иванова (Фохт-Рюмлинг) Е.А. Воспоминания сестры поэта // Карабиха: Историко-литературный сб. Вып. 3. [Текст]. - Ярославль, 1993. - С. 219.

7. Голубев, А.К. Из заметок в моих записных книжках. Об Аббакумцевской школе, на родине Н.А. Некрасова. (В 1884 году) [Текст] // Русская усадьба XVIII – начала XX в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации: материалы конференции. - Ярославль, 2005. - С. 79.

8. Первухин, Н. По живым следам. Родовое гнездо Некрасова [Текст] // Красная Нива. – 1928. - № 1. - С. 10 – 11.

9. Дмитриев, Н. На родине Некрасова [Текст] // Молодой колхозник. – 1938. - № 1.

10. Государственный архив Ярославской области. - Ф. 196. - Оп. 1. - Ед. хр. 1069. - Л. 16 – 17. (Далее - ГАЯО).

11. Некрасов, Н.А. Указ. соч. [Текст]. - СПб., 2000. - Т. 13. Кн. 2. - С. 54.

12. См. об этом: Яковлев, В.И. Гнездо отцов [Текст]. - Ярославль, 1996. - С. 29 – 41.
13. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 1. - Ед. хр. 7039.
14. ГАЯО. - Ф. 100. - Оп. 8. - Ед. хр. 1411. - Л. 641 об.
15. ГАЯО. - Ед. хр. 1957. - Л. 18 об.
16. ГАЯО. - Ф. 196. - Оп. 1. - Ед. хр. 1812. - Л. 903 – 909 об.
17. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 9. - Ед. хр. 59. - Л. 17.
18. ГАЯО. - Оп. 2. - Ед. хр. 3521. - Л. 2.
19. Красильников, Г.В. Из истории бытования имен и фамилий грешневских крестьян и дворовых Некрасовых: по материалам документальных источников [Текст] // Русская усадьба XVIII – начала XXI вв. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации: материалы научной конференции. - Ярославль, 2009. - С. 78.
20. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 2. - Ед. хр. 411. - Л. 751 об.
21. ГАЯО. - Оп. 11. - Ед. хр. 661. - Л. 75 об.
22. ГАЯО. - Ед. хр. 671. - Л. 66 об.
23. ГАЯО. - Оп. 2. - Ед. хр. 310. - Л. 847 об.
24. ГАЯО. - Ф. 196. - Оп. 1. - Ед. хр. 531. - Л. 12.
25. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 1. - Ед. хр. 6221.
26. ГАЯО. - Ф. 151. - Оп. 2. - Ед. хр. 28975.
27. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 3. - Ед. хр. 1492.
28. ГАЯО. - Ед. хр. 1638.
29. ГАЯО. - Оп. 10. - Ед. хр. 82. - Л. 71 – 72.
30. ГАЯО. - Оп. 3. - Ед. хр. 1890. -Л. 651 об.
31. Неизданные письма А.С. Некрасова [Текст] // Карабиха: историко - литературный сб. - Ярославль, 1991. - С. 135.
32. См.: ГАЯО. - Ф. 196. - Оп. 2. - Ед. хр. 1017. - Л. 10, 56.
33. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отдел рукописей. - Ф. 202. - Оп. 1. - Ед. хр. 261. - Л. 2.
34. ГАЯО - Ф. 151. - Оп. 2. - Ед. хр. 26419. - Л. 10.
35. Там же. Ед. хр. 29047.
36. Некрасов, Н.А. Указ. соч. - Т. 2. - С. 95, 98.
37. Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников [Текст]. - М., 1971. - С. 252.

УДК 94(470)

О.В. Дубичев

Из истории создания сельскохозяйственных обществ Ярославской губернии (начало XX века)

Проблемы природопользования приобретают все большее значение как в социально-политическом, так и в историографическом смыслах. В дореволюционной России на рубеже XIX –XX вв. складывалась институциональная система, призванная обеспечить бережное, а не хищническое отношение к природным ресурсам, воспитание культуры обработки земли, использования леса, сохранения чистой воды. Большую роль в этом важном процессе играли государственные и земские учреждения, частные инициативы. Так, на территории Ярославской губернии действовали различные общественные организации, возникшие по предложению местных жителей. Они наряду с местными органами управления, земством и лесоохранительным комитетом пытались решить различные вопросы в области природопользования.

Самыми многочисленными и массовыми общественными организациями, действовавшими в Ярославской губернии, являлись сельскохозяйственные общества, количество которых достигло 54 к 1914 г. Значительная их часть, около 70%, приходилась на четыре уезда губернии - Ярославский, Мологский, Мышкинский и Пошехонский, что свидетельствует о неравномерности развития данного движения на селе [1, с. 4].

Следует отметить, что самые первые общества появились в 1905 г. : Борисоглебское в Ростовском уезде и Великосельское в Ярославском; большинство же инициатив пришлось на последующие годы – примерно 76 % обществ начали действовать только с 1910 г. [1, с. 5]. Следовательно, их существование в условиях мирного развития страны продолжалось около 3 – 4 лет. Данный временной промежуток можно считать недостаточным для проявления существенных результатов деятельности сельскохозяйственных обществ.

Земские деятели объясняли медлительность в этом деле тем, что в 1890-е гг. их усилия были направлены на более конкретные и первостепенные задачи совершенствования агрокультуры – на пропаганду травосеяния и организацию складов сельскохозяйственных ору-

дий, машин и семян [2, с. 24]. Проблема же создания крестьянских сельскохозяйственных обществ встала только в 1900-е гг., когда в решении поставленных ранее задач наметилась положительная динамика. Появление новых природозащитных организаций воспринималась, таким образом, как следующий этап на пути модернизации сельского хозяйства в губернии.

Инициаторами создания сельскохозяйственных обществ в 47 % случаев являлись сами крестьяне данного населенного пункта, причем при организации некоторых обществ говорилось или о группах крестьян («по почину местных крестьян»), или назывались конкретные фамилии. В 39 % случаев инициативу проявляли уездные земские агрономы. Определенную роль (в 14 % случаев) при возникновении обществ играли священники. Так, самое старое Борисоглебское общество было создано при участии священника отца Иоанна Смирнова [1, с. 6].

Хотя показатели участия земства (в лице своих агрономов) в создании сельскохозяйственных обществ могут показаться небольшими, необходимо иметь в виду, что в значительной степени крестьяне и священники шли на создание данных обществ после просветительской работы со стороны агрономического персонала губернии.

В соответствии с типовым уставом каждое общество имело совет или правление из 4 – 6 человек, а также ревизионную комиссию из 3 членов. В состав органов управления входили, как правило, крестьяне.

Количественный состав сельскохозяйственных обществ колебался в значительных пределах. Минимальная численность (15 человек) была в Соколовском (Романово-Борисоглебский уезд) и Сухаревском (Мышкинский уезд) обществах, а максимальная (167 чел.) – в Цикаловском (Мышкинский уезд). Среднее значение состоявших в обществах крестьян определяется цифрой 42, а общее число членов по 54 обществам превышало 2200 чел. При этом наблюдалась тенденция к его постоянному увеличению.

Таблица 1

Численность обществ	менее 20 чел.	21-40 чел.	41-60 чел.	более 61 чел.	всего
Абс. (кол-во обществ)	4	19	8	7	38
Отн. (в %)	10,5	50,0	21,1	18,4	100

Таким образом, большинство обществ губернии можно отнести к малочисленным организациям, хотя некоторые из них могли соперничать по данному показателю с Ярославским обществом сельского хозяйства (ЯОСХ) и другими крупными общественными организациями.

Одним из источников финансовых поступлений в сельскохозяйственные общества являлись членские взносы. Они могли быть вступительными, ежегодными и пожизненными. Как правило, общества использовали все три вида взносов. Исключение составляли 7 обществ, которые не брали плату за вступление в них. Однако данное обстоятельство никак не отразилось на их количественном составе: только Даниловское отделение МОСХ и Георгиевское общество Даниловского уезда имели более пятидесяти членов [1, с. 11 – 12].

Размеры вступительных взносов колебались от 25 к. до 5 р., но почти в ¾ случаев не превышали 1 р. Средний размер вступительных взносов составлял 1,6 р. Ежегодные платы были примерно в 2 раза ниже: от 25 к. до 2 р., а их средний размер по губернии – 81 к. Следовательно, если предположить, что в среднем общество состояло из 42 членов, вносивших вступительные и ежегодные взносы в пределах средних значений на протяжении трех – четырех лет, то приблизительно общая сумма поступлений определяется в пределах 150 – 200 р. Понятно, что данных средств было недостаточно, чтобы общество эффективно работало, поэтому дефицит оборотных капиталов являлся хронической болезнью мелких, по большей части крестьянских, сельскохозяйственных обществ.

Среди главных направлений их деятельности можно выделить следующие. Во-первых, *снабжение членов обществ орудиями труда и семенами:* из 40 обществ, приславших сведения, сельскохозяйственные склады были созданы в 24 (т.е. в 60%) [1, с. 23]. В числе основных товаров, реализуемых со складов, были представлены плуги, косы, бороны и другой необходимый в крестьянском хозяйстве инвентарь. Однако следует отметить, что крестьяне покупали в основном дешевые орудия труда, стоимость которых не превышала 2 – 3 р., что практически не изменяло характер обработки земли. Лучше обстояло дело с реализацией семян, в число которых входили не только традиционные зерновые культуры, но и технические, а также травы, изме-

нявшие коренным образом весь севооборот крестьянского хозяйства. Распространение новой агрокультуры вступало в противоречие с общинной чересполосицей, влекло за собой необходимость изменений в землеустройстве. Для того, чтобы оценить масштабы новаций, следует привести данные о годовых оборотах сельскохозяйственных складов. По Ярославской губернии их средний размер составлял 1129 р., а общая сумма приближалась к показателю 50 тыс. р., причем более половины от этой суммы приходилось на склад Ростовского общества. В связи с тем, что обороты у половины существовавших складов были невелики, товары и семена в них продавались, как правило, за наличный расчет. Кредитные операции проводились достаточно осторожно. Следовательно, недостаточность средств как у отдельных крестьянских дворов, так и у сельскохозяйственных обществ являлось одним из главных препятствий к распространению улучшенных способов агрокультуры, а значит и сбережения качества земли.

Важно отметить, что существовало сотрудничество сельскохозяйственных обществ с земскими уездными складами, которые предоставляли им орудия и семена в кредит. Однако это касалось небольшой части обществ, расположенных на территории Мышкинского уезда (Сменцевское общество приобретало «свои товары… в кредит от Мышкинского уездного земства») [1. с, 26]. Подобное можно было найти всего в 7 из 11 (в 64 %) отчетах обществ данного уезда. По другим уездам такого рода упоминания встречаются крайне редко, что свидетельствует о недостаточном взаимодействии между земством и мелкими обществами.

В подавляющем большинстве случаев при продаже товаров из склада не делалось разграничения между членами сельскохозяйственного общества и не членами. Все обратившиеся получали орудия труда и семена на равных условиях и по одинаковым ценам, что должно было обеспечить доверие населения к новым организациям [1, с.29].

Однако сами крестьяне среди причин, сдерживавших развитие складов, называли недоверчивость и неосведомленность крестьян; высокие цены на ряд товаров; плохое материальное положение вследствие неурожаев, случавшихся с постоянной периодичностью [3, с. 108].

Вторым направлением деятельности обществ являлось создание *зерноочистительных пунктов*. К 1913 г. их насчитывалось 29 [1,

с. 31]. Однако семь из них были открыты в течение 1912 г. и действовали или не в полном объеме, или не успели даже начать свою работу.

Данные по количеству очищенных семян в различных обществах губернии отличались достаточно сильно: от 300 (Флоровское общество, Мышкинский уезд) до 12277 пуд. (Аксеновское, Пошехонского уезда). Средний показатель очистки семян по всем складам казался относительно большим (1928,8 пуд.). После некоторых вычислений можно прийти к выводу, что каждый обратившийся очищал в среднем около 9 пуд. Такой небольшой показатель может говорить о том, что в основном крестьяне очищали семена, предназначенные только для посадки.

Среди обращавшихся на подобные пункты более двух третьих (около 65%) составляли крестьяне, не входившие в сельскохозяйственные общества. Данный факт свидетельствовал о заинтересованности и приобщении к работе подобных пунктов не только самих членов общества, но и более широкого круга лиц деревни.

Главным фактором, влиявшим на успешность деятельности зерноочистительных пунктов, являлось время их создания: чем раньше создавало общество пункт, тем больше людей стремилось воспользоваться его услугами. Так, все пункты, где объемы очищенных семян превышали 1000 пуд., были созданы не позднее 1910 г., то есть обслуживали население не первый год.

Третьим направлением работы обществ была организация *прокатных пунктов*. Однако их количество было на порядок меньше, чем зерноочистительных, – всего 10, из которых 8 находились в тех же сельскохозяйственных обществах, что и зерноочистительные пункты.

В ассортименте орудий, находившихся на прокатных пунктах, преобладали машины по обработке почвы (плуги различных конструкций и окучники) или льняного волокна (трепалки и чугунные мялки). Как правило, со стороны населения спросом пользовались только два – три вида орудия, хотя на каждом пункте их было значительно больше [1. с, 47]. Эта ситуация являлось отражением медленного поворота крестьян к новым возможностям улучшения обработки почвы, они продолжали пользоваться хорошо известными орудиями, не стремясь испытать эффект от нововведений. В результате деятельность прокатных пунктов, в отличие от зерноочистительных, носила менее массовый характер и их целесообразность была менее очевидной для крестьян.

Другим важным направлением работы сельскохозяйственных обществ являлось *создание опытно-показательных участков и полей*. Среди всех обществ данный вид деятельности практиковался в 14, или в каждом третьем, причем 9 таких обществ располагались в Мышкинском и Пошехонском уездах, а оставшиеся 5 (36%) были распределены по четырем уездам (Любимский, Мологский, Романово-Борисоглебский и Ярославский). При этом в других трех районах губернии, где действовало в общей сложности 10 сельскохозяйственных обществ, не было ни одного показательного участка.

Размеры опытных полей могли колебаться от нескольких сотен квадратных саженей (как это было в Панфиловском обществе) до 5 дес. (в Ухтомском обществе). Несмотря на такие большие колебания показателей, это не означало, что вся означенная площадь использовалась для проведения опытов. Так, в Оносовском обществе Мышкинского уезда из 1 дес. 1500 кв. саж. в 1911 г. опыты ставились на участке площадью всего 1500 кв. саж. [1, с. 49]. Кроме того, следует отметить, что большинство опытов начали проводить или закладывать только в 1911 г.

Около половины показательных участков специализировалось в области луговодства. На данных полях проводился в основном посев клевера и вики. Опыты с минеральными удобрениями, корнеплодами, а также под лен встречались на показательных полях примерно равное количество раз (в 20 – 28 % случаев). В основном (в 70% случаев) правительственные специалисты и земские агрономы руководили агрокультурными опытами.

Проведение сельскохозяйственных выставок являлось делом хлопотным и трудным. Несмотря на это, в двух обществах (Даниловском отделении МОСХ и Оносовском Мышкинского уезда) в 1911 г. осуществились подобные мероприятия. Следует отметить, что Даниловское отделение МОСХ организовывало выставки на протяжении нескольких лет дважды в год: весной – выставку рогатого скота, а осенью – семенную и кустарную. В Мышкинском уезде «завелся похвальный обычай ежегодно устраивать в том или другом обществе сельскохозяйственные выставки» [1, с. 52]). О их проведении сообщалось в ежедневной газете «Голос».

Заметные усилия направлялись обществами на у*лучшение скотоводства*. По данным опроса, из 40 приславших ответы обществ име-

ли случные пункты 15 (т.е. 37,5%): из них 12 – бычьих и 3 – конских. В каждом таком пункте содержалось в среднем по 2 производителя. Большинство обществ получали их от Департамента земледелия при посредничестве земства бесплатно, «только бы общество кормило и содержало быка» [1, с. 54].

В среднем за год быки покрывали около 50 маток, то есть всего в губернии показатели этой деятельности были невелики (около 1200 коров). Одной из причин слабого распространения улучшенных пород в животноводстве оставался недостаток средств для обращения за услугами в случные пункты. За каждую корову хозяева должны были заплатить от 25 к. до 1 р., и только члены общества имели льготы при оплате. Средства, полученные обществом, шли на содержание случных пунктов.

Более эффективной мерой влияния на крестьянские хозяйства можно признать массовые мероприятия - смотры, выставки достижений в области сельского хозяйства, на которые стекалось много заинтересованных лиц. В 1911 г. усилиями обществ было проведено 4 выставки крупного рогатого скота в с. Веретея Мологского уезда, с. Мормужино Пошехонского уезда, с. Середа и Вятское Даниловского уезда. В последних двух выставки организовало Даниловское отделение МОСХ. Премии выдавались только в денежной форме (по 150 р.). Средства на выдачу наград выделил Департамент земледелия [1, с. 55].

Даниловское отделение организовывало выставки крупного рогатого скота ежегодно на протяжении длительного времени, поэтому на них экспонировалось до 200 голов крупного рогатого скота. В 1911 г. Даниловским отделением впервые была проведена выставка «на обильно - и густомолочность местного ярославского скота». При награждении победителей в первую очередь учитывались показатели жирности молока и молочная производительность коров, а не экстерьер животного. Для этой цели при обществе на средства Департамента и при поддержке губернского земства в течение года работал учетчик.

Просветительской деятельности сельскохозяйственные общества уделяли недостаточно внимания. «Почти все общества отодвигают эту деятельность на второй и даже на последний план, а некоторые явно… чураются её», - свидетельствовали современники [1, с. 67]. Несмотря на это, в 16 из 40 обществ (40%) существовали библиотеки книг сельскохозяйственного содержания. Количество книг колебалось в дос-

таточно широких пределах, от 20 до 200. Кроме этого, эти общества выписывали различные журналы, в том числе «Известия земских агрономов и правительственных специалистов Ярославской губернии», «Хутор», «Сельский хозяин» и другие.

Хотя в значительной части обществ библиотек не было, но даже там, где они существовали, их посещаемость была весьма низкой. Ни в одном обществе ежегодный показатель читателей не превышал 50 человек, что составляло менее половины от числа членов обществ.

Небольшой интерес наблюдался со стороны обществ также к проведению различных курсов и лекций с привлечением земских или правительственных специалистов. В 1911 г. такой возможностью воспользовались 15 из 40 (37,5%) обществ, в том числе, в 11 обществах проводились двухнедельные курсы, в которых принимали участие около 2 тыс. крестьян. При этом от обществ требовалось только составить ходатайство о проведении курсов, а финансовые вопросы брало на себя земство или Департамент земледелия.

Только два общества (Веретейское и Даниловский отдел) пользовались услугами со стороны земских агрономов достаточно активно. В Веретейском обществе за 1911 г. были проведены два двухнедельных курса, велись беседы мастером по луговодству и контроль-ассистентом. В Даниловском отделе проводились лекции с привлечением земского участкового агронома, помощника губернского агронома и местного земского ветеринарного врача [1, с. 70 – 71].

Из общего числа сельскохозяйственных обществ также выделялось Самсоновское общество Даниловского уезда. В феврале 1911 г. на очередном общем собрании было принято решение об организации регулярных курсов по различным отраслям сельского хозяйства в память о Манифесте 19 февраля 1861 г. Кроме этого, члены общества возбудили ходатайство о выделении губернской управой 50 р. на организацию экскурсии в Ростовский уезд с целью знакомства с опытом по ведению огородного хозяйства.

В заключение следует отметить, что именно сельскохозяйственные общества в ряде случаев были инициаторами создания других видов обществ и кооперативов на селе. Так, к 1912 г. усилиями обществ были открыты 2 контрольных союза, несколько маслодельных и сыроваренных артелей, 9 ссудо-сберегательных товариществ, 4 потребительские лавки, а также 2 новых сельскохозяйственных общества. В

целом сельскохозяйственные общества, несмотря на их незначительное количество, играли определенную роль в развитии рациональных способов природопользования в крестьянском хозяйстве. Хотя в данном направлении успехи отдельных обществ были различны, следует полагать, что только развитие данного вида общественных организаций и их совместная деятельность с земством могли коренным образом изменить ситуацию в сельском хозяйстве начала XX в..

Библиографический список

1.Неклепаев, И.Я. Сельскохозяйственные общества Ярославской губернии [Текст]. – Ярославль, 1913.

2.Приложения к журналу совещания агрономов [Текст]. – Ярославль, 1907.

3.Обзор агрономических мероприятий Ярославского земства за 1909 год [Текст]. – Ярославль, 1910.

УДК 94(470)"16/18"

Р.З. Гушель

Становление и развитие реального образования в Ярославле в конце XIX – начале XX века

В XIX веке в Ярославле было лишь одно среднее учебное заведение – губернская гимназия, открытая в 1805 году. Но к последней четверти XIX века приток желающих учиться все время возрастал, и единственной на весь город гимназии стало уже недостаточно. Нужны были новые учебные заведения, особенно – реальное училище.

Реальные училища появились в России в 70-х годах в связи с тем, что развитие страны требовало выпускников средней школы и с естественно-научным, а не только с гуманитарным образованием, какое существовало в России с начала века.

Начиная с 1849 года, в стране было сделано несколько не слишком удачных попыток организации средних учебных заведений с реальным курсом обучения. Здесь не изучались древние языки, вместо них вводился курс естественных наук и увеличивался курс математики.

И в педагогическом сообществе, и в министерстве народного просвещения не было единого взгляда на этот вопрос. Сторонники классической школы как единственной школы, дающей полноценное среднее образование, в конце концов одержали верх. В 1872 году при министре графе Д.А. Толстом был утвержден, наряду с гимназическим, устав реальных училищ. Эти училища являлись общеобразовательными учебными заведениями с шестилетним сроком обучения. Они не считались полной средней школой. В университет реалистов не принимали, но они могли поступать в высшие специальные учебные заведения.

В Ярославле в течение многих лет реального училища не было, хотя город неоднократно предпринимал попытки его организации. В частности, Городская дума в своем заседании 27 марта 1873 года обсуждала эту тему в связи с запросом Министерства народного просвещения относительно необходимости открытия в Ярославле классической четырехклассной прогимназии. В решении Думы записано: «В виду возбужденного пред правительством ходатайства об учреждении в Ярославле шестиклассного реального училища, в открытии еще в городе Ярославле новой классической прогимназии не представляется надобности» [1].

Гласный Д.И. Чистяков при обсуждении этого вопроса в Думе сказал: «Я нахожу, что при существовании у нас классической гимназии открытие еще прогимназии с таким же направлением едва ли представляется необходимым; настоящее положение Ярославля – его развивающаяся торговля, промышленная, фабричная и ремесленная деятельность – вызывают более существенную потребность в техниках, в которых у нас чувствуется недостаток и которых нам не дадут наши классические гимназии. Эти потребности может удовлетворить учебное заведение лишь с реальным направлением, а не классическим, именно такое об открытии которого в Ярославле уже возбуждено ходатайство Городским обществом и земством».

Вероятно, это ходатайство не было поддержано. Во всяком случае, реальное училище так и не было тогда открыто.

В 1880 году учитель математики Ярославской мужской гимназии Павел Яковлевич Морозов обратился в Городскую думу с заявлением о желании открыть в Ярославле «училище, учебный курс которого в точности соответствовал бы курсу правительственных реальных училищ» [2].

П.Я. Морозов (ок. 1852–1911) стал учителем Ярославской гимназии в 1876 году после окончания Московского университета. Он преподавал здесь математику, физику, космографию и географию, активно участвуя в создании при гимназии кружка любителей астрономии и физики. В 90-х годах П.Я. Морозов был гласным Городской думы. В 1905 году, выйдя в отставку, он стал членом Ярославской городской управы и исправляющим должность Городского головы. В 1907 году Павел Яковлевич вернулся к педагогической деятельности и в последние годы жизни был инспектором реального училища в Туле, а затем директором Вязниковской гимназии Владимирской губернии.

Учителями планируемого к открытию учебного заведения должны были на первых порах стать учителя других учебных заведений города. Основатель просил Городскую думу о финансовой поддержке нового училища в размере 1000 рублей серебром в год. Дума поддержала ходатайство П.Я. Морозова, и попечитель Московского учебного округа разрешил его открытие.

Училище просуществовало шесть лет ,постоянно борясь с финансовыми трудностями. В первый год здесь учились 24 ученика, в том числе, 6 человек в приготовительном классе, 8 человек – в первом и 10 человек – во втором. По отзывам, «воспитательная сторона училища не оставляет желать ничего лучшего; развивая свою деятельность, училище это, без сомнения, усилит к себе сочувствие общества и, вместе с тем, увеличит число желающих получить в нем образование» [2]. К весне 1883 года в приготовительном и четырех основных классах училища было уже 60 учеников.

Но, несмотря на успешность занятий в училище, город не оказывал ему достаточную материальную помощь, и в 1886 году П.Я. Морозов обратился с очередным письмом в Городскую думу. Он писал: «В настоящее время училище существует уже шесть лет и состоит из пяти классов реального училища и приготовительного класса; доход же училища остается прежний, именно около двух тысяч рублей. При таких условиях нечего было и думать об открытии в следующем году шестого класса, вследствие чего я обратился в Ярославское губернское земство с просьбой о принятии училища в ведение земства и города. В такой просьбе мне было отказано…». Затем содержатель училища обратился к попечителю Московского учебного округа в надежде, что его детище могут сделать казенным реальным

училищем. В ответе из округа было, в частности, сказано: «…Что же касается всякого частного реального училища, то возбуждение вопроса о представлении таковому тех прав, о которых Вы упоминаете в Вашем прошении, могло бы иметь место только после существования учебного заведения в течение нескольких лет кряду в полном шестиклассном составе, и при условии доказанного этим многолетним существованием успешного выполнения установленных для реальных училищ программ преподавания учебных предметов» [2]. Это был отказ.

И П.Я. Морозов вновь обращается к Городской думе с просьбой о поддержке, заявляя, что в противном случае ему придется училище закрыть. Дума в поддержке отказала, и Ярославль остался без реального училища.

Выше говорилось, что на основании устава 1872 года реалисты не имели права на поступление в университет, и в течение нескольких десятилетий в стране не прекращалась борьба за предоставление им этого права. Наконец, в 1906 году было принято решение о допуске реалистов в университет (на физико-математический и медицинский факультеты) при условии окончания ими дополнительного (седьмого) класса училища с обновленной и значительно усиленной программой курса математики и сдачи экзамена по латинскому языку за курс мужской гимназии [3].

Вопрос об открытии в Ярославле реального училища в очередной раз обсуждался в 1903 году в губернском земском собрании. Было принято решение ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии в городе реального училища [4].

А годом раньше в министерство с таким же ходатайством обратилась Городская дума. Незадолго перед этим Ярославль посетил министр народного просвещения Г.Э. Зенгер (1902–1904). Убедившись на месте в необходимости для города реального училища, он отметил, что ходатайство о его открытии может быть поддержано министерством лишь при условии участия местных обществ в содержании этого учебного заведения.

Очередное ходатайство было направлено наверх. К нему было приложено постановление ярославского губернского земского собрания об ассигновании 50 тысяч рублей на постройку здания дл реального училища [5].

Разрешение на открытие училища было получено в мае 1906 года, а датой открытия его было назначено 1 июля 1907 года. Новое здание город для училища строить не стал. Его поместили в том здании на Воскресенской (Революционной) улице, где до этого находилась городская управа (теперь это здание принадлежит медицинской академии).

Первым директором реального училища был назначен действительный статский советник Василий Евгеньевич Богословский, но он через несколько месяцев после назначения погиб в железнодорожной катастрофе. Его сменил статский советник Николай Самсонович Соколов, прослуживший на посту директора училища с 3 декабря 1907 до марта 1917 года.

Н.С. Соколов после окончания в 1883 году физико-математического факультета Казанского университета с золотой медалью на два года был прикомандирован к Императорскому Московскому техническому училищу. Службу он начал в 1885 году преподавателем математики Тверского реального училища.

В Ярославском реальном училище под руководством Н.С. Соколова были выполнены, в частности, следующие работы: «Устройство и оборудование физической аудитории с синематографом и фотографической камерой, экранами, затемнениями окон и пр.», а также устройство и оборудование химической лаборатории, астрономической обсерватории, естественно-исторического кабинета, рисовального класса и гимнастического зала. В училище существовал музыкальный класс, инструменты для которого были приобретены в Лейпциге. Много сил и энергии отдал директор трудам по возведению пристройки к зданию училища [6].

Н.С. Соколов был автором учебников по физике для женских гимназий и высших начальных училищ. Эти учебники были допущены Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве руководств. Они вышли в Москве и выдержали по нескольку изданий.

Занятия в училище начались 16 октября 1907 года. В первый год были набраны только первый и второй классы. Плата за ученье была назначена в размере 60 рублей в год.

По инициативе Н.С. Соколова помощник классных наставников А.А. Крестников был в 1908 году командирован в Москву на курсы чешской гимнастики, и с 1908/1909 учебного года уроки гимнасти-

ки были введены в качестве обязательных. Летом 1909 года учитель этого предмета ездил на специальные курсы гимнастики в Прагу [7].

Помимо гимнастики, в училище сверх обязательных предметов обучали также музыке, ручному труду и танцам.

В 1910 году, когда старшие ученики окончили четвертый класс, в пятом для желающих было введено преподавание латинского языка. Это давало возможность еще в училище подготовиться к поступлению в университет. В том же году для учеников I–III классов были организованы вечерние курсы по новым языкам. Занятия на курсах проходили три раза в неделю [7].

Так же как и гимназия, реальное училище выписывало довольно много педагогических, научных и научно-популярных периодических изданий. На 1911 год, например, были выписаны 22 издания, среди которых: Журнал министерства народного просвещения, Вопросы философии и психологии, Исторический вестник, Вестник опытной физики и элементарной математики, Электричество и жизнь, Вокруг света.

К концу 1915 года в училище было 409 учеников. По сословиям они распределялись следующим образом: потомственных дворян – 30, сыновей личных дворян и чиновников – 89, из духовного звания – 13, сыновей почетных граждан и купцов – 49, сыновей мещан и цеховых – 138, крестьян – 90.

Учебный год в училище делился не на четверти, а на трети. По постановлению педагогического совета их окончание было приурочено к следующим датам: 10 ноября, 9 февраля и 11 мая. Выпускные (VI и VII) классы заканчивали занятия на две недели раньше остальных.

В 1909 году ввиду все возраставшей потребности в образовании в Ярославле было открыто еще одно реальное училище – частное. Основателем его стал преподаватель мужской гимназии П.Я. Фокс. Но просуществовало это училище недолго – менее четырех лет.

В реальном училище под руководством Н.С. Соколова сложился стабильный и сплоченный коллектив. Отметим двоих.

Нил Григорьевич Первухин (1874–1935), окончивший в 1896 году историко-филологический факультет Московского университета, работал в училище инспектором с 1910 года и до 1917, когда он стал первым избранным директором Ярославского коммерческого училища. В 1918 году Нил Григорьевич был назначен уполномоченным

Главархива по Ярославской губернии. Будучи крупным и признанным специалистом по краеведению, Н.Г. Первухин в 1921 году был приглашен в Ярославский государственный университет как преподаватель краеведения. В 1928 году он – заместитель заведующего музейным управлением и заведующий отделом древнерусского искусства Ярославского государственного музея, председатель секции краеведения Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества и доцент ЯГПИ. В 1930 году по делу «ярославских краеведов» Первухин был арестован и выслан в Казань, где он преподавал и занимался краеведением. Н.Г. Первухин был реабилитирован посмертно.

Преподаватель естествоведения Сергей Николаевич Слободской (1880–1957), в 1906 году окончивший естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, работал в училище с 1907 года, то есть со времени его основания. В 1912 году Н.С. Соколов, в ответ на запрос из округа о наличии в училище преподавателя, которого можно было бы назначить главой вновь открывающегося реального училища, рекомендовал С.Н. Слободского, дав ему блестящую характеристику. Он, в частности, писал попечителю: «Г. Слободской является превосходным преподавателем, будучи в то же время выдающимся педагогом вообще, благодаря выдержанности характера и неизменному расположению, с которым он всегда относится к ученикам…6-летнее участие г. Слободского в оборудовании Ярославского реального училища…может гарантировать вполне успешные результаты в организации и постановке г. Слободским какого-либо вновь открывающегося реального училища» [8].

Н.С. Соколов не ошибся в оценке своего сотрудника. Прошло несколько лет, и С.Н. Слободской возглавил Ярославский институт народного образования. С 1 ноября 1919 года по март 1922 года он был председателем совета и правления этого института. А с 1924 по 1935 год С.Н. Слободской – доцент, заведующий кафедрой химии ЯГПИ. С 1921 по 1931 год он – председатель Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества, в которое он вступил еще в 1907 году.

И С.Н. Слободской, и Н.С. Соколов активно участвовали в работе Ярославского физико-математического кружка, созданного при мужской гимназии в 1912 году. Н.С. Соколов в течение нескольких лет был председателем совета этого кружка, членами которого стали

многие преподаватели средних учебных заведений города, в том числе, и учительского института.

В 1910 году С.Н. Слободской был командирован в Москву на XII съезд русских естествоиспытателей и врачей. На следующем, XIII съезде, в Тифлисе в 1913 году присутствовали и С.Н. Слободской, и Н.С. Соколов. Училище делегировало своих сотрудников и на другие педагогические совещания и съезды.

С 1914 года в Ярославле начал выходить журнал «Русский экскурсант». Н.С. Соколов стал его ответственным редактором-издателем, редакторами издания были Н.Г. Первухин и учитель Первого высшего начального училища П.А. Критский.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области. - Ф. 509. - Оп. 4. - Дело 7.

2. ГАЯО. - Оп. I. - Дело 179.

3. О введении в действие с наступающего 1906/1907 учебного года установленной Ученым комитетом министерства таблицы числа недельных уроков в реальных училищах // Журнал министерства народного просвещения. – 1906. – Июнь.

4. Хроника Ярославского земства [Текст] // Вестник Ярославского земства. – 1903. – № 13-14.

5. Гушель, Р.З. К столетию Ярославского реального училища [Текст] // Учебный год. – Ярославль, 2008. – № 3.

6. ГАЯО. - Ф. 562. - Оп. I - Дело 8.

7. ГАЯО. - Ф. 562. - Оп. I - Дело 2.

8. ГАЯО. - Ф. 562. - Оп. I - Дело 56.

УДК 930.1

Г.Н. Кочешков

Исторические взгляды А.А. Кизеветтера

Одна из лучших работ ученого — магистерская диссертация «Посадская община России XVIII столетия» - посвящена «обществу градскому». Взявшись за данную тему, А.А. Кизеветтер намеревался

«вспахать огромное и никем еще до него не тронутое поле» [1, с. 190]. Конечно, ученый создавал свой труд не на пустом месте. Его предшественники достаточно подробно изучили законодательные акты, касающиеся городского устройства; Кизеветтера же интересовали практические результаты «петровских нововведений в устройстве русских городов, проведенных по иноземным образцам, и в какой мере эти нововведения не на бумаге, а в действительности видоизменили жизненный строй русского города» [1, с. 190].

Значительное внимание в своем исследовании А. Кизеветтер уделяет анализу социальной структуры посадских обществ. Если в период московского государства основанием для социальной дифференциации являлась разверстка тягла «по животам», то в петровскую эпоху, по мнению историка, разделение общества происходит не по имущественному, а по профессиональному признаку [2, с. 128].

По магистратскому регламенту 1721 г. посадское население городов было разделено на три группы: первую и вторую гильдии и «подлых людей». К первой гильдии относились банкиры, купцы, городские доктора, золотари, серебренники, иконники, живописцы. Ко второй — мелочные торговцы, харчевники, разного рода ремесленники. К «подлым людям» - чернорабочие, «обретающиеся в наймах».

Вывод А. Кизеветтера о профессиональной стратификации городского населения не совсем верен. При объективном взгляде на суть предмета вполне очевидно, что разделение общества происходило в соответствии с имущественной состоятельностью его членов. Банкир — это не столько профессия, сколько свидетельство социального положения обладателя данного ранга. Пойти в «чернорабочие» заставляла людей нужда, а не желание получить определенную профессию, к тому же далеко не столь престижную. Имущественная состоятельность граждан давала им определенные социальные привилегии. В регламенте 1721 г. говорится о допущении к магистратским должностям только первостатейных горожан [2, с. 128].

А. Кизеветтера чрезвычайно интересовали идеи муниципального самоуправления. Соглашаясь со своими оппонентами в том, что «верхний слой» посадского самоуправления (бурмистерская палата, ратуша, главный магистрат, земские избы) был крайне бюрократизирован, ученый в то же время попытался встать на защиту низовых элементов самоуправленческих структур. «Не магистерский бургомистр или рат-

ман, - утверждает А. Кизеветтер, - а посадский староста был настоящим представителем земского мира» [2, с. 620]. Магистраты сообщали посадскому миру все административные распоряжения через посадского старосту, который напрямую был связан с городским населением. Посадский сход проверял деятельность старосты и в случае злоупотреблений мог подвергнуть его наказанию, принимавшему иногда весьма внушительные формы, вплоть «до битья батогами перед всем миром» [2, с. 622].

Посадский мир представлял собой самоуправляющийся орган, включавший представителей мелких территориальных подразделений города – слободы и сотни. Последние избирали администрацию - старост, на которые возлагались следующие обязанности: «1) регистрировать слободских тяглецов и все изменения в составе населения слободы, 2) собирать подати с слободских тяглецов, 3) следить за недоимками, 4) созывать слободские сходы, 5) надзирать за воспитанием и обучением малолетних слободских сирот, 6) надзирать за описью оброчных статей» [2, с. 631].

Промежуточным звеном между слободскими учреждениями и посадским сходом являлась гильдейская организация, которой отводилось, как отмечал А. Кизеветтер, видное место в административных учреждениях города. «Лучшие», «первостатейные люди», имевшие гильдейский статус, играли главную роль на посадских сходах: их присутствие требовалось для открытия схода, их подписи под мирскими приговорами придавали неоспоримую силу данным решениям. Преобладающее значение «первостатейных», по точному замечанию А. Кизеветтера, являлось естественным следствием всего строя общинно-посадского мира. «Круговая порука, лежавшая в основе тяглого строя посадской общины, выдвигала первостатейных людей в качестве первых и главных ответчиков за мир и тем самым ставила их в положение и главных активных руководителей мирскими делами» [2, с. 643].

Важнейшим элементом внутренней жизни посадской общины являлись выборы магистратских чиновников. Часто они превращались в орудие всевозможных злоупотреблений, дорого стоивших посадским жителям. В то же время А. Кизеветтер обращает внимание на ответственность самих членов общины, «приложивших руку» к избранию местного администратора. Эта ответственность, по свидетельству ученого,

«была тем тяжелее, что она отнюдь не соединялась для ответчика с правом контроля над своим избранником в том случае, если он не оправдывал возлагавшихся на него ожиданий. Избиратели не могли сменять выбранных им лиц; все, что они могли, это бить челом у подлежащего начальства о позволении произвести новые выборы» [2, с. 659]. Такое своеобразное сочетание права членов общины участвовать в выборах с фактическим отсутствием возможности реального контроля над деятельностью «своего» депутата указывает на глубоко архаический характер посадского самоуправления. Законодательство о выборах было составлено таким образом, что позволяло высшим слоям посадского населения монополизировать не только пассивное, но и активное избирательное право: «губернаторам, вице-губернаторам и воеводам во всяком надлежит городе, бурмистров и первых мирских людей призвав, предложить им…чтобы выбрали они к магистерскому делу между собою в президенты и бургомистры и ратманы из первостатейных добрых, пожиточных и умных людей» [2, с. 661-662]. Согласование порядка посадских выборов с фискальными интересами государства стояло на первом месте в глазах законодателя, о чем свидетельствует пункт 11-й именного указа от 28 июня 1721 г. Избирателям напоминают, что «за недоборы и всякие упущения со стороны выбранных лиц взыскание будет падать и на них» [2, с. 664].

А. Кизеветтер подробно изучил состав посадских служб и платежей местного населения, прямые и косвенные налоги, податную реформу, отметив при этом огромное количество злоупотреблений со стороны «первостатейных» людей, стремившихся переложить значительную часть государственных повинностей на плечи рядовых общинников: «едва не во всех городах пожиточные налагают тяжкие платежи на неимущих без рассмотрения скудости их торговых промыслов и вопреки указам, предписывающим во всех поборах иметь уравнение по торгам, промыслам и пожиткам, на что от «убогих» было в городах многое прошение» [2, с.615].

Отмечая тягловый, закрепощенный характер посадских общин XVIII столетия, А. Кизеветтер обращает внимание на те «зародыши стремлений к истинной автономии», для укрепления и широкого развития которых не хватало благоприятных условий. Рассматривая строй посадской общины в течение первых трех четвертей XVIII века, ученый делает вывод о том, что «крепостной характер ее к концу изучаемого

периода медленно, но постепенно шел на убыль. Этот процесс и подготовил почву для коренной реформы муниципального строя, осуществленной в 80-хх гг. XVIII ст.» [2, с. 798].

Логическим продолжением исследования А. Кизеветтера о социальном составе посадских обществ стала его докторская диссертация «Городовое положение Екатерины II 1785 гг. Опыт исторического комментария». Работая в петербургских архивах, историк обнаружил черновые наброски «Городового положения», что позволило ему детально проследить процесс постепенной выработки текста данного законодательного документа.

А. Кизеветтер отмечает ярко выраженную продворянскую направленность «Городового положения». Анализируя статьи, касающиеся личных прав мещан и устройства городской общины, ученый обнаруживает любопытный факт: в первоначальном варианте предполагалось предоставить городским жителям столь же широкие права, что и дворянам. Однако при окончательной доработке текста эти новации были сочтены чрезмерными и опасными для дворянского общества.

А. Кизеветтер критикует Екатерину II за поспешность, небрежность при написании документа. Изучая социальную структуру русского города, ученый обнаруживает расплывчатость, нечеткость отдельных терминов. Мещане в «Городовом положении» характеризуются и как «городовые обыватели средней руки», и как горожане, имевшие состояние. В некоторых статьях вместо «мещане» фигурирует термин «граждане», что еще больше запутывает ситуацию. По мнению А. Кизеветтера, это не просто небрежность, а свидетельство отношения Екатерины II к социальным группам недворянского происхождения. Вывод ученого жесткий и прямолинейный: «или первоначально составу городского общества не предполагалось придать того всесословного характера, который был намечен впоследствии, и общество градское рисовалось законодательно лишь как организация живущих в городе «среднего рода людей», или термину «мещанство»… вообще был придан более обширный смысл всех вообще городовых обывателей» [3, с.35].

Реформаторской деятельности императрицы был посвящен и еще один труд А. Кизеветтера - «Из истории законодательства в России XVII – XIX вв.». Созыв Екатериной II Уложенной комиссии вы-

звал фурор в российском обществе. «Все стремились быть свидетелем этого необычного дела, - писал И. И. Дитятин. – Массы всякого люда чуть ли не с восхода солнца заполняли Кремль, особенно теснясь у Чудова монастыря и Успенского собора. Сюда попали лишь наиболее счастливые и усердные; остальные любопытные целым морем голов заливали весь длинный путь от стен Кремля до Головинского дворца, где остановилась… великая императрица. Часу в шестом, в исходе, густая толпа, теснившаяся ближе к дверям Чудова монастыря, раздалась, чтобы очистить дорогу участникам сегодняшнего торжества, ехавшим и шедшим в монастырь, назначенный соборным местом для них… Блестящие петербургские сановники сменялись невзрачными фигурами «черносошных пашенных крестьян»; за этими последними сановито выступала могучая фигура сына Сечи запорожской, гордо проходили родовитые дворяне; наивно смело всходили на крыльцо монастыря забавлявшие толпу своим чудным видом дикари далекого севера и Сибири, проехавшие чуть не бесконечный путь свой, в сущности, лишь с одною целью, - увидеть «белую царицу» [4, с. 3-4]. По мнению Дитятина, в июле 1767 г. было положено начало «великому делу» единения владычицы империи с ее многомилионным населением, которое было утрачено со времени созыва последнего Земского собора [4, с. 5].

Уложенная Комиссия вобрала в себя почти 500 представителей от различных слоев российского общества. Екатерина II намеревалась придать работе законодательного собрания всесословный характер. «В обряде выборов, - пишет А. Кизеветтер, - в первый раз…блеснула новая и совершенно чуждая как допетровской, так и петровской России идея о «градском обществе», как о такой корпорации, которая обнимает своим личным составом всех постоянных обывателей города» [5, с. 222]. Однако и сами выборы, и практика составления наказов поставили под сомнение торжественно провозглашенную Екатериной II идею «всесоборности» Комиссии. А. Кизеветтер приводит многочисленные примеры сохранения старых, патриархальных традиций при выборе депутатов от городов. В Астрахани, Нежине, Костроме, Угличе и ряде других городов выбирали не одного депутата, как предписывалось законом, а пять и более. При этом каждый депутат снабжался «своим» самостоятельным наказом [5, с. 229-231].

Будучи страстным поборником идеи народного представительства, А. Кизеветтер нередко впадал в крайность, не соглашаясь с мнением оппонентов о том, что якобы все преобразования в России шли сверху и что общество не выдвигало из своей среды сколь-нибудь плодотворных мыслей, полезных для страны. Уже в самую раннюю пору существования московского царства, по утверждению ученого, участие земства в жизни общества и государства служило одной из основ государственного устройства России. История создания Соборного уложения 1649 г. убедительно доказывает, что «правительство Михаила и правительство Алексея широко воспользовались испытанными формами совместного сотрудничества правительства и общества», пригласив выборных людей для обсуждения законодательного документа, которые в ходе дискуссии проявили «самую кипучую деятельность» [6, с. 8]. Однако результаты работы так называемых «народных представителей» хорошо известны, с чем вынужден согласиться А. Кизеветтер: «Устами общественных представителей был утвержден тот самый строй, который сложился к половине XVI столетия силою естественных жизненных условий - крепостная организация общества» [6, с. 13]. Этот вывод был сделан типичным представителем государственной школы в русской историографии.

Екатерининская Комиссия не создала нового Уложения, хотя при иных, более благоприятных условиях для России, возможно, результаты были бы более впечатляющими. Сама императрица так характеризовала значение этой акции: «Комиссия Уложения…подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеет и о чем пещись должно. Она в части закона собрала и разобрала по материям и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась» [6, с. 26]. Позитивно оценивает деятельность Комиссии и А. Кизеветтер, отмечая вклад представителей земства в ее работу: «Комиссия явилась… и зеркалом, отразившим действительность, и ярким рефлектором, бросившим первый просвет в туманную даль будущего» [6, с.27].

Законодательство Екатерины II было направлено на то, чтобы юридически закрепить и приспособить к старым основам русской государственности новые явления, возникшие в постпетровский период. За 50 лет в России произошли глубокие изменения: дворянство из разряда служилых людей перешло в слой привилегированных землевладельцев; усложнилась структура городского населения; выросла куль-

тура русского общества. Однако все попытки императрицы серьезно реформировать государственный строй России оказались малоэффективными. Подводя итоги деятельности Екатерины II, А. Кизеветтер резюмирует: «Подновлялся и перекрашивался фасад государственного здания, но все, прикрываемое этим фасадом, лишь в слабой степени затрагивалось видимыми переменами» [6, с. 283].

Библиографический список

1. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914. [Текст] / А.А. Кизеветтер. - М.: Искусство, 1997. - 396 с.

2. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России XVIII ст. [Текст] / А.А. Кизеветтер. - М.: Университетская типография, 1903. — 810 с.

3. Кизеветтер, А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. [Текст] / А.А. Кизеветтер. - М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. - 473 с.

4. Дитятин, И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения». [Текст] / И.И. Дитятин. – Ростов н/Д: Донская Речь, 1905. - 358 с.

5. Кизеветтер, А.А. Русский город в XVIII ст. // Исторические очерки [Текст] / А.А Кизеветтер. - М.: Тип. Скоропечатни А.А.Левенсон, 1912. - С. 209-283.

6. Кизеветтер, А.А. Из истории законодательства в России XVII – XIX вв. [Текст] / А.А. Кизеветтер. – Ростов н/Д: Донская Речь, 1904. - 42 с.

УДК 94(470)

А.В. Луговая

Особенности досуга россиян в конце XIX – начале XX века: историографический аспект

На сегодняшний день существует большое количество определений термина «досуг». По В.Далю, досуг - это свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела [1]. В Большой советской энциклопедии досуг определяется как часть внерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроизводственных обязанностей [2]. Досуг в широком смысле является частью культуры повседневности, он может рассматриваться в рамках социальной и новой культурной истории. Комплекс литературы, посвященный изучению данного вопроса, обширен. Все исследования можно разделить на несколько категорий.

С начала XX века вплоть до 70-80-х гг. в литературе оставался популярным историко-культурный подход. В монографиях уделялось значительное внимание истории отдельных форм, учреждений, институтов, явлений культуры, выявлению фактов, закономерностей развития определенных сфер культуры и досуга. При этом очень мало обращалось внимания на человека как субъекта общественных отношений.

На протяжении длительного времени исследователи подтверждали новым материалом наблюдения и выводы своих предшественников. Например, еще в 1914 г. в издании «История русского театра» говорилось, что «театр – школа, кафедра, где можно было найти ответы на интересующие вопросы» [3], и в 70 - 80- е гг. XX века, когда начали выходить фундаментальные исследования, затрагивавшие вопросы становления различных видов театров, повторялись те же самые выводы о значимости этого института как просветительского, воспитательного учреждения. В рамках этого подхода уделялось пристальное внимание социальному аспекту театрального творчества.

В 90-е годы изменяется понимание содержания культуры, возникает отдельная отрасль знаний – культурология, включающая в предмет своего изучения не только историю культуры, но и философские аспекты ее развития. Культурология изучает как культуру в целом, так и

отдельные специфические сферы культурной жизни, ее взаимодействия с другими областями общественного сознания и бытия. Культурология может изучать любой предмет при условии, что он несет в себе некий смысл, значимый для человека, и каким-то образом реализует творческую энергию человеческого духа. Исходя из этого, появляется культурологический подход, который рассматривает тот или иной предмет через культурное осознание. Проблемы современной культурологии связаны, прежде всего, с проблемами перспектив человека, открывающего через культуру смысл собственного существования, времяпрепровождения. Интерес к изучению культурологии возрастает: открываются учебные заведения, факультеты, защищаются диссертации. В истории культуры привлекаются визуальные источники, изменяются объект, предмет исследований, на этом фоне проявляется многообразие подходов. Каждый из подходов рассматривает досуг со своих позиций.

Социальная история включает в себя положение отдельных групп и общностей в различные исторические периоды, социальные движения, образ жизни обычных людей. Главный предмет новых социально-исторических исследований - внутреннее состояние общества как такового, отдельных его групп и индивидов. В рамках социальной истории рассматривается досуг различных слоев населения, вопросы становления провинциального и столичного досуга. К этой группе исследований можно отнести работы Б.Н. Александровского, И.А. Муравьевой, И.Б. Хмельницкой и др. [4].

В рамках социальной истории получила развитие история повседневности. В ее научном контексте досуг понимается как времяпрепровождение. Предметом исследования является человек с точки зрения того, как он организует свое свободное время, какие учреждения, институты он посещает, на какие формы организации деятельности обращает более пристальное внимание. Социальный аспект при этом сохраняет свое доминирующее положение. К этой группе относятся монографии Х. Ортега-и-Гассета, Б. Райнова, Н.А. Хренова [5].

В рамках новой культурной истории изучение досуга наполняется другой проблематикой. Новая культурная история находится на стыке культурологии и конкретно-исторического подхода. Она заимствовала подходы из социальной и культурной антропологии, исторической психологии, психоанализа, социолингвистики, семиотики и др. Новая культурная история тяготеет к постулатам объективистской ис-

ториографии – изучать историю такой, какой она была. Одной из приоритетных тем в предметной области новой культурной истории является история ментальности, поэтому и досуг рассматривается с точки зрения организации времяпрепровождения в воспитательном и идеологическом аспекте, ментальных отражений общества. Объектом новой культурной истории служат визуальные источники, источники личного происхождения, исследуются социально-культурные феномены: фильмы, спектакли, выставки. В этом русле создан фундаментальный труд «Очерки русской культур XIX века: общественно-культурная среда» Л.В. Кошмана., а также сборники «Развлекательная культура России 18-19 вв.» [6].

Следующий подход к изучению досуга можно определить как институциональный, поскольку в центре внимания исследователя оказывается культурное пространство, обеспеченное характерным соотношением различных форм, институтов, учреждений культуры. Предметом изучения становится оценка степени развития, культурно-просветительных возможностей, способов и силы влияния на общественное сознание различных институтов досуга: театра, кино, балаганов, цирка, массовых развлекательных учреждений. Отдельно можно отметить работы, посвященные массовым и элитарным учреждениям. К массовым относят цирк, театр, кинематограф, балаганы, массовые увеселительные заведения, музеи.

Широкий спектр литературы посвящен истории становления цирка [7]. Популярность этого учреждения заключалась в том, что цирк был самым дешевым и самым знаменитым развлечением даже в уездных городах. По свидетельствам очевидцев, часто в цирковых представлениях присутствовали грубость, неуважение к человеку, но наряду с этим был и тот подъем творческого духа, та демонстрация человеческой красоты, которая увлекала и захватывала присутствующих.

Исследователи русского театра [8] обращали внимание на становление столичного и провинциального театров в сравнении с европейскими. В конце XIX – начале XX в. наблюдалось возрастание зрительского интереса и возникновение совершенно новых видов театра.

В конце XIX в. широкую популярность приобрел абсолютно новый институт досуга – кинематограф. Уже в апреле 1896 г., через четыре месяца после первых парижских кинематографических сеан-

сов, в России появляются первые кинематографические аппараты. В фундаментальных работах по развитию киноискусства [9] говорится, что «изначально кино было создано как отрасль промышленного развлечения и не претендовало на искусство» [10]. В чем же тогда заключалась его большая популярность по сравнению с театром и чтением литературы? «Поразительная реальность воплощаемых картин жизни сочеталась с неестественной фантастичностью, что вызывало интерес у зрителей и заставляло вновь и вновь посещать кино» [11].

Значительная часть исследований посвящена элитарным учреждениям досуга [12]. Первоначально они были предназначены для ограниченной группы населения, для богемы. Это такие институты, как клубы, салоны, игорные заведения, кабаре, театры миниатюр и др. Но постепенно с течением времени некоторые из «закрытых» институтов становились общедоступными, а другие полностью исчезали. Например, в кабаре доступ простым городским сословиям был закрыт, в них могли попасть люди искусства. «В сознании русской публики кабаре связывалось с причудливостью и дурачествами, беспрерывным пародированием и богемной вольностью – словом, со всем тем, что было способно увести от скучных и серых будней в мир искусства, манящий и недосягаемый» [12]. В отличие от кабаре театры миниатюр пользовались популярностью у всех слоев населения. «Стремление к ужасному, отталкивающему, брутальному захватывало в свой плен не только обывателей, но и самые различные слои российской публики, в плоть до интеллигенции» [12]. В чем же заключалась причина их популярности? Театр миниатюр отвечал духовным потребностям публики, так как нес в себе современный способ видения мира.

В заключение изложенного стоит заметить, что фундаментальных работ, рассматривающих деятельность отдельных институтов как целостного процесса культуры, немного. Слабо разработан вопрос становления элитарных учреждений культуры. Исследования досуга в рамках новой культурной истории на сегодняшний день находятся на стадии разработки. Спектр литературы по данной проблеме обширен. Досуг в рамках исследовательской литературы многолик, что вызывает осознанный интерес к его изучению.

Библиографический список

1. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://slovari.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03041/09600.htm

2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00024/65300.htm

3. История русского театра [Текст] / под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. - М.: Книгоизд-во "Объединение", 1914 - С.9

4. Александровский, Б.Н. Черты московского быта в начале XX столетия [Текст]/ Б.Н. Александровский// Вопросы истории. – 1975. - №7. - С. 208-212; Муравьева, И.А. Век модерна. Панорама столичной жизни [Текст]/ И.А.Муравьева. - Спб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. - 272 с.; Хмельницкая, И. Б. Столичный досуг в начале XX века (Петербург и Москва) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.02 - М., 2004. – 286 с. – Режим доступа. - http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/66137.html

5. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа. - http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Engl/O/Ortega/VostMass/index.html; Райнов, Б. Массовая культура [Текст]/ Б. Райнов. – М.: Прогресс, 1979. – 486 с.; Хренов, Н.А. Человек играющий в русской культуре [Текст]/ Н.А. Хренов. – СПб.: Атетейя, 2005. - 604 с.

6. Очерки русской культуры 19 века [Текст]: в 3 т./ под ред. Л.В. Кошмана - М.: Изд-во Московского университета, 1998. - Т1. Общественно-культурная среда. - 384 с.; Развлекательная культура России 18-19 вв. Очерки истории и теории [Текст] - Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 528 с.

7. Дмитриев, Ю.Цирк в России. От истоков до 1917 года [Текст]/ Ю. Дмитриев. – М.: Искусство, 1977.- 415 с.; Макаров, С.М. Клоунада мирового цирка: История и репертуар [Текст]/ С.М. Макаров. - М-во культуры РФ, Государственный институт искусствознания, 2001. - 367 с.; Шинкаренко, Е.М. На манеже Ярославского цирка: Исторические очерки [Текст]/ Е.М. Шинкаренко. - Ярославль: Изд-во Ремдер, 2002. - 56 с.

8. Гозенпуд, А.А. Русский оперный театр на рубеже XIX – XX веков и Шаляпин 1890-1904 [Текст]/ А.А.Гозенпуд. - Спб.: Музыка, Ленинградское отделение, 1974. - 264 с.; История русского драматического театра [Текст]: в 7 т. – М.: Искусство, 1987. Т.7 История рус-

ского театра 1898-1917. - 586 с.; История русского театра [Текст] / под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. - М.: Книгоизд-во "Объединение", 1914 - 435 с.

9. Гинзбург, С. Кинематография дореволюционной России [Текст] / С. Гинзбург. - М., 1963. - 398 с.; Соколов, И. История изобретения кинематографа [Текст]/ И.Соколов. - М.: Искусство, 1960.

10. Гинзбург, С. Кинематография дореволюционной России [Текст] / С. Гинзбург. - М., 1963. - С.9.

11. Там же. - С.50.

12. Игорный бизнес [Текст]. - М.: Библиомаркет, 1994. - 208 с.; Розенталь, И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX века [Текст]/ И.С.Розенталь. – М.: Новый хронограф, 2007. - 400 с.; Тихвинская, Л.И.Кабаре и театры миниатюр в России 1908-1917 [Текст]/ Л.И. Тихвинская. - М.: РИК «Культура», 1995. – 412 с.; Тихвинская, Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908-1917 [Текст]/ Л.И.Тихвинская. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с.

УДК 908(470+571)

А.Г. Любарец (ЯГПУ)

Участие ярославского духовенства в благотворительной поддержке русской армии в годы русско-японской войны

В период конца XIX – начала XX вв. Русская Православная церковь, наряду с богослужебной и миссионерской деятельностью, вела активную социальную работу. Ее направления были довольно разнообразны и включали народное образование и медицинское обслуживание населения, трезвенное движение, призрение нищих и малоимущих и т. д. Однако первоосновой любой социальной работы, проводимой духовенством, был сбор среди населения благотворительных пожертвований на общественные нужды [1, л. 16-21].

В то время благотворительность в Российской империи была нравственной традицией среди обеспеченных людей. Они считали свое материальное благополучие Божьей милостью, а бескорыстную помощь малоимущим слоям населения своим долгом. Размеры пожертвований довольно часто были значительными. Однако при этом духовенство поощряло также жертвователей, которые могли поделиться с ближними лишь небольшими средствами. Священнослужители внушали людям, что важна не сумма, которой жертвователь может поделиться с бедными или использовать для решения важных социальных проблем. Сам акт жертвы в помощь страждущему представлялся главным достоинством любой благотворительности [17, с. 349-361].

Право сбора с населения средств на различные нужды имели в первую очередь монастыри и приходские церкви, а также церковно-приходские попечительства и благотворительные общества. Все сборы были целевыми и требовали разрешения Духовной консистории, а иногда и специального разрешения Святейшего Синода. Во избежание злоупотреблений все денежные и вещественные пожертвования подлежали строгому учету, а вкладчики, за исключением анонимных жертвователей, получали квитанции на все пожертвованные средства. Такая бюрократизация была оправдана желанием жертвователей направлять свои

средства только действительно нуждающимся в них людям [15, с. 142-144].

Собранные средства могли расходоваться на разнообразные общественные нужды, как связанные непосредственно с религией и проведением богослужений, так и не имеющие прямого отношения к ней [7, с. 58-59].

Различные бедствия и чрезвычайные ситуации также вызывали активизацию сбора пожертвований в помощь пострадавшим по сравнению со спокойными периодами русской истории. Такими ситуациями были нередкие в средней полосе Российской империи неурожаи, эпидемии опасных заболеваний, а также различные военные конфликты, в которых принимала участие русская армия [11, с. 308-310].

Одним из самых серьезных военных конфликтов конца XIX – начала XX вв. была русско-японская война 1904 – 1905 гг. Источники свидетельствуют, что в эти годы ярославское духовенство значительно активизирует сбор пожертвований на военные нужды. При этом традиционные для церкви сборы на духовно-учебные заведения, призрение нищих и малоимущих и другие местные нужды сохраняются на прежнем уровне [8, с. 81-82].

Следует отметить, что сбор средств в помощь русской армии поддерживался верховной государственной властью. В масштабах государства организация этой работы была возложена на Российское общество Красного Креста. Эта организация уже имела положительный опыт работы по сбору средств в помощь больным по всей империи во время эпидемий холеры и других смертельно опасных заболеваний.

В рескрипте императрицы Марии Федоровны от 28 января 1904 г., адресованном главному управлению Российского общества Красного Креста и опубликованном в газете «Ярославские епархиальные ведомости», говорилось о вероломном нападении Японии на Россию и о необходимости в едином патриотическом порыве положить все моральные и физические силы и средства на борьбу с врагом [3, с. 59-60].

По определению Святейшего Синода от 8 февраля 1904 г. членам Российского общества Красного Креста или уполномоченным от него разрешалось производить каждую неделю на все время войны России с Японией после воскресных богослужений особый сбор пожертво-

ваний в пользу больных и раненых воинов по всем церквям Российской империи. В тех районах, где не было учреждений общества и затруднительно назначение уполномоченных данной организации, прием пожертвований возлагался на местных церковных старост. Полученные средства они должны были пересылать в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде [6, с. 67].

В это же время в Ярославской епархии производился сбор в пользу воинского благотворительного общества «Белого креста». Святейший Синод и местное епархиальное начальство всячески стимулировали это мероприятие, так как вышеназванное общество находилось под покровительством великого князя Михаила Александровича. Общество «Белого креста» занималось благотворительной поддержкой пострадавших при боевых действиях военных и семей погибших русских солдат [5, с. 431].

На местном уровне организация приема пожертвований была возложена на священнослужителей, которые в те годы были наиболее подготовлены к этой работе долговременной практикой по сбору средств на различные социальные нужды. Учет собранных средств был организован в соответствии с традиционным для духовенства скрупулезным ведением отчетной документации, что стало следствием наличия уже отработанной технологии благотворительных сборов различных типов.

Ярославское духовенство уже имело достаточно успешный опыт по сбору пожертвований в поддержку русской армии. Так, в 1900 г. был организован специальный сбор в помощь больным и раненым воинам, пострадавшим во время подавления «боксерского» восстания в Китае 1899 – 1901 гг. Население Ярославской губернии живо откликнулось на призыв помочь русским солдатам, оторванным от Родины. Этот первый опыт показал не только высокий патриотизм ярославцев, но и помог отработать схему приема пожертвований на военные нужды. Такие сборы не были для церкви традиционными, поэтому требовалось время на их качественную организацию [4, с. 504-505].

В годы русско-японской войны схема приема пожертвований в поддержку русской армии была усовершенствована путем увеличения количество статей по их сбору. Теперь благотворитель мог пожертвовать свои средства не только в помощь больным и раненым воинам, но

и на санитарные нужды армии, на общие военные нужды, в пользу семейств погибших или на усиление военного флота [9, с. 501].

Впрочем, статья в помощь раненым и больным солдатам оставалась наиболее популярной и приносила большую часть средств в общей сумме пожертвований на нужды русской армии. Второй по количеству собранных средств была статья, направленная на усиление военного флота. Модернизация флота была в начале XX в. важнейшим делом. Для претворения его в жизнь был даже создан специальный Комитет по усилению флота, который занимался в том числе и приемом пожертвований, собранных духовенством в епархиях.

Деятельность священнослужителей Ярославской епархии по сбору средств на усиление флота оказывается успешной, о чем свидетельствуют поощрения и награды, полученные от епархиального начальства и Святейшего Синода [1, л. 1-13].

Представители ярославского духовенства, подавая своим прихожанам положительный пример, сами вносили личные средства в качестве благотворительных взносов на военные нужды. Иногда эти суммы были довольно значительными. Так, например, архиепископ Ярославский и Ростовский Сергий в начале 1904 г. внес в качестве пожертвования в помощь русской армии 500 руб.

В деле помощи русской армии активизируется не только ярославское духовенство, но и само население, охваченное порывом патриотических чувств. Источники сообщают, что только с февраля по апрель 1904 г. в Ярославской епархии было собрано на нужды военного времени более 10 тыс. руб., что свидетельствует не только об активной работе духовенства в этой сфере, но и о значительной активности жертвователей [13, с. 218-220].

В июне 1904 г. на военные нужды было собрано более 2,5 тыс. руб., а в июле – еще 850 р. До конца года ежемесячно духовенством собиралось в среднем по 600 - 800 р. по всем статьям сбора в поддержку русской армии [12, с. 453].

В начале 1905 г. количество собранных средств вновь увеличивается. Так, за январь было собрано около 1200 р. В феврале и марте сбор составил по 900 р. ежемесячно. В апреле того же года священнослужители Ярославской епархии собрали около 1500 р., а в мае - 750 р. [10, с, 267-268].

Во второй половине 1905 года активность жертвователей значительно снижается. Источники практически не упоминают о сборе средств на военные нужды. Вероятно, такая ситуация была вызвана неудачным течением русско-японской войны и снижением патриотического порыва населения.

Следует отметить, что патриотический подъем начала русско-японской войны активно стимулировался государством через средства массовой информации, в которых публиковались как материалы о героизме и самопожертвовании русских солдат и офицеров, так и негативные сведения о японцах. Эта тенденция не обошла стороной и газету «Ярославские епархиальные ведомости». Однако официальный печатный орган Ярославской духовной консистории вел работу по усилению патриотизма своих читателей с присущими религиозным изданиям особенностями.

В официальной части этой газеты публиковались рескрипты и воззвания властей, связанные с русско-японской войной, определения Святейшего Синода по сбору пожертвований для русской армии, информация об уже собранных средствах и наиболее активных благотворителях, передававших деньги в пользу действующей армии.

В неофициальной части газеты «Ярославские епархиальные ведомости» публиковались мнения частных лиц по поводу войны с Японией, статьи с примерами активной помощи русской армии среди мирного населения епархии, призывы вести более активную благотворительность на военные нужды [16, с. 204-205].

В целом сбор пожертвований в помощь русской армии стал одной из основных тем официального издания Ярославской духовной консистории в 1904 – 1905 гг. Другой стороной благотворительной деятельности ярославского духовенства в поддержку армии было бесплатное размещение раненых и больных солдат, переправляемых с Дальнего Востока, в медицинских учреждениях при церквях и монастырях, а также у частных лиц, пожелавших оказать такого рода поддержку пострадавшим при военных действиях.

В ответ на отношение Особого Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны от 25 июня 1904 г. № 392, направленное на имя архиепископа Ярославского и Ростовского Сергия, Ярославская духовная консистория постановила провести опрос среди духовенства епархии для установления его возможностей по ухо-

ду за больными и ранеными военнослужащими. Для этого проводится строгий учет всех медицинских учреждений духовного ведомства, а также духовных и светских частных лиц, желающих включиться в такого рода благотворительную работу.

Для приема пострадавших в боевых действиях военнослужащих были разосланы специальные правила, которые содержали как медицинские рекомендации по уходу за больными и ранеными, так и всю процедуру организации и регистрации размещения солдат у частных лиц. Последняя была чрезвычайно бюрократизированной и включала значительный набор различного рода отчетных и сопроводительных документов, оформление которых возлагалось на лицо, принимавшее пострадавших.

На приходское духовенство была возложена обязанность донести до прихожан суть этих правил и распространять их печатные экземпляры среди пожелавших оказать помощь больным и раненым воинам.

Среди населения этот призыв нашел живой отклик. Многие священнослужители также были готовы безвозмездно принять больных или раненых солдат с Дальнего Востока [14, с. 307-314].

Ситуация с медицинскими учреждениями епархиального подчинения была не столь утешительной. Инспекция показала, что они имелись только при некоторых монастырях. При этом из 10 монастырских медицинских учреждений термину «больница» более или менее соответствовали лишь пять. Остальные не имели подходящих помещений и квалифицированных кадров. В некоторых случаях термин «монастырская лечебница» оказывался синонимом обычной аптечки или шкафа с набором препаратов первой необходимости. Естественно, такие учреждения не имели своего персонала и не обладали какими-либо преимуществами перед обычными квартирами частных лиц, готовых помогать раненым и больным солдатам.

Однако даже пять монастырских больниц не могли иметь серьезного значения в деле помощи пострадавшим на Дальнем Востоке русским солдатам. Дело в том, что, за исключением лечебниц Толгского монастыря и Югской Дорофеевой пустыни, монастырские больницы были предназначены только для монахов и, следовательно, не могли принять большого числа больных и раненых. В основном настоятели готовы были разместить в своих лечебницах не более 5-7 че-

ловек. Этого числа, конечно, было недостаточно. В целом данная ситуация показала, что большую роль в помощи больным и раненым воинам могли сыграть частные лица, а епархиальные медицинские учреждения к такой работе не готовы [2, л. 4-25].

Таким образом, в годы русско-японской войны духовенство Ярославской епархии вело активную благотворительную деятельность в поддержку русской армии, действовавшей против Японии на Дальнем Востоке. Эта помощь выражалась в сборе материальных пожертвований, в организации бесплатного лечения больных и раненых солдат на территории Ярославской губернии, а также по усилению патриотизма.

Сбор материальных пожертвований можно признать успешным, по крайней мере, до середины 1905 г., когда поражения русской армии оказали негативное влияние на активность жертвователей. Организация бесплатного лечения пострадавших в боевых действиях не была удачной по причине слабости системы епархиальных медицинских учреждений. В данном аспекте духовенство играло скорее вспомогательную роль, направляя в нужное русло активность частных лиц. Влияние патриотических проповедей на общественное мнение трудно оценить объективно.

Впрочем, и в первых двух вышеназванных аспектах деятельность духовенства Ярославской епархии не могла внести существенного количественного вклада ни в обеспечение русской армии, ни в лечение множества пострадавших военнослужащих. Главное значение всей этой работы заключалось именно в том высоком патриотическом подъеме, в том единении общества в деле помощи русской армии, которые являлись проявлениями гражданской позиции населения Ярославской губернии, то есть роль духовенства в этой социальной работе выражалась в первую очередь в духовном руководстве прихожанами в гражданском и патриотическом духе. Все материальные аспекты были важны, но имели скорее прикладной характер.

Библиографический список

1. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 5. - Д. 4010
2. ГАЯО. - Ф. 230. - Оп. 5. - Д. 4340
3. Высочайший рескрипт, Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны Главному Управлению

Российского Общества Красного Креста // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1904. - № 8.

4. О пожертвованиях в пользу Общества Красного Креста на нужды больных и раненых православных воинов на Дальнем Востоке // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1900. - № 32.

5. О производстве церковного сбора в пользу Общества Белого Креста // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1904. - № 39.

6. Определение Святейшего Синода «Об установлении особого сбора пожертвований по всем церквам Российской империи в пользу раненых и больных воинов на Дальнем Востоке» // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1904. - № 9.

7. Отчет Комитета по сооружению православного храма у подножия Балкан, в южной Болгарии, для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877 – 1878 годов // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1895. - № 8.

8. Пожертвования // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1905. - № 6.

9. Пожертвования, по случаю событий на Дальнем Востоке // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1904. - № 46.

10. Пожертвования, по случаю событий на Дальнем Востоке, за февраль месяц текущего года // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1905. - № 20.

11. Пожертвования, поступившие в сем месяце сентябре на пострадавших от неурожая хлеба в разных губерниях // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1891.- № 39.

12. Пожертвования, поступившие на военные нужды по случаю событий на Дальнем Востоке // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1904. - № 42.

13. Пожертвования, поступившие на нужды военного времени от епархиального ведомства в течение времени с 5 февраля по 1 мая текущего года // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1904. - № 23.

14. Постановление Ярославской Духовной Консистории, от 14 июля сего года за № 524, утвержденное Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Сергием, Архиепископом Ярославским и Ростовским, от 20 июля за № 1820. «О бесплатном размещении боль-

ных и раненых воинов с Дальнего Востока в Ярославской епархии у духовных лиц, желающих принять таковых на свое попечение» // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1904. - № 29.

15. Сбор на бедных духовного звания // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. - 1881. - № 18.

16. Сбор пожертвований на военные нужды (Заметки сельской матушки) // Ярославские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. - 1905. - № 13.

17. Смолич, И.К. История русской церкви. [Текст] : в 9 кн. / И.К. Смолич. - М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. Монастыря, 1996. - Кн. 8. История русской церкви синодального периода 1700-1917 гг. Ч. 2. - 799 с.

УДК 94(470)"16/18"

Л.М. Архипова

«Прогресс» идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?»: святитель Игнатий (Брянчанинов) о пореформенной России

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой,-
Теперь ты сделалась лакейской.
Ф.И.Тютчев.

Вторая половина XIX в. в истории России – время стремительных и глубоких изменений. Строительство железных дорог, рост фабрично-заводской промышленности, освобождение крестьянства от крепостничества, разрушение сословных привилегий, появление земских гласных и суда присяжных, распространение газет, формирование общественного мнения, деятельность революционных партий и организаций, - все это и многое другое влияло на мировосприятие людей, определяло их поведение и быт. «Прежняя общественная апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка без проблеска мысли о каком-либо новом», - так коротко определил В.О.Ключевский господствовавшее умонастроение в российском обществе [6, с. 555.].

Истинную причину недовольства историк видел «в общем упадке благосостояния при частных исключениях», что не свидетельствовало о прогрессе, поскольку под ним он понимал «движение к лучшему, последовательный успех общежития» [7, с. 33].

В России XIX в. отношение к прогрессу становится предметом общественных дискуссий, служит основанием для политического самоопределения, является предметом осмысления позитивистской и религиозной философии. О своем понимании смысла происходивших в жизни российского общества изменений писали известные церковные иерархи, чья оценка великих реформ и их последствий определялась как святоотеческими традициями, так и пониманием задач собственного общественного служения.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) относился к тому типу церковных деятелей, которые свой иноческий духовный подвиг совершали утверждением аскетически-богословского учения, созданием церковно-проповеднической литературы. По силе воздействия на читателей, литературной стилистике его труды занимают самое заметное место среди подобных творений середины XIX в. Не случайно уже в 1881 г. эти сочинения были опубликованы почти полностью. Праведной жизни их автора Н.Лесков посвятил повесть «Инженеры-бессребреники». Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы» вывел судьбу отца Игнатия в образе старца Зосимы, а А.Н.Герцен по-своему оценил личность епископа Игнатия в сочинении «Во Христе сапер Игнатий» [2]. В год тысячелетия крещения Руси в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви, на котором епископ Игнатий был причислен к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания. После этого появилось несколько научных публикаций о его судьбе и творчестве, а также переизданий его отдельных трудов и полного собрания сочинений.

Время сохранило для нас более 600 писем св. Игнатия к монашествующим и священникам, к родным и мирянам. К богатому эпистолярному наследию обращались многие поколения людей в поисках мудрости, веры, надежды и любви. Для историка эти письма обладают особой притягательностью, поскольку он может не только почерпнуть в них много полезной информации о жизни сословий и «духе времени», но и открыть новый взгляд на прогресс.

Из общего количества писем только в 42 встречается оценка текущих событий или исторических фактов. И это объясняется не монашествующей отстраненностью их автора от мира, отсутствием интереса к внешним обстоятельствам жизни, как легко можно было бы предположить, а тем, что у него уже сформирован ясный взгляд на судьбу страны, он отчетливо видит направление ее движения. По его собственному признанию, это взгляд на Россию из уединения «как на корабль, плывущий вдалеке» и молитвенный - «чтоб он плавание совершал под покровом милости Божией»[2. №10].

Раньше всего в письмах встречается оценка европейских революций 1848-1850 гг., основанная на евангельском предсказании о том, что одним из признаков последней болезни общества станут мятежи. «Когда я услышал о происшествиях, изменяющих лице земли, я не почувствовал ни удивления, ниже того интереса, который бывает при слухе о чем-нибудь новом… я как бы услышал о смерти человека, давно-давно страдавшего и изможденного неисцельным недугом, заживо умерщвленнаго этим недугом прежде умерщвления смертию. Такой всегда мне казалась образованная Европа, или так называемый просвященный мир»[2. № 206]. Значительно больше его поразили причины мятежей – это «общее стремление всех исключительно к одному вещественному, будто бы оно было вечно,….заменение Духа и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца» [2. № 206]. Человеческое противопоставление своего «непрестанно изменяющего разума» Святому Духу повредило мировосприятие, систему духовных ценностей. Скептическое отношение к Истине, к Абсолютному привело людей к сосредоточенности на земном, и цель земного бытия виделась уже не в познании Бога и преображении жизни в соответствии с Его заповедями, а в переустройстве общества на путях рационализма.

В таком видении старцем первопричины социальной вражды отразилось православное признание всеединства и полноты бытия: историческое развитие как целое есть божественный человеческий процесс. Опасность полного разрыва между наблюдаемым, проживаемым людьми на земле, временным, с одной стороны, и Богобытием как всевременным и всепространственным, с другой, становится главной темой русской философии XIX – начала XX века [9]. Развивая эту мысль, Л.П. Карсавин писал, что, поскольку идея всеединства мира

утрачена, то Бог, даже если и признается, то помещается вне земного существования людей. В этом случае общество понимается как механистическая совокупность индивидуумов, различаемых функциями, и переход к перераспределению функций и смене строя кажется легким. «Но ни система общественных отношений, ни переворот, ни идеальный строй уже не оправдываются Божьим законом, а потому общественный идеал легко утрачивает всякую санкцию. В то же самое время подрывается и сама идея общества – она ничем не оправдана – и на смену социализму приходит анархический индивидуализм» [10, с. 225].

На эту опасную и дурную бесконечность исключительно рационального познания мира указывал св. Игнатий, когда писал, что рационализм с его постановлениями не может остановиться в движении своем, поскольку основанием его является непрестанно изменяющийся человеческий разум. «Надо ожидать большего и большего развития болезни. Она начала потрясать спокойствие народов с конца прошлого столетия; чем далее, тем действие ее обширнее и разрушительнее. Из окончательного всемирного действия этой болезни должен возникнуть «беззаконник», гений из гениев, как из французской революции родился его предизображение – колоссальный гений, Наполеон»[2. № 206]. Вред абсолютизации рациональных европейских учений св. Игнатий усматривал в злом их духе – в стремлении «уронить все истинные идеи о Боге и о всем Божественном и возвеличить идеи о человеке в падшем естестве его, тем приготовить возвеличивание того человека, который превозносится паче Бога», то есть антихриста [2. № 358].

В одном из писем старец прямо признает враждебность современного прогресса христианству в России по аналогии с происходившим в Европе [2. № 6]. Он обратил внимание на воинственное отношение московских журналов к монашеству, которое они называли анахронизмом. В письме 1866 г. содержится точное наблюдение: «Заметно, что отовсюду поднимается буря на монастыри… Религия вообще в народе падает. Нигилизм проникает в мещанское общество, откуда недалеко и до крестьян. Во множестве крестьян явилось решительное равнодушие к Церкви, явилось страшное нравственное расстройство. Подрядчики, соседи здешнего монастыря, единогласно жа-

луются на утрату совести в мастеровых. Преуспеяние во всем этом идет с необыкновенною быстротою» [2. № 55].

Источниками этих наблюдений старца послужили сообщения тех, кто обращался к нему по разным вопросам веры и жизнеустройства, письма, информация периодических изданий и современных литературных произведений. Так, в одном из писем св. Игнатий признавал, что о быте и заботах костромского крестьянства он узнал от приезжавшего к нему священника, человека довольно умного, протоиерея из села, в котором живут потомки Сусанина. Он свидетельствовал, что «крестьяне пропились и обнищали донельзя, что этого ничем нельзя удержать…. Вместе с разгульною жизнью явилось особенное охлаждение к Церкви и духовенству. Кутилы из крестьян кутят и впали в индефферентизм по отношению к религии. Дворянство бедно и не может помогать церквам и духовенству, как помогали прежде. Содержание духовенства скудеет и скудеет. Протоиерей, имеющий практический взгляд, говорил, что этому положению не видно исхода и что последствия этого положения должны быть многоплодны. «Прогресс» идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?» [2. № 541].

В письмах св.Игнатия все чаще встречаются горькие признания безвозвратных духовных потерь общества: «Скудные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России, крайне неутешительны. С одной стороны раскол, с другой - решительное отступничество. Общая безнравственность приготовляет отступничество в огромных размерах»; «Очевидно, что отступление от веры православной всеобщее в народе: кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индефферентист, кто раскольник»; « Время наше – время тяжкое для истинных христиан по всеобщему охлаждению народа к вере и благочестию»[2. № 540, 542, 539]. Духовные потери он видел даже в характере благотворительности, которая лишалась главного – самопожертвования. С определенной долей метафоры и горькой иронией старец отметил это в одном из писем: «…Здешние Петербургские так делают добро, по крайней мере очень часто: увидев нагого, сжаливаются, и, чтоб покрыть его, снимают последнее платье с другого бедняка, не заботясь о том, что он подобно первому останется нагим; доброе стремление их сердца удовлетворено, они совершили добродетель. …В провинциях делают добро проще: делятся своим, а не чужим, и не прибегают к аферам для добродетели» [2. № 415].

Наряду с угасанием веры в народе старец отметил еще одну характерную черту пореформенной России - «страсть к деньгам прокралась во все сословия и саны, заглушила и подавила все благие побуждения и все священнейшие обязанности»[2. № 453]. Причем этот «дух времени» он уловил еще в конце 50 -х гг. в период своего служения архиепископом на Кавказе. Тогда он выразил особое сочувствие казенным крестьянам, находившимся под административным контролем со стороны чиновников, которые сами «голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги… по всей вероятности такие вскорости сделаются руководителями всего простого народа. Вот Вам результаты… практических взглядов на русскую землю» [2. № 14]. В этом кратком замечании можно увидеть неприятие нараставшего прагматизма в политике, государственном устройстве, негативное отношение к бездушному бюрократическому строю, а также внимание к проблемам образования, воспитания, которые стали отдельной темой размышлений святителя в его письмах.

«Беда, когда человек формируется на кривых путях: во всю жизнь свою будет смахиваться в шельмовство», - писал епископ Игнатий [2. № 68]. По его убеждению, успешным воспитателем и наставником ребенка может быть только тот, кто признает нераздельность научной и абсолютной истины. «Как хорошо поступали наши древние Отцы Церкви Православной! Они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова, научались Божественной Премудрости, и соделывалась для них человеческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли в услужение Божественной Премудрости для преподавания этой премудрости своим ближним» [2. №14].

В рассуждениях по этому предмету старец опирался не только на святоотеческие поучения, но и на личный духовный и жизненный опыт. Дмитрий (мирское имя епископа) принадлежал к старинному и славному дворянскому роду Брянчаниновых, рано научился читать, проявил хорошие познавательные и творческие способности. В 15-летнем возрасте он блестяще сдал вступительные экзамены в Петербургское военное инженерное училище и при значительном конкурсе первым был зачислен сразу во второй класс. Родственные связи ввели его в дом президента Академии художеств А.Н.Оленина, у которого на литературных вечерах Брянчанинов привлек своим поэтическим даро-

ванием внимание А.С.Пушкина, И.А.Крылова, К.Н.Батюшкова и Н.И.Гнедича.

Более двух лет провел Дмитрий в усердном изучении химии, физики, философии, географии, геодезии, языкознания, литературы. Относительность научных истин не удовлетворяла его, и под руководством монахов Валаамского подворья и Александро-Невской Лавры Дмитрий обратился к творениям святых отцов, согласие которых в решении трудных вопросов жизни и познания поразило и покорило его. В 1847 г. в письме к К.П.Брюллову он признавался: «Оставил я мир, не как односторонний искатель уединения или чего другого, но как любитель высшей науки; и эта наука доставила мне все: спокойствие, хладность ко всем земным пустякам, утешение в скорбях, силу в борьбе с собой, - доставила друзей, доставила счастье на земле, какого не встречал». Опираясь на христианское учение о ветхозаветном человеке как единстве двух начал – телесном и душевном, - и о новом человеке, просвещенном духом евангельской истины, Святитель Игнатий нашел положительный ответ на фундаментальный вопрос бытия о возможности познания мира.

Святоотеческая идея духовного всеединства становилась, таким образом, естественным залогом познаваемости законов Богобытия. Ученый-атеист и ученый-верующий различаются по тому, что каждый из них может дать обществу. «Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспособив к нему; а ненаучившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление…» [2. №14]. Так, отвечая на вопрос о впечатлениях от книги Н.В.Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», Святитель Игнатий признал, что «она издает из себя и свет и тьму», между тем как писательский труд по значению близок к апостольскому служению. Подобно первым двенадцати ученикам Христа приступивший к просвещению и образованию народа должен вначале точно познать Истину, «глубоко вникая в Евангелие, соображаясь с учением Господа». Это даст ему возможность отделить в своем сознании добрые мысли и чувства от мнимо правильных и добрых. Но этого недостаточно, поскольку, продолжая следовать побуждениям своего сердца, своему вдохновению, легко впасть в душевное (ветхое) проповедничество, при котором «от избытка сердца уста

глаголют». Необходимо просветиться Духом Святым, чтобы не следовать врожденному вдохновению, а излучать свет чистой Истины. Для любого христианина, но особенно для творческого человека «вне этого пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, - всюду мрак, всюду стремнины и пропасти!» [2. № 303].

В отличие от многих современников, идеализировавших православную Русь, Святитель Игнатий признавал, что путь Веры в России не только узкий и прискорбный, но и почти безлюдный, шествуют по которому весьма немногие [2. №402]. Большинство же увлекается формальной, вещественной стороной религии, что проявляется в обилии предрассудков и суеверий в общественном сознании. Русский человек, по выражению старца, обременил «небесную религию многими своими национальными дебелостями, оцеживающими комара и пожирающими верблюда» [2. № 402.]. Причинами широко распространенного в народе уклонения в суеверие он называл «крайний недостаток в познаниях и ощущениях духовных», к которому в людях образованных присоединялся «превозносящийся разум»[2. № 402]. Святитель Игнатий подчеркивал, что «Вера – око, которым одним ум человеческий может усмотреть и зреть Святую Истину», но в России «верой занимаются очень поверхностно и грубо, идут к познанию Христа семинарией и академией, которых Христос не установил, а оставили очищение себя святыми подвигами, которое Христос установил и заповедал…» [2. № 402].

Святитель Игнатий с сердечным сожалением указывал в своих письмах на признаки угасания живой веры даже в монастырях. «Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нравственность…», « повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностию на показ», «истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров», «Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие» [2. № 13, 48, 49].

Обращение Святителя Игнатия к проблемам монашеского служения сопровождается горькими прогнозами, в которых часто звучит слово «уничтожение» и используются характерные метафоры. «Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных раз-

меров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается…». «Положение их (монастырей –авт.) подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене». «Относительно монастырей, я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе». «Если бы, как Вы говорите, и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления, нет монахов, а актер ничего не сделает» [2. № 13, 48, 49].

Эта тема, едва ли не самая драматичная в размышлениях старца о пореформенной России, вызывала в его сознании быстрые ассоциации с «духом времени», который отражает очевидные результаты прогресса и «подобно вихрю, завывает сильно, и рвет, ломает многое» [2. № №56]. Характерно, что монахов – актеров он назвал прогрессистами. Их распространение старец объяснял органичной взаимосвязью народа и монашества. «Кто приходит в монастырь? Люди из низшего класса почти исключительно: почти все приходящие уже расстроили свою нравственность среди мира». «Нет условий в самом народе для того, чтоб существование монашества продлилось; так в высохшем дереве нет условий, чтоб оно давало лист и плод! Сверх того бури извне усиливаются сорвать его с лица земли…»[2. № 564].

Слабое сопротивление монастырей духу времени признавалось частью большой проблемы церковного устройства. «Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостоять. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ея, нежели остановят…» [2. № 561].. Его высказывания о Синоде, высшем и среднем духовном образовании, служащем духовенстве можно было бы признать пессимистичными, если бы они не подкреплялись ссылками на святоотеческие и евангельские пророчества и указания на возможность уклонения от гибели.

Единственный путь общественного спасения виделся в укреплении духовной энергии духовенства благодаря его «решительному отрешению от мира». Каждый шаг в этом направлении поведет к восстановлению канонического права, поскольку «…чиновничеством

уничтожено в Церкви существенное значение Иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие…уничтожило в пастырях христиан…» [2. № 559].. В семинариях появится воспитание в духе самоотвержения и духовного развития вместо пореформенной «холодности к Церковному делу» и преимущественно материальным мотивам пастырской деятельности. Образованное духовенство послужит источником для внутреннего обновления монастырей, для сближения с другими сословиями, что признавалось святителем совершенно необходимым условием укрепления национального единства. Духовная энергия священства и его евангельские и святоотеческие познания послужат твердой почвой для развития православия [2. №13, 464].

Таким образом, религиозные взгляды на прогресс, выраженные в оценках святителем Игнатием Брянчаниновым пореформенной России, принципиально отличались от сущности консервативных историософских и политических концепций XIX в. вопреки распространенному мнению о их близости. Сравнительный анализ богословского понимания судьбы России в ходе модернизации, с одной стороны, и характерных черт учения славянофилов, Н.Я. Данилевского, К.Н.Леонтьева, К.П. Победоносцева, с другой, безусловно, требует расширения круга источников и их тщательного изучения. Не претендуя на эту полноту решения проблемы и опираясь только на приведенные фрагменты эпистолярного наследия старца Игнатия, можно все-таки заметить существенные различия.

Во-первых, в мировоззрении старца прогресс представляется всеобщим, всемирным движением человечества, но только не по восходящей линии совершенствования и гуманизации общественных отношений, а по нисходящему пути духовных потерь и социально-государственной деградации. Такой своеобразный «европоцентризм» с отрицательным значением противоречит консервативной мысли, исходившей из идеи самобытности России, ее особого культурно-исторического типа.

Во-вторых, в размышлениях Святителя Игнатия православие лишено национальной или этнической идентичности. Он описывает духовно-религиозное состояние всех слоев русского народа как совершенно далекое от традиционно-консервативного образа народа – Богоносца. И эта оценка согласуется с признанием им Промысла Божия о

России в духе толкования Апокалипсиса в святоотеческой литературе. В нем России предсказывалось необыкновенное гражданское развитие и могущество, наряду с новыми нравственными и духовными бедствиями. «Обуявшая соль предвещает их и обнаруживает, что народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались» [2. № 44]. Очевидно, что речь идет о рождении в России антихриста или его предтечи. Под обуявшей солью подразумевалась утрата духовной энергии священством, в связи с чем приводилось воспоминание о фарисействе иудейского духовенства накануне явления Христа: там происходила замена «напыщенной ученостью и самым отчетливым знанием Закона, самым тщательным преподаванием его народу» сердечной веры и самоотвержения[2.№44]. Среди представителей консервативной политической мысли только К.Н.Леонтьев в 80-е гг. XIX в. допускал подобное развитие мировой истории. Ссылаясь на произведения еп. Феофана (Затворника) и других духовных писателей, религиозный философ отмечал, что через какие-нибудь полвека русский народ «богоносец» превратится в богоборца и «неожиданно, лет через 100…, из наших государственных недр, сперва бессословных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, - родим того самого антихриста…»[8. с, 291].

В отличие от консерваторов св. Игнатий не искал спасения в политической перестройке, в укреплении самодержавного и сословного строя, в создании особого культурно-религиозного типа или другой панацеи от предела земного человеческого бытия, на что указывает отсутствие подобных размышлений в его письмах к современникам. Кроме того, у него не было страха перед грядущим, поскольку он во всей полноте и целостности своего мировосприятия признавал Богочеловеческую природу истории. «Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих», «милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись», «Спасаяй, да спасет свою душу!»[2. № 536, 540, 542].

Наконец, по глубокому убеждению св. Игнатия, для личного спасения от прогресса и сопутствующих ему неизбежных духовных потерь следует обратиться к познанию Бога: « Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир, говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во

время кратковременной земной жизни, - доколе наша чреда зеленеет – познание Христа, который и податель вечной блаженной жизни и путь к этой жизни…» [2. № 226].. Залогом бессмертия не только отдельной человеческой души, но и целого народа признавалась их неприступность «для безбожного рационализма и его последствий, доколе они ограждены святой верою»[2. № 206]. Условием же земной праведной жизни старец считал духовное просвещение: «от развития идей православия и от твердости в православии зависит энергия народа нашего, самостоятельность его духа»[2. № 536].

Сегодня в условиях переживаемого финансового кризиса, который признается целым рядом отечественных и зарубежных экономистов, философов как результат глобального кризиса цивилизации, развивавшейся два последние века на основе западноевропейского рационализма, трудно не заметить актуальность проблем, осознанных современниками пореформенной России и осмысленных св. Игнатием Брянчаниновым. Несмотря на стремительный технологический прогресс, дух времени тот же, что в начале модернизации. Он отмечен потерей духовного смысла истории и страстью к деньгам, что вновь воспринимается в обществе как приближение конца, если не земной жизни человечества, то определенного временного цикла. Именно это предчувствие отразилось в одном из афоризмов современного сатирика: «Сколько цивилизаций скатилось по ступеням прогресса!» [1, с. 151].

Библиографический список

1. Афористика и карикатура. Антология Сатиры и Юмора России XX века [Текст]. Т 24. – М., 2003.

2. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Собрание писем [Текст] / сост. Игумен Марк (Лозинский), общ. ред. А. Трубачев. – М.-Спб., 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www/anb.nnov.ru/letters.

3. Герцен, А.И. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т. – Т.14. – М., 1958; Лесков Н.С.Собрание сочинений [Текст]: в 12 т. – Т.2. – М., 1989.

4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст]. – М., 1991.

5. Карсавин, Л.П. Философия истории [Текст]. – Спб., 1993.

6. Ключевский, В.О. Исторические портреты [Текст]. – М., 1991.
7. Ключевский, В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / под ред Р.А.Киреевой и А.Ф.Киселева [Текст]. – М., 1997.
8. Леонтьев, К.Н. Избранное [Текст]. – М., 1993.
9. Лосский, Н.О. История русской философии [Текст]. – М., 1991.
10. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени [Текст]. – М., 1993.

УДК 908(470+571)

М.С. Кищенков

Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии

События Первой мировой войны 1914 - 1918 гг. привели к возникновению очень острой и серьезной проблемы, а именно к появлению массового движения беженцев, которым были охвачены практически все страны – участницы конфликта. Не стала исключением и Россия. Активные военные действия, проходившие на территории западных районов страны в 1914 - 1915 годах, привели к появлению массовой волны беженцев.

Цель данной статьи – проанализировать положение беженцев из западных губерний Российской империи: поляков, литовцев, латышей, немцев, оказавшихся вследствие военных действий на территории Ярославской губернии, выяснить их численность, национальный и социальный состав, материальный уровень, взаимодействие с властями и местным населением.

Первые беженцы появились уже в 1914 году, значительную их часть составляли жители губерний Западной Польши, где развернулись военные действия в осеннее - зимнюю кампанию 1914 года. Это было, по словам А. Н. Курцева, «стихийное добровольное беженство», в период этот общая численность перемещенных людей не превышала

нескольких сотен тысяч человек, в большинстве своем расселявшихся в прифронтовой местности [1]. Для оказания помощи беженцам был создан специальный комитет под руководством дочери Николая II великой княжны Татьяны Николаевны, занимавшийся распределением финансовых средств среди жертв войны, обеспечением их жильем и продовольствием. Органы самоуправления Ярославской губернии также занимались данным вопросом. Так, Ярославская городская дума осенью 1914 г. приняла специальное обращение, где выражалось сочувствие жителям польских губерний, пострадавших от войны, и содержались сведения о начале кампании по оказанию помощи наиболее пострадавшим. В начальный период войны число переселенцев в центральные губернии страны было невелико. Так, в Рязанской губернии в начале 1915 г. было всего 164 беженца, а к концу 1917 г. их численность уже превысила 80 тысяч человек [2]. Перелом наступил летом 1915 года, когда русская армия, понесшая тяжелые потери в ходе зимней кампании, оказалась неспособна противостоять австро-германскому наступлению. К осени 1915 года русские войска вынуждены были оставить Польшу, Литву, часть Латвии, Западной Украины и Белоруссии. К концу 1915 года численность беженцев в центральных районах страны превысила 2700000 человек.

Российское политическое руководство, планируя вести войну на чужой территории, оказалось не готово к решению столь масштабной задачи, как эвакуация населения и материального имущества. Так, исследователь А. Л. Сидоров отмечал, что эвакуация промышленных производств проходила в значительной мере бессистемно и хаотично, без единого плана, и привела к потере значительной части промышленного потенциала, не была организована в должной мере и эвакуация мирного населения [3]. А. Н. Курцев в целом подтверждает этот вывод в отношении эвакуации собственно контингента беженцев: «Несметные толпы голодных и полунагих людей движутся на восток… фактически грабя встречные деревни и увлекая за собой их жителей, увеличивая ими бездомную толпу» [4].

Создавшаяся критическая ситуация вынуждала власти принимать определенные меры. В августе 1915 года был принят специальный закон об оказании помощи жителям западных районов страны, оставившим свое постоянное место жительства. Из двигавшихся на восток вынужденных переселенцев стали формировать специальные

пешие и гужевые колонны, руководимые, как правило, чиновниками, служащими, духовенством оставленных губерний; колонны должны были обеспечиваться питанием, бесплатной выдачей медикаментов и путевыми документами, позволявшими беженцам взаимодействовать с местными властями. Власти губерний, через которые шли колонны к месту своей дислокации, часто мало помогали беженцам, зато активно стремились как можно быстрее избавиться от них. В этих условиях «число родственников, потерявших друг друга и в том числе детей, потерявших родителей, было так велико, что в целях соединения семей… было создано центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев» [5].

Первые партии вынужденных переселенцев стали поступать в Ярославскую губернию в июне – июле 1915 года. Был создан специальный Ярославский городской комитет помощи беженцам и губернская комиссия при губернской управе. Всех прибывавших беженцев ставили на учет. Сохранились сведения об организационной стороне процесса: «В качестве переписной единицы была принята семья в смысле хозяйства. Регистрация проводилась обыкновенно на местах водворения беженцев местными органами уездных комитетов» [6]. К концу года число беженцев в губернии превысило 10 тысяч человек, а в 1916 году достигло 13 тысяч. После того, как возможности губернского города по размещению беженцев были практически исчерпаны, их стали отправлять в уезды губернии. Наибольшее число беженцев вынуждены были принять Даниловский и Ростовский уезды, а наименьшее – Пошехонский уезд, что было связано с плохим состоянием транспортных путей в этом районе.

На нужды беженцев выделялись значительные средства из губернских фондов, так, в 1915 году было отпущено 270 220 рублей, в 1916 году – уже 356 166 рублей [7], тем не менее, этих средств часто не хватало.

По национальному составу значительную часть прибывших в Ярославль составляли поляки (5746 человек), латыши (2630) и литовцы (2092) [8]. Среди вынужденных переселенцев оказались и немцы по национальности, в количестве 79 человек. Это были жители польских губерний России, в принудительном порядке выселенные за пределы своего места жительства при приближении линии фронта.

Социальный состав беженцев был неоднороден, присутствовали представители всех сословий России этого времени. Крестьяне составляли 60%, городское население 20% и дворянское – 10%. Также в среде беженцев были священнослужители ряда конфессий.

Первой проблемой, возникшей при появлении столь значительного числа беженцев, стала проблема их расселения. Первое время прибывавших беженцев размещали по национальному признаку в общежитиях и приютах, от 20 до 40 человек в помещении. Часть беженцев снимала небольшие квартиры, получив средства от городского комитета помощи [9].

Материальный уровень временных переселенцев был различным. Зачастую беженцы находились практически без средств к существованию. Так, при эвакуации Пинской гимназии служащие этой гимназии, за неимением средств в Пинском казначействе, не получили полагающихся им подъемных [10]. В этих условиях даже постоянно выделяемых средств не хватало. Кроме практически бесплатного питания, каждый беженец получал в день по 20 копеек на неотложные нужды, однако в условиях все увеличивающейся инфляции этой суммы совершенно не хватало на обеспечение пристойного существования беженцев.

Губернские власти предпринимают попытки создания условий для того, чтобы переселенцы сами смогли бы себя обеспечивать, прикладывая свои знания и умения на новом, пускай и временном, месте жительства. Была создана специальная биржа труда, занимавшаяся поиском для них работы. Согласно временному законодательству, действовавшему в рамках всей страны, беженцы имели привилегии при трудоустройстве на работу. Были созданы специальные организации по национальной принадлежности беженцев. Так, при польской организации были открыты сапожная, столярная и швейная мастерские, при латышской – портняжная и белошвейная, при литовской – сапожная, портняжная и столярная мастерская [11]. С одной стороны, эти меры помогли снизить социальное напряжение в переселенческой среде, однако с другой вызывали недовольство у местного населения тем, что рабочие места в условиях войны передавались пришлому контингенту в ущерб интересам коренных жителей губернии, которые часто не могли найти себе достойную работу.

Важной проблемой становилось обеспечение взаимодействия беженцев разных национальностей. Для обеспечения толерантности между местным и пришлым населением было налажено взаимодействие между руководством национальных организаций беженцев и местной общественностью. Сохранились воспоминания одного из общественных деятелей Ярославля этого периода, А. Е. Пчелина. В своих мемуарах он писал, что в 1916 году по инициативе поляков, входивших в состав городского комитета помощи беженцам, было решено разделить Ярославль на районы, в которых совместными усилиями городской и беженской общественности планировалась и организовывалась помощь переселенцам [12]. Работа была тяжелой, приходилось в нерабочее время, вечером, в праздники, подыскивать квартиры, общежития, договариваться с владельцами чайных и столовых, заниматься распределением талонов, продуктов, одежды и обуви [13].

А. Е. Пчелин отмечает и конфликты в среде поляков на общественно - политической почве, так как одна их часть была сторонниками социализма, другая – национально - демократических идей. Между ними часто возникали конфликты, доходившие до открытого столкновения [14]. С местным населением взаимоотношения, тем не менее, удалось наладить.

Большое внимание общественность и власти обращали на социальную и гуманитарную сферы организации жизни беженцев. Для детей беженцев открывались школы, причем преподавание в них шло на языках национальных диаспор. Так, в Ярославле открыли 2 польских, 2 литовских и 2 латышских школы. В них обучалось несколько сотен учеников. Создавались также и внешкольные формы образования. В них входили различные курсы, специальные бесплатные библиотеки. Эти заведения посещали не только представители подрастающего поколения, но и взрослые. Действовали и церковные организации помощи беженцам. В первую очередь это были различные благотворительные католические организации.

Сохранились сведения о деятельности колонии беженцев в Ростовском уезде. Здесь, в Савинской волости, в имении землевладельца Н. Демидова, при его непосредственном участии, было создано поселение польских беженцев. Общая их численность составляла примерно 800 человек. Эта колония попала в поле зрения властей в

силу того, что на ее территории проживали германские и австрийские подданные.

Ярославское губернское жандармское управление вело пристальное наблюдение за колонией беженцев. Непосредственно эти функции были возложены на станового пристава И. Горюнова, в обязанности которого входило: «Установить данные на германских и австрийских подданных, проживающих в названной колонии. Выяснить, соответствуют ли действительности документы и другие данные о регистрируемых лицах, причем о возникающих сомнениях в отношении того или иного лица должно быть незамедлительно доложено для последующих распоряжений. При регистрации беженцев особое внимание надо обратить на германского подданного Л. Левандовича и австрийского подданного М. Шиманского» [15].

Полиция собирала данные обо всех иностранцах, проживающих на территории поселения, и проверяла степень их благонадежности. Были составлены списки на 16 наиболее подозрительных лиц. По национальности это были поляки, бывшие подданные Германии и Австро – Венгрии, по специальности: врач, агроном, учителя, мастера слесарного и столярного дела [16]. Интересно, что среди наблюдаемых лиц находился и бывший студент политехнического института в городе Львове, некто Ю. Болкович, судимый австрийским судом за русофильство и освобожденный русскими властями в 1914 году. Впоследствии он предпочел отступить с русской армией и оказался в Ярославской губернии. Тем не менее, и он, в силу своего подданства, оказался под наблюдением.

Руководство колонией в 1916 году осуществляли А. Пиньян и К. Ловинский. Под их началом и была организована жизнь в колонии. Создавались специализированные мастерские, где дети беженцев обучались определенным профессиям и получали трудовые навыки. Таких мастерских было 9, в том числе: кузнечная, столярная, переплетная, сельскохозяйственная и т. д. Заведовали мастерскими германские подданные Р. Бронзель, Т. Хойнацкий, И. Карпинский.

При колонии была организована хлебопекарня, обеспечивавшая беженцев свежим хлебом. Существовала и медицинская часть под руководством дипломированного врача Т. Соколовского. Руководство колонии поддерживало тесные связи с польской диаспорой в самом Ярославле. Представителем интересов беженцев в губернском

городе был А. Пишкевич, сотрудник городского комитета помощи беженцам. Он снабжал беженцев в Ростовском уезде различной информацией, помогал с решением возникавших финансовых и иных проблем.

Жандармы и полиция активно наблюдали за жизнью ростовской колонии поляков, но ничего неблагонадежного обнаружено не было. Так, утверждалось, что якобы врач Т. Соколовский имеет военную форму прапорщика и документы, которые может использовать в шпионских целях, так как он часто ездит в Москву [17]. В итоге выяснилось, что форму он носит совершенно законно, а его частые отлучки в Москву объясняются свиданиями с женой. В поле зрения жандармов попал и католический священник В. Ольшевский, «наиболее подозрительный из числа проживающих в колонии» [18]. Но самое тщательное наблюдение не позволило выявить сведений, изобличающих его в шпионаже.

Наибольший интерес к польским беженцам жандармские власти стали проявлять в 1916 году. Это было связано с тем, что в это время в польской диаспоре в России активно стали противодействовать друг другу две политические фракции. Первая до освобождения оккупированных немцами и австрийцами польских земель и предъявления властям Российской империи требований о предоставлении Польши автономии была сторонником временного союза с Россией, вторая фракция выступала за начало переговоров с Германией и Австро - Венгрией, полагая, что именно эти государства могут предоставить Польше автономию. С ухудшением социально - экономической и политической ситуации в России росло число сторонников второго направления: «В последнее время в руководстве польских общественных кругов наблюдается заметный поворот в пользу разрешения польского вопроса в духе австрофильской ориентации» [19].

В январе 1916 года в Варшаве под эгидой немецкого оккупационного командования состоялась конференция польских общественных деятелей, сторонников союза с Германией, руководство которой обещало предоставить Польше автономию после окончания военных действий. Сведения об этом проникли в среду польских беженцев в России и получили широкое распространение. Как отмечали сотрудники департамента полиции в своих донесениях, «большинство поляков в России уже склонно принять австро-германское предложение… московские бе-

женцы – поляки активно обсуждают эту идею и находят ее здравой» [20]. В этих условиях руководство департамента полиции рекомендовало местным жандармским и полицейским властям, а также губернатору пристально следить за настроениями польских беженцев и пресекать попытки антиправительственных настроений, а также возможности установить связи с представителями польских организаций на оккупированной Германией и Австро - Венгрией части Польши. Власти губернии, следуя указаниям вышестоящих инстанций, контролировали деятельность беженцев, в первую очередь поляков, и не допустили возникновения действительно значимого антиправительственного движения.

Латышские беженцы также предпринимали попытки самоорганизоваться в новых условиях. Наибольшей проблемой для латышской общественности стало опасение, что латыши – беженцы будут переселены в Сибирь, где им придется забыть свою историческую родину. В Петрограде был сформирован «Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам», одним из лидеров которого стал видный латышский политик и общественный деятель Я. Голдманис. Комитет помогал организации латышских школ, приютов, оказывал помощь финансовыми ссудами, предоставлял юридическую защиту. Культурная ассоциация «Родина» занималась сохранением исторических традиций и памяти латышского народа и культурной пропагандой в школах для детей латышских беженцев [21].

Литовская диаспора тоже организовывала свою деятельность в Ярославской губернии. Создавались школы для литовских детей, мастерские для беженцев рабочих профессий. Католическая община губернии оказывала материальную помощь и способствовала сохранению конфессионального единства литовцев, помогала в организации контактов с польской диаспорой.

Немецкие беженцы, в силу своей малочисленности, не сыграли серьезной роли в среде беженцев. Практически все они находились под надзором полиции и могли быть высланы за пределы губернии по подозрению в неблагонадежности.

Таким образом, в 1915 – 1917 годах на территории Ярославской губернии, вследствие военных действий, сформировалась новая социальная группа – беженцы. Значительную часть из них составляли представители европейских этносов – поляки, латыши, литовцы. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и ме-

стная общественность стремились оказывать помощь беженцам и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями – комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: организация школ для национальных диаспор, помощь в поиске работы, организация специальных курсов, культурного досуга. В целом взаимоотношения с местным населением были достаточно позитивными, в 1915 – 1916 годах не наблюдалось серьезных конфликтов между беженцами и коренным населением. Тем не менее, с ухудшением социально - экономического и политического положения в России в среде диаспор беженцев стало нарастать недовольство правительством и его действиями. Власти стремились контролировать беженцев, в первую очередь немцев и поляков, и пресекать антиправительственные настроения.

Подводя итог, необходимо отметить, что война не только привела к массовому движению беженцев, но и к росту национального самосознания национальных диаспор. В первую очередь это коснулось поляков, латышей, литовцев. Война способствовала их объединению, что позволяло сохранить их идентичность и национальное самосознание. Война также способствовала более тесному взаимодействию местного населения и беженских диаспор, что вызвало рост толерантности и взаимопонимания между народами.

Библиографический список

1. Курцев, А. Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914 – 1918 гг.) [Текст] / А. Н. Курцев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 99.

2. Курцев, А. Н. Указ. соч. – С. 102.

3. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны [Текст] / А. Л. Сидоров. – М., 1976. – С. 214.

4. Курцев, А. Н. Указ. соч. – С. 105.

5. Попинова, М. В. Организация помощи беженцам первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского комитета помощи беженцам) [Текст] / М. В. Попинова // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2000. – С. 96.

6. Савинский, Д. Беженцы в Ярославской губернии [Текст] /Д. Савинский. – Ярославль, 1916. – С. 3.
7. Журнал заседаний ярославского губернского земства за 1915 год [Текст] – Ярославль, 1916. – С. 120.
8. Бомбир, О. В. Социальный портрет беженцев в годы первой мировой войны [Текст] / О. В. Бомбир // Вопросы отечественной и зарубежной истории. – Ярославль, 2003. – С. 64.
9. Попинова, М. В.Указ. соч. – С. 93.
10. ГАЯО – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 3171. – Л.74.
11. Попинова, М. В. Указ. соч. – С. 95.
12. Пчелин, А. Е. Воспоминания о городе Ярославле / А. Е. Пчелин // Век нынешний и век минувший – Ярославль, 2007. – С. 156 – 170.
13. Пчелин, А. Е. Указ. соч. – С. 162.
14. Пчелин, А. Е. Указ. соч. – С. 163.
15. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 1.
16. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 5.
17. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 10.
18. ЦДНИ – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 12.
19. ГАЯО – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 680. – Л. 2.
20. ГАЯО – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 680. – Л. 3.
21. Гатрелл, П. Беженцы в России в годы первой мировой войны [Текст] / П. Гатрелл // Исторические записки. – 2001. – № 4. – С. 61. – 62.

УДК 94(470)

Г.В. Карандашев

Женская преступность в России в конце XIX – начале XX века (историографический аспект)

В последние годы появляется все больше исследований по гендерной тематике. Относительно популярной стала проблематика женского девиантного (отклоняющегося) поведения. Рассматриваются вопросы, связанные с проституцией, наркоманией, алкоголизмом. Особого внимания заслуживает женская преступность, которая, как от-

дельное социальное явление, стала изучаться в России в конце XIX века.

Сейчас под преступностью понимается совокупность всех фактически совершенных противоправных деяний, за каждое из которых предусмотрена уголовная ответственность, а также массовое негативное социально-правовое явление, обладающее определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками. Женская преступность - это правонарушения женщин с 18 лет, а также антиобщественная деятельность несовершеннолетних лиц женского пола, имеющая существенные особенности, схожие с поведением несовершеннолетних мужского пола. Считается, что в преступлениях женщин отражаются особенности их образа жизни, восприятия жизненных ситуаций. В мотивации преступной деятельности у женщин как при совершении корыстных, так и насильственных преступлений большое значение играют мотивы, которые тесно связаны с семейно-бытовой сферой. Поведение женщин в значительной мере определяют и преступления без четко выраженного мотива[2].

Наибольший вклад в изучение вопросов женской преступности в России в конце XIX – начале XX века внесли исследователи И. Я. Фойницкий, П.Н. Тарновская, М.Н. Гернет, Н. Зеланд. Их интересовали аспекты, связанные с причинами и характером женских правонарушений[5].

Особенностью преступности конца XIX – начала XX века было увеличение доли правонарушений со стороны женщин. По сравнению с 1884-1889 гг., в 1889-1893 гг. мужская преступность увеличилась на 10 %, а женская на 25 %. Так, количество преступлений, совершенных женщинами против собственности, возросло на 14,7 %, против общественной нравственности на 48,0 %, убийств на 6,3 % и случаев нанесения телесных повреждений – на 67 %[8, с. 64 – 65].

Но самым распространенным и традиционным женским преступлением в конце XIX – начале XX века было детоубийство (убийство ребенка сразу после его рождения) и оставление без помощи новорожденного. Разбои, кражи, мошенничество были более чем на 90 % «мужскими деяниями», а вот преступления против новорожденных – почти на 100 % - женскими[3, с. 122].

Таким образом, участие мужчин и женщин в преступной деятельности было неодинаково. Лишь только против жизни ребенка, как

правило, одинокие матери совершали на порядок больше преступлений. Сужение поля политической деятельности и ограничения возможности нести государственную службу приводили женщину к меньшему, чем мужчину, количеству служебных и политических преступлений. Экономические условия толкали их на путь проституции и преступления против собственности, а условия половой жизни того времени, по мнению М.Н. Гернета, приводили к рождению внебрачных детей, детоубийствам, абортам, подкидыванию детей[3, с. 105].

П.Н. Тарновская, несмотря на то, что являлась сторонником антропологического подхода в криминалистике, придавала большое значение социальным факторам преступности. По ее словам, большинство детоубийц характеризовалось общей чертой – притуплением нравственного чувства, отсутствием должного воспитания и этических начал. Например, ребенок в крестьянской среде был обузой для девушки, препятствием в устройстве на работу. Совесть заглушалась чувством самосохранения. Препятствие устранялось насильственной смертью ребенка [9, с. 310].

Исследователи конца XIX – начала XX века особенное внимание уделяли такому социальному явлению, как проституция. В тот период она находилась под контролем полиции. Профессиональные проститутки ставились на учет, проходили регулярные обязательные медицинские осмотры, имели специальные документы. Но именно эта категория женщин очень часто представала перед уголовным судом. Наиболее распространенным видом преступлений среди проституток было воровство[4].

В советские годы разработкой проблем, связанных с преступностью в царской России в конце XIX – начале XX века, успешно занимался С.С. Остроумов. Особое внимание он уделял причинам совершения преступлений и криминалистической статистике [7].

Среди современных работ заслуженной популярностью пользуется исследование Ю.М. Антоняна «Преступность среди женщин». Перед анализом современной ситуации, автор обратился к истокам изучения проблемы, рассмотрел опыт своих предшественников[1, с. 7 -10].

Е.В. Кунц, используя многочисленные исследования и статистику, предложил ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами в России. По его мнению, причины преступлений, которые совершали женщины, объяснялись свойствами местности,

составом народонаселения, а также материальным положением жителей и их нравственным уровнем. Только на достаточно позднем этапе общественного развития, примерно с начала XX в., было обращено внимание на необходимость повышения защиты прав женщин [6].

Преступления, совершаемые женщинами, всегда были связаны с их социально-экономическим положением в обществе, вовлечением женщин в пьянство, разврат, проституцию. Согласно точке зрения исследователя, причины пьянства, алкоголизма, преступности среди женщин обусловлены совокупностью целого ряда объективных и субъективных обстоятельств. Кроме того, «женской преступности присущ высокий уровень латентности». Особенно это касается преступлений, совершенных на бытовой почве[6].

В современных гендерных исследованиях женские правонарушения представлены как относительно самостоятельный структурный элемент всей преступности. Отмечено, что преступное поведение женщин отличается от мужского способами и орудиями совершения преступлений, масштабами и характером, выбором жертвы преступного посягательства и другими компонентами. «Эти особенности связаны с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями и функциями, ее биологической и психологической спецификой»[10].

Таким образом, большинство исследователей, независимо от периода их деятельности, считали, что уровень женской преступности связан с социально-политическим положением женщины в обществе. Со второй половины XIX века участие женщин во всех сферах жизни Российского государства постепенно расширялось. При этом росли показатели женской преступности как в целом, так и увеличивался процент женских правонарушений, ранее характерных для мужчин. При этом в конце XIX – начале XX века сохранялся высокий показатель традиционно женских правонарушений. Но в общем показатели женской преступности в рассматриваемый период были относительно невелики.

Библиографический список

1. Антонян, Ю. М. Преступность среди женщин [Текст] / Ю. М. Антонян. – М., 1992.

2. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - // http://law-enc.net/; Энциклопедия юриста [Электронный ресурс]. - Режим доступа.- // http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_law/

3. Гернет, М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование [Текст] / М.Н. Гернет. - М., 1911. - С. 112.

4. Давыдов, Н.В. Женщина перед уголовным судом [Текст] / Н.В. Давыдов. - М., 1906. - С. 46.

5. Зеланд, Н. Женская преступность [Текст] / Н. Зеланд. - СПб.,1899; Тарновская, П.Н. Женщины-убийцы [Текст] / П. Н. Тарновская. - СПб.,1902; Фойницкий, И. Я. Женщины – преступницы [Текст] / И. Я. Фойницкий. - СПб, 1893; Гернет, М.Н. Социальные факторы преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - // http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3470/

6. Кунц, Е.В. Исторический подход к проблеме женской преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - // http://osu.ru/doc/1026/author/1820/lang/0

7. Остроумов, С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России [Текст] / С.С. Остроумов. - М., 1960.

8. Сикорский, И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России: статистическое исследование по официальным источникам [Текст] / И. А. Сикорский. - Киев, 1899.

9. Тарновская, П.Н. Женщины-убийцы [Текст] / П.Н. Тарновская. – СПб., 1902.

10. Тезаурус терминологии гендерных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - // http://www.owl.ru/gender/thesaurus.htm

УДК 94(470)

Л.Н. Курцев

Городская мода в эпоху гражданской войны в Советской России (1917-1921 гг.)

Внешний вид человека не просто отражает его внутренний мир, но и свидетельствует о его материальном положении и социальных ориентирах, переменах, происходящих в обществе. Одежда и обувь в переломные годы революционной смуты были не только «бытовыми символами». Идеология Октябрьской революции вкупе с всепроникающим дефицитом и обнищанием привели к серьёзным изменениям в самом восприятии одежды. В этом смысле мир суровых реалий гражданской войны подчинял массы горожан своим правилам: отсутствию вещей первой необходимости, жизни в страхе и лишениях.

Наглядное тому подтверждение масса мемуарных данных о том, что люди пытались скрыть своё социальное происхождение, затеряться в толпе, отвести от себя подозрение «органов» с помощью изменения своего облика. Н.Н. Берберова писала осенью 1917 г.: «Женщины теперь все носили платки, мужчины – фуражки и кепки, шляпы исчезли: они всегда были общепринятым российским символом барства и праздности, теперь могли в любую минуту стать мишенью для маузера» [8, с. 46]. К буржуазным символам были причислены, помимо шляп и котелков, галстуки, очки, драповые пальто на клетчатой подкладке.

Можно выделить несколько тенденций в моде эпохи «военного коммунизма». Основными в их ряду были милитаризация, идеологизация, обнищание и, вкупе с последним, однообразие, стирание внешних различий и стилей в одежде между людьми. Женщины стали перенимать мужские элементы одежды [1, с. 522-523], разные социальные слои стали походить друг на друга. Если до революции профессора можно было не задумываясь отличить от приказчика, а рабочего от фабриканта, то теперь, когда внешне почти все уравнялись, решение подобной задачи становилось проблематичным. Кроме того, столичный житель по наружному облику стал приближаться к провинциалу и наоборот.

Мода с её вышеназванными особенностями существовала на двух уровнях. Первый уровень – революционный или официозно-

революционный, отмеченный особенно сильной милитаризацией и идеологизацией, - был уделом партийцев, ответственных советских работников, активистов, чекистов и т.п. Самый яркий пример милитаризации – знаменитые тужурки, кожаные куртки шоферов и лётчиков времён Первой мировой войны. Они стали символом причастности к власти, внося одновременно военизированность в гущу повседневной жизни. В известном смысле, Россия из «страны, одетой в мундир» превратилась в «страну, одетую в тужурку». Кроме того, «стиль милитари» проявлялся и в массовом повседневном ношении шинелей, военных кителей и прочей армейской атрибутики в тылу.

Идеологизация в рамках революционной моды характеризуется отказом от ношения символов буржуазности и облачением в подчеркнуто пролетарские одежды, преимущественно с наличием красных тонов. Кепки и картузы пришли на смену шляпам и котелкам у мужчин, красные косынки – шляпкам у женщин. Крайним выражением указанного явления можно назвать случай, описанный З.Н. Гиппиус. В июне 1919 г. пролетарские дети в петроградских приютах появлялись «то в красных, то в жёлтых шапчонках, похожих на дурацкие колпаки». Очевидно, что под «дурацкими колпаками» она имела ввиду фригийские колпаки времён Великой Французской революции [3, с. 236]. Наряду с «буденовками» (или, как их ещё называли, «богатырками») к ним пытались приучить подрастающее поколение строителей светлого будущего.

Второй уровень городской моды – обыденный. Основными его чертами были обнищание и нивелирование. Это была мода обычных горожан, с их обносками, лохмотьями, мешками и салазками за спиной. Среди простых смертных было «модно» возить салазки зимой и ходить с мешком через плечо во все сезоны. «Москва кишит санками», - писал один из современников. «Непременные для каждого советского обывателя котомки за спиной», - отмечал иной [2, с. 330]. «Мешочная мода» отражала кризисные явления не только в моде, но, в первую очередь, в вопросах нормального снабжения продовольствием городских обывателей, которые были вынуждены при случае покупать впрок любые доступные продукты питания и носить их за спиной.

Положение с одеждой в рассматриваемую эпоху было поистине угрожающим. По словам Л. Крицмана, в гражданскую войну «…рабочие ходили полуголые, а температура в жилищах опускалась

иногда ниже нуля». В 1920 г. порядка 85% обуви и тканей шли на обеспечение армии, к тому же ещё в октябре 1918 г. были закрыты частные портные и мастерские по пошиву одежды. В разгар «военного коммунизма» новый костюм, сапоги, ботинки, шнурки, галстуки, воротнички, прочие галантерейные товары достать было почти невозможно ни рабочим, ни «буржуазии»[7, с. 171, 193].

Не миновали эти сложности и известных людей из творческой среды. К.И. Чуковский 1 ноября 1919 г. записал в своём дневнике: «Вчера я был в Доме Литераторов: у всех одежда мятая, обвислая, видно, что люди спят, не раздеваясь, укрываясь пальто. Женщины – как жеваные. Будто их кто-то жевал и выплюнул». А.А. Ахматова замечала, что петроградцы остановились на моде в 1916 г. Действительно, в эпоху «военного коммунизма» было не до моды. Писатель А.И. Куприн ходил без галстука, поэт А.А. Блок - без воротника и в картузе – всё равно оставался, по меткому замечанию современника, «переодетым патрицием». Весной 1921 г. В.Б. Шкловский сообщил А.М. Горькому о проблеме поэта В. В. Иванова. «Неужели у него штанов нет? Нужно будет достать…», - отреагировал пролетарский писатель. В то время его супруга, комиссар театров и зрелищ Петрограда, М.Ф. Андреева ходила «отлично одетая, в шляпке»[14, с. 110, 117, 139, 169; 15. с, 263].

Картину убогого «оборванства» среди «маленьких горожан» даёт описание внешнего вида «бывших». В Москве на Сухаревке в 1918 г. за продажей своих пожитков их наблюдал инженер Ярославской Большой мануфактуры П.А. Ермолин: «Создавалось впечатление, что это артисты, участвующие в грандиозном массовом действии, а одежда взята напрокат у старьёвщиков или из театрального реквизита…». Реквизита, оставшегося после представления пьесы А.М. Горького «На дне», - добавлял он [6. с, 33-34]. Находившийся в командировке с Ермолиным ярославский рабочий А.Ф. Крутов выдвинул предположение, что таким образом они хотят стать похожими на пролетариев.

Герберт Уэллс описывал «всеобщую нищету» повально «обносившихся» горожан, непрерывно таскавших какие-то узлы. У самого Горького, отмечал англичанин, был единственный костюм. Литератор Амфитеатров на встрече с британским писателем пожаловался, что под пиджаками у каждого из присутствовавших были невообразимые лохмотья. В зале одного из петроградских театров Уэллсу явилось та-

кое зрелище: «Повсюду однообразная людская масса, внимательная, добродушная, вежливая, плохо одетая». В московском театре Корша москвич Окунев обратил внимание на отсутствие нарядов, всё было «преувеличенно просто». Вместо привычных ароматов дорогого парфюма в зале стояла «смесь табачного дыма, самогонки и пота». Буржуи или не ходили вовсе, или действительно переодевались под новых «театралов» [12, с. 13, 17, 24; 9, с. 183].

Платья пытавшиеся следить за собой дамы кроили из пледа или гардин. Но, несмотря на все попытки, им не удавалось поддерживать прежний изыск в своих нарядах. Русская профессура выглядела, как отмечали мемуаристы, «не лучше английских бродяг». Как справедливо указывают петербуржские историки, причин тому было много. Помимо объективных (дефицит одежды, война и т.д.), это мог быть и сознательный, добровольный уход в «обнищание» из-за боязни быть ограбленными или обвинёнными в буржуазности[13, с. 105; 11, с. 69].

Самым тяжёлым для горожан был обувной кризис, если учесть, что обувь в городских условиях функционально не менее важна, чем одежда. Обувная промышленность в 1921 г. производила в 7,5 раз меньше продукции, чем в 1913 г. Один из сотрудников Наркомпрода, Н. Орлов, писал в своей богатой статистическими материалами книге «Продовольственная работа Советской власти» (1918 г.) о надвигающемся «подошвенном кризисе», ведь раньше российская обувная промышленность использовала импортную подошву. За первые девять месяцев правления большевиков новые власти дали стране 13,5% потребности в тканях, а в обуви – лишь 0,6%. За весь 1918 год, по прогнозам Орлова, лишь 12,5% населения страны получит обувь, а остальных ждут «обноски или переход к лаптям» [10, с. 133-134, 243, 245, 247, 278].

Он угадал развитие критической ситуации. В условиях частой приостановки трамвая и работы промышленности для армии горожане в прямом смысле слова перешли к лаптям. З.Н. Гиппиус описала, правда, с чужих слов, в дневнике потрясающее зрелище: «Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой - лапоть». Этот факт подтверждается в воспоминаниях англичанина А. Рэнсома. К.И. Чуковский, со слов Бенкендорф, осенью 1919 г. записал: «…в церкви, когда люди станут на колени, очень любопытно рассматривать целую

коллекцию дыр на подошвах. Ни одной подошвы – без дыры!» [14, с. 118].

Власти, конечно, иногда выдавали населению ордера на получение обуви. Зачастую они были сложно реализуемы. Так, няня поэтессы Гиппиус по казённому ордеру за 117 р. пыталась получить парусиновые туфли. Простояла три дня по десять часов с 7.00 до 17.00 в очереди, так ничего и не получив [3, с. 239-241].

Проблемы с обувью в провинциальных городах стояли не менее остро. В Данилове весной 1921 г. положение было похожим на катастрофу: «Наболевшим вопросом настоящего момента является кризис обуви, ни у одного работника в коммунальном отделе нет обуви, и, работая в таковую грязь почти что босиком, многие категорически предъявляют отказы, а также есть случай заболевания тифом», «…положение самое критическое, милиция ходит наполовину босая». В г. Любиме обувной кризис дошёл до полной приостановки работы местной милиции. В Ростове Великом также констатировался острейший обувной кризис [5. Ф.Р-208. Оп. 1. Д. 85 Л. 46об., Ф.Р-1431. Оп.1. Д.96.Л.62, Ф.Р-1431.Оп.1.Д.98.Л.48,. Ф.Р-1431. Оп.1. Д.99. Л.55].

Но были люди, которым удавалось не испытывать такой острой нужды в обуви и одежде. Речь идёт о партийных и ответственных советских работниках. Так, например, за четыре года, с 1918 по середину 1921 г., отдел связи Костромского горисполкома получил 5 тужурок кожаных, 193 ватных пальто, 659 пар ботинок, 84 пары кожаных сапог. Если учесть, что в отделе, как правило, работали в среднем 100 служащих, то это было уже кое-что. Ещё один характерный для эпохи документ – партийная докладная записка, датированная апрелем 1921 г., в коей объяснялось, что реквизированные ранее ботинки товарищам Превезенцевым возвращены не будут, так как они беспартийные [4. Ф.Р-678.Оп.1.Д.226. Л. 132, 207, 222, 226, 230, Ф. Р-383. Оп.1. Д.44. Л. 133 об.]. Партийным, вероятно, вернули бы. Так было не только в Костроме, так было по всей Советской России.

О системе партийных льгот и привилегий в распределении одежды и обуви говорят многочисленные архивные материалы, в частности, межведомственные сношения-записки. Например, накануне июльского мятежа 1918 г. кожевенному комитету Ярославского района Яргорисполком направил такую депешу: «исполком ярославского совета депутатов предлагает Вам выдать одну пару Хромовых дамских бо-

тинок тов. А. Фрейман за наличный расчёт». Нужно обратить внимание на то, что в июне того года сам Фрейман некоторое время исполнял обязанности председателя Ярославского горисполкома, в дальнейшем был главой Ярославского губернского СНХ. За подписью товарища председателя Ярославского горисполкома Потёмкина в октябре 1918 г. в мануфактурный магазин общества потребителей «Единение» ушло другое послание: «Прошу выдать предъявителю сего Мальвине Потёмкиной одну пару дамских ботинок». 14 октября 1918 г. от президиума горисполкома был выдан пропуск «члену исполкома М.Е. Гусеву на право на внеочередное получение продуктов из городских продовольственных лавок». Ему же 15 октября 1918 г. выдали «бумажку» на получение двух пар кожаных сапог и двух пар галош. К слову сказать, в ноябре 1918 г. указанный тов. Гусев стал председателем Ярославского горисполкома. Такое злоупотребление служебным положением продолжалось на протяжении всего периода гражданской войны [5. Ф.Р-180. Оп. 1. Д. 169. Л. 191, Ф.Р-180.Оп.1.Д.250.Л.590, Ф.Р-180.Оп.1.Д.166.Л. 68, 76, 78, 82, Ф.Р-180.Оп.1.Д.440. Л. 98, 521].

В тех условиях не деньги, а близость к власти и зарождающаяся система личных связей стали реальными аргументами, ценностями на бытовом уровне. Такие же примеры, как заношенные до невозможности штаны Деникина и кепка Ленина (в Европе он ходил в мелкобуржуазном котелке), старое пальто и отказ от публичного ношения очков Кирова и прочие из этого ряда примеры – мудрые ходы тонких знатоков психологии масс и больших политиков, говоря современным языком, пиар-ходы с целью сооружения имиджа внешне близкого нуждающемуся народу. На многих же кулуарных фотографиях люди из близкого окружения ранней советской верхушки носили и шляпы, и очки и прочие буржуазные символы, не задумываясь о своем облике в глазах народа.

Подобные, в большинстве своём, недостойные действия властей приводили к законному возмущению трудящихся. Из-за невыдачи по талонам обуви и одежды «волынки» и митинги прокатились в феврале-марте 1921 г. по петроградским заводам. Рабочих возмутило то, что эти предметы первой необходимости выдавали только коммунистам и матросам [8, с. 50].

В противовес словам булгаковского героя о том, что главная причина бытовой неустроенности - разруха в головах, можно предпо-

ложить, что сначала разруха поселилась в быту, потом уже через бытовые практики стала проникать и в сознание масс. Насколько глубоко убогий быт гражданской войны вселился в сознание, настолько надолго и всерьёз разруха в обыденной жизни стала сопровождать советского человека в повседневности в дальнейшие периоды истории XX века.

Одновременно с общей тенденцией усреднения жизни в массах (нивелировки в социальном и материальном положении, во внешнем обличии, между жизнью в столицах и провинцией) наблюдалась и противоположная ей динамика. Стали возрождаться символы власти в быту – явный признак неоднородности в социуме. Льготы в распределении благ (жилья, одежды, обуви, продовольствия, мест в театральных залах и синематографе и т.д.), передняя площадка в вагонах трамвая – для «избранных», автотранспорт в исключительном распоряжении «слуг народа» – наиболее характерные примеры. Перед нами – взаимоисключающие, на первый взгляд, явления усреднения и расслоения. Мы сталкиваемся с похожей ситуацией на ту, какую изобразил на «Скотном дворе» Джордж Оруэлл: все равны, но некоторые – равнее.

Рассмотрев городскую моду в годы гражданской войны в Советской России, мы выделили и охарактеризовали такие её особенности, как воздействие новой идеологической парадигмы, милитаризация, обнищание и нивелирование. Внешний вид горожан отражал те противоречивые и переломные социально-экономические, политические, демографические процессы, которые происходили тогда в обществе.

Дефицитом и роскошью для большинства городских обывателей стали обыкновенные чистота, тепло, комфорт, уют, обувь и одежда. Одним словом, любые составляющие нормальной жизни оказались ненормально недоступны. Материальные трудности подавляли и подчиняли себе человека. Привычка к лишениям и низкому качеству жизни, порожденные разрухой смуты 1917-1921 гг., возможно, стали основой для непритязательности последующих поколений советских людей к таким «мещанским» мелочам быта, как красота и удобство одежды и обуви.

Библиографический список

1. Андреевский, Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы) [Текст]. - М., 2003.

2. Воронов, С. Петроград – Вятка в 1919-1920 году // Архив русской революции. Т. 1. [Текст]. - М., 1991.

3. Гиппиус, З.Н. Дневники. Воспоминания. Мемуары [Текст]. - Минск, 2004.

4. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО).

5. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).

6. Ермолин, П.А. Боевой восемнадцатый год. [Текст]. - Ярославль, 1984. - С. 33-34.

7. Крицман, Л. Героический период Великой Русской Революции (Опыт анализа т.н. «военного коммунизма») [Текст]. - М.-Л., 1926.

8. Лебина, Н.Б., Чистиков, А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия [Текст]. - Спб., 2003.

9. Окунев, Н.П. Дневник москвича (1917-1924) [Текст]. - Париж, 1990.

10. Орлов, Н. Продовольственная работа Советской власти [Текст]. - М., 1918.

11. Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны [Текст]. - СПб., 2000.

12. Уэллс, Г. Россия во мгле [Текст]. - М., 1958.

13. Фриш, С.Э. Сквозь призму времени [Текст]. - М., 1992.

14. Чуковский, К.И. Дневник (1901-1929) [Текст]. - М., 1991.

15. Чуковский, К.И. Современники. Портреты и этюды. [Текст]. - М., 1967.

УДК 94(470)

Е.А. Любимова

Праздники в первое послереволюционное десятилетие: «Одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут…»

Придя к власти, большевики поставили перед собой задачу строительства нового мира с более совершенными обрядами и тради-

циями. Начинается активная корректировка старого (дореволюционного) праздничного календаря.

Особое внимание уделялось искоренению религиозных праздников, так как именно они имели наиболее сформированную обрядность и широко отмечались всеми слоями общества. Создателям новой культуры плохо удавалось скрывать зависть по поводу организации религиозных праздников. Большевики признавали, что их ритуалы не имеют такого глубокого влияния на эмоции человека. Я. Эльятевич – член Союза Безбожников – отмечал, что «сектантские организации своим вечерам умеют придавать торжественный, семейный характер», в то время как клубы СБ этого еще не научились делать [1,с. 51.].

Подготовка к церковным праздникам начиналась заблаговременно. По традиции, люди старались навести порядок в своих домах, приобрести подарки, устроить праздничный обед. Таким образом, для большевиков была очевидна *атмосфера праздника*, то есть то, чего недоставало их новым обрядам. Действительно, если подготовка к религиозным праздникам проводилась практически в каждой семье, то для того, чтобы отметить Первое Мая, большевики вынуждены были просить «всех желающих» помочь организовать праздник «за вознаграждение».

В первые годы после Октябрьского переворота каждый советский праздник требовал особой тщательной подготовки, так как еще не были сформированы каноны празднования. Широко разворачивались «праздничные кампании», создавались ответственные специальные комиссии. Большевики называли подготовку священнослужителей к религиозным праздникам так же «кампанией». А. Лукачевский писал: «Пасха и рождество – это поповская кампания, к которой служители культа готовятся задолго и основательно, которую пытаются они провести с наибольшим блеском и торжественностью» [1, с. 33.]. Торжественности, проверенности временем, отточенности и не хватало советским праздникам.

Вскоре после революции была взята линия на демонстрацию превосходства советских праздников. Подчеркивалось, что советские праздники и обряды знаменуют собой великие для трудящихся события, служат смотром сил для будущей борьбы, являются показателем сплоченности. В праздниках выделяли обучающую функцию. Считалось, что советские праздники учат культурному отдыху, в то время как цер-

ковные «приносят громадный вред трудящимся, так как всегда сопровождаются обжорством, пьянством и кровавым мордобитием». Справедливости ради стоит отметить, что церковные праздники нередко были поводом для чрезмерного употребления алкоголя. И. Бунин писал в своем дневнике: «Завтра Казанская, могут напиться – вся деревня варит самогонку – все может быть…» [3, с.52.]; К. Чуковский оставил такое описание Пасхи 1925 года: «Много пьяных; женщины устали от предпасхальной уборки, зеленые лица, еле на ногах, волокут за собой детей, а мужчины пьяны, клюют носом, рыгают» [6, с.338.]. Таким образом, большевики верно указали на данную особенность религиозных праздников, но не упомянули, что сама Церковь боролась с пьянством.

Среди новых советских праздников особо выделялись дни празднования годовщины Октябрьской революции и Первого Мая. Именно к этим датам приурочивалось открытие дворцов культуры, больниц, домов ребенка, школ; украшались населенные пункты, ставились бесплатные спектакли, организовывались детские утренники, устраивались народные гуляния.

Но неотъемлемой и самой главной частью этих праздников была демонстрация трудящихся. Примечателен тот факт, что в рассматриваемый период глагол «демонстрировать» употреблялся в значении «принимать участие в демонстрации, идти строем». В Ярославле в первое послереволюционное десятилетие маршрут демонстрации был неизменен, а кульминацией праздника был митинг на Советской площади, куда из разных концов города по определенным маршрутам стекались демонстранты, несшие знамена, портреты вождей и лозунги.

Лозунги согласовывались заранее и печатались в газетах. Часть их оставалась неизменной на протяжении всего периода, например: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует ВЦИК и СНК», «Да здравствует Красная Армия». Были и более витиеватые: «Красный призрак коммунизма заставит властных самодержцев капитала подписать свой смертный приговор». Часто использовались слова из песен и стихов: «Пусть звучит от края и до края: «Празднуйте Первое Мая!». Были и курьезные с точки зрения современных исследователей лозунги. Так, в 1919 году и в столице, и в Ярославле демонстранты шли под лозунгом: «Береги, охраняй свое оружие, пролетарий. Береги, охраняй свою Красную Армию». В принципе, одной из функ-

ций армии является защита населения, большевики же предлагают населению оберегать армию.

Для того, чтобы привлечь в ряды празднующих как можно больше людей, в первые годы после октябрьского переворота большевики устраивали бесплатные обеды или чаепития. Этот метод был действенен, так как в стране бушевал голод. В первые годы существования советской власти в праздновании государственных праздников принимало участие много случайных людей, не сочувствовавших большевистской идеологии, но привлеченных возможностью получить бесплатный обед.

Но большевики старались подчеркнуть «классовую сознательность» граждан, принимающих участие в революционных праздниках. Луначарский 1 мая 1918 года отметил: «Идут и идут толпы рабочих, изможденных, голодных, но торжественно и мужественно настроенных» [5, с.80.]. Ю. Готье был противоположного мнения об участниках официальных демонстраций: «Так называемые прежде серые герои с тупыми рылами шли мерным шагом, точь-в-точь как они ходили на царские парады, и мне от души хотелось плюнуть в эти горильи рожи, которых если бить умеючи, то все с ними можно сделать» [4, с.417.].

Очевидно, большевики понимали, что не все из тех, кто принимает участие в новых празднованиях, является опорой режима, но необходимо было подчеркнуть массовость революционных торжеств.

Со временем власть стала проводить отбор, кого можно допускать к празднованию, а кого нельзя. Так, в Ярославле в 1919 г. в демонстрации, посвященной годовщине революции, принимали участие инвалиды, для которых был выделен специальный грузовик. Но так было только один год, то есть традиция не получила распространения, так как была взята тенденция на военизацию демонстраций. Теперь в рядах демонстрантов предпочитали видеть здоровую, сильную молодежь, которая могла пополнить ряды Красной Армии. Инвалидов же в праздники предпочитали скрывать.

Аналогичная ситуация была и с беспризорниками. Если сначала их участие в праздниках означало, что государство берет детей под свою защиту, то в дальнейшем появление беспризорников в дни торжеств могло означать, что государство не справилось с этой миссией. Поэтому беспризорникам ход на праздник был запрещен. А вот уча-

стие детей-сирот из приютов в праздновании приветствовалось. Они служили примером, как большевики заботятся о детях.

Нежелательным было присутствие на советских праздниках интеллигентов, священнослужителей, проституток, калек, то есть тех, кому не должно быть места в новом большевистском мире.

Вопреки тому, что большевики пытались поставить праздники под свой жесткий контроль, в первые годы советской власти существовало огромное разночтение в праздниках, канонах.

Примечателен тот факт, что несмотря на ужасы гражданской войны, на голод и холод, перед праздниками царило радостное оживление. И. Бунин записал 1 января 1918 года (дата – по старому стилю, так как новый стиль писатель не признавал): «А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит…» [3, с.65.]. В Ярославле, в котором было объявлено военное положение, в том же 1918 году уменьшали комендантский час, чтобы населению можно было беспрепятственно вернуться с праздничных спектаклей или вечеринок.

Не устоявшийся календарь праздничных дат позволял отмечать и дореволюционные, и советские праздники. Произошло смешение стилей, традиций. Так, например, 7 ноября 1918 года прошло под девизом «Сегодня пролетарская Пасха!», а в 1919 году ярославские газеты красной Пасхой назвали день Первого Мая. Еще одним доказательством наслоения старых и новых традиций может служить факт превращения рождественской елки в новогоднюю. Обычай наряжать елку был любим народом, поэтому борьба с ним не имела успеха. В период «гонений на елки» их, тем не менее, можно было обнаружить в домах партийных работников и членов Союза Безбожников. Подобным образом дело обстояло и с пасхальными куличами. Полностью отказаться от них большевики не смогли, но при этом выдвигались идеи печь куличи не на Пасху, а на советские праздники.

Однако пестрота праздничных обрядов была характерна для городов. Деревня оставалась верна старым традициям. Чуковский, побывавший на деревенской свадьбе, поразился сохранившейся связью поколений: «Сегодня видел свадьбу. Сани шикарные, лошади сытые. Мужики и бабы в санях на подушках. Посаженный отец вел невесту и жениха, как детей, по улице. Ленты, бусы, бубенцы – крепкое предание, крепкий быт.

Русь крепка и прочна: бабы рожают, попы остаются попами, князья – князьями – все по-старому на глубине» [6, с.159].

Новые праздники не всегда находили отклик в деревне. Так, в «Известиях Ярославского Губисполкома» в начале ноября 1918 года вышла статья «Празднование годовщины Октябрьской революции в деревне», в которой оптимистично было заявлено, что «ярославская деревня также не отстает от города в ознаменовании годовщины великого октябрьского переворота», что «во всех, почти, волостях идут деятельные приготовления к ознаменованию великого дня» [Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии, 1918, 7 ноября]. Однако из отчетов о проведенных в деревнях мероприятиях можно сделать вывод, что главным действующим лицом на празднике был приглашенный из города оратор, который разъяснял значение праздника. Ярославская комиссия по устройству праздника посылала докладчика только в населенные пункты Ярославского уезда, более отдаленные села и деревни оставались без внимания. Со временем ситуация изменится, но неизменным окажется выступление «товарищей из центра» на торжественном митинге.

Уже с 1920-го года началась борьба с неорганизованными празднованиями. Особым нападкам подвергались балы и маскарады, которые считались пережитком прошлого. Ярославские газеты напечатали статью Дивногорцева «О вечерах», в которой автор клеймил позором отдел Совнархоза за то, что тот часто устраивает вечера-концерты. «Устраиваемые вечера по своему рекламному назначению и внутреннему содержанию удивительно бессодержательны и пусты» - утверждал автор статьи и предлагал проводить вместо них «познавательные лекции, диспуты или, на худой конец, литературные вечера» [Известия Ярославского Губисполкома, 1921, 23 февр.]. Но, несмотря на критику, балы, вечера и маскарады оставались излюбленным видом отдыха.

Не менее жесткая позиция была у большевиков и по отношению к именинам. День ангела, с их точки зрения, должен был быть вытеснен празднованием Дня рождения. Даже само слово «именины» находилось под запретом. Детское стихотворение «Муха Цокотуха» не допускалось к печати цензорами из-за строчки «Нынче Муха Цокотуха именинница». Чуковский с горечью отмечал в своем дневнике: «Ока-

зывается, что в Гублите запретили «Муху»… Итак, мое наиболее веселое, наиболее музыкальное, наиболее удачное произведение уничтожается только потому, что в нем упомянуты именины!!» [6, с.344.]

Борясь с именинами, маскарадами, танцевальными вечерами (так называемыми «буржуазными праздниками»), большевики пытались установить гегемонию советских праздников. Для этого им приходилось искать альтернативу старым традициям.

Удачной оказалась попытка внедрения и распространения спортивных праздников, соревнований. По свидетельству Б. Бажанова (в 1923 году – секретаря Сталина), сразу после октябрьского переворота «физическая культура понималась как какое-то полезное для здоровья трудящихся масс и для их дрессировки, почти обязательное массовое и скопом производимое размахивание руками и ногами..., от физкультурной скучищи дохли мухи». Бажанов ставит себе в заслугу, что он сумел разглядеть то, что делает физкультуру яркой и интересной, а именно ее соревновательную составляющую. Поэтому был совершен переход от физкультуры к спорту. Бажанов удовлетворенно отмечал: «Дело двинулось быстро, клубы росли, массы с энтузиазмом увлекались спортом. Летом 1924 года была устроена первая всероссийская Олимпиада (по легкой атлетике), которая прошла с большим успехом» [2, с.78.].

Уделяя особое внимание вовлечению в праздничную сферу детей и молодежи, в которых видели будущую опору государства, большевики справедливо считали, что спортивные праздники, как никакие другие, лучше всего подходят для тренировки дисциплины, силы, выносливости.

В 1923 году в Ярославле был организован «Морской конкурс» для пионеров из Ярославля (звено «Безбожник») и Любима (звено «Спартак»). Спортивные состязания продолжались три дня, по итогам конкурсов состоялось награждение, причем оба звена в подарок получили портрет старшего пионера республики товарища Л.Д. Троцкого [ГАЯО. Ф. Р-178. Оп.2. Д.66. Л.107.].

Еще одной альтернативой «буржуазным» праздникам являлись субботники. Первого мая 1920 года решением правительства объявлялся всероссийский субботник. Одной из причин была разруха во всех сферах хозяйства. Кроме того, долгая нестабильная обстановка в стране отучила людей работать систематически, трудовая дисциплина

упала, процветали праздность и халатность. Не случайно призывы к укреплению дисциплины звучали регулярно и с газетных страниц, и с трибун.

Организуя всероссийский субботник, большевики подводили под него идеологическое обоснование. «Известия Ярославского Губисполкома» сообщали, что «для Советской России время праздников, как мы привыкли их понимать и проводить в старое время, прошло, мы не желаем сейчас в так называемые праздники, когда мы освобождены от повседневной работы, сидеть сложа руки». Далее следовало разъяснение, что совместный труд на благо Родины – это праздник. Теперь, став хозяином в своей стране, народ и вести себя должен по-хозяйски, то есть жить согласно поговорке: делу – время, потехе – час [Известия Ярославского Губисполкома, 1920, 21 апр.]

Ю. Готье, принимавший участие во всероссийском субботнике, оставил такие заметки о нем: «У нас в Музее чистили сад, разбрасывали остатки снега от стены книгохранилища; делали, конечно, очень мало, а больше болтали, а молодежь просто веселилась» [4, с.402.].

Существовала строгая отчетность о результатах субботника, которая поступала в центральную комиссию в Москву. В Ярославле к празднованию Первого мая в форме субботника привлекались школьники, которые сажали деревья. Основная же масса населения помогала железнодорожникам разгружать вагоны, ремонтировать паровозы, так как железнодорожный транспорт был в критическом состоянии. Одними из громких начинаний субботника были закладка больницы и переустройство церкви кадетского корпуса под клуб. Организовывались работы по уборке улиц; женщины, неспособные выполнять тяжелый физический труд, направлялись в Дома ребенка, больницы, детские дома, где проводилась генеральная уборка.

Любопытные сведения о субботнике поступали из сельской местности. Несмотря на призыв к «братьям-крестьянам» отметить трудовой праздник и на заверения о том, что деревня готовится к нему, в реальной жизни первый всероссийский субботник в глубинке прошел практически незамеченным. Однако даже самым незначительным формам его проведения советские деятели старались придать наибольший масштаб. Например, в совхозе «Спасское» Ярославского уезда в субботнике принимали участие 50 человек, что позволило большевикам

утверждать: субботник «носил грандиозный характер» [Известия Ярославского Губисполкома, 1920. 5 мая.]

Таким образом, советские праздники служили орудием борьбы с конкурирующими культурами. Советский праздничный календарь отличала неоднозначность: с одной стороны, борьба со старыми праздниками, а с другой – заимствование накопленного опыта проведения торжеств.

Внедрение новых праздничных канонов встречало на своем пути множество преград: это и господство дореволюционных традиций, и разногласия внутри самой коммунистической партии о том, как должен проходить советский праздник, и неприятие нового режима вместе с его атрибутами значительной частью населения. Справедливую характеристику настроения масс во время советского праздника дал Ю. Готье: «…одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут» [4, с.194.].

Первое послереволюционное десятилетие отличается поиском со стороны большевиков наиболее удачных форм празднования; это было время проб и ошибок. Именно в этот период происходит формирование так называемой «хореографии» праздников, закладывание советских традиций празднования в городе и деревне; празднества становятся знаковыми событиями для населения, их отмечает все больше людей.

В результате за первое десятилетие существования советской власти сложился устойчивый праздничный календарь, который не претерпел существенных изменений ни после Второй мировой войны, ни после смерти Сталина, ни в период перестройки.

Библиографический список

1. Антирелигиозный сборник на 1929 год [Текст] / под ред. А.Т. Лукачевского. – М.: Безбожник, 1929. - 110с.

2. Бажанов, Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина [Текст] / Борис Бажанов. - М.: ТЕРРА; «Книжная лавка-РТР», 1997. – 432 с.

3. Бунин, И.А. Окаянные дни [Текст] / И.А. Бунин. - М.: Советский писатель, 1990. – 414 с.

4. Готье, Ю.В. Мои заметки [Текст] / Ю.В. Готье. - М.: ТЕРРА, 1997. – 592 с.

5. Луначарский, А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. - М.: Искусство, 1981. – 119 с.
6. Чуковский, К.И. Дневник (1901-1929) [Текст] / К.И. Чуковский. - М.: Советский писатель, 1991. – 542 с.

УДК 908(470+571)

Н.А. Миронова

Ярославская городская больница во 2 пол.1918 –1919 гг.

После июльских событий 1918 года в Ярославле обострились проблемы в городской больнице. Конечно, и во всем городе ситуация была не из лучших: огромное пожарище, на месте которого зияли сотни выгребных ям, тяжелые жилищные условия, серьезные проблемы с продовольствием. Не удивительно, что холера, пришедшая в город еще весной, летом вышла из-под контроля и начала свирепствовать. В августе 1918 г. ею переболело около 700 человек; около 200 человек умерли. Холодной и голодной зимой 1918-1919 гг. ситуация обострилась: самым распространенным заболеванием становится сыпной тиф, называемый в народе «вшивым», «тюремным», «голодным»[4].

Медицинским сотрудникам в этих условиях приходилось тяжелее всего. Отметим, что в рассматриваемое время в Ярославле работали выдающиеся специалисты, имена которых сделали бы честь любой столичной больнице. Среди них можно назвать хирурга Н.В. Соловьева (он был председателем Ярославского общества врачей с 1918 года и умер в 1922 году, заразившись сыпным тифом); Л.С. Белоцерковского, одного из первых рентгенологов России; санитарных врачей Г.И. Курочкина, Г.И. Лифшица, А.А. Голосова, Б.В. Либензона и других высококвалифицированных специалистов.

Персонал больниц, как и значительная часть мирного населения, пострадал от разрушений июля 1918 года. Однако и в этих условиях врачи должны были работать, принимая огромный поток холерных, сыпнотифозных и оспенных больных. Многие врачи и младшие медицинские сотрудники остались без крова, поэтому часто жили прямо в больнице. Например, секретарь Ярославского отделения Наркомздрава В.Тихонов сообщал, что при отделении больницы на Ду-

ховской улице состояло 25 сотрудников (врачей и обслуги). Некоторые из них жили в специальной общей квартире на втором этаже одного из корпусов. Иные размещались прямо в палатах при больных. Скотница, плотник, дворник и пастух жили в подвальном этаже со сводами, причем в этом же помещении находилась мастерская гробов. Зимой в подвал приводили еще и телят, и эти люди жили вместе со скотиной, продолжая выполнять свои обязанности. Двое служащих больницы помещались при амбулатории. Им было особенно «комфортно», так как в этой же комнате, за перегородкой в 3,5 аршина, находился ватерклозет[1, л. 1]. Сторож больницы жил в периодически затапливаемом подвале часовни, находившейся рядом с больницей [1, л. 20].

Комиссия из Москвы, осматривавшая больничные корпуса в августе 1918 года, отметила «крайне антисанитарное состояние дворов и больниц» [1, л. 1 об]. Особенно остро встала проблема выгребных ям на территории больниц. «В Духовской Больнице ретирадная яма, расположенная у окон квартир служащих и палаты, переполнена, нечистоты выливаются, издавая зловоние, - отмечала комиссия. – Двор же больницы за Романовской заставой в части, где расположены бараки, представляет из себя озеро заразы, все ретирады переполнены, в особенности у тифозного барака, сортировочной, жилого и венерического барака. Все нечистоты выливаются из ям, образуя топкое болото и распространяя зловонный запах» [Там же]. Все ретирады были расположены в двух метрах от помещений. Нечистоты выливались прямо во дворе. Заведующий хозяйственной частью предлагал просить помощи у городского хозяйства, заявляя о необходимости вычищать выгребные ямы «4 раза в неделю по 10 бочек за раз ввиду переполненности ям», необходимо некоторые из них отремонтировать[1, л. 20]. Комиссия вынесла следующий вердикт: «необходимо принять экстренные меры по проведению городской больницы в более надлежащий вид» [1, л. 1 об] и отбыла в столицу. Через месяц, в конце ноября, как свидетельствуют документы, ситуация не изменилась. Несмотря на просьбы о вывозе нечистот, «так как все ретирадные ямы переполнены и нечистоты разливаются по больничному двору», обоз не присылали[1, л. 132]. Не было даже лопат для земляных работ по осушке почвы на территории больниц [1, л. 9].

Из доклада, сделанного заведующим хозяйственной частью 29 сентября 1918 года, видно, что состояние быта больницы было крайне плачевно[1, л. 19] и что «является необходимым обшить тесом для сохранения тепла деревянных бараков». Даже осенью, не говоря уж о зимних месяцах, в помещениях было постоянно холодно, дров не хватало, и все трудности быта обострились. «Из 300 сажен, зачтенных их Константиновской больницы – 100 сажен отпущено Губернской больнице – остальные же почти все израсходованы и больница в скором времени может оказаться совершенно без дров» [1, л.107].

В больнице ощущалась нехватка спичек и керосина. Медики неоднократно просили выслать им все необходимое, особенно керосин, без которого в темное время суток работать в больнице не представлялось возможным. Керосиновых ламп было мало, и потому дежурный врач не мог исследовать привозимых больных из-за отсутствия освещения[1, л. 112 об.]. «Около месяца тому назад в Великосельскую больницу была доставлена поздно вечером женщина, израненная при нападении с целью ограбления. В больнице керосина не было (врач жил не при больнице) и пришлось бегать по соседям с просьбой одолжить лампочку. А больная истекала кровью», - жаловались врачи. В уездных больницах ситуация была еще более сложной, особенно в родильном отделении, «где работа протекает главным образом ночью и где впотьмах ничего не сделаешь» [1, л. 6].

Электричества не было очень долго, хотя прошения о том, чтобы его провели, звучали еще летом 1918 года: «необходимо соединить электрическое освещение» [1, л. 20]. Прошения направлялись постоянно, но оставались без ответа. «Света все нет, работаем с огнем», - жалуются медики 4 ноября 1918 года. В конце ноября ситуация все та же: «за неимением керосина означенная больница находится без света, исключительно приходится персоналу работать только днем, что крайне нежелательно» [1, л. 107]. Ежедневно больница потребляла 2 пуда керосина, запасов не хватало. Врач Н.В. Соловьев лично обращался к властям с просьбой об устройстве электричества. «Ламп нет, керосина тоже, а между тем бывают случаи – привезут крупозного ребенка, надо сделать операцию, как тут быть: огня нет, а операция необходима». «И приходится полагаться на волю Божью, доживет до утра, так сделают, а не доживет, так что же, ведь доктор виноват не будет, а виноват медико-

санитарный отдел в том, что лишний ребенок ушел на тот свет» [1, л. 118].

При больнице было обустроено 8 стойл для лошадей, однако осталось в распоряжении только две лошади, одна лошадиная сбруя и одна телега, а также 10 коров, трех из которых осенью 1918 года планировалось заколоть на зиму. Медицинские сотрудники и завхоз больницы неоднократно просили прислать денежные средства для подъема больничного хозяйства, наивно отсылая в Москву сметы на приобретение лошадей, пролеток, саней [1, л. 21]. Позже, разуверившись в своевременной помощи из центра, врачи просили лишь «прислать еду для лошадей и коров» [1, л. 22]. В больнице не было фуража для лошадей, что отрицательно сказывалось на работе врачей. «За отсутствием фуража лошади чуть передвигаются и выезды к больным, на эпидемии, почти прекратились», - отмечали медики. Оспопрививание шло крайне медленно, и поэтому очаги оспы вспыхивали в городе время от времени и не исчезали несколько месяцев. Однако сотни человек все же были привиты летом-осенью 1918 года: медики пешком ходили из уезда в город, добирались на попутном транспорте, таская на себе все необходимые медикаменты[1, л. 6]. В ноябре одна из двух лошадей, принадлежащих больнице, пала от истощения. Возникла опасность остаться совсем без транспортных средств [1, л. 149]. Медико-санитарный отдел просил городское самоуправление «выдать ордер на право реквизиции двух лошадей у наследников Пастуховых для нужд городской больницы» [1, л. 156]. После очередного ожидания, в декабре, они получают разрешение купить лошадь у частных лиц [1, л. 171]. Лошади и коровы, принадлежащие больнице, оставались, однако, совершенно голодные и без запасов корма на зиму.

Местонахождение больницы, ее удаленность от центра обуславливали ряд проблем личного характера. Некоторые врачи жили в Закоторосльном районе города, дорога до места работы, таким образом, была весьма долгой. «Позднее возвращение при зимней темноте через пустынное поле представляет, особенно для женщин, значительное неудобство, пользоваться же трамваем недоступно по дороговизне» [1, л. 34]. В ноябре 1918 года трамвайную ветку планировалось ввести до больницы [1, л. 52]. Несмотря на чудовищную занятость врачей, их направляли на занятия. Врачи просили «в интересах дела и большей продуктивностью работы разрешить проводить занятия не с

10 до 4, а с 9 до 3 часов» [1, л. 34]. Наименее обеспеченным медицинским сотрудникам выдавали одежду (небольшой фонд, составленный из личных вещей умерших и пожертвований). Например, сторожам выдавали полушубки на зиму.

Перед заведующим хозяйством ежедневно вставал вопрос, откуда взять денег на покупку хлеба и других продуктов. При больнице был так называемый общий стол, который ни для больных, ни для медицинских сотрудников не был удовлетворительным. «Общий стол, отпускаемый как больным, так и служащим, крайне недостаточен, безвкусен, груб, малопитателен и, если такой стол вызывает естественный ропот среди здоровых служащих, то в отношении больных он является нередко даже вредным и недопустимым. Говорить о какой-либо врачебной диете для больных совершенно не приходится, так как изо всех продуктов, требуемых подобной диетой, в распоряжении врачей находится одно молоко, но, к несчастью, и его количество, по неизвестным больнице причинам, сокращено и вместо 5 ведер в день больница получает 2-3 ведра. Хлеб нередко доставляется полусырой, совершенно негодный для слабых желудков» [1, л. 113]. На некоторое время удалось договориться с частным хозяйством Малковых, которое поставляло больнице 5 ведер молока ежедневно[1, л. 159]. Летом-осенью 1918 года остро встал вопрос о продовольственном снабжении больных и о питании обслуживающего персонала и врачей. В уездных больницах крестьяне торопились поскорее выйти из больницы недолечившись, так как там их кормили крайне скудно. В городе наблюдалась обратная закономерность: дома было еще более голодно, поэтому многие больные старались остаться при больнице как можно дольше[1, л. 3].

Где же доставали продовольствие? В августе выдавали в основном лишь крупы, иногда служащие выменивали их на муку, а затем пекли хлеб, который раздавали больным. Фабричные больницы существовали старыми запасами, получая кое-что от фабричных комитетов. Продовольствия не могло хватить надолго. Приемный покой при Оловянишниковском заводе существовал за счет того, что не помещал больных в стационар. Городская больница тоже постоянно жаловалась на недостаток продуктов, а больные на скудость продовольствия. Продукты покупались в лавках или на улице, у частных лиц [1, л. 3об]. «Если не будут приняты меры к отпуску значительных

средств на немедленное приобретение запасов картофеля, то больнице грозит положительный голод, при котором самое существование ее является бесцельным», - писал З.П.Соловьев [1, л. 19].

Заработная плата младших служащих в середине 1918 года составляла 285 рублей в месяц, за продовольствие вычиталось 130 рублей. Из продовольствия им отпускалось по 1 фунту (0,45 кг) солонины, 0,75 фунта капусты, 0,25 фунта чая. При исчислении продуктов предусматривалось три типа порций: общая, слабая, добавочная. Врачи неоднократно обращались к власти с просьбой усилить питание служащих, перевести их в первую категорию по продовольствию, как в Москве, так как они «постоянно подвергаются опасности заразы», работая в инфекционном отделении. Заведующий больницей отмечал, что «перед первым и 15-м числом каждого месяца регулярно заготовляются трогательные, душу раздирающие прошения, с которыми представители отдела отправляются обивать пороги различных учреждений» [2, л. 8].

В условиях эпидемии, когда были необходимы меры дезинфекции, важнейшее значение имел вопрос о бане, но именно бани (как и прачечной) при Городской Советской больнице не было. Ванная комната давала весьма сомнительный эффект [1, л. 1 об]. К тому же Советская больница испытывала чудовищные трудности с водой: на верхние этажи воду приходилось носить вручную, так как водопроводные трубы засорились. Не было ни прачечной, ни цейхгаузов «для полощений белья и одежды умерших», хотя необходимость в этом была острейшая. Прачечная при Губернской тюрьме, куда отвозили белье, не справлялась с объемами работы. «Задержка в исполнении работы бывает целыми месяцами, что ставит больницу в крайне тяжелое положение, совершенно лишая ее возможности своевременной смены белья у больных, сверх того, стирка производится очень небрежно и белье возвращается непростиранное, не много чище отправленного в стирку», - жаловались врачи [1, л. 87]. Только зимой 1919 года заведующий отделом поехал в Москву и лично привез новую камеру «Гелиос».

Медицинские сотрудники были очень подвержены заболеваниям. Во многих городах смертность врачей и обслуживающего персонала была чрезвычайно высокой, в Московской губернии, например, только смертность от тифа достигала 12% [2, л. 3]. «Город Ярославль,

- говорится в докладе о санитарном состоянии губернии осенью 1919 года, - сверх всякой меры переполнен заразно больными красноармейцами; медицинский и обслуживающий персонал болеет и гибнет от эпидемии несравненно больше, чем в прошлом году. Заболеваемость свыше 50% и необычно высокая смертность. Первые две недели декабря сего года [1919 – Н.М.] в одном Ярославле от сыпного тифа умерло 4 врача. Заболеваемость обслуживающего персонала доходит до 80%»[2, л. 10].

В 1919 году ситуация с финансированием больницы не изменилась. Заведующий санитарно-эпидемическим отделом Е.И. Лифшиц писал: «Все приходные суммы медико-санитар-ного отдела состоят исключительно из случайных поступлений, главным образом в виде позаимствований, и без остатка поглощаются текущим жалованием» [2, л. 7]. За отделом накопился огромный долг, который к концу 1919 года составлял около 1 миллиона рублей. Осенью 1919 в докладе, отправленном медицинскими сотрудниками больницы в медико-санитарный отдел, говорилось о том, что инфекционное отделение, как и вся больница, «приходит в крайний упадок и лишается возможности всякого целесообразного ведения дела вследствие как общей недостаточности ассигнируемых на нужды больницы средства, так и необычайной задержки даже и отпускаемых сумм» [1, л. 113].

Как отмечал Г.И.Лифшиц, «каждые полмесяца приходится опасаться, что отдел не достанет денег даже для выплаты жалованья и персонал разбежится от голода. О каких-нибудь санитарно-технических улучшениях, пополнении инвентаря, расширении существующих учреждений и т.п. в подобной обстановке длительного финансового кризиса думать совершенно невозможно» [3, л. 8]. Однако, обратившись к итогам работы ярославских врачей во второй половине 1918 -1919 гг., можно видеть следующее: эпидемии холеры и тифа были вовремя взяты под контроль, ассенизационная проблема решена поздней осенью 1918. Если проанализировать ситуацию в Ярославле, можно сделать вывод, что врачи были совершенно беспомощны, лишены всякой материальной поддержки «центра», и если им удалось несколько уменьшить количество умерших во время эпидемий, то лишь за счет собственного энтузиазма и профессионализма, а часто, как говорилось выше, и ценой собственной жизни.

Библиографический список
1. ГАЯО. - ФР-3456. - Оп.1. - Д.22.
2. ГАЯО. - ФР-3456. - Оп.1. - Д.31.
3. ГАЯО. - ФР-3456. - Оп.1. - Д.32.
4. Подробнее см. Миронова, Н.А. Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г.: «Как вы будете экономику проводить, когда 70% в сыпняке?» // Ярославский педагогический вестник. – 2009. - № 2 (59). - С.245-249.

УДК 94(470)

В. Н. Пирогов

НЭП 1920-х и экономическая политика сегодня: сравнительный анализ

В анализе любых исторических событий, помимо выявления сущностных характеристик, необходимо разобраться в условиях, в которых проходили эти события, и определить критерий их сопоставимости. Только тогда будет достигнута объективность и ясное понимание рассматриваемой проблемы.

На рубеже 1920-21 гг. Советская Россия переживала невиданную разруху и голод. Однако не эти проблемы занимали тогда большевиков. Разгромив своих противников и, казалось бы, победоносно завершив Гражданскую войну в европейской части России, они неожиданно столкнулись с острейшим системным кризисом, охватившим экономику, социальную политику и внутрипартийную обстановку в самой РКПб. Небывалые по массовости выступления крестьян против советской власти («антоновщина»), рабочих в Петрограде, солдат и матросов Балтийского флота в Кронштадте поставили большевистский режим на грань гибели, заставили отказаться от «военного коммунизма» и перейти к НЭПу.

Напуганный угрозой термидора, убедившись в провале надежды на мировую революцию, В. И. Ленин пересмотрел внутриполитический курс и признал, что только удовлетворение требований крестьянства может спасти власть большевиков [6]. В экономике НЭПа выразилась в некоторой либерализации, хотя в политической сфере пре-

обладали иные тенденции. НЭП стала альтернативой «военному коммунизму» и была рассчитана на весь переходный период.

Её политическая цель - снять социальную напряженность между рабочим классом и крестьянством, сохранить социальную базу советской власти. Экономическая цель - предотвратить углубление разрухи и голода, восстановить народное хозяйство, обеспечить условия для построения социалистического общества.

Новый курс предполагал развитие в стране капиталистических отношений под контролем советской власти в условиях диктатуры пролетариата. Это был опосредованный путь строительства социализма, допускавший некоторое развитие капитализма в стране.

Совершая октябрьский революционный переворот в 1917 г., Ленин и большевики признавали недостаточность для социалистического строительства материальных (экономических), культурных и других предпосылок. Захватив политическую власть, Ленин считал возможным со временем «подтянуть и восполнить» их в ходе строительства новой жизни. НЭП, по его мысли, «вводилась всерьёз и надолго на весь переходный период» [3].

Кратко напомним комплекс экономических и социально-политических мер.

1. Замена продразвёрстки продовольственным налогом в интересах расширения сельскохозяйственного производства, проведение политики ограничения кулака, сочетавшейся с допущением наёмного труда в определённых пределах, допущение аренды земли, орудий труда, предприятий и т.д.

2. Осуществление перестройки управления народным хозяйством, применение хозяйственного расчета, введение системы трестов, синдикатов, тесно связавших промышленные предприятия с рынком.

3. Проведение разгосударствления предприятий, поощрение развития частного капитала и предприятий.

4. Обеспечение как частной, так и государственной свободы торговли, развитие различных форм кооперации. Занятость людей в производстве, оживление товарооборота и товарообмена активно стимулировали материальное производство предприятий промышленности, торговли и сельского хозяйства.

5. Использование различных форм государственного капитализма: концессий, аренды, создание смешанных предприятий.

6. Проведение реформы финансовой системы, в ходе которой укрепилась национальная валюта, успешно шла борьба с инфляцией, создавалась система новых банков, фондов, бирж.

Таким образом, успешно шло становление в России рыночных отношений. Объективности ради заметим, что в ходе реализации НЭПа были свои трудности, противоречия и кризисы. Однако радуют итоги НЭПа. Уже первые годы показали правильность выбранного курса. С 1922 г. по 1926 г. прирост промышленного производства составлял ежегодно около 40% -это рекордный результат в мире [4]! К 1925 г. на восстановленных посевных площадях валовый сбор зерна на 20,7% превысил среднегодовой уровень предвоенной России. Улучшилось снабжение промышленности сельскохозяйственным сырьем [2]. Не хуже обстояли дела в Ярославской губернии. В итоге за 1924-1925 гг. производительность труда рабочего в среднем повысилась на 22%. По тестированным видам производств этот показатель был еще выше: в хлопчатобумажной отрасли – 33%, льняной – 40%, лакокрасочной – 43% [1].

Безработица ещё была, но она имела тенденцию к понижению. Правительством разрабатывались законы и кодексы, которые стимулировали трудовую деятельность. Труд из подневольного становился первой необходимостью всех граждан страны.

Совершенно в других условиях началась и проходит экономическая реформа на постсоветском пространстве. Цели и задачи экономической реформы отличны от НЭПа, другие условия ее проведения. Разными получились итоги и результаты.

Планово-пропорциональная социалистическая экономика уже переживала стагнацию в 70-х – начале 80-х гг. Не помогли ни ускорение социально-экономического развития, ни перестройка. Попытка реанимировать экономическую модель социализма без изменения формы собственности, демократизации общества оказалась делом безнадежным и бесперспективным. Сказались тяжелейшее наследие сталинского казарменного социализма с его административно-командной системой управления, ошибки советского руководства и неуважительное отношение к экономическим законам от Сталина до Горбачева. Страна в конце 1991 г. находилась в преддверии экономического и социального коллапса. Нараставший развал экономики, ситуация со снабжением населения напоминали 1917 год.

Осенью 1991 г. Б. Ельцин обнародовал программу радикальных экономических преобразований, в основе которых лежали методы западной программы «шоковой терапии», переработанные применительно к российским условиям Е. Гайдаром. Эта модель предполагала широкое использование монетаристских рычагов, одобренных Всемирным банком и другими западными финансовыми организациями, обещавшими выдачу так и не полученного кредита. Началом её реализации стал 1992 г. Она продолжается и сегодня.

Эта программа предусматривала либерализацию цен, широкую приватизацию и акционирование средств производства, запуск механизма конкуренции, освобождение государством функции контроля торговли и т.д. К концу 90-х годов произошли перемены в экономике и социальной структуре российского общества.

В анализе механизма реализации НЭП и экономической политики сегодня можно найти много общего.

Во-первых, разгосударствление основных, принадлежащих государству средств в промышленном и сельскохозяйственном производстве.

Во-вторых, свобода торговли, стимулирование развития различных форм кооперации, создание фермерских хозяйств, разрешение аренды земли и т.д.

В-третьих, создание крупных монополистических объединений типа ЛУКОЙЛ, Сибнефть, ЮКОС, Газпром, РАО ЕЭС и т.д.

В-четвертых, создание инфраструктуры для функционирования рыночных отношений.

Как у НЭПа, так и у нынешней экономической реформы были и есть свои трудности и противоречия, например, дефолт, мировой финансовый кризис и т.д. И всё-таки почему-то большевикам удалось обеспечит средствами НЭПа в кратчайшие сроки решение поставленных задач, а нынешнему руководству РФ, используя фактически тот же механизм реализации, сделать этого, т.е. добиться положительных результатов, до сих пор не удается. Прошло почти 20 лет, а кардинальных перемен нет.

Определенные успехи, конечно, есть, но какие и какой ценой? Изменение формы собственности не повысило эффективности экономики. Уже в середине 1993-1994 гг. падение промышленного производства составляло 21%, в том числе в машиностроении – 31%, в про-

изводстве предметов широкого потребления – 30%. Свыше половины товаров российского рынка приходилось на долю импортной продукции [2]. И сегодня мы наблюдаем постоянный рост цен, продолжает углубляться социальная дифференциация общества.

Причин несколько, назовем некоторые.

1. Большевики, сделав уступку капитализму, поскупились в малом, а выиграли в большом. Командные высоты в экономике, основные средства производства они сохранили и умело ими пользовались. Б.Ельцин и Е.Гайдар пошли другим путем.

2. Условия для конкуренции, её механизм реализации разработаны не были.

3. Общеизвестно, как прошли приватизация и акционирование государственных средств. Одним из последствий приватизационной политики явился распад энергетической инфраструктуры.

4. До решения проблем антимонопольной политики дело так и не дошло.

Однако отметим и положительные моменты. Среди них демонтаж социалистической экономики, начало накопления первоначального капитала, появление среднего класса, наполнение товаром рынка, складывание инфраструктуры для развития рыночных отношений.

К большому сожалению, объем внутренней валовой продукции (в стоимостном выражении) в постсоветской России по сравнению с годами перестройки сократился в 1,7 раза, в 2 раза упало производство промышленной продукции [2]. Нынешние исследователи начатой экономической реформы полагают, что если бы приватизация предшествовала либерализации цен, сложились бы условия конкуренции, то таких бы негативных результатов мы не имели. Оказывается, важен не столько перечень необходимых мер перехода к рынку, сколько сам порядок их применения. Кроме этого, каждое направление перехода к рынку должно иметь четко разработанный механизм реализации. И еще одно: не было учтено, что экономика России - это не экономика Польши и др. стран.

Таким образом, НЭП 1920-х и экономическая политика РФ сегодня имеют много общего и особенного. Параллель можно провести, только рассматривая механизм реализации и некоторые результаты. Современное правительство РФ принимает, на наш взгляд, ряд мер, направленных на улучшение экономического положения страны, не-

смотря на мировой финансовый кризис. Проводя модернизацию, внедряя современные достижения высоких технологий, организуя производственный процесс как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, Россия вполне может занять достойное место в мире.

Библиографический список

1. Анисков, В. Т. Советская Россия от становления, исторического величия, до надлома вех в контексте ярославского краеведения [Текст]. – Ярославль, 2008.

2. См.: История России [Текст] / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. - С. 355, 469, 470.

3. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. [Текст]. - Т. 43. - С. 340.

4. См.: Отечественная история [Текст]: учебное пособие / под ред. Р.В. Дегтяревой, С.Н. Полтарака. – М.: Гардарики, 2005. - С. 263.

5. Новейшая история отечества. XX в [Текст]: учебник для студ. высш. учебн. заведений: в 2 т. / под ред. А.Ф.Киселёва, Э.М. Щагина. - 3-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2004. - Т.1.

6. Родригес, А.М. История XX века: Россия-Запад-Восток [Текст]: пособие для вузов / А.М. Родригес, С.В. Леонов, М.В. Пономарев. - М.: Дрофа, 2008.

УДК 94(470)

А.В. Лебедев

Деятельность Северной железной дороги в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В этом году пройдёт празднование 65-летия победы в Великой Отечественной войне, которая по своим масштабам не имеет себе равных в истории человечества. Победа достигалась не только на фронтах. Очень многое зависело от работы тыла. Связь между фронтом и тылом осуществлялась посредствам транспорта. Особую роль в этом процессе сыграл железнодорожный транспорт. К середине 1941 г. на долю железных дорог СССР приходилось 85 % от общего грузооборота всего советского транспорта, что составляло 420,7 млрд. ткм. [6, с. 317]. В условиях военного времени при сохранении плана народнохо-

зяйственных перевозок они взяли на себя основную массу военных грузов, поэтому изучение деятельности железных дорог СССР в годы Великой Отечественной войны представляется весьма актуальной задачей исторической науки. Однако даже сейчас рассматриваемая проблематика в исследовательской литературе представлена слабо, особенно если брать региональный срез изучаемой тематики.

Предметом нашей статьи является деятельность железнодорожного транспорта северных регионов европейской части России в годы Великой Отечественной войны. Объектом – Северная железная дорога, которая обслуживала интересы данного региона и своей работой внесла важную лепту в победу над Германией.

Накануне Великой Отечественной войны Северная железная дорога являлась одной из наиболее масштабных и значимых магистралей Советского Союза. Эксплуатационная длина её пути составляла 1972 км /в т. ч. 401 км. двухпутных участков/. В 1941 г. к ней тяготела территория в 880 тыс. км^2, включавшая 6 областей (Ленинградскую, Архангельскую, Вологодскую, Кировскую, Горьковскую и Ярославскую) и 1 автономную республику (Коми АССР). Большая часть этого района приходилась на слаборазвитые и малонаселённые местности. На 100 км^2 земельных площадей в районе непосредственного тяготения Северной железной дороги приходилось всего 2,2 км железнодорожного полотна, что являлось крайне низким показателем /в среднем по СССР 4 км/[1, л. 3].

В работе железных дорог СССР Северная железная дорога отличалась средними показателями нагрузки и выгрузки, но занимала первое место по погрузке лесных грузов, которые направлялись на нужды промышленного строительства сталинских пятилеток и развитие промышленного потенциала Москвы, Ленинграда и Ярославля. Характер основных грузопотоков и назначение отдельных участков дороги предопределили ключевые направления развития её хозяйства. Наряду с усилением основных линий: Архангельск-Вологда-Данилов, Филино-Данилов-Буй-Свеча и Тихвин-Вологда-Буй – на Северной железной дороге активно развивались лесоперевозочные ветви местного назначения.

На 1 января 1941 г. локомотивный парк Северной железной дороги состоял из 497 машин, из которых только 322 /65 %/ были в рабочем состоянии. На дороге имелось 21542 вагона, в основном товарных /в т. ч. 481 цистерна/, из которых в исправном виде было

20552. Количество товарных вагонов возросло с 12162 штук в 1936 г. до 20552 штук в 1940 г., т. е. за 5 лет на 59 %/ [2, л. 2]. Работа с избыточным вагонным парком только ускорила изношенность локомотивов, даже 14 ремонтных депо, расположенных на Северной железной дороге, не могли кардинально улучшить сложившуюся обстановку с подвижным составом.

Понимая слабость материально-техническгго оснащения Северной железной дороги, НКПС накануне Великой Отечественной войны направил значительные средства на модернизацию её технической базы. В период времени с 1938 по 1940 гг. на данные нужды было израсходовано 96 млн. руб. (в т. ч. 27,6 млн. руб. в 1940 г.) [3;4;5]. Однако, несмотря на это, итоги работы Северной железной дороги были неудовлетворительными. Финансовая отдача от капиталовложений, направленных на модернизацию материально-технической базы Северной железной дороги, была далеко не той, на которую рассчитывало руководство НКПС. Все основные производственно-технические показатели её работы (кроме технической скорости) в течение 1940 г. выполнены не были.

Затруднения с реконструкцией транспортной системы северных областей СССР, с одной стороны, были обусловлены слабым развитием регионов, по которым проходила Северная железная дорога. Они не могли дать быстрой финансовой отдачи в короткие сроки. С другой стороны, основная масса капиталовложений, направленных на усиление технической оснащенности рассматриваемой магистрали, поступила в распоряжение Северной железной дороги только в 1938–1940 гг. и по понятным причинам не могла быть освоена за столь короткий промежуток времени. Таким образом, становится очевидным, что реформирование транспортной системы северных регионов СССР не могло быть закончено к моменту нападения Германии по целому ряду причин.

Во-первых, опыт войны с Финляндией, послуживший основным поводом для пересмотра основных задач в транспортной политике, показал основные недостатки отечественных железных дорог достаточно поздно. Изменять ключевые направления реформирования транспортной системы СССР приходилось в сжатые сроки и крайне рваными темпами, в условиях постоянного ожидания глобального военного конфликта. Во-вторых, размах намеченных мероприятий создавал перед руководством транспортной отрасли определённые слож-

ности с их реализацией, поскольку железнодорожная сеть СССР к 1940 г. насчитывала 106,1 тыс. км. и в сложившейся ситуации было сложно проводить планомерную модернизацию столь масштабного транспортного комплекса.

В-третьих, перевозки военных грузов по Северной железной дороге в годы войны с Финляндией вызвали серьёзное расстройство её деятельности, которое было необходимо устранить в самые кратчайшие сроки. Оборот одного вагона возрос до 10–11 суток при норме 2,75 суток. В течение 1940 г. была сорвана погрузка 3339 маршрутов, задание по маршрутизации было выполнено всего лишь на 65,8 %. Даже планомерное улучшение работы Северной железной дороги в первой половине 1941 г. не позволило выйти на планируемые показатели. В июне 1941 г. оборот вагона составил 3,75 суток, среднесуточный пробег вагона – 189 км, использование вагона под одну грузовую операцию – 20,8 часа, техническая скорость – 35,2 км/ч, участковая скорость – 23,2 км/ч.[1; Л.3] В таком состоянии Северная железная дорога подошла к началу Великой Отечественной войны.

Начавшаяся война потребовала быстрой перестройки работы всей Северной железной дороги. Ключевое внимание, по понятным причинам, было уделено мобилизационным перевозкам и воинским эшелонам. Эти перевозки были успешно выполнены, а транспортировка народнохозяйственных грузов, напротив, значительно ухудшилась – были сорваны планы погрузки, выгрузки и маршрутизации. В результате все основные показатели работы дороги во второй половине 1941 г. неуклонно ухудшались из месяца в месяц. Первая военная зима стала наиболее сложным периодом для Северной железной дороги за всё время Великой Отечественной войны.

Основным затруднением стала эвакуация населения и материальных ценностей из западных регионов страны. В силу внезапного нападения эвакуация не могла быть планомерной. Поток с эвакуированными людьми и грузами поступал на Северную железную дорогу из двух направлений: с Кировской железной дороги /со станции Тихвин/ и Ярославской железной дороги /со станции Филино/. Ярославская железная дорога использовала для передачи поездов из западных регионов СССР все свои главные пути. Данное обстоятельство со всей наглядностью демонстрирует плотность эвакуационных потоков, поступающих на Северную железную дорогу. При этом следует учитывать и то условие, что работа в

этом направлении осуществлялась одновременно с выполнением плана мобилизационных перевозок и доставкой военных грузов, а пропуск почти всего эвакуационного потока в пределах Северной железной дороги осуществлялся по однопутным участкам, что создавало дополнительные сложности.

Положение сильно ухудшилось после того, как осенью 1941 г. Горьковская железная дорога, являвшаяся основным передаточным звеном в сообщении с восточными регионами страны, резко ограничила приём поездов с Северной железной дороги. Однако даже с введёнными ограничениями общее количество вагонов, следовавших на восток, к концу 1941 г. достигло отметки в 17 тыс. штук. Это больше чем весь рабочий парк Северной железной дороги в предвоенные месяцы. Одновременно с этим приём составов с Кировской и Ярославской железных дорог не прекращался. В сложившейся ситуации дорога оказалась «забита» эшелонами, следовавшими из западных областей СССР. Уже к началу 1942 г. на Северной железной дороге скопилось 10476 вагонов с эвакуированными грузами и было брошено 172 состава. Они размещались на смежных участках, где им выделялось по одному главному пути на перегонах. На каждом из таких перегонов выстраивалось по 10–20 брошенных составов.

В январе 1942 г. на Северную железную дорогу стали поступать грузы от союзников, которые составляли 23 % от всех поставок, осуществляемых в рамках поддержки СССР [6, с. 324]. Поток этих грузов был не организован и должен был целиком перерабатываться внутри Северной железной дороги на станциях, которые были совершенно не приспособлены для сортировочной работы. Это вызвало очередное увеличение числа брошенных составов, которые заполнили все станции, расположенные севернее и южнее Обозерской.

На данном этапе одним из важнейших направлений работы Северной железной дороги стала доставка народнохозяйственных грузов для населения блокадного Ленинграда. Помимо этого осуществлялось снабжение Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Однако Кировская железная дорога была не в состоянии справиться со всем объёмом сдаваемых на неё грузов, вследствие чего продвижение грузопотока на запад по Северной железной дороге было сильно затруднено.

Основной причиной снижения ключевых показателей работы Северной железной дороги стало резкое ухудшение работы паровозного парка, вызванное переводом локомотивов на дровяное топливо взамен угольного. Машинисты с трудом приспосабливались к этому вынужденному нововведению. Запасов дров было недостаточно, а их качество было крайне низким, вследствие чего образовывался значительный простой паровозов и резкое увеличивался оборот подвижного состава. Сортировочные станции были забиты вагонами до отказа, а распорядительные станции не справлялись с сортировочной работой. Простои готовых поездов в ожидании отправления нередко измерялись неделями. Оборот вагона увеличился с 3,75 суток /в июне 1941 г./ до 17,42 суток /в январе 1942 г./. Простой транзитного вагона на распределительных станциях возрос с 3,7 часа /в июне 1941 г./ до 38,1 часа /в январе 1942 г./, местного вагона – с 20,8 часа /в июне 1941 г./ до 71,3 часа /в марте 1942 г./ [2; Л. 4].

В начале марта 1942 г. на Северной железной дороге скопилось 51689 вагонов, в т. ч. 16758 в 225 брошенных составах. Неудовлетворительная работа дороги поставила под угрозу срыв снабжения Волховского и Карельского фронтов. Ситуация потребовала правительственного вмешательства. 13 марта 1942 г. вышло специальное постановление ГКО, на основании которого был разработан приказ НКПС за № 158/Ц от 14 марта 1942 г. «Об улучшении работы Северной железной дороги». Благодаря его реализации со второй половины марта 1942 г. положение на дороге стало постепенно улучшаться. С 18 марта по 1 апреля 1942 г. в рабочее состояние вернули 156 брошенных составов, а рабочий парк был снижен до 37560 вагонов. В июне 1942 г. плановые задания по ряду основных показателей /оборот вагона, среднесуточный пробег, простой транзитного и местного вагонов, техническая и участковая скорости/ были перевыполнены. График движения поездов, несмотря на непрерывное увеличение объёмов перевозок, был выполнен на 89 %. Вагонный парк был приведён в норму, значительно улучшилась работа участковых и сортировочных станций. В начале сентября 1942 г. работа Северной железной дороги вновь ухудшается. Нехватка качественного топлива вновь порождает простои поездов.

Начиная с 1943 г., начинается планомерное улучшение деятельности Северной железной дороги. В 1942 г. оборот вагона составлял 9,75 суток, в 1943 году он был снижен до 5,7 суток, в 1944 г. – до 4,81 суток, в

1945 г. – до 3,38 суток. Среднесуточный пробег вагона возрос с 73 км в 1942 г. до 127 км в 1943 г., 159 км в 1944 г. и 205 км в 1945 г. Однако улучшение работы дороги на завершающем этапе Великой Отечественной войны было крайне неравномерным. Зимние месяцы сопровождались ухудшением выполняемых показателей, летом работа дороги, напротив, заметно улучшалась. Проблемы, осложнявшие работу Северной железной дороги в зимнее время года, были типичны для первой военной зимы 1941–1942 гг. Плохое качество топлива и его нехватка замедляли работу подвижного состава, ограничение приёма поездов на Горьковскую железную дорогу служило причиной простоев техники. Деятельность сортировочных и распределительных станций продолжала оставаться неудовлетворительной.

Ощутимое улучшение работы Северной железной дороги приходится на середину 1944 г. /май – сентябрь/, когда были выполнены все основные показатели работы. Благодаря накопленному на начальном этапе войны опыту борьбы с трудностями военного времени значительно улучшилась работа станций и депо. В конце 1944 г. приказом НКПС за № 879/Ц от 13 октября 1944 г. были внесены коррективы в технологические показатели работы сортировочных станций, благодаря чему значительно сократились технические нормы на все операции по обработке поездов и вагонов. В 1945 г. основные показатели работы Северной железной дороги выполнялись на уровне заданий НКПС. Трудности наблюдались лишь в зимнее время. Постепенно работа дороги входила в мирное русло. В конце 1945 г. оборот вагона составил всего 3,38 суток, при задании 3,50, что давало выполнение плана на 103,6 % [2; Л. 4].

Северная железная дорога внесла свою весомую лепту в победу СССР над Германией. В условиях военного времени, находясь под постоянными налётами вражеской авиации, она не только смогла поддерживать на достаточном уровне снабжение Верхнего Поволжья и Европейского Севера народохозяйственными грузами, но выполнять военные перевозки. По ней осуществлялась связь с союзниками, перевозки продовольствия в блокадный Ленинград и проходила эвакуация мирных граждан из западных регионов страны. Благодаря ей Ленинградский, Волховский и Карельский фронты получали боеприпасы, снаряжение и продовольствие. За время ведения военных действий Северная железная дорога понесла серьёзные людские потери и материальный урон. Общая сумма

материального ущерба от разрушений, нанесённых вражеской авиацией за весь период войны, составила 18,86 млн. руб. Погибли сотни железнодорожников, выполнивших свой трудовой подвиг перед Отечеством, и наш святой долг помнить об их вкладе в дело победы, которая досталась большой ценой.

Библиографический список

1. ГАЯО.- Ф. Р – 2295. - Оп.3. - Д.10.
2. ГАЯО. - Ф. Р – 2295. - Оп. 3. - Д. 12.
3. ГАЯО. - Ф. Р – 2295. - Оп. 6. - Д. 3.
4. ГАЯО. - Ф. Р – 2295. - Оп. 6. - Д. 4.
5. ГАЯО. - Ф. Р – 2295. - Оп. 6. - Д. 5.
6. История железнодорожного транспорта России и СССР. – Т. 2. 1917–1945 гг. [Текст]. – СПб. – М., 1997.

УДК 94(470)

О. Н. Литвинова

Государственно-правовое регулирование партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (на примере Брянского края)

Партизанское движение стало неотъемлемой частью всех современных военных конфликтов и важным объектом правового регулирования. Вопрос о правовых нормах партизанской борьбы занимал на международных конференциях и судебных процессах после Второй мировой войны одно из существенных мест, поскольку, как справедливо заметил генерал-полковник вермахта Л. Рендулич, «история войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне» [14, с. 135]. В наибольшей степени это проявилось на оккупированных территориях СССР и, в частности, на Брянщине, одном из наиболее интенсивных регионов партизанского движения в тылу вражеских войск.

Под государственно-правовым регулированием понимается легитимация (признание законности), легализация (придание юридиче-

ской силы) и регламентация партизанской деятельности органами государственной власти. Но поскольку партизанское движение происходило на оккупированной территории, то его правовое регулирование осуществлялось с двух сторон – со стороны оккупационных органов и со стороны суверенной власти страны.

Партизанское движение на Брянщине имело 5 уровней правового регулирования:

1. Международный (международные правовые документы о ведении войны).

2. Общего действия (постановления Государственного комитета обороны, Ставки, НКВД, Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), а также немецкие директивы, касающиеся всего населения оккупированных территорий).

3. Региональный (постановления обкомов партии, управлений НКВД, приказы Брянского и других штабов партизанского движения, а также немецкие распоряжения по тыловому району группы армий «Центр», где действовали брянские партизаны).

4. Местный (приказы штабов партизанских бригад, объединенных партизанских соединений Брянского края, подпольных райкомов партии, а также распоряжения немецких комендантов и районных управ Орловской области, в состав которой входила Брянщина).

5. Локальный (приказы отдельных партизанских или немецких карательных отрядов).

Важнейшей проблемой правового регулирования партизанского движения был вопрос о легитимности партизанских действий. Германское командование, основываясь на принятых в 1899 и в 1907 гг. Гаагских конвенциях о законах и обычаях войны [8, с. 6-10], могло выделить несколько положений для обоснования нелегитимности советского партизанского движения:

1. Сопротивление населения части страны войскам противника допускается только до, но не после оккупации. Иными словами, партизаны должны были действовать как вспомогательные части армии в пределах прифронтовой полосы, но не в далеком тылу врага.

2. Руководство партизанами должно осуществляться через определенных ответственных лиц, полномочия которым предоставляются только суверенным правительством страны. Следовательно, стихийное партизанское движение по инициативе народа не позволяется.

3. Участники партизанского движения должны открыто носить оружие, а следовательно, отказаться от тайных операций.

4. Они должны иметь определенные и явственно видимые издали знаки отличия, т. е. носить форму.

5. Партизаны должны соблюдать в своих действиях законы и обычаи войны, т. е. гуманно относиться к военнопленным.

Вполне очевидно, что эти положения во многом противоречат самой сущности партизанского движения, но формально, по мнению фашистского руководства, советские партизаны нарушали нормы международного права. Они сражались на территориях, уже прочно оккупированных вермахтом, далеко не всегда действовали под прямым руководством советского правительства, расстреливали военнопленных, прятали оружие и часто не носили форму. По словам Л. Рендулича, существовали как организованные, так и «дикие» партизаны, поймать которых «было необычайно трудно, а то и вовсе невозможно, так как они ничем не отличались от остального населения» [14, с. 143]. Генерал Шенкендорф писал, что «партизаны, даже одетые в штатское платье, в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей...» [15, с. 398]. Таким образом, оккупационные власти отказывали партизанам в статусе комбатантов, т. е. лиц, входящих в состав вооруженных сил и непосредственно участвующих в военных действиях, которые подлежат международно-правовой защите. Партизаны были поставлены вне закона, а репрессивные действия по их подавлению представлялись оправданными.

Немецкое командование, подчеркивая нелегальность партизанского движения, руководствовалось в своей непосредственной деятельности приказом В. Кейтеля «Коммунистическое повстанческое движение на оккупированных территориях» [Там же. С. 395] и директивой Гитлера «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», в которой говорилось, что войска «имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху» [10, с. 469-479]. Этому и следовали гитлеровцы, невзирая на нормы международного права, о чем свидетельствуют донесения брянских партизан: «…в результате ожесточенных боев противник… занял 167 населенных пунктов. Все занятые населенные пункты сжигает. Оставшееся население, не считаясь с возрастом, расстреливает. Зверски издевается над грудными детьми и женщи-

нами. Вешает их на штыки, живьем зарывает в землю, выкалывает детям глаза и пускает. Насилуют женщин, десятками отрезают им грудь и учиняют другие зверства…» [2. Д. 16, Л. 23]. Местные власти, опираясь на вышестоящие директивы, издавали нормативно-правовые акты против партизан и помогающего им населения. Например, распоряжение коменданта Навлинского района Орловской области от 9 февраля 1942 г. предписывало: «… при посещении партизанами населенного пункта немедленно сообщать мне в Навлю... Население, укрывающее партизан, будет уничтожено наравне с ними» [1. Д. 1142. Л. 258]. Для борьбы с партизанами в Брянском регионе был проведен один из первых опытов создания «самоуправляющегося округа» с центром в поселке Локоть, где в 1942 г. была сформирована бригада Русской освободительной народной армии [9, с. 104.]. Но оккупанты до конца ей не доверяли и делали основную ставку на части регулярной армии и полиции СД.

Регламентация контрпартизанской борьбы на местном уровне была также связана с директивами, за которыми последовали многочисленные приказы по армиям, предусматривающие создание различных антипартизанских формирований. Обобщающая директива «Боевые инструкции по борьбе с партизанами на Востоке» генерал-майора барона фон Бутлера-Бранденфельса вышла в ноябре 1942 года. Она оказалась малоэффективной, поскольку не смогла предотвратить расширение действий партизан [7, с. 198], основывалась на насильственных методах. Новое наставление «Боевые действия против партизан», в котором отношение оккупантов к населению под влиянием поражений было пересмотрено, было введено только 1 апреля 1944 года, но к этому моменту Брянщина была уже освобождена.

Советское правительство, в отличие от германского, не придавало большого значения международной легитимности партизанского движения. После революции большевики отказались от русских подписей под всеми конвенциями, заключенными до 1918 года, в том числе и под Гаагскими. Нарушение Гаагских конвенций открыто признавалось с молчаливого одобрения союзников по антигитлеровской коалиции. В бюллетене, издаваемом советским посольством в Лондоне во время войны, прямо говорилось: «Немецкие войска... никогда не могут быть уверены в том, что в безобидной группе кустов не скрыт пулемет и что простая деревенская девушка не спрятала ручную гранату в корзинку, с которой она идет на рынок» [Цит. по: 7, с. 119].

Одобрительное отношение наблюдалось и к французскому Сопротивлению, югославским, итальянским, эфиопским и другим партизанам. К тому же Германия сама нарушила нормы международного права, начав войну, несмотря на существующий пакт о ненападении. Эта «вероломность» нападения уже придавала легитимность борьбе партизан, и советское правительство занялось ее непосредственной легализацией.

В легализации партизанского движения можно выделить два основных этапа. Первый связан с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу вражеских войск», которые предписывали: «…в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде..» [13, с. 87]; «…необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, областных и районных партийных и советских организаций, которые должны лично возглавить это дело…» [11, с. 50]. Партийные и советские органы Брянщины не смогли выполнить эти указания. В отчете партизан Стародубского района прямо говорится о том, что «никого из бывших работников районных организаций для ведения подпольной партизанской борьбы здесь не осталось. Стародубский районный комитет ВКП(б) совершенно не подготовил и не возглавил партийную организацию для ведения партизанской борьбы в... районе» [2. Д. 57. Л. 108]. В Дятьковском районе при приближении немецких войск члены партии уничтожали свои документы [12, с. 133]. В объединенных партизанских отрядах Выгонического района только 15 % коммунистов имели на руках партбилеты [2. Д. 6. Л. 135]. В соседней Курской области, как утверждалось в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову, партизанское движение было «развито очень слабо. Провалено оно обкомом партии и органами УНКВД в самом начале...» [Там же. Д. 4. Л. 84]. Многие органы власти были уничтожены или ушли в такое глубокое подполье, что партизаны о них ничего не знали. Как справедливо отметил французский историк Н. Верт, партизанское движение «какое-то время развивалось без всякого контроля и к тому же было неопровержимым свидетелем политического вакуума, созданного в 1941 г. в целых районах беспорядочным бегством советских гражданских и во-

енных властей» [5, с. 285], На первом этапе партизан пытался возглавить также НКВД. Итог работы по развертыванию борьбы в тылу врага подвел немецкий генерал Г. Гудериан, который отметил, что «во время наступления 1941 г. немецкие войска еще мало, а то и вообще не страдали от партизан...» [6, с. 126]. Таким образом, партизанское движение первоначально во многом развивалось стихийно, несмотря на попытки его государственно-правового регулирования.

Второй этап легализации партизанской борьбы начался 30 мая 1942 г., когда в Москве был создан Центральный штаб партизанского движения, а 25 июня 1942 г. - Брянский штаб партизанского движения. Приказы Верховного главнокомандования стали издаваться как по армии, так и по партизанским отрядам. Инструкции, указания, планы крупных военных операций разрабатывались для партизан Государственным комитетом обороны. Полученные партизанами разведывательные данные непосредственно сообщались центральному армейскому руководству. Так, уже в июне 1942 г. перед Брянским штабом партизанского движения была поставлена задача определить, куда направляются вражеские части, двигающиеся через г. Брянск [1. Д. 197. Л. 5], которая была успешно выполнена. С организацией ЦШПД советское командование пыталось ввести во всех отрядах воинский устав и дисциплину. Была разработана присяга Красного партизана, которая распространялась летом 1942 г. [2. Д. 244. Л. 29-31]. За участие в боевых операциях партизаны получали государственные награды. Все это свидетельствовало об определенной степени организованности партизанского движения, осуществлении более четкого государственно-правового регулирования и недопустимости отнесения партизан к преступникам, подлежащим расстрелу. Постепенно восстанавливались и местные органы советской и партийной власти. На Брянщине после создания обширных партизанских зон в итоге «действовали не только Брянский горком партии, но и почти все райкомы партии и райисполкомы, а параллельно и комсомольские структуры» [3, с. 269-270]. Таким образом, вплоть до освобождения Брянщины осенью 1943 г. уровень государственного регулирования борьбы в тылу врага неуклонно возрастал, а вместе с тем росла и правовая регламентация партизанской деятельности. Однако на протяжении всей войны она оставляла желать лучшего.

Указания, шедшие сверху на обоих этапах государственно-правового регулирования партизанской войны, были недостаточно

четкими, не всегда отражали объективные потребности и реалии партизанского движения и оказали неоднозначное воздействие на борьбу в тылу врага. Так, в директиве от 29 июня 1941 г. и постановлении от 18 июля 1941 г., имевших огромную политико-правовую значимость, не обговаривались многие конкретные вопросы организации партизанской борьбы и даже содержались распоряжения, препятствующие ее развертыванию: «...Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться» [13, с. 87]. Эти вещи могли бы во многом помочь партизанам. Но в первом обращении к советскому народу Сталин также заявил об уничтожении запасов продовольствия, поджоге лесов и домов при отходе армии. Как справедливо отметил организатор партизанского движения И. Г. Старинов, «если бы кто другой сказал об этом партизанам, его бы признали провокатором» [Цит. по.: 4, с. 257].

Организация ЦШПД не привела к существенному росту реальной помощи партизанам. Приказ штаба о подготовке к зиме 1942-1943 гг. прямо предписывал рассчитывать только на себя и «достигнуть того, чтобы командование партизанских отрядов поняло, что все необходимое довольствие, вооружение и боеприпасы должны быть добыты у врага, что в связи с транспортными и другими затруднениями нельзя рассчитывать на снабжение отрядов из советского тыла… самодеятельным путем заготовить снаряжения, необходимые для зимы... Наладить, например, изготовление из местного сырья лаптей, чуней, постолов, онучей. Наладить выделку овчинных шкурок и других видов кожсырья, необходимого для изготовления теплого обмундирования, обуви» [2. Д. 11. Л. 2]. Таким образом, констатировался факт значительной самостоятельности партизанского движения. ЦШПД не смог наладить постоянного снабжения партизан. На редких самолетах доставлялась в основном взрывчатка, а все остальное везли по остаточному принципу [Там же. Д. 16. Л. 5-11]. Вместо этого центральные органы активно занимались созданием ячеек НКВД и партийных организаций в отрядах для борьбы с фактами «бытового разложения, семейственности, низкой дисциплины» [Там же. Д. 45. Л. 63], что усиливало борьбу между НКВД, армейским и партийным руководством. По справедливому мнению историка В. И. Боярского, «создание ЦШПД, республиканских, краевых, областных штабов преимущественно как политических органов руководства... породило

многоступенчатость в управлении партизанскими силами, параллелизм в работе, затруднило целенаправленное использование партизанских сил в интересах армейского командования» [4, с. 248]. Началась борьба и внутри партизанских отрядов. Например, командир одного из отрядов лейтенант Покровский «написал самодовольное письмо товарищу Пономаренко (начальнику ЦШПД – О. Л.), в котором во всяких иронических выражениях, подчас не заслуженных, говорит об местных органах советской власти, штабе объединенных отрядов и прямо дышит недовольством по адресу представителей НКВД... он решил разогнать особый отдел!!!» [2. Д. 4. Л. 52]. Бойцы также выражали недовольство такой ситуацией: «Начальников развелось много, все приказывают, что за порядки» [Там же. Д. 49. Л. 119]. Но в ноябре 1942 г. был издан приказ «О работе оперативных чекистских групп и партизанских отрядов и о взаимоотношении нач. опергруппы с командованием», в котором говорилось, что «созданные опер. чекистские отделения при партизанских отрядах полностью себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родине» [Там же. Д. 28. Л. 40-41]. Таким образом, с помощью нормативно-правовых актов в партизанские отряды переносилось свойственное сталинизму пренебрежение к праву, осуществлялись репрессии, под которые в качестве шпионов и предателей нередко подпадали невинные люди и бывшие военнопленные или пособники оккупантов, перешедшие на сторону партизан. В результате на местном уровне была развязана борьба за власть, которая нанесла немало вреда партизанскому движению.

В целом, советское государственно-правовое регулирование партизанского движения было направлено на улучшение дисциплины, рационализацию управления отрядами, повышение эффективности проведения боевых операций, упорядочение структуры партизанского движения. Но в условиях войны государство не могло оказать существенной поддержки и обладало не столь эффективными рычагами влияния на партизанское движение, действовало в традиционных рамках советской командной системы. Государственно-правовое регулирование партизанской войны как с советской, так и с немецкой стороны не было эффективным. Партизанское движение во многом развивалось по своим собственным законам.

Библиографический список

1. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 69. – Оп. 1.

2. Центр новейшей истории Государственного архива Брянской области (ЦНИ ГАБО). – Ф. 1650. – Оп. 1.

3. Анисков, В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945 : история и психология подвига [Текст] / В. Т. Анисков. – М. : Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.

4. Боярский, В. И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей [Текст] / В. И. Боярский ; под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2003. – 304 с.

5. Верт, Н. История советского государства. 1900-1991 [Текст] / Н. Верт. – М. : Прогресс, 1992. – 480 с.

6. Гудериан, Г. Опыт войны с Россией [Текст] / Г. Гудериан // Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан [и др.] – М. : АСТ, 2002. – С. 120-135.

7. Диксон, Ч., Гейльбрунн, О. Коммунистические партизанские действия [Текст] / Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 291 с.

8. Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции [Текст] / Законы и обычаи войны. – М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. – 66 с.

9. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 [Текст] / Б. Н. Ковалев. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 483 с.

10. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками [Текст] : сборник материалов в 8 т. / отв. ред. А. М. Рекунков. – М. : Юрид. литература, 1987. – Т. 1. – 688 с.

11. Об организации борьбы в тылу вражеских войск. Постановление ЦК ВКП(б) [Текст] // Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. (Июнь 1941 г. – 1945 г.) : документы и материалы / сост. В. Б. Калинин [и др.]. – М. : Политиздат, 1970. – С. 50.

12. Партизаны Брянщины [Текст] : сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. – Тула : Приокское книжное изд-во, 1970. – 470 с.

13. Партийным и советским организациям прифронтовых областей. Директива Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г. [Текст] // Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год) : документы и материалы / сост. В. С. Василенко, Е. Д. Орехова. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 80-87.

14. Рендулич, Л. Партизанская война [Текст] / Л. Рендулич // Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан [и др.] – М. : АСТ, 2002. – С. 136-155.

15. «Совершенно секретно! Только для Командования!» : Стратегия фашистской Германии в войне против СССР [Текст]: документы и материалы / сост В. Н. Ржешевский. – М. : Воениздат, 1967. – 450 с.

УДК 908(470+571)

Д.В. Тумаков

Борьба с нарушителями трудовой дисциплины в Ярославской области во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Вторая мировая война 1939-1945гг. оставила неизгладимый след в истории как человечества в целом, так и нашей страны. Особенно заметное внимание историков вызывают события на крупнейшем из театров военных действий данного конфликта – советско-германском фронте. Грядущий 65-летний юбилей Победы советского народа над нацизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. лишь увеличивает интерес общественности к сражениям величайшего в мировой истории вооружённого противоборства.

Между тем, и в наше время отнюдь не все события той далёкой войны остаются до конца изученными, в истории тех лет присутствует немало «белых пятен». Одним из них можно назвать борьбу с преступ-

ностью в советском тылу. В данной работе мы постараемся осветить некоторые важные аспекты означенной проблемы.

Как свидетельствуют статистические данные, большинство арестованных в 1940-1956 гг. людей относились к нарушителям трудовой дисциплины. В общей сложности 18046000 человек или 53% от общего количества осуждённых были отправлены в места лишения свободы за прогулы и самовольный уход с работы на предприятиях, прочие нарушения дисциплины [14, с. 158].

Ещё более ярко о высоком числе осуждённых за подобные правонарушения говорит статистика военных лет. За 1942-1945 гг. 65,1% от общего количества осуждённых или 7758000 человек относились к категории так называемых «трудовых дезертиров» и нарушителей трудовой дисциплины [11, с. 320]. Тем самым следует признать, что большая или, по крайней мере, очень значительная часть заключённых советских ИТК и ИТЛ сталинской эпохи относилась к вышеупомянутой категории.

Правовые основы для столь суровых решений были заложены накануне Великой Отечественной войны, но германское вторжение в июне 1941 г. внесло в них коррективы в сторону большего ужесточения наказаний для работников. Если по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. за самовольный уход с работы с военного предприятия, квалифицировавшийся советским законодательством как «трудовое дезертирство», следовало тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев, то Указ от 26 декабря 1941г. карал тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Позднее действие данного Указа было распространено на многие сферы советской промышленности, не связанные напрямую с военно-промышленным комплексом, а также на железнодорожный транспорт [12, с. 102].

Заметное увеличение тяжести наказаний крупный советский юрист М.М. Исаев объяснял тем, что «в период Отечественной войны наказание должно было быть так организовано, чтобы оно усиливало обороноспособность страны» [17, с. 32]. Тем самым карательные законы должны были, прежде всего, оказывать морально-психологическое давление на потенциальных нарушителей. Нельзя забывать и о том, сколь огромны были потери Красной Армии в технике в начальный период боевых действий против Германии. Только в кампании 1941 г., по официальным данным, СССР лишился 20500 танков, 10300 самолё-

тов и 101100 артиллерийских орудий и миномётов [15, с. 473-474]. Таким образом, жёсткие меры со стороны государства носили экстренный характер и были призваны как можно быстрее компенсировать фронтовые потери.

Строгость советского трудового законодательства военной эпохи подчёркивают многочисленные воспоминания старожилов. В частности, жительница г. Ростова, ветеран труда Т.К. Лапина вспоминала, что на фабрике «Рольма», на которой она работала 55 лет, продолжительность рабочего дня достигала 12-14 часов, а за пятиминутное опоздание на работу из зарплаты сотрудника в течение 6 месяцев вычитались 25% [10, с. 61]. Другой ветеран труда, Л.А. Зарайская, вспоминала, что за неоднократные опоздания на работу рабочего могли отдать под суд и лишить свободы [10, с. 68].

Однако суровость карательных мер в совокупности с насущными военными потребностями государства не приводили к полному искоренению нарушений трудовой дисциплины, в том числе и прямого дезертирства с предприятий оборонного характера. Напротив, данное явление продолжало существовать в промышленности Ярославской области на всём протяжении Великой Отечественной войны, что вызывало определённое беспокойство со стороны властей.

Ярким доказательством тому стали выступления высокопоставленных партийных и советских чиновников, а также представителей правоохранительных органов. Так, на V Рыбинской районной партийной конференции 13-14 марта 1943 г. районный прокурор В.Е. Булочников отметил факт большого числа прогулов на фарфоровом заводе [4, л. 3-об.]. Аналогичные свидетельства прозвучали 23 января 1943 г. на XII Ростовской районной партийной конференции ВКП (б). В Ростовском районе с начала Великой Отечественной войны по январь 1943 г. из партии за совершение уголовных преступлений были исключены 25 человек, при этом почти треть от общего количества – 8 человек – были наказаны за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР [5, л. 8]. При этом указанные карательные меры не привели к кардинальному улучшению ситуации: в докладе на имя секретаря Ростовского райкома ВКП (б) Сидорова «О работе промышленности за 9 месяцев 1943 года» было отмечено «увеличение прогулов и опозданий на работу», в результате чего «наша промышленность,

сельское хозяйство, трудящиеся городов и сёл, наша Красная Армия недополучили огромное количество продукции» [6, л. 49, 51].

Ситуация не изменилась и в конце войны. На VI Ярославской областной партийной конференции 24-26 февраля 1945 г. данный вопрос неоднократно упоминался в выступлениях заместителя секретаря обкома ВКП (б) по оборонной и машиностроительной промышленности В.М. Маркова, заместителя секретаря обкома ВКП (б) по химической промышленности И.П. Тельнова и прокурора Ярославской области И.Д. Иванова. Все они считали общее количество случаев самовольных уходов работников с заводов и прогулов значительным и «нетерпимым».

В докладе В.М. Маркова прозвучали следующие цифры. Только в 1944 г. без уважительных причин оборонное и машиностроительное производство в Ярославской области покинули около 3000 рабочих [7, л. 66]. В результате этого за 1944 г. было потеряно 6,5% роста производительности труда, а государство лишилось до 40 млн. рублей валового выпуска продукции [7, л. 63].

Рост количества нарушений трудовой дисциплины также наблюдался в химической и резиновой промышленности. По данным И.П. Тельнова, количество «трудовых дезертиров» на соответствующих предприятиях Ярославской области возросло с 560 человек в 1943 г. до 806 человек в 1944 г. Не уменьшалось и количество людей, совершавших прогулы [7, л. 135]. При этом, как утверждалось в постановлении VI Ярославской областной партийной конференции, указанные виды промышленности «лучше других в области работали» [7, л. 339].

Прокурор Ярославской области И.Д. Иванов также признавал наличие фактов «трудового дезертирства». По его данным, в июле-августе 1944 г. произошло снижение в 5,4 раза количества таких случаев. В то же время, как признавал Иванов, спад не затронул предприятия текстильной промышленности, где дезертирство, напротив, имело тенденцию к дальнейшему росту. Среди дезертиров были 52 члена ВКП (б) и ВЛКСМ. Поэтому вывод областного прокурора звучал достаточно критично: «мы бы могли дать значительно больше боеприпасов и вооружения фронту, если бы у нас с организацией труда и с дисциплиной обстояло бы значительно лучше, чем в настоящее время» [7, л. 208]. Тем самым государство напрямую увязывало нарушения тру-

довой дисциплины в тылу с положением дел на советско-германском фронте.

На основании рассекреченных архивных источников можно выделить следующие важные причины, приводившие к нередким случаям нарушений трудовой дисциплины.

Во-первых, необходимо признать одной из основополагающих причин прямого дезертирства рабочих, их прогулов и опозданий отсутствие на многих промышленных предприятиях Ярославской области нормальных условий для работы. Упоминавшийся выше заместитель секретаря обкома ВКП (б) по оборонной и машиностроительной промышленности В.М. Марков отмечал в докладе, что цеха подотчётных ему предприятий были плохо подготовлены к зиме, поскольку грязны, «захламлены», а температура воздуха в них не превышала 0 градусов [7, л. 67]. В схожем русле на той же VI Ярославской областной партконференции ВКП (б) рассуждал секретарь Молотовского райкома г. Рыбинска С.Ф. Бобченко. По его словам, Молотовский район, где располагались 13 промышленных предприятий, производивших чрезвычайно важную для фронта продукцию, «…очень запущенный в части благоустройства бытовых и материальных условий, и здесь надо делать многое» [7, л. 141-142].

Следствием этого стали также высокий травматизм и частые заболевания работников – за декабрь 1944 г. на Ярославском автозаводе (ЯАЗ) произошло 45 случаев острых заболеваний рабочих гриппом, а за первую половину января 1945 г. количество заболеваний возросло до 75 [9, с. 148-149]. Ещё 3 рабочих – сталевар Бараев, токарь Шувалов и мастер-орденоносец Другов – скончались от воспаления лёгких в течение октября-декабря 1944 г.

Во-вторых, нельзя забывать о крайне сложных жизненных условиях работников ярославской промышленности. В частности, в специальном сообщении на имя секретаря Ярославского обкома ВКП(б) М.Я. Канунникова начальник Управления НКВД (УНКВД) по Ярославской области майор госбезопасности В.В. Губин и начальник Экономического отдела УНКВД старший лейтенант госбезопасности Соловьёв проинформировали его о тяжёлых условиях жизни работников фабрики «Красный Перекоп». В январе 1942 г. из-за недостатка топлива она находилась накануне остановки, а потому некоторые работники не выходили на работу или роптали. Так, работница склада готовой продукции

В. заявила: «…мы рабочие замерзаем в фабричных квартирах, нет воды, нельзя рук вымыть после работы. В магазинах нет хлеба, скоро все с голоду сдохнем» [1, л. 239]. Похожие «отрицательные высказывания» существовали и на других промышленных предприятиях города. Кладовщик фабрики «Красный Перевал» П. заявил при проведении подписки на Государственный военный заём 1942 г.: «живём мы полудикарями, в неотопленных квартирах, не умываемся, в куске хлеба себе отказываем» [1, л. 427]. Таким образом, жизненный уровень рабочих в Советском Союзе в целом и в Ярославской области в частности в годы Великой Отечественной войны был крайне низок.

Поэтому одним из следствий бедности рабочих стало их дезертирство с предприятий. К примеру, суд Резинокомбинатского района г. Ярославля только за январь 1942 г. в сокращённые сроки, то есть за 5 дней, рассмотрел 72 дела по самовольному уходу рабочих и служащих с работы и по 54 из них вынес обвинительные приговоры [16, с. 93].

В-третьих, сам по себе рабочий класс СССР за период Великой Отечественной войны подвергся существенным изменениям. На смену опытным, относительно квалифицированным кадрам пришли новые, не имевшие практики рабочие. К январю 1945 г. даже на предприятиях ВПК, дававших освобождение от воинского призыва, остались только 35% довоенных кадров, а большую часть работников промышленных предприятий, особенно в местной промышленности (до 83%), составили женщины и подростки [8, с. 101]. Прокурор Ярославской области И.Д. Иванов в докладе на вышеупомянутой VI областной партконференции также коснулся данного вопроса. По его данным, подавляющее большинство трудовых дезертиров составляла молодёжь в возрасте 17-20 лет, чей срок работы не превышал 1 года. В частности, на заводе №36 в течение двух недель из 277 человек, мобилизованных на предприятие из сельской местности, 218 ушли с завода [7, Л. 209].

В-четвёртых, нередкие случаи нарушения трудовой дисциплины и прямое дезертирство с предприятий объясняются недостатками в работе правоохранительных органов Ярославской области. В частности, приказом начальника УНКВД от 17 декабря 1942 г. был объявлен выговор заместителю начальника Ярославского районного отделения (РО) НКВД лейтенанту милиции Гудину за «неудовлетворительную постановку работы по розыску дезертиров с предприятий военной

промышленности и осуждённых по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940г.». Даже спустя два с половиной года после выхода в свет данного указа в Ярославском РО НКВД не было заведено розыскных дел на вышеуказанную категорию правонарушителей [3, л. 40-об.].

Аналогично обстояло дело и на периферии. Учитывая слабое знание работниками милиции законов военного времени и общий недостаток у них образования и квалификации, неудивительно, что в Чухломском районе за первое полугодие 1942 г. ни один нарушитель не был привлечён к ответственности. В Арефинском, Красносельском, Нагорьевском, Ореховском и Первомайском районах правоохранительные органы за это же время смогли привлечь к уголовной ответственности не более 1-3 нарушителей военных законов [2, л. 4]. При этом учёт нарушителей военных законов и решений военных властей там также отсутствовал. В последующем ситуация менялась мало, а потому приказом Наркомата юстиции СССР от 13 апреля 1943 г. работа Военного трибунала (ВТ) Ярославской области, равно как и ВТ г. Москвы и Ивановской области, была признана неудовлетворительной [12, с. 104].

В-пятых, в немалой степени нарушениям трудовой дисциплины способствовала позиция руководства предприятий. С одной стороны, официально директора заводов и фабрик требовали «железной трудовой дисциплины» от своих подчинённых, а с другой, нередко сами совершали правонарушения. В частности, 8 ноября 1942 г. не смогла выйти на работу швейная артель «20 лет РККА» в Ярославском сельском районе. Причиной стала организованная председателем артели кандидатом в члены ВКП (б) Царёвым «массовая пьянка» по случаю 25-й годовщины Октябрьской революции. Аналогичные случаи, согласно докладной записке на имя начальника Управления милиции УНКВД по Ярославской области, были отмечены на фабриках «Красные Ткачи» и «Красный Перевал», а также в колхозе «Страна Советов» Некрасовского сельсовета [3, л. 30]. Руководство Ярославского РО НКВД сочло данные правонарушения настолько серьёзными, что было вынуждено сообщить о них секретарю райкома ВКП (б).

Кроме того, руководство некоторых из промышленных предприятий Ярославской области не могло наладить трудовую дисциплину во вверенных им коллективах. К числу подобного рода руководите-

лей были отнесены, в частности, директора Борисовского сушильного завода Казаков и Лагуточкин. На их заводе, располагавшемся в Ростовском районе, систематически не выполнялись планы, а дисциплина работников даже в 1943 г. оставалась низкой [5, л. 29-об.]. В том же Ростовском районе за отказ от работы и избиение начальника пожарной охраны был уволен учётчик Воржского овощесушильного завода П.И. Павлов [6, л.37]. Фактически можно говорить о нарушениях трудовой дисциплины руководством заводов и фабрик как о составной части сравнительно низкой культуры труда советских рабочих, свойственной им и в довоенный период. Суровое трудовое законодательство начала 1940-х гг. было во многом призвано навести порядок в этой сфере.

При этом позиция партийной верхушки, а также самих директоров ярославских фабрик и заводов не отличалась конструктивностью. В частности, 30 мая 1943 г. в газете Ярославского горкома, обкома ВКП (б), совета депутатов трудящихся «Северный рабочий» была опубликована статья директора завода асбестовых технических изделий М. Бондаренко. В качестве насущной задачи он ставил «…добиться, чтобы на заводе не было ни одного случая нарушения трудовой дисциплины и невыполнения норм выработки» [13, с. 199-200]. Учитывая все вышеприведённые недостатки областной промышленности, следует признать поставленную задачу абсолютно невыполнимой. Однако гигантомания и сверхзадачи, свойственные советскому политическому режиму 1940-х гг., не позволяли смотреть на вещи более реалистично.

Таким образом, нарушения трудовой дисциплины на всём протяжении Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы оставались одним из крупнейших правонарушений в СССР. Во многом они объяснялись низким уровнем жизни и культуры советских рабочих, однако нельзя забывать и о тотальном характере боевых действий против Германии. Гигантский размах войны привёл к частым мобилизациям в Красную Армию, затронувшим все слои населения страны, включая профессиональных рабочих. На их место пришли неопытные, нередко мобилизованные из сельской местности люди. К тому же характер политического режима СССР предполагал достижение результата любой ценой, потому выполнение и перевыполнение государственных планов нередко достигалось за счёт интересов рабочих. В силу этого у последних иногда

оставались только два пути к выживанию: либо хищения продукции с предприятий для последующей продажи или обмена, либо дезертирство.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ярославской области (АУФСБ РФ ЯО) - Ф. 1 - Оп. 35 - Д. 4.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) - Ф. Р-2223 - Оп. 1 - Д. 149.

3. ГАЯО - Ф. Р-2223 - Оп. 1 - Д. 189.

4. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО) - Ф. 264 - Оп. 39 - Д. 13.

5. ЦДНИЯО - Ф. 265 - Оп. 12 - Д. 7.

6. ЦДНИЯО - Ф. 265 - Оп. 12 - Д. 183.

7. ЦДНИЯО - Ф. 272 - Оп. 224 - Д. 1415.

8. Анисков, В.Т., Рутковский, М.А. История Ярославского края (1928-1998) [Текст]. – Ярославль, 2000.

9. Анисков В.Т., Хаиров, А.Р. История ВПК России в региональном аспекте: от начала первой до окончания второй мировой войны на примере Верхневолжья. [Текст] – Ярославль, 1996.

10. «Была война…»: Сборник документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов [Текст]. – Ростов, 2001.

11. Зефиров, М.В., Дёгтев, Д.М. Всё для фронта? Как на самом деле ковалась победа [Текст] – М., Владимир, 2009.

12. Кодинцев, А. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941-1948 годах/ [Текст] // Отечественная история. – 2008. - №6. - С. 101-107.

13. Летопись Великой Отечественной войны 1941-1945гг.: По материалам ярославской областной газеты «Северный рабочий» [Текст]. - Ярославль, Рыбинск, 2005.

14. Лунев, В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ [Текст]. – М., 2005.

15. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование [Текст]. – М., 2001.

16. Сарбунова, Н.Л. Параллели истории (К 140-летию Ярославского окружного суда) [Текст]. – Ярославль, 2006.

17. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. II. Уголовное право – уголовный процесс [Текст] / под ред. И.Т. Голякова. – М., 1948.

УДК 94(470)

К.В. Оксем

Политические кампании в СССР в послевоенное время: историографический аспект

С падением советского социалистического строя оценка внутренней политики СССР, достигнутых экономических, военных и культурных достижений приобрела проблемный характер. Современные средства массовой информации отражают и сами инициируют общественно-политические дискуссии по истории «сталинской эпохи».

Формирование исторических представлений о ней в отечественной науке происходило в несколько этапов. Первоначально интерес исследователей проявился в период «оттепели» второй половины 50-х - начала 60-х гг., когда наблюдалось относительное ослабление тоталитарной власти, сравнительная свобода слова, демократизация политической и общественной жизни, определенная свобода творческой деятельности. Отправной точкой послужил XX съезд КПСС, после которого тематика исторических исследований заметно расширилась.

Вместе с тем, пафос оценочных характеристик достижений советского строя не уменьшился. Много внимания уделялось кампаниям по борьбе за повышение экономических показателей, снижение розничных цен на продукты питания, борьбе за подъём культурного уровня и коммунистическое воспитание трудящихся.

Объектом исследования историков были, главным образом, директивы партийных съездов, отчеты и иные сведения низовых партийных организаций: обкомов, райкомов, горкомов. *Сущностно – описательный метод* исследования был основным. Научные изыскания проводились в русле *системного подхода*.

В частности, авторы сборника «Очерки по историографии советского общества» проследили стремление идеологов «сталинской эпохи» к искажению событий и реальных исторических явлений. К наиболее значимым монографиям, вышедшим в условиях «оттепели»,

относится работа О. В. Козловой «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР». В ней затронуты проблемы формирования общественного мнения о положительных изменениях в советском обществе на примере ударных кампаний послевоенных лет. О значении идеологической поддержки социально-экономических мероприятий партии и правительства указывалось в исследованиях С. П. Фигурнова и Б. А. Грушина [1].

В эпоху «застоя» второй половины 60-х – начала 80-х гг. в отдельную отрасль знаний оформилась история КПСС. Либеральный импульс в исследовании послевоенных процессов, полученный в предыдущий период, отошел на второй план. В многогранной истории советского общества авторы все чаще выбирали темы, связанные с рассмотрением руководящей роли партии, с опытом пропагандистской и идеологической работы. Предметом исследования остались положительные изменения в обществе.

Историков интересовало то, как действовали механизмы пропагандистской работы, как осуществлялась мобилизация трудящихся на выполнение решений партии. Подчеркивались, например, большие заслуги партии и правительства в деле национального строительства, но при этом обходились вниманием этнические противоречия. Многое говорилось о расширении прав союзных республик и восстановлении национального суверенитета народов, пострадавших в годы сталинского режима. Впервые можно было встретить упоминания о репрессиях, необходимости реабилитации граждан и восстановлении ликвидированных автономных республик. Недостатком была определенная тенденциозность в трактовке фактический данных, влияние официальной идеологии.

В качестве *источниковой базы исследований* использовались делопроизводственные материалы партии, решения съездов, обкомов, материалы по истории КПСС.

Методы исторического исследования не претерпели особого изменения. Марксизм-ленинизм продолжал выступать в качестве методологической основы советской исторической науки. Из научных трудов этого времени можно выделить сборник под редакцией Д. А. Чугаева «История национально-государственного строительства в СССР», а также монографии Б. Ф. Поршнева, И. Г. Белявского и Б. А. Шкуратова [2].

С началом перестройки возникло движение, направленное на реабилитацию жертв «сталинской эпохи». Вектор исследований был изменен в сторону изучения репрессивных кампаний. Авторы познакомили читателей с наиболее громкими политическими процессами, связанными с обвинениями Н. И. Бухарина, Л. Б. Каменева, Г. К. Зиновьева, М. Н. Рютина, М. Н. Тухачевского. Много внимания уделено делам «антисоветского правотроцкистского блока», «антисоветской троцкистской организации в Красной армии», «союза марксистов-ленинцев», «московского центра», а также «Ленинградскому делу», делу «Еврейского Антифашистского комитета», «Делу врачей», кадровым чисткам 1948 – 1953 гг. В работах конца 80-х - начала 90-х гг. большую роль играл эмоциональный фактор. Для публикаций этого времени характерна более свободная степень трактовки исторического материала.

Предметом изучения выступала созидательная и репрессивная политика. Отрицательными сторонами были тенденциозность в трактовке событий в обход многих важных аспектов проблемы. Ранее подчеркивалось, что курс партии и правительства был абсолютно верен. С наступлением новой эпохи пришли новые идеи. Открыто критиковалась послевоенная внутренняя политика, разоблачавшая «преступления» против народа. Особенно ярко подобные настроения проявились после распада СССР.

Авторы сконцентрировали усилия на *описательной стороне кампаний*. Не прослеживалось стремления к изучению аспектов, связанных с пропагандистским содержанием процессов и методов достижения успеха в массовой работе. В качестве *источниковой базы* выступали официальные документы, протоколы съездов КПСС. В связи с распадом Советского Союза была привлечена новая группа источников – не публиковавшиеся ранее материалы из Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ, Архива Президента РФ, Архива Правительства РФ, Архива Верховного суда СССР.

Среди работ, связанных с психологическими сторонами формирования общественных настроений в социалистическом обществе, обратили на себя внимание литературно-публицисти-ческие сочинения Э. С. Радзинского «Сталин» и А. Н. Яковлева «Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов», сборник «Психология личности

в социалистическом обществе» под ред. Б. Ф. Ломова, а также работы Ю. И. Стецовского, М. Геллера, В. М. Герасимова, Б. Д. Беспарточного и Д. П. Гавра [3].

Дальнейшее историографическое развитие темы произошло в двухтысячные годы. Появились новые направления в исследовании: новая социальная история, гендерная история и др. Они помогли расширить базис исследования пропагандистских аспектов кампаний за счет привлечения свежих идей, сконцентрировать усилия историков на решении важных проблем, не поднимавшихся ранее. Это было вызвано интересом к западной историографии, к постмодернизму. Многие труды носили междисциплинарный характер, и политические процессы рассматривались на стыке истории, социальной психологии, культурологии и социологии. Эмоциональность работ предыдущего периода отошла на второй план. Началось подробное изучение процессов с разных сторон, появились взвешенные оценочные суждения по политическим кампаниям разной направленности.

Вместе с тем, новой проблемой стало отсутствие последовательности в реализации выбранной исследователем методологии, появились труды, находившиеся на стыке нескольких методологий, что негативно влияло на системность в изложении и трактовке исторического материала.

Предметом изучения были созидательные кампании, о которых было упомянуто ранее, и репрессивные, к которым отнесены дело Еврейского антифашистского комитета, кампания по борьбе с космополитизмом, кадровые чистки конца сороковых годов, Ленинградское дело, Дело врачей, процесс против Л. П. Берия.

Возрос интерес к средствам массовой информации *как к объекту изучения*. Большое внимание уделялось тем периодическим изданиям, которые помогали выявить степень влияния пропаганды на массовое сознание. Важную роль играли неопубликованные источники, содержавшиеся в центрах документации новейшей истории.

В этот период появилось множество исследовательских работ, среди которых принципиальное значение имели сборник под редакцией В. Ю. Большакова «Общество и политика», монографии Л. П. Репиной, Р. Г. Пихоя, М. Левина, Н. А. Симония, И. Н. Кузнецова, Г. В. Костырченко, Ж. А. Медведева[4].

Обращение к западным трудам помогло взглянуть на проблему исследования с другого угла зрения, о чем свидетельствовали публикации А. Вайнера «Сотворяя смысл войны», А. Буллока «Гитлер и Сталин: Жизнь и власть» и произведение под редакцией Н. Ю. Сыромятникова «Черная книга коммунизма» [5].

Таким образом, степень разработанности темы политических кампаний в СССР «сталинской эпохи» достаточно высока, но сохраняются и неисследованные аспекты, касающиеся пропагандистского обеспечения кампаний, механизмов формирования общественного мнения, эффективности воздействия пропаганды на массы. Мало трудов посвящено региональным аспектам проблемы.

Актуальность изучения политических кампаний с точки зрения пропагандистского аппарата несомненна. Остается множество вопросов, касающихся степени успешности сталинских политтехнологов в работе по воздействию на массовое сознание. На современном этапе развития российского общества подобных технологий много, в несколько раз больше, чем в Советском Союзе, но поставленные задачи часто не достигаются. Необходимо подробно проанализировать политику советских властей в сфере массовой пропагандистской работы, сравнить прежний опыт и современный. Работа должна способствовать поиску новых путей, направленных на консолидацию российского общества.

Библиографический список

1. Очерки по историографии советского общества [Текст] / отв. ред. М.Е.Найденов. - М., 1967. - 319 с.; Козлова, О.В. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР [Текст] / О.В.Козлова. - М., 1959. - 360 с.; Фигурнов, С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР [Текст] / С.П.Фигурнов. - М., 1960. - 199 с.; Грушин, Б.А. Проблемы методологии исследования общественного мнения [Текст] / Б. А. Грушин. - М., 1967. - 367 с.

2. История национально-государственного строительства в СССР [Текст] / отв. ред. Д.А.Чугаев. - М., 1972. - 326 с.; Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф.Поршнев. - М., 1966. - 211 с.; Белявский, И.Г. Проблемы исторической психологии [Текст] / И.Г.Белявский. - Ростов н/Д., 1982. - 224 с.

3. Радзинский, Э.С. Сталин [Текст] / Э.С.Радзинский. - М., 1997. - 638 с.; Психологии личности в социалистическом обществе [Текст] / отв. ред. Б.Ф.Ломов. - М., 1989. - 181 с.; Яковлев, А.Н. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов [Текст] / А.Н.Яковлев. - М., 1991. - 460 с.; Геллер, М.Я. История формирования советского человека [Текст] / М.Я.Геллер. - М., 1994. - 335 с.; В. М. Герасимов, В.М. Общественное мнение в зеркале политической психологии [Текст] / В.М.Герасимов. - М., 1994. - 134 с.; Беспарточный, Б.Д. Общественное мнение как фактор реализации социального бытия [Текст] / Б.Д.Беспарточный. - М., 1998. - 256 с.; Гавра, Д.П. Общественное мнение и власть [Текст] // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - Вып. 4.

4. Большаков, В.Ю. Общество и политика [Текст] / В.Ю.Большаков. - СПб., 2000. - 510 с.; Репина, Л.П. Новая историческая наука и социальная история [Текст] / Л.П.Репина. - М., 2009. - 320 с.; Пихоя, Р.Г. Советский Союз. История власти, 1945-1991 [Текст] / Р.Г.Пихоя. - Новосибирск, 2000. - 678 с.; Левин, М. Советский век [Текст] / М.Левин. - М., 2008. - 675 с.; Симония, Н.А. Историография сталинизма [Текст] / Н.А. Симония. - М., 2007. - 479 с.; Кузнецов, И.Н. Засекреченные трагедии советской истории [Текст] / И.Н.Кузнецов. - М., 2008. - 252 с.; Костырченко, Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм [Текст] / Г.В.Костырченко. - М., 2001. - 711 с.; Медведев, Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ [Текст] / Ж.А.Медведев. - М., 2003. - 288 с.

5. Weiner, A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. [Text] / A.Weiner. - Princeton and Oxford, 2001. - 416 p.; Буллок, А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. Т.2 [Текст] / А.Буллок. - Смоленск, 2004. - 672 с.; Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии [Текст] / отв. ред. Н.Ю. Сыромятников. - М., 1999. - 766 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

УДК 94(73)

С.А. Бабуркин

Оценки состояния контрразведывательного сообщества США в начале XXI века

На фоне скандалов 1990-х гг., связанных с разоблачением иностранных шпионов, «необъяснимо продолжительной» работой последних внутри американских спецслужб и тревожных оценок разведывательных угроз, состояние контрразведывательного сообщества и его работа стали предметом критической оценки со стороны отдельных экспертов, специальных комиссий, общественности и СМИ Соединенных Штатов. Анализу и критике подвергались различные аспекты деятельности контрразведки: характер и содержание отдельных компонентов контрразведывательной работы, деятельность ведущих контрразведывательных служб США и взаимоотношения между ними, уровень профессионализма и стиль американских контрразведчиков, организация контрразведывательного сообщества и руководства им и, наконец, место и роль контрразведки в системе национальной безопасности США, соответствие контрразведывательной системы США масштабу и характеру разведывательных угроз Соединенным Штатам.

Так, один из ветеранов ЦРУ Дж. М. Олсон констатировал: «К сожалению, когда я смотрю сегодня на контрразведку США, меня все больше беспокоит, что принципы, которые я считаю фундаментальными для эффективной контрразведки, соблюдаются не так тщательно и последовательно, как должны бы» [2, p. 3]. В частности, он отмечал слабую постановку аналитической работы в контрразведке: «Аналитическая служба слишком часто бывает падчерицей контрразведки. Во всем контрразведывательном сообществе мы весьма последовательно недоукомплектовываем ее. Мы иногда пытаемся создавать ее походя. Мы пытаемся делать это подешевле», стремясь… раздвоить оперативников, сделать из них своих собственных аналитиков… [При том, что]

вообще говоря, оперативники – плохие аналитики. Мы люди другого сорта. Оперативники – деятели. Они делают, двигают, трясут. Мы быстры, может быть, немного импульсивны, может быть, немного «ковбои». Наше лучшее время, когда мы не сидим в кабинетах. Мы любим улицу. Исследование и анализ действительно не наше дело. И когда мы пытаемся ими заниматься, это нам не очень удается. Настоящие аналитики – другие. Они любят свое дело. Они более склонны к умственной работе, спокойны и усидчивы. Они находят вещи, которые мы не могли найти. Они лучше пишут» [2, p. 5]. В результате, по мнению автора статьи, в Соединенных Штатах аналитическая работа в контрразведке исторически была самым слабым звеном, а профессиональные аналитики контрразведки недооценивались и недостаточно вознаграждались. И хотя многие представители контрразведывательного сообщества США поняли эту идею и включили в свои операции подготовленных аналитиков, другие не сделали этого. В целом, заключил Дж. М. Олсон, американские спецслужбы все еще испытывают недостаток в хорошем, основательном контрразведывательном анализе [2, p. 6].

Дж. М. Олсон отмечал недостатки и в оперативной работе, в частности, в организации службы наружного наблюдения, выполнении одной из важнейших заповедей контрразведки - «владеть улицей». «В течение долгого времени, - признавался старый разведчик, - мы фактически сдавали КГБ, ГРУ и восточно-европейским службам улицы мировых столиц, включая крупнейшие центры шпионажа, потому что мы либо не знали, как делать это, либо не желали платить цену за высокопрофессиональную, надежную, действующую на постоянной основе местную службу наблюдения» [2, p. 4].

Состояние и деятельность отдельных контрразведывательных служб также стали предметом анализа и критической оценки. Комиссия по возможностям разведки США в отношении оружия массового поражения (Комиссия по ОМП) отмечала в 2005 г., что до недавнего времени **ФБР**, доминирующее в контрразведывательной работе на территории страны, концентрировало свои ресурсы и оперативные усилия на иностранных разведчиках, работающих в дипломатических учреждениях, – на классической разведке под официальным прикрытием. Деятельность тайной иностранной разведки по большей части оставалась без должного внимания [1, p. 489]. Руководитель нацио-

нальной контрразведки М. Ван Клив отмечала, что, несмотря на последние изменения, ФБР остается прежде всего правоохранительным органом. Большая часть его известных контрразведывательных возможностей основана на методах и подготовке, рассчитанных на ведение уголовных расследований. У него нет людей, организационных возможностей, подготовки или оборудования для сбора и анализа информации об иностранном разведывательном присутствии в Соединенных Штатах, чтобы заниматься теми, кто находится здесь под дипломатическим или журналистским прикрытием. Также нет у него возможности разрабатывать и осуществлять наступательные операции для того, чтобы направлять по ложному следу, блокировать или как-то иначе использовать иностранную разведывательную деятельность против США. Наконец, добавляла М. Ван Клив, «судя по всему, оно не имеет общественной поддержки для того, чтобы выйти на сложное поле анализа широкого иностранного присутствия в Соединенных Штатах» [5, p. 6].

ЦРУ несет главную ответственность за контрразведку за пределами США. Правда, по мнению Комиссии по ОМП, на практике оно понимает эту задачу «очень узко». ЦРУ не ведет систематическую или планомерную контрразведывательную работу по защите интересов других учреждений США и не проводит значительных стратегических наступательных контрразведывательных операций против разведывательных служб соперников. Оно концентрируется главным образом на обороне. Контрразведывательный центр ЦРУ и контрразведывательные подразделения в Оперативном директорате (впоследствии - Национальная служба тайных операций) нацелены прежде всего на защиту операций самого ЦРУ. Комиссия с сожалением отмечала, что «современный подход ЦРУ к контрразведке контрастирует с его подходом во времена холодной войны, когда для оперативных сотрудников ЦРУ обычным делом было работать против официальных представителей Варшавского пакта, что приводило к значительному числу успешных контрразведывательных расследований» [1, p. 490].

М. Ван Клив подтверждала, что «контрразведка прочно включена в работу ЦРУ для защиты собственных операций и в целях противодействия угрозе со стороны инсайдеров. Но, за исключением отдельных действий во время холодной войны, ЦРУ никогда не рассматривало как часть своей основной миссии активное ослабление ино-

странных разведок, действующих против интересов США». Дело в том, заявляла она, что «ЦРУ, как и другие оперативные контрразведывательные органы, просто никогда не получало такой задачи в мирное время. Хотя любой офицер ЦРУ скажет вам, что сотрудники иностранных разведок уже находятся в начале списка целей Национальной службы тайных операций, одно дело заниматься этим в целях вербовки и совсем другое - предпринимать всеобъемлющие скоординированные стратегические усилия, направленные на дезорганизацию и ослабление операций иностранной разведки» [5, p. 6].

Министерство обороны сосредоточено прежде всего на контрразведывательной защите вооруженных сил. Военная контрразведка остается привязанной к формату 1947 г., при котором каждый из видов вооруженных сил имеет свой собственный контрразведывательный компонент. Но ни одна военная контрразведывательная служба не отвечает в оперативном плане за министерство в целом, оставляя большие незащищенные зоны на политическом, технологическом и логистическом направлениях. В нынешней системе каждый вид вооруженных сил отвечает также и за контрразведывательную работу в других военных службах, которые не имеют своих собственных контрразведывательных структур. Однако виды вооруженных сил, по оценке Комиссии по ОМП, не имеют возможностей, необходимых для выполнения этой роли.

В 2002 г. министерство обороны начало работать над этим недостатком, создав Управление оперативной контрразведки (Counterintelligence Field Activity - CIFA), которая имеет полномочия обеспечивать поддержку руководителя национальной контрразведки со стороны Министерства обороны, оценивать контрразведывательные программы, проводить оперативный анализ, представлять оценку угроз, осуществлять контрразведывательную подготовку и наблюдение за контрразведывательными расследованиями в масштабах всего Министерства обороны. Однако в прерогативах CIFA есть существенный пробел – она не может проводить контрразведывательные расследования и операции от имени Министерства обороны. Расследования и операции в масштабах всего Министерства обороны остались прерогативой отдельных видов вооруженных сил, которые в то же время отвечают за расследования и операции внутри своих собственных видов вооруженных сил. Это приводит к тому, что многие компоненты Министерства обороны, как, на-

пример, командующие, оборонные агентства и управление министра обороны, не получают эффективной контрразведывательной защиты [1, p. 490].

Наконец, как отмечала М. Ван Клив, несмотря на большой военный опыт контрразведывательных операций и высокоразвитый процесс планирования, Министерство обороны опоздало с включением программ стратегической контрразведывательной кампании в планы операций на театре военных действий [5, p. 6].

Отмечая недостатки контрразведывательной работы в отдельных министерствах и ведомствах, эксперты указывали и на проблемы, связанные с отношением к контрразведке и контрразведчикам в различных организациях, включая разведслужбы. «Есть люди в разведке и других органах правительства США, которые не очень любят сотрудников контрразведки,- признавал Дж. М. Олсон, - Офицеры контрразведки имеют неоднозначную репутацию. Мы везде видим проблемы. Мы можем быть слишком рьяными. Мы мешаем проведению операций. Мы вызываем головную боль… Существует естественное человеческое стремление со стороны и оперативных сотрудников и старших руководителей операций сопротивляться внешнему контрразведывательному наблюдению. Они считают, что сами осуществляют хорошую контрразведку и не желают, чтобы так называемые специалисты контрразведки, которые непосредственно не включены в операции, их перепроверяли или говорили, как осуществлять операции. Я видел так много примеров этого за мою контрразведывательную карьеру, что всех и не упомнить» [2, p. 7].

На этом фоне особое значение приобретали отношения между контрразведывательными службами различных ведомств. Однако и здесь ситуация была далека от оптимальной. «Контрразведывательному сообществу США больше вреда нанесено межведомственной борьбой и обструкцией, чем нашими врагами», - утверждал Дж. М. Олсон и вспоминал времена, «когда [люди из] ЦРУ и ФБР даже не говорили друг с другом. При этом те и другие смотрели свысока на военную контрразведку… Неудивительно, что контрразведка представляла собой кавардак, и несколько невероятно вредоносных шпионов так долго оставались неразоблаченными». По заключению ветерана американских спецслужб, «контрразведывательная работа настолько трудна

даже в наилучших обстоятельствах, что единственный способ делать ее – это делать вместе» [2, p. 6].

В этой связи, пожалуй, главным стал вопрос об организации американской контрразведки в общенациональном масштабе. Комиссия по ОМП констатировала, что «отсутствие эффективного и адекватно наделенного полномочиями руководства национальной контрразведки еще более ухудшает ситуацию». В частности, Комиссия выразила неудовлетворение по поводу реальной роли руководителя национальной контрразведки, который «теоретически является «главой» контрразведки, но не имеет большого контроля над разрозненными элементами контрразведки США». Он имеет лишь рекомендательные полномочия в области бюджета и ограниченный контроль над контрразведывательными операциями отдельных ведомств [1, p. 490.]. Закон о реформе разведки, по мнению Комиссии, не изменил эту ситуацию, хотя и «предпринял полезный шаг, переведя руководителя национальной контрразведки в Управление директора национальной разведки» [1, p. 490].

В целом, характеризуя состояние американской контрразведки, Комиссия по возможностям разведки США в отношении ОМП указала на провал попыток привести действия и ресурсы в соответствие с единой контрразведывательной политикой. Комиссия отмечала, что в то время как соперники Соединенных Штатов становятся все более изобретательными и агрессивными, контрразведывательные службы страны остаются разобщенными и пассивными. Каждая из них преследует свою собственную цель со своей собственной точки зрения вместо того, чтобы действовать сообща в соответствии с национальной стратегией. «Наша контрразведывательная работа не имеет общенационального фокуса и систематической координации усилий внутри страны и за рубежом», - констатировала Комиссия [1, p. 489].

М. Ван Клив высоко оценила доклад Комиссии, поддержав его выводы. Она объясняла нынешнее положение особенностями создания и развития американской контрразведки: «В прошлом правительство США не смотрело на контрразведку в стратегическом плане. В течение почти шестидесятилетней истории контрразведки не было человека, отвечающего за все предприятие. Наше сообщество не было организовано или структурировано так, чтобы выполнять общенациональную миссию. Напротив, разные контрразведывательные органы вы-

растали из потребностей отдельных министерств и агентств. Они представляют собой слабую конфедерацию независимых организаций с узкими и различающимися обязанностями, полномочиями и возможностями. Операции концентрировались на отдельных делах и осуществлялись без должного понимания потенциального значения синергетических усилий [4]. Многие предыдущие недостатки контрразведки были результатом этой системной ошибки в архитектуре контрразведывательного сообщества»[3, p. 2]. По её мнению, «Управление руководителя национальной контрразведки создано, чтобы объединить контрразведывательные усилия, но эти унаследованные практики остаются глубоко укорененными» [5, p. 6].

В результате этой децентрализации контрразведывательная работа превратилась в набор действий, вызванных угрозами, каждое из которых оценивается отдельно по своим особым критериям, а не по вкладу в общее целое. «Мы поймали шпиона? Мы нашли микрофоны, вмонтированные в стены посольства? Мы обнаружили подлинных владельцев подставной фирмы, занимающейся приобретением технологий? Это тяжелым трудом заслуженные достижения контрразведки. И все же гораздо реже бывает, когда оперативные возможности текущих расследований или масштабы данного проникновения, или постановка задач перед двойным агентом были бы сопоставлены с более широкой картиной стратегических целей противника для того, чтобы использовать это в разработке контрразведывательного плана и осуществлять его комплексно. Система не рассчитана на такую работу», - заключала Ван Клив [5].

В целом, констатировала М. Ван Клив, «контрразведка США не организована так, чтобы служить стратегической цели, также как она не развернута глобально (за рубежами США), чтобы дезорганизовать иностранную разведку. В контрразведывательном сообществе нет стандартного подхода к определению целей, межведомственный обмен информацией налажен плохо, а инфраструктурная поддержка еще хуже. Даже скромные (обще)национальные механизмы, разработанные для того, чтобы устранять конфликты и противоречия в наступательных контрразведывательных действиях, останавливаются «у края воды» – наследия старого разделения между зарубежной и внутренней сферами операций. За исключением военного времени мы не учитывали иностранные разведывательные возможности в наших расчетах угрозы на-

циональной безопасности, которые ложатся в основание национальной стратегии и планирования» [5, p. 6].

Таким образом, характеризуя состояние американской контрразведки, специалисты отмечали следующие черты, свойственные системе: слабость аналитической работы, децентрализацию, пассивный оборонительный подход, ориентацию на защиту и работу на территории США, действия пост-фактум, после появления иностранных разведчиков на территории США, недостатки, связанные со спецификой отдельных контрразведывательных служб и слабой координацией между ними, недооценку значения контрразведки и ее своего рода «стратегическую недостаточность». Такая характеристика контрразведывательного сообщества объективно приводила к логическому заключению, что его состояние не соответствует новым условиям, угрозам и задачам и требует организационных, управленческих, стратегических и тактических перемен.

Библиографический список

1. Final Report of the Commission on the Intelligence Capabilities of the United States Regarding Weapons of Mass Destruction, P. 489-490 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.fas.org/irp/offdocs/wmdcomm.html;

2. Olson, James M. A Never-Ending Necessity. The 10 Commandments of Counterintelligence [Text] // Studies of Intelligence, Fall-Winter 2001, No.11, P. 3.

3. Van Cleave, Michelle. National Counterintelligence Executive, Remarks before the OPSEC Professionals Society, San Diego, California, May 24, 2005, P.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.ncix.gov/publications/reports_speeches/speeches/NCIX_OPSECspeechSan%20Diego1June05.pdf ;

4. Van Cleave, Michelle. National Counterintelligence Executive. Remarks at Potomac Institute for Policy Studies. Arlington, Virginia – September 22, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.ncix.gov/publications/reports_speeches/speeches/NCIXPotomacInstituteSpeech22Sep2004.html;

5. Van Cleave, Michelle. Strategic Counterintelligence. What Is It and What Should We Do About It? // Studies in Intelligence, Vol.51, No.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. -

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol51no2/strategic-counterintelligence.html.

УДК 94(4)

А. В. Лисица

Великобритания и конституционная реформа в Европейском Союзе

Отношения Соединенного Королевства с Европейским Экономическим Сообществом (ЕЭС) и затем Европейским Союзом (ЕС) являются одним из самых сложных и спорных вопросов внешней политики Великобритании на протяжении последних 50 лет. Среди всех ведущих стран-членов ЕС Великобритания отличается жестким прагматизмом, стремлением к сохранению национальной идентичности, последовательной и аргументированной критикой в адрес идей и инициатив ускорения интеграционных процессов и «федерализации» Европейского Союза. Данный подход Великобритании характеризуется таким понятием, как «евроскептицизм», и зачастую приобретает крайне негативный оттенок. Такое поверхностное восприятие исключает возможность приблизиться к пониманию глубинной природы проблемы *конфликта интересов*, которая продолжает оказывать решающее воздействие на развитие диалога между Великобританией и Европейским Союзом на современном этапе [1, с. 112-120]. Ведь в то же время Британия зачастую выступала и выступает в качестве своеобразного индикатора зарождающихся проблем ЕС, болезненно реагируя на неоднозначные инициативы. Одной из таких инициатив в политике ЕС стала разработка проекта Европейской конституции.

С момента основания и по сей день Европейский Союз функционирует на базе нескольких соглашений между государствами-членами, заключение и изменение которых ранее происходило в рамках стандартных международно-правовых процедур (межправительственная конференция, подписание и затем ратификация текста всеми странами-участницами). Подобная картина, характерная для классических международных организаций, однако все труднее согласуется с особой “квазифедеративной” природой Европейского Союза.

В результате после ряда частичных реформ (поправки Амстердамского 1997 г. и Ниццкого 2001 г. договоров) государства-члены Союза пришли к выводу о необходимости коренным образом реформировать правовые устои данной организации. К подобному шагу подталкивало также предстоящее в 2004 году расширение Европейского Союза (прием 10-13 новых государств-членов), которое требовало внесения серьезных корректив в сложившиеся интеграционные механизмы. Необходимость изменений понимала и Великобритания. Согласно одобренной на встрече в верхах в конце 2001 г. декларации "Будущее Европейского Союза" (Лаакенская декларация) в целях подготовки и демократического обсуждения пакета реформ был образован временный представительный орган, названный Конвентом (полное название: "Конвент о будущем Европейского Союза" или "Европейский конвент") [2, с. 38-41].

Конвент работал полтора года и представил проект конституции на саммите ЕС в Салониках 20 июня 2003 г., где он был принят за основу. Первый проект Европейской конституции вызвал замечания Великобритании по отдельным пунктам. Возражения касались, прежде всего, таких вопросов, как согласование ставок налогообложения, предложение об учреждении должности прокурора ЕС, пакт о взаимной обороне, неприемлемый для Великобритании и подрывающий основы деятельности НАТО [3, с.197].

В октябре 2003 г. открылась Межправительственная конференция, которая была призвана завершить работу над текстом. В ходе конференции Великобритания заняла довольно жесткую позицию. Т. Блэр в 2004 г. подчеркивал, что новый Конституционный договор был создан для преодоления сложностей в управлении в связи с расширением ЕС и необходимости в одном документе объединить то, что содержится в предыдущих договорах. По мнению Лондона, в предложенном виде Конституционный договор не изменил бы в принципе отношений между государствами-членами и Союзом в целом. Между тем, в ходе конференции Блэр подтвердил отрицательное отношение своего правительства к распространению голосования квалифицированным большинством на такие сферы, как налогообложение [7].

В июне 2003 года главы государств и правительств 25 стран-участниц ЕС одобрили на саммите в Брюсселе проект Европейской конституции [9]. Консенсус по данному решению был достигнут в резуль-

тате долгих дискуссий и напряженных переговоров. Правительство Великобритании одобрило окончательный проект Евроконституции. По мнению британского министра иностранных дел Джэка Стро, конституция обладала рядом преимуществ: упрощалась и ускорялась процедура голосования; исчезал институт полугодового президентства, вместо него вводился пост постоянного Председателя Совета, что позволяло увеличить роль национальных правительств; кооперация между близкими партнерами в различных сферах могла осуществляться произвольно (например, на двусторонней основе); национальные парламенты приобретали возможность внимательно изучать европейские законы уже на рамочной стадии; впервые в истории была предусмотрена возможность выхода из Союза [13].

Что касается общественного мнения, то в 2004 г. против конституции собирались проголосовать более 60%, а за выступали лишь четверть опрошенных. 40% опрошенных приветствовали бы выход из ЕС. Большая часть участвовавших в опросе опасалась потери суверенитета своей страной. Лейбористская партия объясняет это тем фактом, что население Британии среди всех жителей Европы меньше всех проинформировано о ЕС. Союз представляют чаще всего в СМИ (скептически настроенных по отношению к Европе) как далекую от непосредственных нужд населения бюрократизированную структуру, издающую беспричинные указы и законы из Брюсселя без какого-либо учета мнения Британии [15].

Многие партии, общественные движения и их лидеры включились в дискуссию по поводу данного вопроса. Главным ядром движения против Евроконституции в Британии стала Консервативная партия.

Важнейшим вопросом, волнующим евроскептиков Великобритании, является вероятность потери национального суверенитета как результат ее участия в Союзе [10]. Если будет образована европейская федерация, то Великобритании следует, по их мнению, отказаться от своих национальных интересов и действовать для удовлетворения интересов европейских. А так как они во многом не совпадают, то это лишь ухудшит положение страны. Также консерваторы отстаивают ту точку зрения, по которой в Европе еще не образовалась единая европейская нация, еще не сформировалось общее европейское сознание. Один из лидеров Консервативной партии, М. Портило, сказал по этому

поводу следующее: «Нации Европы слишком отличаются друг от друга, их истории, культуры, ценности слишком отличны, чтобы их можно было объединить в одно государство. Мы можем сотрудничать вместе для взаимных выгод. Но европейцы еще не имеют общего чувства самоопределения, общего взгляда на их роль в мировой политике. Они не составляют нацию, и до тех пор, пока это не произойдет, мы не должны пытаться создать европейское национальное государство» [11]. Страны Европы не готовы к объединению в единое государство. Это же препятствие мешает формированию единого европейского государства как демократической структуры. Как отмечал М. Портилло, хотя ЕС и состоит из государств-демократий, сам он не является демократическим образованием. И в этом случае чем больше вопросов передается на решение на европейском уровне, тем меньше «Великобритания может наслаждаться плодами демократии» [11]. Эта позиция объясняет и нежелание консерваторов принимать единую Европейскую конституцию.

Консерваторы убеждены, что единая конституция навредит странам-членам ЕС и лишит их возможности определять свою политику в экономике, принятии законов и т.д.. Они не считают нужным создавать единую конституцию, когда у каждой страны уже есть своя собственная. «Мы верим в Европу, которая не требует жертвовать своей независимостью ради участия в ЕС. Британцы хотят быть частью ЕС, но при условии, что он будет более демократичным» [8]. Консерваторы выступают против самой идеи конституции. Конституция усилит централизацию и урегулирование ЕС. Она даст, в случае ее принятия, ЕС право вмешиваться во внутреннюю политику Великобритании. Именно поэтому консерваторы считали необходимым провести референдум по вопросу о принятии конституции, будучи уверенными, что он закончится провалом проекта.

Позиция консерваторов заключается в следующем: « Быть в Европе, но не управляться из Европы» [14]. Консерваторы во главе с Майклом Говардом пообещали всеми силами противостоять подписанию Европейской конституции, придя к власти в будущем. Если Великобритания проголосует против единой конституции, то это вовсе не означает, что она будет вынуждена покинуть ЕС, она лишь сохранит status quo в этом вопросе [6].

По опросам общественного мнения 2004 г., большинство населения верило, что с принятием конституции Британия потеряла бы суверенитет в области налоговой, иммиграционной и внешней политики, потеряла бы место в Совете безопасности ООН. Попытки лейбористов разубедить британское население в доводах консерваторов оказались тщетными. Первоначально примерный срок проведения референдума о принятии единой Европейской конституции был назначен на март 2006 года. Но после того как против проекта проголосовали в Нидерландах и Франции, Тони Блэр заявил, что дата референдума откладывается на неопределенный срок. Это объяснялось опасениями премьера о возможном провале конституции на референдуме [12]. Великобритания отличается от Франции и Голландии еще более скептическим отношением ко всем решениям ЕС.

Провал ратификации Европейской конституции на некоторое время затормозил процесс углубления евроинтеграции. Но в последующие годы усилия по институциональному реформированию ЕС продолжились. Вместо конституции, которая заменила бы ныне действующие основополагающие договоры (Римский и Маастрихтский), было решено внести в них изменения, отражающие реалии Европейского союза образца XXI века. На саммите ЕС 22-23 июня 2007 года была достигнута принципиальная договорённость о разработке вместо конституции «Договора о реформе» — облегчённой версии, содержащей главным образом положения о порядке функционирования институтов ЕС в новых условиях. Лиссабонский договор представляет собой вариант реструктуризации Европейского союза в рамках общей программы развития Европейского сообщества. Данный договор ставил своей целью модернизацию уже существующих нормативных документов в соответствии с политикой Евросоюза, а также превращения Хартии основных прав человека в один из нормативных актов Евросоюза. Концептуально Лиссабонский договор весьма близок конституции, так как те поправки, которые предлагаются в данном договоре, касаются институализации Союза. Однако нормативно он ею не является, скорее представляя собой лишь дополнение к уже действующим договорам и соглашениям. Верным будет воспринимать Лиссабонский договор как промежуточный нормативный акт, который должен сформировать поле для возможного принятия конституции [4].

Ратификацию Лиссабонского договора в Великобритании было решено провести через парламент, а не с помощью референдума, как планировалось с проектом конституции. Консервативная партия обвинила правительство во главе с Гордоном Брауном в нарушении ранее данных обещаний и обязалась в случае своего прихода к власти все-таки вынести документ на всенародное голосование [5]. Но этого не произошло. Процесс ратификации Лиссабонского договора в Британии был успешно завершен 16 июля 2008 года.

Результаты референдума по Конституционному договору ЕС во Франции в мае 2005 г. привели к тому, что Великобритания сумела укрепить свои позиции внутри Евросоюза. При этом решение Франции и других европейских государств, например Нидерландов, в отношении Конституционного договора позволили Великобритании отложить голосование по данному вопросу, результаты которого также могли оказаться неудовлетворительными. После провала договора на референдумах во Франции и Нидерландах Великобритания и другие страны-члены Союза взяли паузу, чтобы определиться с фундаментальными основами и стратегическими направлениями европейской интеграции. Затем были приняты новые шаги по реформированию институтов ЕС. Являясь одним из лидеров Европы, Великобритания ни в коем случае не желала потерять свой вес в принятии решений на уровне Европейского Союза. Правительство страны активно участвовало в разработке и ратификации Лиссабонского договора. После того как договор вступил в силу 1 декабря 2009 года, Евросоюз получил возможность более эффективного функционирования в современных условиях.

Библиографический список

1. Валуев, А.В. О роли «конфликта интересов» в формировании европейской политики британских «новых лейбористов» (1997-2005 гг.) [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 6. – Вып. 3. - 2005.

2. Кашкин, С.Ю., Четвериков, А.О. На пути к европейской конституции [Текст] // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. - №1 (42).

3. Кузин, О.В. Великобритания и Европейский союз [Текст] // Актуальные проблемы Европы. – М., 2005.

4. Регель, Г. Лиссабонский договор: новый вариант евроконституции? [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://n-europe.eu/article/2008/08/08/lissabonskii_dogovor_novyi_variant_evrokonstitutsii_chast_i

5. Смотров, А. Британские "тори" планируют референдум по Лиссабонскому договору. 4.10.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.rian.ru/world/20091004/187431916.html

6. Blackwell. What if We Say No to the EU Constitution. Centre for Policy Studies. April 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.brugesgroup.com/mediacentre/euconstitution.live

7. Blair T. Statement to Parliament on the EU White Paper and the EU Constitution (20 April 2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.pm.gov.uk/output/Page5087.asp

8. Conservative European Manifesto. Putting Britain First. June 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.conservatives.gi/EuroManifesto2004.pdf

9. Europeanconvention [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://european-convention.eu.int/bienvenue.asp?lang=en

10. Minogue K. The Fate of Britain's National Interest [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.brugesgroup.com/mediacentre/index.live?article=206

11. Portillo M. Democratic Values and the Single Currency. 14 Jan 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.michaelportillo.co.uk/speeches/speeches_pub/speech12p.htm

12. Ruuda M. Blair cautious on setting date for referendum. 09.11.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3640949.stm

13. Straw J. EU Constitutional Treaty – A strong Britain in a reforming Europe (9 February2005) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.ena.lu/address_given_jack_straw_ratification_constitutional_treaty_london_february_2005-02-17698

14. The BBC and "Europe". General Election survey. May 14 - June 7, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.globalbritain.org/BBC/15c_Minotaur_BBCandEuropeMay14toJune7_ 01.pdf

15. The British Debate on the EU Constitution – Can the Referendum Be Won? [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.epin.org/pdf/Paper_HughesJan05.pdf.

УДК 306

В. П. Басков

Демографические проблемы молодежи

Рыночная направленность развития страны на протяжении последних двух десятилетий с неизбежностью сказалась на социально-демографической структуре общества. Молодежь как демографическая категория объединяет население в границах 14-30 лет. На этот возраст приходятся основные события в жизни человека. За сравнительно короткий период представители этой возрастной группы переживают серьезные социально-демографические изменения своего статуса. В возрасте 14-16 лет у молодых людей несколько меркнет авторитет учителей. На первый план выступают авторитеты и интересы к новой сфере деятельности – трудовой. Этот возраст становления личности, усвоения ценностей, норм, образцов поведения, присущих данному обществу. Для 16-18- летних характерна поведенческая и профессиональная переориентация. Для молодых людей этой возрастной категории характерно адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Молодежь 18-23 лет, как правило, уже обладает средним и высшим образованием, и в этом случае встает вопрос приобретения профессии, а иногда и получения второй. В этот период необходим целый комплекс мер по социальной реабилитации и обеспечению активного включения в производственный процесс. Для молодежной группы 23-30 лет характерны поддержка и вера в необходимость проведения реформ, курс на рыночную экономику, занятие бизнесом, создание условий для полной реализации способностей и возможностей личности. Характерный признак – ориентация на такие факторы, как инициатива (62%), предприимчивость (58%), наличие капитала (66%), нужных связей (54%), везение и удача (45%).

Численность и состав молодежный группы, ее доля во всем населении определяется тремя основными демографическими фактора-

ми: рождаемостью, смертностью и миграцией. Естественно, что пополнение молодого поколения россиян происходит, прежде всего, за счет рождаемости. С конца 80-х и начала 90-х годов рождаемость в России резко падает, и одновременно увеличивается смертность. Доля молодежи в населении России стала резко падать. В 2007 году в стране родилось, по данным Минздравсоцразвития, 1602,4 тыс. человек (рост 8,3%), умерло 2080,1 тыс. человек (снижение на 4%).

В ходе переписи населения РФ в 2002 году было установлено, что со времени переписи 1989 года население России сократилось на 1,8 млн. человек до 145,2 млн. человек. В последующие годы население страны продолжало сокращаться.

В структуре трудоспособного населения доля лиц в молодежном возрасте составила 36%. Сегодня 28 млн. молодых россиян (93%) заняты в общественном производстве и очно обучаются в учебных заведениях всех типов. На долю занятых в производстве приходится 20%.

В сложившихся условиях от правительства, активно поддержанного партией «Единая Россия» в Государственной Думе, потребовали серьезных мер для исправления ситуации. В 2008 году в рамках реализации послания президента РФ Федеральному Собранию были разработаны и приняты два федеральных закона. Они были направлены на существенное улучшение демографической ситуации, рост рождаемости и улучшение материального положения семей с детьми. Был увеличен размер пособий по уходу за ребенком до полутора лет. Введены пособия по уходу за ребенком для неработающих женщин. Введено единовременное пособие при всех формах устройства ребенка на воспитание в замещенную семью. В связи с уточнением прогноза уровня инфляции в 2008-2010 году предусматривалось также увеличить размеры материнского капитала с 267,5 тыс. рублей до 271,25 тыс. рублей в 2008 году и с 290,4 тыс. рублей в 2009 году до 307,6 тыс. рублей в 2010 году.

Какое отношение имеет рассматриваемая проблема к Ярославской области? В области сложилась социально-демографическая ситуация, характерная для всей Российской Федерации. В целом регион удерживает средние позиции, о чем свидетельствуют следующие показатели.

Количество родившихся на 1 тыс. человек в 2008 году в Ярославской области составило 9,9 человек, Костромской – 10,7, Ивановской 9,8, Вологодской – 11,5, Московской – 9,6. Количество умерших на 1тыс. человек - в Ярославской области 17,5, Костромской – 17,6, Ивановской – 18,8, Вологодской – 15,9, Московской – 16,7 человек. Следовательно, естественный прирост населения отсутствует.

В этих условиях нельзя не сказать о таком факторе, влияющем на численность молодежи в социальной структуре, как миграция. В 2008 году в Ярославскую область за счет миграции влилось 4,7 тысяч человек, несравненно больше, чем в соседние: в Ивановскую – 1,4 тысячи, Вологодскую – 441, Костромскую – 201 человек.

В сложившейся ситуации требуется ряд мер, направленных на закрепление молодежи в народном хозяйстве. Это, прежде всего, разработка молодежной демографической политики, обеспечение работой молодых специалистов, оканчивающих средние профессиональные и высшие учебные заведения, мониторинг работающей и учащейся молодежи с учетом половозрастных характеристик и др.

УДК 316

Е. А. Пелевина

Консерватизм и модернизации

В последнее время понятия «модернизация» и «консерватизм» находятся в центре общественного внимания. Тема эта стала главной в дискурсе всех политических сил, в том числе и партии «Единая Россия», объявившей себя консервативной. Она и ранее позиционировала себя как консервативная партия, но сейчас на консерватизм партии парламентского большинства обратили особое внимание в связи с провозглашением президентом Д.Медведевым модернизационной программы. Противоречивость понятий – «модернизация» предполагает изменения в обществе, а «консерватизм», наоборот, - сохранение существующих порядков - породила серьезные дискуссии в экспертном сообществе. Появилось слово «оксюморон», которое все чаще используется оппонентами «Единой России» для характеристики ее идеологической программы. Партийные идеологи опубликовали множество разъяснительных материалов, в которых доказывалось, что

никакого противоречия между модернизационным курсом и консервативными установками нет. Ими приводились многочисленные исторические примеры, когда консервативный подход к модернизации применяли многие успешные партии и партийные коалиции – от немецкого Христианско-демократического союза до малайского Национального фронта, от французских голлистов до китайских коммунистов.
Однако дискуссия не закончена, консенсусного понимания консервативной модернизации России не сложилось.

На сегодняшний день существует несколько конкурирующих проектов модернизации. Первый из них – президентский: Д.А.Медведев обнародовал его в статье « Россия, вперед!» и в послании Федеральному собранию. Созданная президентом Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики предложила «пять векторов» модернизационного прорыва: резкий рост эффективности производства, включая энергосбережение, развитие ядерных технологий, новые информационные технологии, новую структуру передачи информации, прорыв в производстве медицинского оборудования. Президентский проект модернизации будет консервативным по содержанию; ненасильственным по методам; демократическим с точки зрения опоры на сложившиеся национальные демократические институты.

Второй проект представлен в докладе Института современного развития (ИНСОР) «Россия XX1 в.: образ желаемого завтра» под руководством И.Юргенса и Е.Гонтмахера .Авторы критикуют президентский проект за технико-технологический подход к модернизации. Согласно их точке зрения, модернизация – это процесс формирования базовых социальных институтов, образующих каркас общества модерна. В их числе – система массового образования, административная система, армия, суды, система исполнения наказаний, институализированная наука и многие другие. Главная миссия модернизации – полноценная социализация человека и формирование нации как культурно однородного и солидарного сообщества на базе этих институтов. «Модернизация» в указанном контексте не равнозначна «инноватизации». Если последняя представляет собой «подстегивание» экономико-технологического развития, то модернизация - создание его фундаментальных, инфраструктурных предпосылок. В то же время авторы выделяют приоритетные направления развития российской экономики: но-

вая энергетика, трансконтинентальный скоростной транзит, экологически ориентированное сельское хозяйство, информационные технологии.

Наибольший резонанс вызвали политические инновации, предлагающие среди прочего сократить президентский срок с шести до пяти лет, избирательный барьер – с семи до пяти процентов, а также реорганизовать МВД и ФСБ в прогрессивном реформаторском ключе. Оппоненты, особенно представители «Единой России», назвали эти предложения «возвращением в 90-е» и безусловно отвергли. «Справедливая Россия» и ЛДПР поддержали.

Наконец, третий проект модернизации разработан под руководством Владислава Иноземцева (Центр исследований постиндустриального общества) и назван условно «Анти-Юргенс». В настоящее время организован Общественный совет «ЗаМодернизацию.ру», в который вошли В.Иноземцев, Б.Титов, Г.Явлинский. Они критикуют оба предыдущих проекта за то, что в них по-прежнему сильна демагогическая составляющая. Авторы проекта против понимания модернизации как набора технических мер. Так же, как и в президентском, в данном проекте выделено пять направлений модернизации:

-ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве. Россия, страна европейской культуры, должна стать страной европейской экономики, политики и права;

- утверждение в стране справедливого капитализма, создающего равные возможности для всех, 40-50% населения страны должен составлять предпринимательский класс;

- «новая индустриализация страны». Основной показатель экономической эффективности - уровень конкурентоспособности отечественной продукции на внешнем и внутреннем рынках;

- практическое осуществление первостепенных требований и чаяний российского общества: массовое строительство индивидуального жилья с выделением земли;

-отказ от двоемыслия и выдуманных идеологий. Идеологией модернизации должны стать принципы приоритета права над политической целесообразностью, неприкосновенность частной собственности, прав и свобод граждан, утверждение социальной справедливости.

Данный проект и проект ИНСОРа носят ярко выраженный либеральный характер, однако российская власть склонна поддерживать консервативную модернизацию, предложенную «Единой Россией». На

ноябрьском съезде партии был принят программный документ под названием «Россия: сохраним и приумножим!» В нем идеология партии определяется как «российский консерватизм», который должен способствовать стабильности и развитию, постоянному творческому обновлению общества без застоев и революций, идеология сохранения и модернизации России на основе собственной истории, культуры, духовности. Консерватизм призван освободить страну от застарелых социальных недугов, разрушить преграды на пути инноваций и новых достижений.

Консерватизм представляет собой одну из старейших и влиятельных идеологий, имеющую три значения: защита или существующего положения вещей, или исторической непрерывности, или какого-то положения в прошлом, признаваемого идеальным. Существуют различные классификации консерватизма: выделяется консерватизм либеральный, умеренный и правый; ценностный (ориентирующийся на сохранение основополагающих общественных ценностей и их осуществление) и структурный (исходящий из того, что стабильность обеспечивается поддержанием общественных структур). Данное понятийное разнообразие отражает динамизм и изменчивость социальных процессов, которые вызывают необходимость адаптации консерватизма к новым социально-политическим реалиям. Консерватизм как идеология должен приспосабливаться, видоизменяясь и воспринимая нечто для себя важное даже у своих идейных оппонентов. В результате появляются синкретические идеологические формы: либеральный консерватизм, консервативный либерализм, революционный консерватизм и т.д. Идейный плюрализм в целом характерен для эпохи постмодерна, однако в консерватизме изначально не было доктринальной монолитности. В дальнейшем идейные вариации консерватизма лишь усиливались, поскольку в каждом отдельном случае содержание консервативной проблемы ставилось в зависимость от требований эпохи. Так что консерватизм убедительно продемонстрировал возможность своего развития; сплав ценностей, философско-теоретических идей и соответствующей социальной политики придает консерватизму статус универсалии культуры. Российский консерватизм, хотя и обладает спецификой, но исторически и культурно связан с европейским консерватизмом.

Съезд партии «Единая Россия» положил начало активной разработке принципов и понятий нового российского консерватизма. Не только исследовательские центры, близкие к партии (Национальный институт развития современной идеологии, Центр социально-консервативных исследований), но и значительная часть научной и медийной общественности активно обсуждала проблемы российского консерватизма вообще и консервативной модернизации в частности. В условиях острой критики со стороны либералов идеологи партии стремились к тому, чтобы новый тренд «консервативная модернизация» воспринимался как нечто непротиворечивое. Анализ статей, докладов, выступлений в СМИ позволяет выделить некоторые консенсусные положения:

- консерватизм является ответом на социальный запрос большинства населения, которое инертно, безучастно и патерналистски настроено. Невербализованный консерватизм отражает настроения большинства. В период модернизационных изменений потребность в массовой социальной поддержке власти лишь возрастает, а «переформатировать» его в «большинство модернизации»- задача заведомо нереалистичная;

-консерватизм – антитеза анархии и экстремизма, инструмент поступательной модернизации без революционных «скачков» и «рывков»;

- основные ценности нового российского консерватизма: патриотизм, русская духовность (православие), сильное государство, экономический дирижизм, социальная справедливость, соборность;

- антизападничество. Идеологи нового российского консерватизма считают моральный кризис общества следствием поспешного копирования западных форм жизни и агрессивного вторжения ценностей рыночной экономики.

Интерес к консерватизму в среде политической элиты и аналитиков связан главным образом с попыткой найти идеологию или национально-государственную идею, способную если не «вдохновить», то хотя бы объединить самые разные социальные слои общества. Политический консерватизм прагматичен, он решает проблемы, стоящие преимущественно «в повестке дня», стараясь действовать в рамках существующих институтов и законодательства. Современный консерватизм претендует на защиту культурного, исторического наследия и окру-

жающей среды, традиционного образа жизни и системы ценностей, сохранение сильного государства с имперскими амбициями во внешней политике. Он опирается на обращение к нации и народу.

Особо важное место в системе ценностей русского консерватизма занимает православная религия. Позиции Русской православной церкви в нынешнем российском обществе отличаются определенной двойственностью. С одной стороны, роль РПЦ как хранительницы традиционной русской духовности формально признаются широкими кругами населения, а также властью. С другой стороны, Церковь потенциально может рассчитывать на более значимую роль в духовной и общественно-политической жизни страны, чем сегодня. Данная ситуация является следствием целого ряда причин и прежде всего слабой воцерковленности подавляющего большинства населения страны, лишь формально являющихся православными по вероисповеданию. Недостаточная воцерковленность российского общества, безусловно, сказывается на положении современного русского консерватизма, ослабляя его позиции.

Попытка обозначить некую универсальную идеологию консерватизма заранее обречена на неудачу, поскольку консерватизм Великобритании. Германии, США, любой другой страны, а тем более России, имеет существенные отличия. В любой стране мы найдем проявления умеренного, охранительного и ультраконсерватизма. Кроме того, необходимо признать, что хотя политическая функция консерватизма остается неизменной, периодически происходят изменения части постулатов консервативной идеологии. Если говорить о некоем минимальном и обязательном для консерватизма наборе принципов, к нему следует отнести следующие: а) признание преемственности и традиции как ведущих ценностей, защита установившихся порядков; б) неприятие любых революционных потрясений; в) убежденность в том, что медленные, постепенные, последовательные реформы есть единственно правильный и достойный путь развития государства; г) отношение к семье как к основе общества; д) убежденность в необходимости минимизации социальных программ, снижении налогов на высокие доходы; е) передача, насколько это возможно, материальных объектов в частную собственность.

Консерватизм имеет преимущество в том, что, сохраняя свое идейно-ценностное ядро и принимая различные модификации («либе-

ральный консерватизм», «религиозный консерватизм», «элитарный консерватизм» и т. д.), способен интегрировать в себя новые идеи и дать ответ на ключевые вызовы современности:

- в ответ на вызов глобального хаоса – укрепление национальных государств и национально-религиозных традиций, что обеспечит миру геополитическую многополярность и межцивилизационный диалог;

-в ответ на вызов социальной аномии – укрепление традиционных моральных религиозных ценностей общества;

- в ответ на проблему социальной атомизации – консолидация общества на основе общих духовных и нравственных ценностей;

- в ответ на проблему глобального дефицита ресурсов – пропаганда идеи индивидуального самоограничения ради удовлетворения духовных потребностей, а также создание более экологичной и социально ориентированной модели экономики;

- в ответ на проблему политического отчуждения – создание принципиально новой модели отношений элиты и общества, построенных на принципах служения и ответственности.

Новая российская консервативная идеология только начинает формироваться и, несомненно, нуждается в основательной научно-теоретической и прикладной проработке. Однако углубление кризиса либеральной модели цивилизации делает консервативную идеологию в ее современной модификации, безусловно, востребованной.

УДК 316

Л.Н. Талызина

Социальная база модернизации современной России

Статья президента Д.А. Медведева «Россия, вперед» [4], посвященная актуальным проблемам нашей страны, дала старт широкому обсуждению необходимой нам модернизации, причем во всех сферах: экономической, технологической, социальной, политической, идеологической. Страна живет с риском отстать от исторического времени. Осознание необходимости радикальных перемен и так при-

шло к власти достаточно поздно, поэтому проходить они будут с большими издержками.

Д.А. Медведев характеризует российскую современную жизнь как неокрепшую демократию с примитивной сырьевой экономикой и хронической коррупцией, полусоветской социальной сферой, негативными демографическими тенденциями. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысоки. Экономика игнорирует потребности человека [4]. Президент отразил растущее понимание Кремлем того, что рентоизвлекающую модель российской политической экономии дальше поддерживать невозможно. При этом он апеллировал к административной системе, которая развивалась последние 10-15 лет.

Кризис выявил отсталость России не только в экономическом и технологическом плане, но и в гуманитарном смысле. Люди в целом пассивны в отношении собственной судьбы, склонны к озлобленности, депрессии, растут алкоголизация и наркотизация населения, беспризорность, архаизация бытового уклада, высокая смертность. Отсутствует должный уровень социального доверия и солидарности. Это предопределяет массовые настроения упадничества и приводит к маргинализации значительного числа слоев [6].

Всеобъемлющая модернизация стала ключевым термином. Она должна спасти страну и вывести ее к новым горизонтам развития. Наша модернизация уже по традиции является экзогенной, т.к. обусловлена давлением внешних факторов, а не в первую очередь внутренними потребностями элиты и общества.

Но призывы к инновациям системного характера могут остаться словами, если не будет налажен работающий механизм диалога власти и народа. У этих субъектов должны быть совпадающие интересы развития страны, существовать обратная связь от общества к власти, чиновники и политики должны держать ответ перед обществом.

При переводе слов о модернизации в практическую плоскость неизбежно встает вопрос о ее социальной базе, о том, на какие слои будут опираться новаторские проекты. Наиболее четко позиция в этом вопросе изложена, на наш взгляд, в комментариях М.Б. Ходорковского на статью Д.А. Медведева. Он справедливо отмечает, что для достижения подлинной модернизации требуется целый социальный класс, который характеризуется автором как «поколение М.», но численность

которого пока не превышает 3% трудоспособного населения. Ставка при этом делается на инновационно ориентированный мелкий и средний бизнес, молодых ученых и инженеров, не утративших еще веру в возможность реализоваться на родине, широкие слои гуманитарной интеллигенции, специалистов и профессионалов с творческим потенциалом. В целом – это слои, ориентированные на созидание, а не паразитическое распределение [7].

Но проблема, на наш взгляд, еще шире. Вопрос о технологическом и экономическом развитии упирается в необходимость существования адекватной общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению, использованию новейших технологий. Ведь технологическое развитие в своей основе есть социальное явление. Отсюда следует, что главным предметом модернизационной концепции должно стать само общество, его основные подсистемы: административная, массовое образование, наука, пресса и СМИ, правоохранительная, культура и др. В стране, в которой мало кто верит в справедливость суда, в которой гражданин не может чувствовать себя в безопасности от тех, кто его призван охранять, в стране, где только и говорят о неправовых выборах, не может произойти рывок к новым технологиям.

Вопрос о формировании социальной базы модернизации в условиях фактической деиндустриализации сложен. В качестве важнейшей цели логично рассматривать создание нового индустриального общества и соответствующих ему социальных связей.

Страна должна научиться производить конкурентоспособную продукцию в массовых масштабах и сама стать конкурентоспособной. Но для этого нужны высококвалифицированные рабочие, техники, инженеры, ученые. Многие из них за последние 10-15 лет уехали, оказались невостребованными по профессии.

Дефицит квалифицированных специалистов в разных отраслях может ощутимо затруднить реализацию курса на модернизацию. Если раньше уезжали преимущественно ученые из-за нищенского заработка и унизительного состояния науки, то в нынешнее время страну покидают профессионалы, мастера своего дела, разочаровавшись в самореализации на родине, да и просто опасаясь за свою жизнь и безопасность. Это уже не столько вопрос денег. Это проблема социального климата в стране, престижа в обществе знаний и компетенций [1].

Значительная часть населения в условиях архаичного хозяйства заражена патернализмом. Отношения между властью и населением покоятся на весах «социальной справедливости», т.е. перераспределении в рамках сырьевой экономики. Именно на распределительную функцию государства ориентированы примерно две трети населения, проживающего в малых городах (часто моногородах) и деревнях. Поэтому требования к власти касаются, прежде всего, пенсий, безработицы, социальной защиты, медицины. О необходимости строить инновационную экономику, преодолении сырьевой отсталости, развитии конкуренции говорят только в крупных городах, где есть современная инфраструктура и сосредоточена более образованная и активная часть общества, а люди вписаны в гораздо более открытые системы отношений [2]. Групп, имеющих ясное представление о необходимости модернизации, ее сути, неизбежности и наличии определенных издержек – абсолютное меньшинство. «Трудности перевода» между «пассивным большинством» и «активным меньшинством», их ориентация на разные требования к власти являются главной характеристикой старта модернизационного проекта в социальном отношении [3].

Проблема для власти заключается не только в господствующих настроениях патернализма и отсутствии массового социального запроса на модернизацию, но и неготовности части элиты к переменам и неэффективных институтах самого государства. Для «ручного управления» в стране еще достаточно проблемных точек, но большая часть экономики и социальной сферы должна быть самоуправляемой и саморазвивающейся, открывающей простор гражданской активности. И самое главное, на что следует обратить внимание, – независимая судебная власть и действительно ПРАВООхранительная система. Насущная потребность повышения качества государственного управления требует усиления кадрового состава исполнительной власти по вертикали. Рекрутирование высших должностных лиц по принципу землячества или личной лояльности должно уступить место выбору по профессиональной компетентности. Последовательная реализация данного принципа, естественно, связана с развертыванием процессов реальной политической конкуренции.

Партийная система должна стать более представительной за счет заполнения пустующих социально-политических ниш. Непосредственно в Государственной думе политические силы тоже должны

иметь доступ к федеральным каналам, необходим режим постоянной дискуссии между политиками. Иначе как же преодолеть «дефицит новых идей» и «низкое качество общественных дискуссий» [4]?

Для реализации модернизационного проекта необходимы глубокие политические реформы, то есть постепенный отказ от авторитарной модели. Все виды инноваций должны работать на повышение благосостояния людей. Могущество государства не должно быть целью политики. В XXI веке реалии таковы: страны являются могущественными благодаря тому, что они успешны экономически (и социально), а не наоборот.

Отсутствие в стране работающих демократических институтов, реальной добросовестной конкуренции внутри политической системы, назначаемость элит лишает общество диалога о путях его развития, исключает значительную часть активного населения, т.е. основного субъекта инновационного развития, из участия в самоопределении. Повышение качества жизни, благосостояния, включая гуманитарный аспект, требует демократизации, построения правого государства, достижения верховенства закона, улучшения инвестиционного климата.

Но, к сожалению, в силу особенностей исторического развития многие в стране считают оправданным применение силовых методов для обеспечения прогрессивных перемен. И до тех пор, пока слова о модернизации будут расходиться с реальными общественными процессами, голоса сторонников модернизации по авторитарному варианту начнут звучать все громче [2].

С учетом ускоряющегося времени результаты модернизационных проектов должны ощущаться каждый год. Только в этом случае значительная часть политической и бизнес – элиты начнет конструктивно втягиваться в этот процесс. Сейчас еще многие либо боятся перемен, либо не верят в успешное будущее страны. А если позитивные перемены в разных сферах дадут о себе знать, то есть шанс, что к 3-5% креативного населения добавятся еще несколько.

Контекст современной модернизации позволяет расставить акценты в дискуссии о балансе между гражданским обществом и государством, частной инициативой и централизацией, раскрыть конструктивный потенциал разных социально-политических сил.

В модернизаторскую коалицию могут войти партии и общественные организации, ассоциации бизнеса и объединения граждан,

предприниматели, чиновники, интеллигенция, все, кто хочет перемен к лучшему. Президент, обращаясь к «креативному классу» со статьей «Россия, вперед!», предлагал дискуссию, ожидал честных ответов на нелицеприятные и жесткие вопросы. Это даже не вопросы, а вызовы, стоящие перед страной. Люди, группы и корпорации, которые желают и способны дать ответы, постепенно будут становиться социальной базой модернизации.

Библиографический список

1. Голанд, Ю. Главная причина наших проблем – рабская привязанность к сырью [Текст] – Новая газета. 11.01.2010.

2. Голанд, Ю. Я опасаюсь модернизации из-под палки [Текст] – Новая газета. 18.01.2010.

3. Консервативная модернизация – 2010. Конфигурация власти и новая политическая повестка дня [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.regnum.ru/news/1241073.html.

4. Медведев, Д. А. Россия, вперед! [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – gazeta.ru/comments/2009/09/10_a3258568.

5. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.apn.ru/publications/article22100.htm.

6. Социально-политические последствия кризиса и проблемы кризисного регулирования (мир и Россия, Россия в мире) (материалы семинара) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.polisportal.ru/sppk.html.

7. Ходорковский, М.Б. Модернизация: «Поколение М» [Текст] - Ведомости. 21.10.2009.

УДК 316

С.В. Фефилин

Некоторые проблемы социологии электоральных процессов: региональный аспект

Электоральная социология изучает комплекс проблем, связанных с поведением населения в избирательных кампаниях. В их число входит исследование политической ориентации социальных общностей и отдельных граждан; анализ факторов, влияющих на участие в

выборах и голосовании, мотивы участия или неучастия в них; изучение структуры электората, особенностей восприятия им предвыборных мероприятий, партий и кандидатов; оценка эффективности деятельности агитационных материалов и уровней их воздействия на позиции избирателей; прогнозирование итогов выборов. Кроме того, в состав объекта электоральной социологии попадает проблематика, лежащая на стыке с политической социологией и социологией права (политическая культура и политические установки избирателей, особенности избирательных систем, политические механизмы и предвыборные технологии) [1]. Все эти вопросы составляют основное направление в социологическом обеспечении избирательных кампаний. Они и привлекают особое внимание заказчиков.

К электоральным социологическим исследованиям предъявляют особые требования, отличающие их от аналогичных в других социологических дисциплинах. Прежде всего, необходимо учитывать фактор времени. Временной промежуток между выводами социологов по результатам исследования и их верификацией по итогам выборов короток. Осуществить исследовательский проект в оперативном режиме под силу лишь достаточно большому коллективу, с привлечением специалистов различных специализаций и квалификации. Поэтому предвыборные исследования являются характерным состязанием, формой конкурентной борьбы за последующие выгодные заказы и предложения.

Кроме того, необходимо учитывать уровень доступности респондентов. Данный фактор накладывает серьезные ограничения, так как все количественные исследования построены на методе массового опроса. Он базируется на следующем: для того, чтобы результаты этого опроса были репрезентативными, каждый человек должен иметь возможность попасть в выборку исследования. Все, что мешает такой равновероятностной доступности всех членов социума, снижают эффективность этих процедур. В городах, по сравнению с сельскими населенными пунктами, уровень недостижимости существенно выше. Например, в Ярославле удается опросить только одного человека из десяти среди тех, кого намечают социологи.

При отборе населенных пунктов с целью оценки электорального поведения жителей сельской местности в выборку попадают преимущественно обитатели более крупных поселений. Крупные федераль-

ные исследовательские центры никогда не проводят опросы в селах, где проживает меньше 100 человек, поскольку это резко увеличивает затраты [2]. Поэтому при интерпретации данных необходимо делать поправки, потому что средние оценки мнения сельского населения немного смещены. Учитывая то, что метод исследования или технология сбора информации не меняется, такого рода допущения требуют коррекции на уровне интерпретации данных.

В городских условиях социологи могут использовать процедуру уличного опроса. Ее суть заключается в том, что интервьюеры опрашивают тех людей, которые в данный момент населяют данный район. Даже тогда, когда подбираются территория для квартирных опросов, эти опросы проводятся не в квартирах, а у подъездов домов. Но данная методика работает только в городах, где существует плотная застройка многоэтажных домов (выше 5 этажа) [3]. В нашем регионе блиц-опрос возможно использовать только в Ярославле и Рыбинске. Если же опрос будет проводиться в населенных пунктах, где население меньше 100 тысяч, то там тяжело будет найти необходимое количество респондентов. Поэтому необходимо комбинировать данный метод с методом поквартирного опроса.

Процедура телефонного опроса имеет большую популярность среди столичных социологов. К его преимуществам можно отнести относительно малую затратность, жесткую территориальную привязку, точность. Но имеется серьезный недостаток – необходимо учитывать уровень телефонизации населенного пункта. Если для Москвы и Санкт-Петербурга данный показатель достигает 90-95% от всего населения, то в областных центрах он равен 70%, а в районных городах и поселениях еще ниже [4]. «За бортом» выборки остаются самые низкие социальные слои. Поэтому применение данной методики в Ярославской области возможно только в Ярославле, Рыбинске, Тутаеве и Угличе.

Проблема искренности ответов респондентов является одной из ключевых при заполнении анкеты. Некоторые индивиды утаивают свое мнение в случае отличия его от доминирующего. Мотивировкой в данной ситуации является попытка избежать потенциальной социальной изоляции, скрыть социально не одобряемое мнение и поведение. Соответственно респонденты, идентифицирующие себя с большинством, открыто демонстрируют свои позиции. Следствием действия

данного механизма («спираль молчания») является смещение нормального распределения в сторону более распространенного мнения [5]. Для выявления подобной группы людей необходимо использовать более тонкие методические решения, позволяющие выявить расхождение между вербальным и поведенческим компонентами социальной установки.

Несколько лет назад серьезным препятствием для изучения общественного мнения был низкий уровень вербализации политики, особенно среди жителей сельских районов. В настоящие момент избиратели готовы анализировать и обсуждать политику с незнакомым человеком. Однако необходимо учитывать при проведении опроса этап реализации избирательной кампании. Как правило, люди более открыты за 6-5 месяцев до дня голосования и по мере приближения самых выборов все более неохотно отвечают на вопросы.

Таким образом, рассмотрены основные организационные факторы, которые значительно влияют на проведение количественных социологических исследований электоральных процессов на региональном уровне. За пределами нашего внимания остались методические и организационные вопросы проведения качественных исследований. Данные проблемы заслуживают отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1.Колесников, Ю.С. Прикладная социология [Текст].- Ростов н/Д: Феникс, 2001. –С. 85.

2.Блинова, О.Н. Советники: Исследовательские и консалтинговые структуры России [Текст]. – М.: Гном и Д, 2002. – С.15.

3.Проведение предвыборных социологических опросов в регионах [Текст]: методические рекомендации. Вып. 5 / сост. С.И. Васильцов и др. - М.: Комиссия по проведению выборных кампаний, 2003. – С. 21.

4.Ротман, Д.Т. Электоральные исследования: сущность и технологии [Текст] //Социс.- 1998. - № 9.- С.14.

5.Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания [Текст]. - М.: Центр, 1996. – С. 52-53

УДК 371.72

А.В. Лымарев

Парламентский контроль спецопераций ЦРУ США

Центральное разведывательное управление с момента своего создания в 1947 году являлось и является одной из самых влиятельных иностранных спецслужб. От эффективности работы этого учреждения очень часто зависело направление внешней политики США. Успех деятельности ЦРУ заключался не только в качественном сборе информации о потенциальном противнике, но и в проведении точечных эффективных действий на территории иностранных государств. Такие активные действия получили название секретных операций (covert operations). О проведении данных операций знали лишь самые высокопоставленные чиновники Соединенных Штатов.

Эффективность тайных операций ЦРУ зачастую определяла положение США на международной арене. Особенно четко это проявилось в начальный период «холодной войны», когда созданное Законом о национальной безопасности [5] 1947 года ЦРУ с переменным успехом провело ряд операций.

Уже в декабре 1947 г. Госдепартамент США порекомендовал Совету национальной безопасности продумать меры по дополнению традиционных методов внешней политики тайными операциями. В соответствии с данным указанием за 7 лет работы СНБ было произведено некоторое количество директив и указаний, касающихся тайной стороны Центрального разведывательного управления. Наиболее известной является директива Совета национальной безопасности 10/2 от 18 июня 1948, где раскрывается значение термина «тайные операции» [6].

В полном соответствием с закрепленным в Конституции США принципом разделения властей и принципом сдержек и противовесов правом осуществлять контроль за деятельностью служб американской разведки наделены все три ветви государственной власти: законодательная, исполнительная и судебная. Каждая ветвь власти использует свои методы и приемы контроля. Подобное проведение надзорной деятельности обеспечивает эффективность и устойчивость системы контроля над разведкой.

Спецоперации разведывательного управления по своему определению предполагают вмешательство во внутреннюю жизнь другого государства. Несмотря на важность действий, производимых ЦРУ, парламентский контроль деятельности этой организации, осуществляемый со стороны Конгресса США, не всегда проводился на должном уровне. До провала знаменитой операции в Заливе Свиней 1961 года деятельность американской разведки в области проведения тайных операций не обращала на себя большого внимания со стороны представителей Конгресса.

После Второй Мировой войны началась эпоха противостояния сверхдержав, где тайные операции в арсенале разведывательных служб имели большое значение. Несмотря на активную борьбу с распространением коммунизма, немногие в Конгрессе США обращали свое внимание на секретную деятельность американской разведки. Голосование комитетов по увеличению бюджета ЦРУ на следующий год проходило под давлением идеи продолжения борьбы с Советским Союзом за мировое влияние. «Нужды Холодной войны», на которые выделялись средства, воспринимались Конгрессом как единое целое. Вопрос о количестве спецопераций в отчетный год и распределение бюджета на отдельные элементы не рассматривалось [8, p. 305].

Внимание к ЦРУ выросло во время правления администрации Эйзенхауэра, однако это произошло, по большей части, благодаря попытке изобличить носителей коммунистической идеи внутри США. Маккартисты поддерживали удачные операции американских разведслужб по борьбе с прокоммунистическими режимами в Иране, Гватемале и Индонезии. О проведенных действиях спецслужб представители Конгресса узнавали постфактум, а удачный результат способствовал поддержке разведывательного управления со стороны Конгресса.

Провал операции в Заливе Свиней 1961 года изменил взаимоотношения ЦРУ с Капитолийским холмом. На протяжении ряда лет контролем над деятельностью ЦРУ занимались неспециализированные комиссии, в обязанности которых входили не только разведывательные вопросы, но и другие, не связанные с разведкой аспекты. По большей части главенствующая роль в осуществлении надзорной функции за деятельностью разведслужб принадлежала президенту США, что фактически превращало работу спецслужб, в том числе и по проведению спецопераций, в закрытую перед обществом.

Система парламентского контроля над деятельностью американской разведки в современном виде была сформирована в середине 1970-х годов путем образования двух независимых надзорных комитетов из членов Сената и членов Палаты представителей Конгресса США. В состав данных комитетов входили и входят конгрессмены, в той или иной степени связанные с разведывательной деятельностью до своего избрание в органы законодательной власти.

Причиной создания комитетов по надзору над разведывательной деятельностью, а главным образом за проведением тайных операций, послужило расследование деятельности ЦРУ в 1975-1976 годах, проводимое под руководством Ф. Чёрча. Расследование было инициировано после возникновения в Конгрессе слухов о проведении ЦРУ тайных операций с использованием «грязных» методов, под которыми в основном понимались политические убийства и похищения людей [3]. Доклад комиссии Ф.Чёрча [2] о незаконных действиях ЦРУ во время проведения спецопераций составил 243 страницы и произвел ошеломляющий эффект на Конгресс. По итогам работы комиссии было составлено 183 рекомендаций по совершенствованию внешней и военной разведки, осуществлению контроля над разведдеятельностью и защите прав граждан [4].

Комитет по разведке Сената был создан в 1976 году на основании резолюции Сената США № 400 [7]. В основные функции надзорного органа Сената входят осуществление надзора за разведывательной деятельностью, контроль за реализацией разведывательных программ, представление Сенату рекомендаций по финансированию разведывательной деятельности, в том числе и проведение спецопераций ЦРУ, представление Конгрессу США рекомендаций по совершенствованию законодательной базы США, регламентирующей разведывательную деятельность. Количество членов Комитета по разведке постоянно варьируется.

Комитет по разведке Палаты представителей Конгресса США был сформирован в 1977 году. В его состав входят 19 человек, при этом количество представителей республиканской и демократической партий в комитете пропорционально количеству представителей этих партий в Конгрессе. Комитет по разведке Палаты представителей обладает аналогичными надзорными функциями, однако имеет определенное преимущество перед Комитетом по разведке Сената при формировании ассигно-

ваний в разведывательную деятельность. При рассмотрении бюджета разведывательного сообщества, часть которого уходит на реализацию спецопераций, Разведывательный комитет Палаты представителей имеет более широкие полномочия, так как он, кроме формирования бюджета Национальной разведки, рассматривает бюджетные проекты разведывательных программ Министерства обороны США.

Вопрос о контроле Конгрессом деятельности ЦРУ в области проведения тайных операций привел к созданию в американском парламенте феномена двух независимых докладов, которые можно условно разделить на отчет по политическому аспекту спецопераций и отчет по реализации данных действий. Первый доклад разъяснял представителям Конгресса цели и задачи проведения спецопераций, основываясь на представлениях американцев о распространении демократических ценностей. Данный документ носил репрезентативный характер. Отчет о реализации спецопераций носил инструктивный характер и предполагался для сотрудников самого управления [8, p. 306-308].

Комитеты, занимавшиеся надзором за деятельностью ЦРУ в области проведения тайных операций, часто старались уменьшить риск проводимой операции для увеличения шансов ее успеха, тем самым действуя в интересах повышения популярности администрации действующего президента. Борьба за президентский рейтинг могла приводить и к разрешению проведения довольно рискованных действий со стороны разведки. При принятии решения о разрешении проведения тайных операций комитет по деятельности ЦРУ предоставлял данные, которые либо удовлетворяли членов Конгресса, и операцию разрешали проводить, либо не удовлетворяли, и операция шла на ускоренную доработку Оперативным отделом ЦРУ, после чего проходила утверждение в практически неизменном виде. Слабое внимание представителей Конгресса к деятельности ЦРУ было обусловлено тем, что спецоперации проводились вне территории США в режиме секретности и их результат не оказывал на общественные настроения американцев никакого влияния.

Таким образом, в начале деятельности Конгресса по установлению контроля над спецоперациями ЦРУ определяющим был субъективный фактор, который приводил к неэффективности парламентского надзора.

Исполнительная власть является инициатором большинства из проводимых спецопераций ЦРУ США. Она определяет цель данной операции, выделяет средства на проведение внешнеполитических действий, определяет уровень секретности данного мероприятия. Однако время от времени обсуждение данных действий происходит на открытом заседании Конгресса США, что приводит к созданию феномена «открытых специальных операций», наличие которого вызвано определенными обстоятельствами [8, p. 308-309].

Несмотря на заявляемый нейтралитет Центрального разведывательного управления в проводимой внутренней политике США, члены комитетов Конгресса, как и президент США, могут воспользоваться спецоперациями ЦРУ, инициировав их и придав их огласке для улучшения рейтинга проводимой политики. Контроль за спецоперациями ЦРУ позволяет членам Конгресса США иметь дополнительные возможности в реализации как интересов национальной безопасности, так и собственных интересов, поскольку Конституция США оставляет за представителями Конгресса право на обсуждение интересующих вопросов касательно деятельности американской разведки.

Обсуждение спецопераций ЦРУ становится неизбежным в современной конституционной системе США, несмотря на то, что предполагаемая цель проведения спецопераций как продвижение американских демократических ценностей часто воспринимается неэтичной в вопросе о том, имеет ли иностранное государство право вмешиваться во внутреннюю политику страны.

Необходимо также отметить, что мнение Конгресса и его членов об эффективности и целях специальных операций формируется в большинстве случаев за счет предоставления соответствующей информации Комитетами по разведке. Собственные инициативные идеи членов Конгресса редко находят поддержку среди сформированного Комитетами по разведке мнения большинства.

После окончания «холодной войны», во время которой спецоперации американской разведки были направлены в основном на противостояние распространению коммунистических идей, вектор внешнеполитической линии правительства США повернулся, по большей части, к противодействию терроризму, борьбе с мировым оборотом наркотиков и распространением оружия массового уничтожения. Цель тайных опера-

ций борьбы с идеологией сменилась на идею сохранения национальной безопасности в пределах границ США.

Такая новая политика, проводимая Центральным разведывательным управлением, позволила ослабить контроль над проведением тайных операций, так как они редко расходились с общепринятой точкой зрения на проблему, которую необходимо было устранить. За первые несколько лет после окончания «холодной войны» лишь немногие спецоперации стали достоянием общественности, а те, что стали, не вызвали широкий общественный резонанс. На передний план вышли действия, целью которых было не прямое свержение прокоммунистических режимов, а поддержка действующих правительств при борьбе с потенциальными для США угрозами.

Стоит отметить, что проведение спецопераций ЦРУ США, поддерживаемых комитетами по разведке Конгресса, часто предполагает использование методов, которые могут расходиться с гуманными представлениями о ведении военных или иных действий.

Формирование независимых комиссий по расследованию незаконной деятельности ЦРУ при проведении спецопераций остается актуальной проблемой и по настоящее время. В 2008 году директор ЦРУ Майкл Хейден признал применение пыток сотрудниками управления, что вызвало широкий общественный резонанс. Признание президента, а также разоблачение сокрытия от Конгресса бывшим вице-президентом США Диком Чейни факта прямого воздействия по вопросу проведения контртеррористических операций ЦРУ привело к созданию очередной комиссии по расследованию, возглавляемой Дженис Шаковски и Сильвестром Рейесом.

Таким образом, контроль со стороны законодательной власти над проведением спецопераций ЦРУ не является достаточно эффективным. Надзор за проведением спецопераций не осуществляется полномерно в силу специфики контролируемых процессов. Формирование комитетов по разведке в обеих палатах Конгресса США из представителей, связанных в прошлом с разведывательной деятельностью, создает возможность появления субъективных точек зрения на проведение разведывательных действий. Среди возможных перспектив работы надзорных за ЦРУ органов Конгресса США необходимо рассмотреть идею объединения Разведывательных комитетов Палаты представителей и Сената в единственный надзорный орган. Данная идея сама по себе не

является новой [1], однако вопрос об изменения статуса и консолидации двух разведывательных комитетов остается открытым.

Библиографический список

1. Дундуков, М.Ю. Разведка в государственном механизме США [Текст]. – М.: Кучково поле, 2008.

2. Church Committee Reports [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.aarclibrary.org/publib/contents/church/contents_church_reports.htm

3. Hersh, S. Huge CIA Operation Reported in US against Antiwar Forces, Other Dissidents in Nixon Years [Text] // New York Times. 1974, December 22.

4. Horrock, N. Senator Church's Committee: More Than One Voice [Text] // New York Times. 1976, April 25.

5. National Security Act of 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml

6. National Security Council Directive NSC 10/2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.voltairenet.org/article163480.html

7. Senate Resolution 400, 94th Congress. A Resolution Establishing a Select Committee on Intelligence, May 1976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=110c□ongr□eports&docid=f:sr003.110.pdf

8. Snider, Britt L. The Agency and The Hill: CIA's Relationship with Congress , 1946–2004[Text]. Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Washington, DC. 2008.

УДК 371.72

И.А. Мамзелев

Итоги избирательного цикла 2007-2009 гг. в Ярославской области и изменения в партийно-политической системе региона

11 октября 2009 года состоялись выборы в органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области, в рамках которых были распределены следующие мандаты: главы го-

родского округа город Рыбинск, главы Гаврилов-Ямского района, депутатов Некрасовской районной Думы (15 мандатов), депутатов муниципального совета Ярославского района (27 мандатов), глав (64 мандата) и депутатов представительных органов (722 мандата) городских и сельских поселений в 16 районах. В результате этих выборов практически полностью обновился состав исполнительной и законодательной (представительной) власти в регионе и на местах. Окончательным завершением избирательного цикла можно считать 14 марта 2010 года, когда состоятся выборы в муниципальный совет г. Рыбинска, а также в органы местного самоуправления Рыбинского района и входящих в него поселений. Цель данной статьи – подвести предварительные итоги избирательного цикла 2007-2009 годов с точки зрения их влияния на партийно-политическую систему региона.

Выборы 2007-2008 гг. выявили основные действующие силы в партийно-политическом пространстве Ярославской области. Помимо «Единой России», ими стали КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Кроме того, в облдуму удалось пробиться двум представителям «Патриотов России» и сформировать в ней фракцию. Вместе с тем «Патриоты России» на дальнейших выборах никак себя не проявили и фактически оказались всего лишь пропуском в региональный парламент для областного депутата всех созывов А.И. Цветкова, ранее с шумом вышедшего из «Справедливой России». «Патриоты России» сменили в областной Думе «Аграрную партию России», которая после ряда неудачных кампаний тихо ушла с политической сцены, влившись в «Единую Россию».

Кроме того, следует отметить уход из реальной политики правых партий, ни одна из которых не попала в региональный парламент. Таким образом, самой правой партией в облдуме оказалась «Единая Россия».

Еще одной важной тенденцией следует считать кризис в региональном отделении «Справедливой России», начавшийся еще во время выборов в Госдуму РФ 2 декабря 2007 года. Федеральная избирательная кампания развенчала надежды на строительство двухпартийной системы, нанеся удар по «справедливороссам» после согласия В.В. Путина на IX Съезде «Единой России» возглавить избирательный список партии. Это вызвало раскол в рядах «эсеров», в том числе в региональном отделении. Сразу после выборов 2 декабря 2007 года проти-

воречия в стане областных «справедливороссов» стали явными. Возглавивший региональное отделение партии депутат Госдумы РФ А.Н. Грешневиков инициировал смену состава регионального совета, а также масштабную чистку партийных рядов, в результате чего закрылся ряд местных отделений. Окончательным результатом внутрипартийных противоречий стало снятие списка «Справедливой России» с выборов в областную Думу 2 марта 2008 года по причине нелегитимности региональной конференции. Из внутреннего кризиса ярославские «эсеры» стали выбираться только к концу 2009 года.

Таким образом, к выборам 11 октября 2009 года в области действовало семь региональных отделений. Из них «Правое дело» и «Яблоко» были практически недееспособны. «Единая Россия» отличалась несомненным доминированием в политическом и информационном пространстве. Преимуществами ЛДПР и КПРФ являлись статус парламентских партий, наличие сети местных отделений и опыт работы в регионе. «Справедливая Россия» переживала серьезный внутренний кризис. «Патриоты России» были представлены в региональном парламенте, но не имели возможности выдвигать кандидатов без сбора подписей.

«Единой Россией» были выдвинуты и зарегистрированы кандидаты на все 830 мандатов. Следует отметить, что местный уровень выборов был выгоден в первую очередь «партии власти», так как только она была способна выдвинуть кандидатов на большую часть мандатов и тем самым обеспечить себе хорошие шансы на победу. Ярославское региональное отделение политической партии ЛДПР выдвинуло 155 кандидатов на должности глав и депутатов, местные отделения КПРФ – 75 кандидатов, «Справедливая Россия» – 34 кандидата. Кроме того, в выборах приняли участие 424 самовыдвиженца.

Согласно информации Избирательной комиссии Ярославской области, средняя явка по области в день голосования составила 35,57% [1]. По результатам выборов 11 октября и 1 ноября (в 16 поселениях в этот день состоялся второй тур голосования) из 830 мандатов наибольшее количество – 662 (79,76%) получили кандидаты от «Единой России», 28 мандатов (3,37%) – КПРФ, 17 (2,05%) – ЛДПР, 8 (0,96%) – «Справедливой России».

Анализ прошедших в 2007-2010 гг. выборов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, можно говорить об определенном усилении роли партий в регионе. По результатам выборов 2007-2010 годов в Госдуму РФ прошло шесть кандидатов от четырех партий (по сравнению с тремя кандидатами от двух партий в 2003 году), в областной Думе было образовано пять партийных фракций (правда, в Думе предыдущего созыва насчитывалось шесть фракций и объединений), в выборах в местное самоуправление приняло участие четыре партии (в 2005 году кандидатов выдвинула только «Единая Россия»). Это было вызвано, прежде всего, введением пропорциональной системы на федеральных выборах и системы многомандатных округов на местном уровне. Поэтому роль партий в электоральном процессе и в публичной политике повышается.

Во-вторых, вместе с формальным усилением партийной составляющей приходится говорить о резком реальном дисбалансе партийно-политической системы. Как показал опыт выборов на всех уровнях власти, оппозиционные партии даже в совокупности не могут ничего противопоставить «Единой России». Если на федеральном уровне оппозиция смогла выступить более-менее достойно, то уже в региональном парламенте за счет «единороссов»-одномандатников ей достается минимальное количество мандатов, а на местных выборах преобладание «Единой России» становится просто подавляющим. При этом «партия власти» становится настолько могущественной и многочисленной, что серьезной проблемой для нее становятся собственные самовыдвиженцы, которые подчас могут выиграть у официальных кандидатов, как в случае с выборами главы города Пошехонье. Несмотря на существование так называемых «праймериз», или первичных партийных выборов, разногласия по вопросу кандидатур от «Единой России» по-прежнему приводят к конфликтам.

В-третьих, тревогу вызывает маргинализация оппозиционных партий. Прошедшие выборы показали их объективную слабость – структурную, организационную, технологическую, финансовую. Кроме того, партии в течение ряда выборов терпят серьезный имиджевый урон, поскольку оказываются несостоятельны в электоральном отношении. Помимо перечисленных слабостей, мешающих им выдвигать конкурентоспособных кандидатов, вести их кампанию, привлекать технологов и сторонников, низкий электоральный эффект вызван необходимостью соперничества с административной машиной. Испол-

нительная власть оказывается практически единственным эффективным участником избирательных кампаний, и регулярная (хотя и не повсеместная) поддержка ею кандидатов от «Единой России» обеспечивает им значительные шансы на победу. Победа же кандидатов от оппозиционных партий, даже представленных в Госдуме РФ, на региональных и местных выборах в большинстве случаев крайне маловероятна. Данное обстоятельство вызывает все большее раздражение у оппозиции и говорит о реальных проблемах в партийной системе. Не случайно 15 октября 2009 года по итогам выборов в Ярославской области представители фракций КПРФ, ЛДПР и «Патриоты России» в облдуме провели пресс-конференцию, на которой заявили о том, что выборы в стране и в том числе в Ярославской области были проведены в интересах власти, с нарушениями в пользу «партии власти» и «с применением уголовщины» [2]. Как и в случае «демарша оппозиции» в Государственной Думе РФ накануне, региональные отделения партий выступили единым фронтом против «Единой России» (правда, непонятны причины участия в пресс-конференции «Патриотов России», не участвовавших в выборах 11 октября 2009 года в Ярославской области).

Таким образом, избирательный цикл 2007-2010 гг. привел, с одной стороны, к усилению присутствия партий в политическом пространстве региона, с другой – показал значительные диспропорции в партийной системе области. Оппозиция, в том числе парламентская, даже в совокупности не может конкурировать с «Единой Россией» ни на выборах, ни в межвыборный период. Изменения избирательного законодательства стимулируют усиление влияния партий на политическую жизнь, однако в то же время роль партий как институтов артикулирования общественных интересов и субъектов политической борьбы становится формальной. В условиях отсутствия конкуренции формализуется и роль тесно связанной с властью и доминирующей в политическом пространстве «Единой России», которой способна противостоять только «партия самовыдвиженцев». Если оппозиционные партии в условиях своей объективной и субъективной слабости и в дальнейшем будут тяготеть к совместным действиям, то идеологические различия между ними могут окончательно нивелироваться. В то же время усиливается раскол между оппозицией и «партией власти», предметом которого являются не альтернативные варианты общест-

венного развития, а политика власти, в том числе во время избирательных кампаний. Это ставит под угрозу саму возможность нормального, стабильного развития общества.

По нашему мнению, нарастает необходимость серьезного реформирования как избирательного законодательства, ограничивающего вмешательство исполнительной власти в электоральный процесс, так и самой партийной системы – с целью усиления партий и повышения их роли в общественной жизни. Существующие политические организации с организационной и идеологической точки зрения не способны в полной мере выполнять свои функции. Обществу необходимы сильные партии, отражающие интересы различных социальных групп, представляющие альтернативные варианты развития страны в условиях демократии и конкурентоспособные в решении политических вопросов и во время избирательных кампаний.

Библиографический список

1. 12 октября в Правительстве области прошла пресс-конференция [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Ярославской области: сайт.
URL: http://yaroslavl.izbirkom.ru/WAY/948807/sx/art/953380/cp/1/br/948706 (дата обращения: 03.03.2010).

2. Выступление первого секретаря обкома КПРФ А.В. Воробьева на пресс-конференции фракций КПРФ, ЛДПР и «Патриоты России» Ярославской областной Думы 15 октября 2009 года по итогам выборов в органы местного самоуправления Ярославской области 11 октября 2009 года [Звукозапись].

УДК 316

А.В. Гаврилов

Правый радикализм: о современных возможностях понятия

За последние двадцать лет общественно-политическая жизнь большинства европейских стран была отмечена электоральным успехом крайне правых партий. На последних выборах в Европейский парламент, прошедших в июне 2009 г., они уже почти привычно получили

места (37 из 785) [11], подтвердив свой наметившийся с 1980-х гг переход из разряда полумаргинальных групп к статусу признанных парламентских партий. В некоторых странах им даже удалось улучшить результаты. В Голландии Партия Свободы (Party for Freedom) получила 17% голосов избирателей, в Дании Датская народная партия (Danish people's party) – 15%, в Финляндии Партия истинных финнов (True Finns Party) – 10%, в Венгрии Джоббик (Jobbik) – 14% [11].

Некоторые из источников правого радикализма (например, трансформация "социального государства" и переход в постматериалистическую и постиндустриальную эпоху) характеризуют российскую действительность лишь в ограниченной степени, однако по мере усиления демократизации и либерализации и наша страна будет сталкиваться с их негативными последствиями в значительно большей мере, чем сейчас. Таким образом, все большую актуальность будет приобретать изучение европейского опыта сосуществования демократических партий, поддерживающих существующую политическую систему государства и организованного, "респектабельного" правого радикализма, находящегося в оппозиции к партийной системе в целом.

"Правый радикализм" является наиболее распространенным термином для обозначения идеологии таких современных партий, как например "Фламандский интерес" (бывший "Фламандский блок"), "Свободная партия Австрии" (СвПА), германские "Республиканцы" (РЕСП), итальянский "Национальный альянс" и прочие. Другими относительно распространенными терминами являются "правый экстремизм", "неофашизм" ("неонацизм", "фашизм") и "правый популизм". Малоупотребительными являются термины "постфашизм", "радикальный популизм" и "национал-популизм", которые скорее призваны отражать авторскую «новизну», чем служить теоретическому анализу в контексте научных дискуссий. Почему термин "правый радикализм", на наш взгляд, является наиболее предпочтительным?

Большинство известных исследователей современных крайне правых идеологий стараются избегать терминов "неофашизм", "неонацизм" и "фашизм". Во-первых, это приводит к масштабному игнорированию произошедших за три четверти века экономических, общественно-культурных и политических изменений. Такие партии, как французский "Национальный фронт" (НФ), упрочили свои политические позиции и достигли весомых электоральных успехов в иных исторических

условиях, нежели те, в которых к власти в Германии в 1933 году пришли национал-социалисты Гитлера. В отличие от межвоенного периода, когда в большинстве европейских стран у власти находились недемократические режимы либо использовались недемократические методы, современное состояние практически исключает возможности прихода к власти с использованием насильственных или авторитарных методов. Кроме того, если фашистские партии в экономических вопросах отстаивали идеи корпоративизма или "третьего пути" (не коммунизм и не капитализм), то современные праворадикальные партии в большинстве случаев не отрицают идеалов свободного рынка и капитализма.

Во-вторых, современные правые радикалы очень редко возводят свое мировоззрение к идеологиям фашистских движений межвоенного периода. Напротив, часто правые радикалы подчеркивают свое принципиальное идейное отличие от "архаических" ультранационалистов, «криптонацистов» и т.д. Один из известных российских исследователей фашизма, А.А. Галкин, считал фашизм "правоконсервативным революционаризмом, пытающимся, не считаясь с издержками, снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия" [1, с.152]. Ведущий британский специалист Р. Гриффин трактует фашизм в качестве революционного ультранационализма, направленного на возрождение (или скорее «новорождение») нации [9, p.41]. Современные праворадикальные партии в большинстве случаев не ставят акцент на мифологических темах возрождения нации и установления "нового мирового порядка". Они далеки в своих намерениях от планов тотальной (и тоталитарной) трансформации мира. В их программах подчеркиваются рациональные моменты. Объектом обращения является разум, сознание потенциальных избирателей, а не их эмоциии или мифологические мотивы.

По мнению итальянского ученого П. Игнаци, за последние десятилетия неофашистские партии – за исключением "Британской национальной партии" и некоторых других – практически исчезли из европейской политической сферы [7, p.217]. Тем не менее, термины "фашизм" и "неофашизм" по-прежнему входят в политологический словарь и в настоящее время употребляются для обозначения партий и движений в тех случаях, когда они:

1) выстраивают свое мировоззрение по образцу идеологий фашистских партий межвоенного периода или трансформируют их с учетом новых условий, не затрагивая при этом идеологическую основу (примером движения такого рода может служить французские "Новые правые" Алена де Бенуа);

2) используют стилистику фашистских партий (например, униформу, символику или лозунги);

3) открыто выражают ностальгию по фашистскому прошлому того или иного государства (например, "Свободная германская рабочая партия" или румынская "Новая правая").

Термин "правый популизм" получил широкое распространение в последние годы благодаря отсутствию открыто негативных ассоциаций, присутствующих в других терминах. Достаточно убедительны аргументы для использования термина "правый популизм" при описании голландского "Списка Пима Фортейна" (СПФ) и некоторых других партий, политический стиль, стратегия и структура аргументации которых далеки от понятия "экстремизм". Ведущим мотивом их программ является защита «народных», включая социальную политику, интересов. Некоторые исследователи, анализирующие эволюцию той или иной партии, могут говорить о трансформации праворадикальной партии в правопопулистскую и наоборот. Когда главой СвПА стал Йорг Хайдер, он "сместил" некогда правопопулистскую партию на крайний политический фланг. Норвежская "Прогрессивная партия" после значительной коррекции политического курса в начале XXI века, напротив, выбыла из класса праворадикальных партий и может считаться правопопулистской. Таким образом, "правый популизм" часто используется для обозначения тех партий и движений, которые не настолько воинственно настроены, чтобы причислять их к праворадикальным или правоэкстремистским.

Существует несколько серьезных возражений против использования термина "правый популизм". Во-первых, слово "популизм" имеет слишком широкий спектр значений: выражение интересов народных масс, "почвенничество", отстаивание социальной и национальной справедливости, вера в возможность простейшего решения политических и экономических проблем, идея прямого участия народа в управлении государством, вера в здравый смысл простого народа и его моральные качества и т.д. Подобный ряд значений затрудняет по-

нимание термина "правый популизм", делая его неподходящим для строгого политологического анализа. Понятие "народ", занимающее центральное место в определении популизма, может трактоваться различными способами – как народ-класс, народ-нация или народ-источник власти – поэтому "народо-центризм" популизма может быть как демократическим, так и антидемократическим, консервативным или реакционным, причем определение "правый" в этом случае будет играть второстепенную роль. Вследствие этого, понятие "популизм" способно легитимировать крайне правые организации в качестве подлинно демократических, несмотря на угрозы, которые они несут современной политической системе.

Основные среди них:

1. Тенденция изображать политическую реальность в "черно-белой гамме", исключая возможность компромиссов, поэтому популизм стремится мобилизовать население вместо того, чтобы способствовать развитию взвешенной дискуссии о сложных общественно-политических проблемах.

2. Популистская риторика в большинстве случаев подразумевает наличие харизматического лидера (нередко обладающего чувством особой миссии), энергичность и личная привлекательность которого перевешивают – в глазах его сторонников и потенциального электората – необходимость четкой политической и экономической программы развития государства.

3. Популизм стремится реализовать волю большинства, не уделяя внимания соблюдению индивидуальных прав и свобод. Нередко последние вообще упраздняются во имя интересов так называемого "морального большинства" [6, p.12-14].

Таким образом, если термин "фашизм" (или "неофашизм") обладает конкретным значением, может адекватно употребляться в политологической литературе для описания лишь ограниченного количества современных политических партий и движений, то термин "правый популизм" имеет слишком широкое значение, затрудняющее его использование для характеристики политических субъектов.

Ученых, участвующих в дискуссии о предпочтительности употребления терминов "правый радикализм" и "правый экстремизм", условно можно поделить на три большие группы. Одни предпочитают термин "правый экстремизм" (Р. Итвелл, П. Игнаци, Э. Картер), другие

– термин "правый радикализм" (М. Минкенберг, Т.И. Гивенс), а третьи используют оба понятия в качестве синонимов (Р. Гриффин, Х.-Г. Бетц).

Первая группа мотивирует преимущество использования термина "правый экстремизм" несколькими факторами:

1. Слово "экстремизм" ассоциируется с насилием и антисистемным характером крайне правых партий [4, p.22; 6, p.8].

2. "Правый экстремизм" в большей степени нежели "правый радикализм" ориентирует исследователя на анализ политических, а не психологических или социальных граней рассматриваемого феномена [7, p.28].

3. В США термин "правый радикализм" ассоциируется не с современными партиями крайне правого фланга, а скорее с такой антикоммунистической организацией, как "Общество Джона Берча" или с идеологией "маккартизма" [6, p.7; 7, p.28].

4. В Германии различие между "экстремизмом" и "радикализмом" закреплено на уровне закона. В контексте основополагающих документов "Федерального бюро защиты конституции" ФРГ экстремистами считаются те политические субъекты, деятельность которых противоречит центральной составляющей немецкой конституции – либерально-демократическому устройству государства. В соответствии с законом деятельность таких политических субъектов (например, партий) не только отслеживается "Федеральным бюро", но и может быть насильственным образом прекращена. В свою очередь, радикалами считаются те политические субъекты, которые подвергают глубокому сомнению либерально-демократический строй и являются его непримиримыми критиками. В отличие от экстремистов радикалы не подвергаются преследованию, так как в Германии радикальные политические взгляды занимают свое законное место в плюралистической общественной системе [3, p.25].

Вторая группа ориентирована на использование термина "правый радикализм" по следующим причинам:

1. Изучаемый феномен не сводится исключительно к партиям и их программам, а его базис включает в себя не только организованные группы, но также воззрения и ориентиры населения. Население может быть не только избирателями, но и активными участниками неоргани-

зованной праворадикальной субкультуры. Понятие "экстремизм", в свою очередь, ограничено лишь организованными группами [2, p.19].

2. Благодаря значительному объему научной литературы, в которой используется термин "правый радикализм", он стал ассоциироваться скорее с современными крайне правыми идеологиями, нежели с американскими ультраконсервативными течениями.

3. "Правый радикализм" в меньшей степени политизирован по сравнению с термином "правый экстремизм", который не только обладает отчетливо негативным значением [8, p.20], но и часто используется политиками для нападок и делегитимации оппонентов. Этот факт признают даже те исследователи, которые предпочитают "экстремизм" "радикализму" [10, p.10]. Учитывая немецкую практику различения двух феноменов, политологи, называющие ту или партию "правоэкстремистской", в значительной степени берут на себя неподходящую функцию правосудия.

4. Результаты исследования французского специалиста А. Деза показывают, что такие партии, как, например, СвПА, НФ и "Итальянское социальное движение", которые отдельные ученые называют "правоэкстремистскими", предполагая среди прочего антисистемную составляющую их идеологии, на практике предпочитают адаптироваться к системе [5, p.35]. Следовательно, такие партии являются – в терминах документов "Федерального бюро защиты конституции" – непримиримыми критиками либеральной демократии, однако их деятельность остается в рамках конституционного порядка. Это тезис подтверждается неудачной попыткой запретить предположительно "правоэкстремистскую" "Национально-демократическую партию Германии" в 2003 году, а также тем фактом, что – также предположительно – "правые экстремисты" из РЕСП по-прежнему принимают участие в федеральных выборах, несмотря на то, что правый экстремизм находится вне закона.

На наш взгляд, аргументация второй группы авторов существенно убедительнее и позволяет максимально адекватно использовать научные инструменты исследования всей группы идеологий и политических практик, включая все разновидности фашизма, правого экстремизма, религиозного фундаментализма и т.д. Термины "правый радикализм" и "правый экстремизм" (а также "фашизм") в некоторых случаях действительно могут быть взаимозаменяемыми [6, p.5; 7, p.28; 10, p.12]. Напри-

мер, если программа той или иной крайне правой партии или движения направлена на упразднение существующей (либерально-демократической) формы государственно-политического устройства общества, то эта партия является правоэкстремистской, но также праворадикальной, однако не всякая праворадикальная партия может быть названа правоэкстремистской. Данный подход также позволяет нам идентифицировать и классифицировать отличающиеся с идеологической точки зрения партии, как уже упомянутый СПФ, и другие, достаточно многочисленные, но не вписывающиеся в строгие рамки иных определений партии и движения.

Библиографический список

1. Галкин, А.А. Размышления о политике и политической науке [Текст] / А.А. Галкин. – М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2004. – 278 с.

2. Минкенберг, М. Новый правый радикализм в сопоставлении: Партии, движения и среды [Текст] / М. Минкенберг // Правый радикализм в современной Европе: сб. науч. тр. / ред.-сост. С.В. Погорельская. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 16-32.

3. Aufgaben, Befugnisse, Grenzen / H. Fromm, Hrsg. – Kцln: Bundesamt fьr Verfassungsschutz, Presse- und Цffentlichkeitsarbeit, 2002. – 147 S.

4. Carter E.L. The Extreme Right in Western Europe: Success Or Failure? / E.L. Carter. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – 271 p.

5. Dйzй A. Between Adaptation, Differentiation and Distinction: Extreme Right-wing Parties within Democratic Political Systems / A. Dйzй // Western Democracies and the New Extreme Right Challenge. R. Eatwell, C. Mudde, eds. London: Routledge, 2004. – pp. 19-40.

6. Eatwell R. Introduction: The New Extreme Right Challenge / R. Eatwell // Western Democracies and the New Extreme Right Challenge. R. Eatwell, C. Mudde, eds. London: Routledge, 2004. – pp. 1-16.

7. Ignazi P. Extreme Right Parties in Western Europe / P. Ignazi. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 272 p.

8. Givens T.E. Voting Radical Right in Western Europe / T.E. Givens. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 188 p.

9. Griffin R. Fascism's New Faces (and New Facelessness) in the "Post-fascist" Epoch / R. Griffin // Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right. R. Griffin, W. Loh, A. Umland, eds. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2006. – pp. 29-67.

10. Mudde C. The Ideology of the Extreme Right / C. Mudde. – Manchester: Manchester University Press, 2000. – 212 p.

11. New look for the parliament / European-elections. Место размещения: http://www.euronews.net/tag/european-elections

УДК 322.2

А.В. Ерёмин

Вероисповедная политика государства на рубеже XX –XXI веков

К середине 90-х годов так называемая американская модель (сепарационная) государственно-церковных отношений показала свою несостоятельность, ибо не учитывала российскую действительность. Во второй половине 90-х годов сформировалась германская (кооперационная) модель. Ее суть состоит в регулировании государством религиозной сферы без нарушения принципа свободы совести. Признается особая роль традиционных конфессий, с которыми государство заключает обоюдные соглашения о сотрудничестве в культурной и духовно-нравственной сферах. К концу 90-х годов возросло количество законодательных актов, относящихся к религиозной сфере (более 80 к 2000 г.). Более того, собственные законы и иные правовые акты по религиозным вопросам приняты в 33 субъектах РФ. Среди этих актов большинство повторяло содержание Федерального Закона, однако во многих регионах они ограничивают деятельность иностранных миссионеров, деятельность сект, что часто противоречит федеральному законодательству.

По мнению некоторых исследователей, государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, действовали автономно друг от друга и не были наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. “Горизонтальное”

взаимодействие между региональными органами по связям с религиозными объединениями осуществляется еще на довольно низком уровне. Недостаток специалистов, единого информационного поля и базы данных приводил к нарушению координации действий государственных структур центра и регионов, что затрудняло проведение единой вероисповедной политики.

В конце 90-х годов одним из решений этой проблемы было укрепление властной вертикали через создание единого органа, обеспечивающего координацию и управление отношениями государства с религиозными объединениями. По мнению специалистов, территориальные структуры были бы менее зависимы от региональных, местных властей, чем ныне действующие органы, и смогли бы координировать их деятельность с федеральной вероисповедной политикой.

Однако к концу 90-х годов взаимоотношения РПЦ и государства обрели вид тесного и плодотворного сотрудничества. Кооперационная модель развивалась быстрыми темпами. Между РПЦ и государственными подразделениями как на федеральном, так и на региональном уровне было подписано множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах общественной и культурной жизни, в системе управления РПЦ появлялись новые отделы по различным сферам общественным сферам, что свидетельствовало о росте масштабов социальной деятельности. Церковь активно работала над формулировкой своей социальной концепции. Все это позволит в начале XXI века сказать Патриарху Алексию II о том, что “государственно-церковные отношения близки к идеальным”. Поэтому создание единого органа воспринималось Церковью как вероятность нарушения развивающихся тенденций, когда решение всех вопросов будет зависеть от конкретных чиновников. Ситуация, когда все соглашения заключаются напрямую между Церковью и государственными структурами (министерства, управления и т.д.), более устраивала РПЦ, так как де-факто признавался непрописанный в законодательстве приоритет Православной Церкви, которая по праву являлась конфессией № 1.

Однако с ростом значения традиционных религий становилось очевидным, что требуются новые законы, детально прописывающие нормы отношений государства и традиционных конфессий. В конце 90-х годов назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений. Становилось очевид-

ным, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та религиозная организация, члены которой составляют наибольшее количество прихожан, по праву могла претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством. Опыт западных стран показывал, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и имеет огромный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий были юридически закреплены.

Тенденция к выработке концепции воплотилась в появлении в 2001 году новых концепций государственно-церковных взаимоотношений: например, проекта, разработанного кафедрой религиоведения РАГС, или концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленной Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве. В обоих проектах закреплялись те базовые подходы к проблеме свободы совести, которые провозглашены Конституцией РФ, Законом 1997 г. и отражали точку зрения международного права. Это принципы отделения религиозных организаций от государства и принцип светского характера государства. В проектах впервые подробно говорилось о необходимости сохранения культурного наследия и традиций. В связи с этим отмечалось, что огромную негативную роль сыграло религиозное влияние из-за рубежа. Главное, что вызвало большой диссонанс в обществе, - предложение ввести в число правовых терминов понятие "традиционные религиозные организации РФ". Наиболее четко о традиционных религиозных организациях говорилось в концепции Института государственно-конфессиональных отношений, где давались критерии их определения. Более того, предполагалось, что государство с традиционными религиозными объединениями будет иметь "приоритетное сотрудничество". В концепции РАГСа содержалось также предложение о том, чтобы образовать государственный федеральный орган по делам религиозных объединений.

Таким образом, указанные проекты как бы подводили итог развитию государственно-церковных отношений в 90-ых годах. В них оформлялась так называемая кооперационная модель. Признавался

приоритет традиционных религий, необходимость противодействия влиянию “тоталитарных сект” и чрезмерному давлению западного религиозного миссионерства. Разработанные проекты соответствовали интересам и пожеланиям РПЦ.

Несмотря на то, что проекты не стали законами, они ясно демонстрировали развитие тенденции, которое берет свое начало с середины 90-х годов. Разработка новой концепции государственно-церковных отношений и принятие ее в качестве официального Закона, на наш взгляд, - процесс необратимый. Это завершающий этап формирования вероисповедной политики в России.

УДК 908(470+571)

Н.И. Лихоманов

Священномученик Вениамин (Воскресенский) в истории Ярославского края

В настоящее время из сознания людей постепенно исчезает христианский нравственный идеал. Чтобы вернуть его, нужно немало потрудиться. В настоящее время, когда возрастает роль Церкви в обществе, от нее ждут активного участия в деле воспитания, формирования нравственных ценностей.

Для целей воспитания Церковь всегда пользовалась житиями святых. Некоторые особенности подвига святых – новомучеников делают их незаменимыми в деле воспитания молодежи. Это, прежде всего, люди безукоризненной нравственности. При этом они наиболее близки к нам по времени, что дает возможность обстоятельного изучения их жизни. Кроме того, практически в каждой местности были свои святые общецерковного масштаба. Одним из таких святых является священномученик Вениамин (Воскресенский), епископ Романовский. За период с 1999 года исследователями изучено множество архивных документов, связанных с его жизнью. В конце 2009 года вышла в свет книга Е.Большаковой «Благовестник», составленная на основе архивных материалов и дающая наиболее полное представление о жизни и подвиге Владыки Вениамина.

Василий Константинович Воскресенский (так звали Владыку до монашеского пострига) родился 15 января 1871 года в селе Переславцеве Угличского уезда Ярославской губернии в многодетной семье сельского священника отца Константина и матушки Александры Васильевны Воскресенских. Отец Константин много сил отдавал народному образованию. Он преподавал в Переславцевском духовном училище, назначался наблюдателем за церковно-приходскими школами округа и катехизатором. За свои труды неоднократно был отмечен наградами. В 1877 году в своем доме он основал начальную школу, где учила детей и

его матушка. Здесь же начал свое образование шестилетний Василий. После школы он окончил Ростовское духовное училище. С 1886 по 1892 год обучался в Ярославской Духовной семинарии, а с 1892 по 1896 – в Московской Духовной академии. После академии Василий Константинович был назначен помощником инспектора в Кутаисскую Духовную семинарию. Здесь он преподавал русскую литературу и историю. В 1901 году последовал перевод в Тифлисскую семинарию. Оказавшись в Тифлисе, Василий Константинович окончил Тифлисское Императорское музыкальное училище по классу теории музыки. Любовь к музыке он пронес через всю свою жизнь. Еще Василию Константиновичу довелось преподавать в Вятской и Вологодской семинариях, прежде чем в 1911 году последовал его перевод в родную Ярославскую семинарию. Здесь он, помимо преподавания, деятельно участвует в организации церковного хора (кстати, церковный хор он организовал и у себя на родине, в Переславцеве), помогает материально многим бедным студентам, произносит проповеди за богослужениями, будучи сотрудником проповеднического кружка. В 1916 году Василий Константинович был назначен членом издательского совета просветительского Братства святителя Димитрия Ростовского. В этом же году он расширяет круг своих учеников и в течение почти 3-х лет преподает в Ярославской железнодорожной школе 1-й и 2-й ступени.

С приходом к власти большевиков и изданием декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви все духовные учебные заведения закрываются, преподавание религии в школе запрещается. Василий Константинович, стремясь продолжить свою деятельность в новых условиях, в сентябре 1919 года обращается с заявлением в Ярославскую городскую коллегию народного образования: «Желая послужить делу народного образования, прошу назначить меня школьным работником в одном из учебных заведений г. Ярославля 2-й ступени по предмету русской литературы или истории, если имеется по ним свободная вакансия; при отсутствии последней прошу назначить меня учителем пения…» [1. Л.1]. Он был принят учителем литературы и пения в 1-ю советскую школу Волжского района.

4 июня 1921 года в Тутаеве проходит съезд духовенства и мирян, на котором обсуждается необходимость и возможность избрания епископа Романовского. Съезд постановил: «это пожелание может быть исполнено при условии назначения на кафедру епископа Рома-

новского лица, имеющего богословское образование, обладающего даром проповедничества, так необходимого в настоящее время, чтобы дать отпор все возрастающему неверию и на религиозных диспутах, и для живой проповеди среди верующих. Настоящий съезд таким кандидатом считает бывшего преподавателя Ярославской Духовной семинарии Василия Константиновича Воскресенского прежде всего…» [2. Л.279 об.]. Было решено отправить делегацию с просьбой принять на себя бремя архипастырского служения. И Василий Константинович дает свое согласие. Он принял монашеский постриг с именем Вениамин и был посвящен в епископы, стал викарием, то есть ближайшим помощником митрополита Ярославского Агафангела.

Газетные публикации тех дней позволяют судить о деятельности Владыки. Так, в одной из статей губернский специалист по антирелигиозной пропаганде с возмущением писал, что епископ Вениамин, приехав в Тутаев, «очень энергично принялся насаждать в уезде православие и частенько разъезжает по глухим деревням и своими проповедями подогревает христиан. Эти выезды с большим сонмом дьяконов, певчих и т. д., безусловно, действуют на психологию наших темных крестьян, особенно женщин, которые, под впечатление торжественного моления, блестящей проповеди, пересыпанной красивыми словами, и поражающей внешности владыки Вениамина, делались покорны «яко овцы» и без рассуждения поддавались влиянию владыки. Шутка ли! В глухой приход приехал сам владыка, в былое время это случалось однажды в столетие!» [9].

После ареста Патриарха Тихона от управления епархиями отстранялись верные Патриарху архиереи. В июне 1922 года ОГПУ арестовало митрополита Агафангела, одного из патриарших местоблюстителей. Вслед за ним был задержан и его ближайший помощник епископ Вениамин. Большевики надеялись, что в Ярославле возглавит церковную власть обновленческое Епархиальное Управление, активизировавшее свою деятельность после ареста правящего архиерея. Однако ярославское духовенство обратилось к Владыке Вениамину с письмом, в котором выразило свою верность Православной Кафолической Церкви и Митрополиту Агафангелу как правящему архиерею. В письме также говорилось: «Ввиду же невозможности быть ныне в общении с владыкой Митрополитом, просим Вас быть нашим Архипастырем и принять нас и наших пасомых под свое Архипастырское руководства и управле-

ние. Нам известно, что волею самого Владыки Митрополита Вам указано местожительство в г. Ярославле с участием в Архипастырских трудах Его Высокопреосвященства в нашем городе» [3. Л.35]. Состоявшееся вслед за этим 15 октября 1922 года общее собрание клириков Ярославской епархии подтвердило в своей резолюции признание правящим епископом Преосвященного Вениамина Романовского как получившего на это полномочия от Митрополита Агафангела. В резолюции также упоминалось: «Принимая во внимание сказанное, постановляем, чтобы отныне во всех наших храмах совершалось за богослужением молитвенное поминовение Святейшего Патриарха Тихона, Ярославского Митрополита Агафангела и Романовского Епископа Вениамина» [3. Л.47-47 об.].

18 октября в городской отдел ОГПУ, в Яргорревтрибунал, за которым числился арестованный епископ Вениамин пришло секретное предписание: «Для урегулирования вопросов, государственного значения Яр. ГО ОГПУ считает правомерным и просит Вас прекратить доступ к содержащемуся под стражей епископу Вениамину. По имеющимся у нас материалам, таковой из-под стражи имеет связь с контрреволюционным духовенством и руководит организацией для контрреволюционных целей» [3. Л.44]. Состоявшийся 28 октября суд приговорил Владыку к 7 годам лишения свободы.

Освободили из заключения Владыку Вениамина весной 1926 года по амнистии. Он поселился в Тутаеве, часто совершал богослужения еще и в Рыбинске, Мологе, Пошехонье. С 1927 года официально исполнял обязанности не только Тутаевского, но и Рыбинского епископа [5. Л.30, 6. Л.98 об.].

Владыка Вениамин после участия в праздновании Толгской иконы Божией Матери был вызван в Ярославль для дачи показаний в губсуде. Он обвинялся в произнесении проповедей контрреволюционного содержания. За недоказанностью улик дело было прекращено. За Владыкой было установлено наблюдение. Один из сексотов, характеризуя тутаевского епископа, писал: « Огромным влиянием, в особенности на женщин, и даже работниц, пользуется тутаевский епископ, недавно арестованный за контрреволюцию. К нему для молитвы и исцеления работницы приносят своих детей и считают за счастье, когда он явится к ним пообедать…» [4. Л.123 об.]. На основании показаний агентов спецорганов был собран обвинительный материал, послужив-

ший основанием для нового ареста Владыки 12 июня 1927 года. 23 сентября 1927 года епископ Вениамин был осужден на 3 года ссылки в Казахстан. Местом его ссылки стал поселок Джамбейт, позднее – селение Каратюбе. Находясь в ссылке, Владыка вел обширную переписку со священниками и верующими. Он разъяснял важность соблюдения церковных канонов, поддерживал добрым словам, давал советы.

Когда начались смущения и разделения среди духовенства в связи с опубликованной Декларацией митрополита Сергия (Страгородского), епископ Вениамин писал из ссылки: «Каноны говорят: нельзя представителя Церкви судить без суда Церкви. Если его пока нет, то пребудь в терпении, и уповании, и в чаянии грядущего суда. Он будет или через Собор, или, при невозможности его, через внутренний консенсус, который состоялся об обновленцах.

Митрополит Агафангел, находясь в преддверии смерти, не решался выступить с судом (отделение означает именно суд) без суда Церкви. Я тоже не решаюсь и боюсь. Я повинуюсь митрополиту Сергию. Это не значит, что я соглашаюсь с Декларацией (в которой действительно заключается «искание» и «общение»). Я с ней не соглашаюсь, я против нее, я осуждаю ее. Я не «мирюсь» и не «соглашаюсь» и с митрополитом Сергием, и даже считаю его виновным, но просто повинуюсь» [7].

В письме к членам церковной общины г. Пошехонье, оставшимся без храма, Владыка советует просить возвращения хотя бы одного храма из трех закрытых властями, а в случае несогласия просить разрешения на молитвенный дом. При этом он предостерегает: «К обновленцам не ходите. Они только носят облачения и одеяния священнические, но они не священники» [8].

Считая долгом архиерея высказать свою церковную точку зрения на возникшие перед Русской Православной Церковью вопросы, епископ Вениамин направил 16 июня 1929 года на квартиру благочинного протоиерея Флегонта Понгильского письмо для архиепископа Павла (Борисовского), назначенного на Ярославскую кафедру после смерти митрополита Агафангела. Это письмо попало в руки ОГПУ. Переписка Владыки была расценена как контрреволюционная деятельность и повлекла за собой заключение в тюрьму. Следствие по делу продолжалось около года. Здоровье епископа Вениамина значительно ухудшилось из-за тяжелых условий и крайне скудного питания. Он был помещен в тюремную боль-

ницу. 10 сентября 1931 года последовал приговор тройки ОГПУ о заключении Владыки в концлагерь сроком на 10 лет. Однако этот приговор уже не мог свершиться в полной мере. 5 октября 1932 года епископ Вениамин скончался в тюремной больнице и был погребен в безвестной могиле.

Владыка Вениамин (Воскресенский) не занимал известные архиерейские кафедры, не оставил никаких систематических трудов, но его письма, исполненные тревогой за будущее Церкви Христовой, за чистоту православной веры, поражают глубиной и точностью анализа самых сложных вопросов церковной жизни. С трудом владея рукой после болезни, находясь в крайне неблагоприятных условиях ссылки и тюрьмы, он не оставлял своим попечением вверенную ему Богом паству. Смиренный преемник благодати апостольского служения, священномученик Вениамин, по слову святого апостола Павла, во всем явил себя как добрый воин Иисуса Христа (2 Тим. 2, 3), был бдителен во всем, перенес скорби, совершил дело благовестника, исполнил служение свое.

Библиографический список

1. ГАЯО. - Ф. Р-178. - Оп. 1. - Д. 3888.
2. ГАЯО. - Ф. Р-516. - Д. 166.
3. ГАЯО. - Ф. Р-3698. - Оп. 2. - Д. С-4773.
4. ГАЯО. - Ф. Р-178. Оп. 4. - Д. 21.
5. ГАЯО. - Ф. Р-514. - Оп.1. - Д. 782.
6. Рб Ф ГАЯО. - Ф. Р-2. - Оп. 2. - Д. 87.
7. ГАЯО. - С-11861. Письмо епископа Вениамина к отцу Николаю Понгильскому от 27 ноября 1928 года. Копия.
8. Письмо епископа Вениамина на имя Параскевы Григорьевны Гудковой от 18 ноября/ 1 декабря 1928 года. Подлинник.
9. Творческие дни [Текст]. – 1922. - № 64.

УДК 260.1

В.В. Добродеев

К вопросу о причинах разделения Церкви в XI в.

Епископ Илия Минятий, излагая начала и причины отпадения Церкви Западной от Восточной и причины несогласия между ними,

отмечал, что во времена патриарха Фотия Западная Церковь разногласила с Восточной только в том, в чем обвинял Западную Церковь сам патр. Фотий во втором окружном её послании, а именно в том, что «западные постились в субботу, что в первую неделю Великого поста разрешали сыр, молоко и тому подобное, отделяя её от святой Четыредесятницы; не дозволяли священникам жить в законном супружестве, почитали недействительным и бесполезным помазание святым Миром, совершаемое священниками; и делали прибавление в Символе веры, уча, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына», каковое учение патр. Фотий называл «верхом зла» [1, с.40]. Однако во время жизни еп. Минятия (1669 – 1714 гг.), по его же сведениям, считалось уже пять пунктов несогласия: «власть Папы, исхождение Святого Духа, опресноки, чистилище и блаженство праведных» [1, с.41].

К двадцатому веку причин несогласия прибавилось. Помимо указанных, добавился догмат о вероучительной непогрешимости Римского первосвященника, учение о первородном грехе и первозданной праведности, учение о спасении мерой добрых дел, учение об Откровении и мариальные догматы Римо-католической Церкви (РКЦ). А после 2-го Ватиканского собора (1962-1965 гг.) в духе догматического развития Церкви, принятого на вооружение Римо-католической Церковью, появляются учения о духовном родстве христиан и иудеев, духовной близости христиан и мусульман, христиан и язычников и учение о спасении «различными путями» [2, с.118-126]. В работах исследователей этих вероучительных расхождений между Римокатолицизмом и Православием, в основном, отмечаются следующие причины разделения Церквей:

- неверное понимание РКЦ некоторых фрагментов текстов Священного Писания;

- переоценка высшей иерархией РКЦ ряда исторических фактов преимущества Римской кафедры над другими кафедрами единой соборной Церкви;

- отстраненность Запада от догматических противоречий Востока, где в ходе обсуждения этих противоречий выработался институт Вселенских Соборов, в то время как на Западе он так и не утвердился;

- устремленность католического церковного сознания к земной, умопостигаемой составляющей религиозного бытия, попытке че-

ловеческого сознания объективизировать образ Бога, олицетворить Его в «вице-Боге»;

- проявление общего бегства пасомых от свободы и ответственности, что привело к отчуждению вероучительной истины от Церкви;

- вмешательство светской власти в догматические дела Церкви под влиянием некоторых политических факторов;

- искажение облика Христа, который представляется в образе Ветхозаветного Бога-Судии, Великого Инквизитора, а не Бога Милостивого, Спасителя;

- неверное представление о природе первородного греха и природе человека до и после грехопадения;

- искажение основных догматов христианства – Боговоплощения и Искупления;

- исторический, географический, этнический факторы и др.

Помимо указанного, появились богословские работы в области библеистики, убедительно показывающие связь между качеством перевода Священного Писания Ветхого Завета и возможными причинами разделения Церквей. Так, в работе «Две Библии – два пути» [3] авторы на основе тщательного богословского сравнительного исследования текстов Септуагинты и масоретского перевода Ветхого Завета показали, что в масоретской Библии искажены пророчества о Христе и Его прообразы, библейское летоисчисление и родословие. Во всех главах масоретской Библии выброшены имена Божии и почти во всех стихах есть искаженное по звучанию и числу имя «Бог» и др. В результате этого, как утверждают авторы исследования, масоретская Библия породила исторические катастрофы, в числе которых они отмечают следующие:

- целый народ потомков Авраама, Исаака и Иакова вот уже две тысячи лет находится в великом заблуждении по вине своих духовных вождей, преднамеренно исказивших благодатные предсказания об истинном Мессии;

- влияние на некоторых христианских богословов, в том числе на Оригена и, как следствие, на александрийскую школу, учащую о «многоликости» всего текста и каждого слова и буквы еврейской Библии, многоликости, основанной на отрицании главного смысла Библии – преуготовления ко Христу;

- перенесение этого Оригенового мистицизма на греческую почву, что породило целый ряд ложных христианских представлений, которые и были преданы анафеме на пятом Вселенском Соборе, бывшем в 553 г. в Константинополе;

- доверие Оригена к масоретскому тексту внушило в четвертом веке Иерониму взять за источник перевода на латинский язык не греческую Септуагинту, а еврейский масоретский текст, что породило появление ереси католицизма;

- это же «доверие» и есть фундамент всех протестантских переводов XVI -XVII вв., и русского синодального перевода XIX в.;

- появление огромного количества переводов Библии (выполненных Библейским обществом) на языки народов мира, делающихся исключительно с масоретского текста без аналогов перевода с греческого;

- по мере возрастания числа новых переводов под эгидой Библейских обществ, осуществляемых как «более точные», Священное Писание всё больше и больше «очищается от всех пророчеств о Христе» [3, с.149].

Действительно, анализируя и обобщая причины разделения Церквей, можно заметить, что в основе многих догматических разногласий лежат искаженные масоретскими переводами представления о Боге, связанная с этим представлением утрата в средние века католиками восприятия Христа Иисуса как Спасителя и превращение евангельского облика Христова в облик Судии и мздовоздаятеля. Такая подмена, как пишет еп. Михаил (Мудьюгин), привела к «отпадению души католика от своего Господа…к разрушению внутреннего единения с Ним и к подмене Его сознанием юридической ответственности, которая существовала ещё в Ветхозаветной Церкви» [4].

Анализ возникновения в XVI в. Реформации показывает, что корни её, в основном, тоже лежат в искаженных масоретами представлениях о Боге и Его отношении к человеку, которые, как уже указывалось выше, господствовали в католическом Средневековье, когда справедливость Божия вытеснила Его милосердие, идея Бога как Великого Инквизитора заместила собой идею спасающего Бога, и уже не образ кроткого Спасителя, а ужасы адских мучений служили побудительной силой добрых дел.

Учитывая выше отмеченное, можно уверенно говорить о необходимости критического подхода к некоторым существующим в на-

стоящее время переводам Священного Писания Ветхого Завета. Однако на этом пути стоит ряд серьёзных проблем, к которым можно отнести слабое состояние нашей богословской науки, недостаток теологически высокообразованных специалистов, боязнь из идеологических соображений критических подходов к Священному Писанию и т.п.

На богословской конференции Русской Православной Церкви в Москве в 2000 г. отмечалось, что одной из важнейших проблем, с которыми столкнулась Русская Православная Церковь в последние десятилетия, является острая нужда в теологически образованных и подготовленных кадрах священнослужителей и катехизаторов. Ощущается потребность и в богословском осмыслении той ситуации, в которой оказалась Церковь, и того пути, который она прошла в прошедшем веке.

Состояние нашей богословской науки, по высказыванию Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, таково, что «её очертания едва только начинают проявляться» [5, с.8-10]. В том числе и поэтому на фоне недостаточного уровня богословского образования происходит, как отмечается в работе «Наша вера. Православие и мировые религии», разложение Православия изнутри действиями «православных экуменистов» [2, с.223-224]. Авторы, цитируя прот. Алексея Добоша, пишут: «В 1991 г. имел место открытый переход в Украинскую греко-католическую церковь, когда ¾ её клира составили ренегаты из Русской Православной Церкви…» [6]. А надо иметь в виду, что богословское образование – ещё не богословская наука. Митр. Филарет справедливо заметил, что «мы ещё очень мало продвинулись в направлении воссоздания в нашей Церкви научно – богословской школы и традиций академической научно – богословской науки» [5, с.9].

Среди комплекса богословских дисциплин библеистика, то есть изучение Священного Писания, равно как и ряд других предметов, таких, как церковная история, литургика, патрология, обладают более выраженным научным характером, так как в указанных дисциплинах мы имеем дело с духовным фактором, «материализовавшимся» в конкретный текст или материальный факт. Итак, Священное Писание несет в себе конкретные тексты, причем, по выражению архим. Иуаннуария (Ивлиева), «не только доступные суждению (критике), но и предполагающие таковое, то есть научное к себе отношение. Про-

свещеннейшие деятели русской богословской науки последних двух столетий прекрасно это сознавали» [5, с.30]. По этому поводу проф. Н.Н. Глубовский писал: «Всякая наука для своего развития требует хорошей специальной школы и широкой образованной аудитории. Без первой она лишается питающего источника и объективного фундамента, без второй, - не будучи нигде и никем воспринимаемой, - не находит для себя жизненных корней, прозябает, чахнет и вянет, как тепличное растение в неблагоприятной обстановке. По отношению к русскому научному богословию оба эти условия долго отсутствовали… Русскому научно-богословскому ведению приходилось больше собирать и усвоять, чем творить и обогащать» [5, с.31].

Исторически сложилось так, что научная библеистика слишком долгое время была уделом протестантского мира. В силу этого, её выводы и суждения вступали в видимое противоречие с прежними научными, а тем более – с донаучными взглядами. При отсутствии научной школы и традиций, то есть при неумении делать различие между подлинной фундаментальной наукой и произвольными псевдонаучными суждениями, которыми были столь богаты XVIII и XIX века, всякий критический подход к текстам Священного Писания представлялся опасным и разрушительным для веры. По этому поводу можно вспомнить высказывание Преосвященного Филарета (Гумилевского), архиепископа Черниговского о том, что поверхностное знание отдаляет нас от религии, основательное – возвращает к ней [5, с.32].

Отсутствие научной школы, о которой писал проф. Н.Н. Глубоковский, приводило к исторически объяснимому страху перед библеистикой и наукой вообще. Над наукой и учеными начинала господствовать идеология, мнимо считавшая себя истинной верой. Но к чему это может привести, всем хорошо известно, хотя бы из древних примеров с астрономией или недавних примеров с «генетикой и кибернетикой». Давление идеологических установок XIX века испытывали на себе многое исследователи Священного Писания, начиная со св. Филарета, митрополита Московского.

Предпосылки для появления церковной школы библеистики принесло послевоенное возрождение духовных учебных заведений Московской Патриархии. Основными достижениями наша церковная наука в сфере изучения Библии была обязана библейской филологии. В первую очередь это касается отечественной славистики. Немалые

успехи были у отечественной гебраистики. Этим успехам ещё в XIX столетии мы обязаны появлению Синодального перевода Ветхого Завета на русский язык. К сожалению, споры вокруг сравнения Масоретского текста и Септуагинты, столь увлекавшие российских библеистов в XIX и начале XX столетия, затихли, хотя данный предмет, как показывают последние исследования [3, 7, 8], оставляет простор для дальнейших серьёзных размышлений. Свое принципиальное отношение к данной проблеме проф. Н.Н. Глубоковский в свое время выразил так: «Не признаваемый аутентичным, греческий перевод 70-и остается для русской церковно-богословской науки параллельным по тексту с еврейским и преобладающим по мессианскому освещению библейского содержания, наиболее обязательным здесь и по церковной традиции, и по рациональным соображениям» [5, с.33]. На богословской конференции РПЦ 2000 г. отмечалось, что наша Церковь стоит перед задачей перевода Септуагинты на русский язык, задачей, которую тот же проф. Н.Н. Глубоковский назвал «великим научно-церковным подвигом».

Следует указать, что этому подвигу уже было положено начало. В начале XX столетия были опубликованы переводы Псалмов еп. Порфирия (Успенского), переводы книги Бытия, Пророков и некоторых других книг проф. Казанской Духовной Академии П.А. Юнгерова. Обязательно следует отметить работы над многотомным изданием «Толковой Библии» под редакцией А.П. Лопухина. В Геттингене после публикации 20 томов подходит к завершению научное издание греческого текста Септуагинты, начатое в 1908 году под руководством А. Ральфса и основанное на привлечении всех рукописных источников [5, с.33].

Для мировой науки прошедшее столетие оказалось очень плодотворным в области количества библейских переводов и библейской текстологии. Если к началу XIX в. было выполнено всего 66 библейских переводов на языки мира, а в течение этого столетия более 500, то XX век дал прибавку в полторы тысячи переводов. Однако, учитывая, что эти переводы были выполнены с масоретского текста, а не с Септуагинты, их мессианское достоинство оставляет желать лучшего. Огромное значение для библеистики играют кумранские находки середины XX века [9]. К сожалению, исследования кумранских свитков недостаточно освещаются в мировой и отечественной науке, хотя их

роль невозможно переоценить. Достаточно сказать, что серьёзное отношение к ним могло бы поставить точку в многовековых спорах о необходимом и единственном источнике для переводов Священного Писания Ветхого Завета на языки мира, помочь лучше понять причины трагического разделения Церквей и избежать дальнейших последствий для всего христианства.

Стоит отметить, что в настоящий момент нет четких позиций среди наших ведущих библеистов в отношении существующих переводов Ветхого Завета. Материалы богословской конференции РПЦ 2000 г. показывают, что ряд этих специалистов не видит остроты поставленной проблемы и, более того, не замечает богословских расхождений между масоретским переводом (MT) и Септуагинтой (LXX). Так, в докладе «Вопросы перевода и текстологии Священного Писания» А.А. Алексеев отмечает, что «у сегодняшней науки, однако, нет доказательств того, чтобы какой-либо важный в христологическом отношении пассаж Ветхого Завета был в MT извращен или удален» [5, с.48]. И далее, что между церковнославянским текстом в издании Елизаветинской Библии 1751 г. (выполненного с Септуагинты) и русским Синодальным переводом 1876 г. (выполненного с масоретского текста) «расхождения в объёме Ветхого Завета заметны, но по своему существу они имеют лингвистический и стилистический характер. Точно так же между MT и LXX наблюдаются структурные, языковые и стилистические различия, но нет никаких богословских оснований, чтобы утверждать, что в еврейском и греческом текстах мы имеем дело с двумя разными Библиями. Не в том лишь заключается богословская значимость Септуагинты, что она возникла задолго до Масоретской эпохи, возможно, стремившейся, но не сумевшей на деле исказить смысл мессианских пророчеств, - Септуагинта является самым ранним и последовательно полным истолкованием смысла еврейского текста Библии, как понимала иудейская среда в эпоху до прихода Мессии, но кроме того, она опирается на такой текст, который сильно отличается от MT, она сохранила такие книги, которые не вошли в канон MT, её богословское значение обусловлено тем обстоятельством, что она дает гораздо больше для понимания еврейского текста, чем другие переводы еврейского оригинала, а именно: арамейский таргум, сирийская Пешита, латинская Вульгата» [5, с.52].

То, что до неузнаваемости сумели масореты исказить смысл мессианских пророчеств, хорошим богословским анализом показали авторы книги «Две Библии – два пути» [3]. Поскольку основной смысл оригинального еврейского текста Ветхого Завета – «детовождение ко Христу», то лучшего текста, чем Септуагинта как источник перевода Ветхого Завета, быть не может. Однако далее в своем докладе автор замечает, что «перевод Септуагинты буквален, не отличается литературными достоинствами, в нем потеряна большая часть поэтико-стихотворных средств, придающих несравненную художественную ценность еврейскому тексту, многочисленны и систематичны нарушения грамматических и стилистических норм греческого языка, вызванные буквальной манерой перевода и стремлением с предельной точностью передать фразеологию и семантику еврейского оригинала. Лексическая семантика Септуагинты может быть точнее объяснена из еврейского текста, чем из норм греческого языка в его аттическом и ионийском диалектах». Всё названное, по мнению А.А.Алексеева, делает Септуагинту «мало пригодной для того, чтобы служить основой отдельного перевода: её смысл большей частью должен извлекаться из смысла еврейского текста, её стилистические особенности не позволяют дать в переводе полноценного художественного воспроизведения» [5, с.53].

Уже Отцы Церкви высказывали убеждение, что с того времени, как Ветхий Завет стал священной книгой для христиан, иудейские книжники старались исказить его таким образом, чтобы устранить христологические пророчества. Святитель Феофан Затворник говорил: «Церковь Божия не знала другого слова Божия, кроме 70-и толковников, и когда говорила, что Писание Боговдухновенно, разумела Писание именно в этом переводе» [3, с.138]. Кумранские находки подтвердили это мнение. В прошлом веке не только свт. Феофан прозревал «волка в овечьей шкуре». Многие первоиерархи боролись против перевода на русский язык масоретской Библии. Так, митрополит Филарет Киевский говорил: «Идея русского перевода родилась из мутного источника. Эта мысль родилась отнюдь не в Церкви Русской, не в иерархии, не в народе, а точно так же, как и мысль о переводе на новогреческий язык, в Англии, гнездилище всех ересей, сект и революций, и перенесена оттуда Библейскими обществами и принята первоначально не в Святейшем Синоде, а в концелярии оберпрокурора, и раз-

вита в огромных размерах в бывшем министерстве духовных дел. Такое начинание, а равно и последствия сего дела ясно показывают, что на нем не было благословения свыше» [3, с.149].

Библиографический список

1. Еп. Илия Минятий. Камень преткновения или изложение начала и причин отпадения Церкви Западной от Восточной и предметов несогласия между ними [Текст] / Еп. Илия Минятий. Изд. храма свв. бессеребр. и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке. - М., 1999.

2. Васильев, Н.В., Смирнов, С.М., Федоров, И.Г. Наша вера. Православие и мировые религии [Текст] / Н.В. Васильев, С.М. Смирнов, И.Г.Федоров. - М.: Ковчег, 2003.

3. Две Библии – два пути [Текст]. - М., 2006.

4. Еп. Михаил (Мудьюгин). Православная трактовка развития мариологии Римо-католической Церкви за последнее столетие [Текст] / еп. Михаил (Мудьюгин) // Вестник Русского западно-европейского патриаршего Экзархата, 1966.

5. Митр. Филарет. Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия [Текст] / митр. Филарет // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия: материалы богословской конференции Русской Православной Церкви, Москва, 2000г. «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия». – М.: изд. Синодальной богословской комиссии, М. 2005.

6. Прот. Алексей Добош. Ось Флоренция-Брест- Баламанд [Текст] / прот. Алексей Добош // Ватикан: натиск на Восток. Уния на Украини. Вик XX. - Камяниц Подильский, 1996.

7. Добродеев, В.В. Проблемы переводов Священного Писания Ветхого Завета [Текст] / В.В. Добродеев // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2008. – 368 с.

8. Добродеев, В.В. Богословский анализ масоретских текстов Священного Писания Ветхого Завета [Текст] / В.В. Добродеев // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009, 255-265 с.

9. Амусин, А.Д. Тексты Кумрана [Текст]. Вып. 1. АН СССР. – М.: Наука,1991.

УДК 251

В.Т. Юсупов

О литургическом возрождении

На рубеже третьего тысячелетия в Католической Церкви наблюдаются кардинальные перемены, связанные с воплощением идеи, провозглашённой папой Иоанном XXIII, – идеи aggiornamento, то есть обновления, понимаемого как осовременивание Католической Церкви. Поворотной исторической вехой этого процесса стал II Ватиканский собор (1962-1965 гг.), состоявшийся спустя ровно четыре столетия после Тридентского собора, - Собора контрреформационного по существу. Католические теологи и историки Западной Церкви отмечают огромное влияние Второго Ватикана, которое он оказал и продолжает оказывать на приобретающее новые формы католичество, и сравнивают его с двумя величайшими реформаторскими движениями в истории западного христианства – григорианской реформой XI века и Реформацией XVI века. Если первая даровала свободу Церкви в разрешении собственных церковных дел и привела к развитию сильной папской власти, то лютеранская Реформация предложила новую богословскую парадигму, которая до сих пор вызывает в Западной Церкви разногласия принципиального характера [1, с.5].

II Ватиканский собор был созван по предложению папы Иоанна XXIII не для обсуждения той или иной фундаментальной доктрины, но скорее “для того, чтобы сделать шаг вперёд к проникновению в суть доктрины и формированию сознания”, верного подлинному учению Церкви, но притом способного “к изучению и толкованию посредством исследовательских методов и внешних форм современной мысли”, что предполагает обновление богословского языка Церкви: “Сущность древней доктрины о сохранении чистоты веры – это одно, а способ её подачи – другое” [1, с. 23]. Между тем, руководствуясь указанным подходом, Собор не только узаконил некоторые идеи католического модернизма, которые ранее официально категорически от-

вергались (критическую библейскую и церковно-историческую науку, принцип свободы совести, особую роль мирян в Церкви и многое другое), но и пошёл значительно дальше, одобрив диалог с верующими иных исповеданий и идеологий и в целом декларировав открытость Католической Церкви современному, быстро изменяющемуся миру.

Согласно мнению западных историков Церкви, "никогда ещё в истории католичества не утверждались и не осуществлялись столь многочисленные и внезапные перемены, немедленно отразившиеся на жизни верных, и никогда ещё от верных не требовалось такой радикальной коррекции собственного мировоззрения" [1, с. 5]. Конечно, сложившееся в начале третьего тысячелетия положение в Католической Церкви нельзя приписывать исключительно влиянию Второго Ватикана: существенное значение имели последствия тех тенденций изменения западного христианского сообщества, которые зародились и продолжают развиваться, начиная с Нового времени, и находят соответствующее отражение и в религиозной сфере. Вместе с тем, II Ватиканский собор положил начало действительному обновлению всей жизни Католической Церкви, изменил восприятие католиками самих себя и собственной Церкви, наметил основные направления и пути формирования Католической Церкви XXI века.

Ведущую роль в изменении лица католичества на II Ватиканском соборе сыграли подспудно возникшие и развивавшиеся в лоне Католической Церкви обновленческие движения, связанные с так называемым ressorcement (обращение к истокам) – возвращением к истокам католичества в Священном Писании, в творениях отцов Церкви, в литургии и философии. Одним из основных направлений в обновленческом движении стало литургическое движение, возникшее задолго до Второго Ватикана и предполагавшее попытку вернуть Церкви символическое и общинное богатство христианских культовых традиций и тем самым вдохнуть новую жизнь в богослужебную молитву. Литургическое движение с середины XIX века и до начала II Ватиканского собора, когда был достигнут её общепризнанный результат в виде литургической реформы Католической Церкви, было одним из самых значительных явлений в жизни западных христиан.

Литургическое движение зародилось в XIX веке в бенедиктинских монастырях Германии, Швейцарии и Франции как реакция на богословский академизм, характерный для эпохи Просвещения, и пие-

тизм со свойственным ему индивидуализмом. Именно в монастырях в XIX веке стали популяризировать григорианское пение и побуждать мирян к более активному участию в главном таинстве Церкви Христовой – Божественной Литургии или Евхаристии – этом, по известному выражению псевдо-Дионисия Ареопагита, "таинстве таинств", созидающем Церковь. К этому времени в Католической Церкви констатировалось серьёзное изменение понимания литургической деятельности, вытекающее из потери правильного восприятия природы Церкви и общинного характера богослужения; формирование индивидуалистических концепций святости и спасения и клерикально-юридической экклезиологии с соответствующим отражением в литургической жизни Церкви [2, с. 22-23].

Родоначальником движения, давшим ему настоящее название, считают французского монаха – бенедиктинца дона Проспера Геранже (1805-1875). Восстановив бенедиктинское аббатство святого Петра в Солеме, он направил свою деятельность прежде всего на возрождение григорианского пения, которое признавал высшим выражением сакральной музыки. Однако главная заслуга дона Геранже состоит в том, что он первым поставил литургические проблемы в центр богословских интересов и исследований, а литургию рассматривал как самый важный источник духовной жизни [2, с. 52]. Монашеские общины, особенно бенедиктинский орден и его представители, и в процессе становления, и в последующие периоды формирования и развития литургического движения продолжали занимать в нём ведущие позиции.

Огромную роль в процессе церковной рецепции идей литургического движения сыграл дон Ламбер Бодуен (1873-1960), также монах-бенедиктинец, которого по праву считают истинным основоположником, "патриархом и патроном литургического движения". Его основной вклад состоит в том, что он правильно воспринял и оценил значение предложений его предшественников и начал успешно претворять их в церковную жизнь. Именно благодаря ему литургическое движение стало популярным, всенародным движением, имеющим целью сделать литургию доступной всем верующим и в то же время направить их к приходской литургической жизни как к центру и источнику их духовности. По мнению дона Бодуена, литургия не только "надёжное правило церковной веры и верный свидетель её предания" – она является наилучшим методом катехизического образования ве-

рующих, которое развивается посредством их активного и сознательного участия в евхаристической жизни Церкви, по существу представляет собой "теологию мирян" [2, с. 75].

В истории литургического движения выделяют четыре основных этапа, различающихся по своему содержанию. На первом из них, определяемом как романтический и продолжавшемся с середины XIX века до начала XX века, возрождаются средневековые формы и выражения благочестия. Его сменяет этап переосмысления значения литургических источников и их комментирования с привлечением результатов критических библейских и патристических исследований, а главные интересы сосредотачиваются на осмыслении места и роли мирян в богослужебной жизни Церкви и общинной природе богослужения. Открытие новых документов и литургических памятников, привлечение для их изучения современных научных методов и воссоздание подлинных структур литургической службы – всё это характеризует третий этап литургического движения. Наконец, на четвёртом этапе литургическое движение перестаёт существовать независимо: оно становится частью жизни всей Католической Церкви, - богословской, евхаристической, экуменической и миссионерской [2, с.46-47].

Принятая II Ватиканским собором конституция "Sacrosanctum concilium" (О Священной Литургии) положила начало основательному обновлению официального церковного культа и молитвенной традиции и стала (как и многие другие результаты Собора), по словам одного из ведущих теологов католицизма К.Ранера, "вызовом католической теологии". Действительно, в тексте конституции по-новому освещается сущность Божественной Литургии и рассматривается её значение в жизни Церкви: спасение достигается посредством литургической деятельности и таинств; истинное освящение человека – это всегда литургический опыт Церкви; хотя богослужение не исчерпывает всей деятельности Церкви, однако оно – неиссякаемый источник и цель всего её деяния [3, с.9-11]. Именно поэтому всеми силами нужно стремиться к тому, чтобы все верные в обрядах "участвовали сознательно, действенно и плодотворно". Призывая мирян к более полному и сознательному участию в литургии, конституция инициировала капитальный пересмотр литургических текстов и Требника с целью сделать богослужение ещё более плодотворным для жизни всей Церкви. При этом основным принципом реформирования богослужения в Католической

Церкви стало упрощение обряда: “богослужения должны отличаться благородной простотой, избегать излишних повторений и приспосабливаться к разумению верующих” [3, с.34].

Самой очевидной особенностью литургической реформы конституции “Sacrosanctum concilium”, отражающей приоритетную оценку Слова Божьего, стало разрешение служить литургию на национальных языках [3, с.36]. И хотя для Собора была характерна весьма умеренная позиция в отношении богослужебного языка, латинский язык вскоре уступил своё место национальным языкам. В конечном счёте вразрез с основополагающими принципами Собора, относящимися к процессу реформирования богослужения, и последующей Апостольской конституцией “Missale Romanum” (1969 г.), латинский язык фактически перестал быть литургическим языком Католической Церкви [2, с.118]. То же самое можно сказать и в отношении других предложениий и пробных шагов, лишь только намеченных конституцией “Sacrosanctum concilium”. За годы, прошедшие со времени Собора, уже стали общим местом литургическая проповедь, соборные молитвы верных, традиция приветствия мира, причащение мирян под двумя видами, пение мирян во время службы и множество других литургических функций [1, с.28]. Вместе с тем, современные католические богословы считают, что начавшийся после II Ватиканского собора и до сих пор продолжающийся процесс обновления богослужения и не только его, а шире – всей жизни Католической Церкви, ещё очень далёк от своего завершения [1, с.317].

Проблема литургического возрождения начала созревать в русском православном самосознании в начале XX века и была связана с появлением обновленческого движения непосредственно в период подготовки исторического Поместного собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. Нельзя сказать, что она не затрагивалась и ранее, но тогда в основном спорадически ставились частные вопросы: богослужебного языка, церковного календаря и т.п., - однако литургическая проблематика в целом не осознавалась и не формулировалась. “Катастрофа 17-го года”, отнюдь не только государственная, но главным образом – церковная, привела к пониманию необходимости разрешения этой важнейшей проблемы, показав реальные масштабы духовного кризиса русского народа и русского Православия. Истоки и

последствия этой катастрофы нельзя считать целиком осознанными и до конца изжитыми и в настоящее время.

По понятным причинам только представители эмиграции русской православной интеллигенции на Западе в начале XX столетия могли поставить вопрос о литургическом возрождении в самом широком контексте в русле вскоре возникшего так называемого литургического богословия, в дальнейшем развиваемого виднейшими представителями как Русской Православной Церкви за рубежом, так и богословами других Поместных Православных Церквей. С точки зрения богословия русского Зарубежья, актуальность постановки проблемы литургического возрождения определяется целым рядом факторов:

-потерей евхаристической настроенности современного христианского миросозерцания и жизни. Поскольку Евхаристия созидает, являет и исполняет Тело Христово, Его Церковь, то она как центральный "нерв" христианской жизни должна обнимать и освящать всю жизнь христианина, его творчество, дела и порывы [3, с.9];

- изменением восприятия Евхаристии - сужением её первоначального смысла и места в жизни Церкви; утратой понимания её как сослужения "клира и мира"; мистериальным восприятием богослужения. Последнее привело к потере первоначального, прямого смысла слов и действий богослужения в сознании духовенства и мирян, создало определённую раздвоенность между "данными" богослужения и их истолкованием [4, с.21];

- наличием целого ряда вопросов в литургике, якобы не имеющих исторического и богословского обоснования, в частности: "тайные" молитвы священнослужителей, различие в причащении духовенства и мирян, вопрос иконостаса и многие другие [4, с.304].

Наиболее отчётливо позиция православного богословия русского Зарубежья по отношению к литургическому возрождению была представлена о. Александром Шмеманом в его так называемом литургическом богословии, выражающем стремление, чтобы вся вера Церкви, всё её богословие, которое открывается и выражается через Божественную литургию и в ней, были целиком охвачены и представлены адекватным образом. Для о. А.Шмемана литургическое богословие – вовсе не теология богослужения, понимаемая в западной христианской традиции как интеллектуальное, объективное и научное выражения веры Церкви – оно является действенным и подлинным пережива-

нием и осознанием опыта литургии, сопровождающимся богословским свидетельством об этом опыте, в котором сущность и содержание литургии раскрываются непосредственно как вера Церкви сама по себе, так и проявление, сообщение и реальное исполнение этой веры. Поэтому для о. Александра путь настоящего литургического возрождения – это путь нового открытия богословия через призму литургической жизни и нового открытия литургии в свете подлинного православного богословия, святоотеческого по существу, - науки из наук и более, чем наука.

Представленное мнение одного из ведущих православных литургистов, между тем, не выражает официальную позицию Русской Православной Церкви: о. А. Шмемана неоднократно критиковали и характеризовали как одного из отцов "православного модернизма и либерализма". В действительности же он занимает весьма консервативную позицию, когда речь идёт о возможной литургической реформе, поскольку, по его словам, "миру нужно не новое богослужение, но новое открытие истинного смысла и силы богослужения". Последнее высказывание во многом контрастирует с позициями католического и протестантского богословия с их "антропологическим поворотом", характерным для западной философии в целом, когда человек становится Протагоровской "мерой всех вещей". В этом случае богослужебные реформы носят преимущественно внешний характер и осуществляются в угоду неясных и сомнительных религиозных потребностей современного человека – человека, который "не верит ни во что до конца или верит во всё сразу", и, в конечном счёте, приводят к институализации и обмирщению Церкви. Это с наглядной очевидностью проявляется в Западной Церкви, но не исключена возможность аналогичных рецидивов и в Православии [2, с.202].

В западнохристианской постановке разрешения проблемы литургического возрождения таится много опасностей и противоречий, и в первую очередь следует указать на недопустимость церковного признания "примата разума" и его "легитимности" в современном критическом подходе не только к догмам и основам веры, но и к их "научному толкованию". В силу предметного содержания той или иной научной дисциплины, принятой парадигмы и господствующей методологии, когда выделяется какая-либо одна определённая сторона или группа системных связей, изучаемых данной наукой, конечные ре-

зультаты неизбежно становятся односторонними из-за редукции и дифференциации – принципов, определяющих доминанту развития логико-дискурсивного, интеллектуального мышления и познания в целом [5, с.8]. Кроме того, обретение отдельными научными дисциплинами "самостоятельности", "автономности" или "независимости" обязательно приводит к потерям в целостности подхода вплоть до утраты единого смыслового стержня и распыления предметного содержания. Это отнюдь не исключает применение современных научных методов к исследованию и изучению тех или иных вопросов, относящихся к жизни Церкви, но предопределяет границы их применимости и необходимость осмысления полученных результатов с позиции целостного богословского подхода.

Литургическое возрождение является лишь одной из проблем общехристианского возрождения, и их целостное разрешение не с помощью западной теологической секуляризации и обмирщения Церкви – "благих намерений" и "широких путей", а "узким и тесным" аскетическим воцерковлением современного мира и человека характерно именно для духа святоотеческого Предания в восприятии мира и человека, а также отношения к ним в любых предшествующих исторических реалиях, какими бы они ни были. Это предполагает так или иначе необходимость неопатристического ренессанса в церковной жизни не по внешним богослужебным формам – как показала история Христианства, они могут изменяться и быть самыми разнообразными, - а в русле Благой Вести: по Христу, а не по стихиям мира. "Если Церковь считает писания Св. Отцов свидетельством истины, то следует пребывать с ними в духовной преемственности. Это отнюдь не означает их слепого повторения, а предполагает усвоение некоей внутренней логики, интуиции, последовательности развития святоотеческой мысли" [7, с.8-9].Важность такого подхода подчеркивает и о. Георгий Флоровский, поскольку "... только через возвращение к Святым Отцам может восстановиться в нашем церковном обществе та здоровая богословская чуткость, без которой не может наступить искомое православное возрождение" [7, с.15]. При этом "… речь идет вовсе не о том, чтобы искать готовые ответы в архивах прошлого, а в том, чтобы прикоснуться к чистым источникам Предания, усвоить великий опыт Церкви и развить в себе чувство Православия, которое приведет внутрь согласия Отцов и Апостолов Церкви" [8, с.268].

Библиографический список

1. Рауш, Т. Католичество в третьем тысячелетии[Текст] / Т. Рауш. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. - 416 с.
2. Вукашинович, В. Литургическое возрождение в XX веке [Текст] /В. Вукашинович. - М.: Христианская Россия, 2005. – 238 с.
3. Архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия [Текст] / Архимандрит Киприан (Керн). – М.: Храм свв. Косьмы и Дамиана на Малоросейке, 2001. – 335 с.
4. Протоиерей Александр Шмеман. Евхаристия. Таинство Царства [Текст] / Протоиерей Александр Шмеман.- М.: Паломник, 2001. – 311 с.
5. Чуприкова, Н.И. Психология умственного развития. Принцип дифференциации [Текст] / Н.И. Чуприкова. - М.: Столетие, 1997. – 280 с.
6. Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие [Текст] / Протопресвитер Иоанн Мейендорф. - Минск.: Лучи Софии, 2001. – 364 с.
7. Протопресвитер Георгий Флоровский. Пути русского богословия [Текст] / Протопресвитер Георгий Флоровский. - Вильнюс,1991. – 483 с.
8. Евдокимов, П.Н. Православие [Текст] / П.Н. Евдокимов. - М.: Библейско - Богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 500 с.

УДК 783

Н.А. Давыдова

Проблемы церковно-певческой жизни в России на рубеже XIX – XX веков в осмыслении современников

Последняя четверть XIX – начало XX вв. стали моментом обострения, сплетения всех многовековых противоречий, разногласий и споров в области церковного пения, однозначного решения которых нет и на сегодняшний день. Что считать истинно русским стилем в церковном пении? В чем критерий церковности музыкальных произ-

ведений? Можно ли допускать на клирос духовные сочинения светских авторов, не причастных в полной мере к церковной жизни?

Современники говорили об упадке церковного пения в России и о многочисленных проблемах церковно-певческой практики как объективных проявлениях этого упадка: неудовлетворительном уровне церковных хоров, особенно в сельских храмах, отсутствии регентов и певцов с музыкальным образованием, плохо поставленном обучении церковному пению на всех ступенях образования, искажении древних напевов и т.д.

Анализ этих проблем и противоречий с точки зрения целостного культурно-исторического и социального контекста позволяет характеризовать ситуацию в церковно-певческой жизни России на рубеже XIX-XX вв. как глубокий идеологический кризис, корнями своими уходящий в середину XVII века, когда под влиянием западноевропейской музыкальной культуры была сломана вся древнерусская система богослужебного пения.

Вопросы, выдвинутые современниками столетие назад, явились внешней стороной тех глубинных трансформаций в богослужебном пении, когда на первое место в церковном искусстве выдвинулась эстетическая составляющая, сам принцип музыкального оформления церковной службы, «составленной» из произведений разных авторов, перестал соответствовать сущности православного богослужения; сложный концертный стиль «церковно-музыкальных» сочинений вступил в противоречие с духом церковности, а от певчих вместо владения ремеслом потребовалось мастерство вокалиста-исполнителя.

На рубеже XIX-XX вв. проблемы церковно-певческой жизни в полном смысле становятся общенациональными. Интерес к ним проявляют знатоки церковного пения и историки культуры, теоретики музыки и любители из числа священнослужителей, светские композиторы и церковные регенты, Священный Синод как представитель духовной власти. Во многих епархиях увеличивается число церковных хоров; появляются новые типы хоров – школьные и сельские, полковые, любительские, увеличивается число частных хоров; возобновляется практика исполнения произведений, написанных для церкви, в концертах духовной музыки; издается новая учебная литература и современная церковно-певческая литература, пропагандируется искусство композиторов «нового направления». Начиная с 1908 г., в Москве

регулярно проводятся Всероссийские регентские съезды. Время от времени в разных городах России проходят местные съезды регентов и церковно-певческих деятелей. Последним звеном в этой общенациональной полемике по вопросам устройства церковно-певческой жизни стал Поместный собор Русской Православной Церкви 1917-1918 гг., где проблемы церковного пения рассматривались на специальном Подотделе, председателем которого являлся Е. М. Витошинский, весьма авторитетный и компетентный специалист в этой области.

Необходимо обозначить, что важнейшей идеей в церковном пении в этот период (как и в церковном искусстве в целом) явилась идея возвращения к древним истокам национальной традиции. В связи с этим одной из ключевых стала проблема критериев «церковности» музыкальных произведений, употребляемых за богослужением.

Полемика вокруг этой темы широко отражена в периодической печати, в частности, в газете «Московские ведомости», журнале «Хоровое и регентское дело», «Русской музыкальной газете». Исходной точкой в определении понятия «церковность» обозначалось соответствие музыкального содержания песнопения содержанию литургического текста. Что касалось определения круга музыкально-выразительных средств, единой позиции не было.

Звучали мнения, указывавшие на то, что «церковными» и соответствующими православной русской традиции пения следует считать песнопения, где сохранен древний напев, закрепленный в Октоихе, не искаженный средствами гармонической обработки [1, с. 255]. Другая точка зрения указывала, что образцом «церковного стиля» следует признать мелодии в «народном духе», близкие и знакомые слуху простого человека, и минимум гармонических средств для их обработки, а отнюдь не древний напев, так как напевы постоянно изменялись и установить их подлинность не представляется возможным [2, с. 1017].

Теоретики «нового направления» формулируют свои принципы «церковности» в музыке. А.В. Никольский, к примеру, писал о необходимости «духа церковности, который один только и… надо считать абсолютно важным признаком истинной церковности» [3, с. 266]. Объективно это требование должно проявляться в особенностях ладогармонического языка и ритмо-структуры, сообщающим таким композициям их «внутреннюю стильность», близость к древнему пению.

Один из самых авторитетных композиторов «нового направления» А. Д. Кастальский указывал на близость русских обиходных церковных напевов и народно-песенных мелодий: их ритмов, форм строения, общность звукорядов, попевок, интонаций мелодики. Национальность и церковность стиля, по его убеждению, заключается в восстановлении древних напевов, записанных «крюками», в соответствующей им хоровой обработке, которая предполагает использование определенных музыкально-выразительных приемов и средств: часто колеблющейся тоники, свободной несимметричной ритмики, особых гармонических средств.

Однако новая школа («новое направление») церковных композиторов (А. Д. Кастальский, П. Г. Чесноков, А. Т. Гречанинов, С. В. Рахманинов), ориентированная на идею «новой старины» - возрождение древнерусской певческой традиции с использованием средств современного музыкального искусства, в результате не только не разрешила сложную и запутанную проблему стиля церковной музыки, сложившуюся в течение XVIII и отчасти в XIX вв., но и дала массу поводов к новым недоразумениям и спорам в этой области. Полагаю, что причина этого в том, что во всех случаях речь идет о внешней стороне проблемы, понимание «церковности» сводится к вопросу музыкального стиля, а мнения носят сугубо субъективный характер.

Идеологическая суть проблемы, на мой взгляд, сформулирована А. А. Ухтомским, который подчеркивает, что среди этих принципов не было никакого упоминания о взаимосвязи церковного творчества и духовного подвига. Он указывает, что краеугольным камнем в церковном искусстве вообще, и в церковном пении в частности, являются уставность певческого оформления службы, соборность творчества и молитвенный подвиг.

Среди знатоков пения на связь церковности и уставности указывал Е. М. Витошинский, а затем А. В. Никольский, отмечавший, что «в церкви наблюдается необычайная пестрота, которая радует глаз, но убийственна для духа… В пении у нас полная беспринципность: смешение первобытной простоты и шика современности… В этой области наблюдается полная, безудержная свобода; пропуски происходят без всякого разбора…» [4, с. 760].

Со всей серьезностью эта проблема обсуждалась на Поместном соборе, который принял резолюцию, гласившую, что «осмогласные

роспевы являются основой богослужебного пения Русской Церкви… и преимущество в церковно-певческой практике должно быть отдано церковным роспевам», которые могут исполняться как одноголосно, так и в хоровом переложении при условии, что в них не нарушен смысл текста и «общий характер гармонии отвечает духу и стилю православного богослужения» [4. С.775-776]. Собор запретил употреблять за богослужением концерты, «написанные в западном свободном стиле и не соответствующие ни требованиям устава, ни духу православного богослужения» [4. С.769], композиции с прямыми заимствованиями из народного русского пения и произведений светской музыки, а также исполнение произведений солистами и композиций, написанных для хора и солиста.

Другой важнейшей проблемой церковно-певческой жизни была проблема церковно-певческого образования [5], которая обсуждалась в качестве главной на Втором (1909 г.) и Четвертом (1912 г.) Всероссийских регентских съездах, а позднее и на Поместном соборе. В результате специальная комиссия разработала новые программы для всех классов с указанием пособий и учебников для преподавателей пения и составила объяснительные записки к программам. Кроме того, Второй регентский съезд разработал ходатайство о защите интересов школьно-хорового дела для представления на рассмотрение в Государственную думу. По новому проекту, разработанному учебным комитетом при Священном Синоде, оклад учителя пения предполагалось сравнять с окладами преподавателей других предметов, чтобы привлечь к преподаванию квалифицированных специалистов.

В 1884 г. в духовных семинариях церковное пение было включено в число обязательных учебных предметов как отдел литургики. В московском Синодальном училище церковного пения в программу регентского образования было введено чтение столповой нотации, элементарные сведения о столповой нотации были введены в программу регентских классов Придворной Певческой капеллы, история церковного пения стала обязательным предметом в духовных семинариях, а изучение форм русских церковных распевов было включено в курс церковного пения духовных училищ, в Московской консерватории открылась кафедра истории церковного пения. В Москве, Санкт-Петербурге, крупных губернских центрах открываются школы пса-

ломщиков, регентские училища, регентские курсы и курсы учителей пения церковноприходских школ.

Другим острым вопросом, волновавшим современников, стало социальное положение служителей церковно-певческого дела. Речь шла о том, что духовенство в большинстве случаев равнодушно относится к проблемам церковного пения, полагая его роль второстепенной и маловажной в богослужении, и этим определяется правовое и материальное положение регента и певчих.

Регенты и певчие не имеют трудовой книжки, регент не является членом причта, то есть не входит в штат основных сотрудников в отличие, например, от чтеца, псаломщика, сторожа, церковного старосты. Нередко приемом регента на работу занимается церковный староста, а не настоятель храма. Зарплата регента и певчих крайне низкая, поэтому певчие без конца увольняются и нанимаются, регенты меняются слишком часто, на клиросе зачастую оказываются случайные люди, не сумевшие найти лучшее место. Этим объясняются проблемы дисциплины на клиросе: во время богослужения певчие отвлекаются, разговаривают, смеются, выходят во время чтения. Соответственно, наилучшим образом церковное пение было поставлено в тех городах и храмах, где местное духовенство проявляло заинтересованность и внимание к церковно-певческому делу.

Вопросы социального положения регентов стали основными на Третьем Всероссийском регентском съезде (1910 г.). Результатом стало основание «Всероссийского общества регентов» и учреждение при нем кассы взаимопомощи. Деятельность этого общества касалась не только регентов, но и певчих. Кроме того, уже в 1902 г. в Петербурге по инициативе А. Архангельского было основано благотворительное «Церковно-певческое общество». Оно оказывало материальную помощь больным и нетрудоспособным певчим церковных хоров. Капитал общества составлялся из сборов от духовных концертов. По примеру Петербурга подобные общества были основаны в Москве, Киеве, Пензе и некоторых других городах.

Широко обсуждалась современниками проблема общенародного пения в храмах во время богослужений. Такая практика широко распространилась в конце XIX в. В некоторых храмах вся Литургия целиком выпевалась всенародно. Церковные иерархи всячески поощряли и одобряли эту практику. Однако не все приходские священники поддер-

живали идею общего пения в храме и, кроме того, введение на приходе всенародного пения требовало умелой и опытной руки, что удавалось далеко не всегда. В некоторых приходах во время внебогослужебных собеседований или в перерыве между утреней и Литургией устраивались спевки для прихожан с целью упорядочения общего пения [6].

Еще одним неоднократно поднимавшимся вопросом был спор о введении музыкальных инструментов в православное богослужение. Варианты предлагались разнообразные: от так называемых «перстобрящательных» струнных инструментов (упоминаемых в Священном Писании) до фисгармонии и органа. Вначале эта идея публично обсуждалась в печати, в частности, в газете «Новое время» такое предложение высказывал В. В. Уваров и поддержал его известный музыкальный критик М. М. Иванов. Тот же Уваров даже предпринял многочисленные попытки провести свое предложение в III Государственной думе [4, с. 693] и на Третьем регентском съезде. Серьезное обсуждение этого вопроса происходило на Поместном соборе, когда от А. Т. Гречанинова поступило предложение о введении органа в церковное богослужение, которое было поддержано Д. В. Аллемановым и А. Д. Кастальским. Вопрос был вынесен на голосование и большинством голосов решен отрицательно. Однако эксперименты в этом направлении были предприняты композиторами «новой школы» еще в начале XX в. и продолжались весь XX век.

Итак, на основании анализа проблем церковно-певческой жизни изучаемого периода можно говорить о противоречии, заключавшемся в том, что, с одной стороны, в обществе и музыкально-церковных кругах вполне осознана была необходимость восстановления и возрождения традиционных национальных основ богослужебного пения как и церковного искусства в целом, с другой – в церковном пении продолжился процесс утраты свойств каноничности и исихазма.

Идеологический кризис в русском церковном пении, обозначившийся в последней четверти XIX века, явился закономерным результатом двухсотлетнего процесса, начавшегося в середине XVII века, когда произошел во многом насильственный слом православной певческой традиции. Многовековой традиционный опыт православного богослужебного пения на Руси был связан, прежде всего, с живым опытом церковной жизни всего русского общества. В середине XVII в. поменялись не только внешние формы церковного пения, изменилась

самая суть его. Внутреннюю духовную сущность древнерусского пения составлял живой мистический молитвенный опыт. Польско-украинское партесное пение, пришедшее на смену старой традиции, имело иные эстетические основания и совершенно иной музыкальный язык – средства выразительности, формообразующие закономерности. Соборность и каноничность как условие истинности сменились ценностью индивидуального и единичного. Внутренний строй церковной музыки все более и более приобретал концертную направленность на слушателя. Новая идеология церковного искусства, и в частности пения, вызвала целый комплекс неизбежных проблем.

Этот процесс трансформации церковного пения и служения в подобие профессиональной концертной деятельности можно считать лишь одной из граней более всеобъемлющего и сложного процесса расцерковления жизни и сознания русского общества, явившегося одной из причин глобального кризиса русской культуры в начале XX века.

Примечания

1. Зиновьев, В. Об улучшении церковного пения [Текст]. / В. Зиновьев // Ярославские епархиальные ведомости. - 1902, ч.н. - № 12. - С. 253-258.

2. Архангельский, А. О церковности духовно-музыкальных сочинений [Текст]. / А. Архангельский // Ярославские епархиальные ведомости. - 1909, ч.н. - № 53. – С. 1015-1035.

3. Никольский, А. О церковности музыкальных сочинений [Текст]. / А. Никольский // Хоровое и регентское дело. – 1909. – № 11. - С. 264-269.

4. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников (1861-1918) / Гос. ин-т искусствознания; ГЦММК им. М.И. Глинки; сост. А.А. Наумов, М.П. Рахманова; Вступ. ст., подг. текста и комм. С.Г. Зверевой. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 904 с.

5. Важно отметить, что проблема церковно-певческого образования возникла в связи с новой идеологией церковного пения, пришедшей в середине XVII в. Появление практики исполнения авторских композиций в ходе богослужения сделало невозможным участие в пении прихожан, от певчих вместо соблюдения Устава и владения ремес-

лом потребовалось исполнительское вокальное мастерство, качественно изменилась роль первого лица в хоре – место головщика занял регент. Эти факторы, в свою очередь, поставили проблему специального музыкального образования для подготовки огромного числа регентов и певчих.

6. Сама проблема общенародного пения возникла в русской православной богослужебной практике не в XIX в., а в конце XVII-XVIII вв. в связи с усложнением музыкальной фактуры церковных песнопений вместе с приходом западноевропейского многоголосия в русское храмовое пение, что сделало невозможным участие в пении большинства прихожан, не имевших специального музыкального образования.

УДК 03.29

Д.Е. Леонов

Православная церковь и государственные думы периода революции 1905-1907 гг.

Русская Православная Церковь в начале XX столетия занимала видное место в российском обществе. Включенная еще Петром I в систему государственных учреждений, Церковь являлась идеологической опорой существующего строя, основой, краеугольным камнем социальной стабильности [2, с. 380]. Однако, как свидетельствуют источники, в начале XX века духовенству не всегда удавалось следовать предложенному государством политическому курсу.

В настоящей статье освещена деятельность православных священнослужителей в составе I и II Государственных Дум, а также их взаимоотношения со Святейшим Синодом.

Согласно каноническим установлениям, духовенству воспрещалось участвовать в народном представительстве, однако в годы становления российского парламентаризма Святейший Синод предпочел не акцентировать на этом внимания. Главная конфессия по-прежнему использовалась государственной властью в качестве политического инструмента, причем ее духовное руководство активно поддерживало начи-

нания государства. 11 декабря 1905 г. был издан закон о выборах в первую Думу.

Синод перед выборами в I Государственную Думу издал специальное обращение, в котором идеей союза Церкви и государства оправдывалось участие духовенства в выборах. «Издревле в Российской державе Церковь православная крепко хранит союз свой с государством…» - гласило послание. И ныне, когда «на Руси заколебался строй жизни… должны мы… отечество наше, великое и цельное, трудами и кровию отцов наших и великих государей российских собранное воедино, сохранить и защитить, царскую власть помазанника Божия не дать на поругание врагам…». После этой преамбулы, определявшей политические позиции Синода, послание переходило к конкретным вопросам предвыборной борьбы, и в частности касалось споров об участии духовенства в политических партиях. Духовенство, заявляли синодальные архиереи, не должно агитировать за какую-то определенную партию, не должно связывать себя с каким-либо обществом или союзом. «Все, что идет путем мира, любви и порядка, все, что за веру истинную, все, что за царя православного, за целость отечества нашего, - все это да будет благословенно, - писали синодальные иерархи. – Все же, что против сего, что идет не путем мира и любви, а взывает к насилию и восстанию, да будет вами отринуто во имя Божие». По сути, проповедь беспартийности означала агитацию за монархические партии, а путь «мира и любви» - сохранение социального статус-кво.

В синодальном послании подчеркивалось, что излишнее стремление о вещественном благе вредно и что пастыри Церкви должны внушать это своим прихожанам. Таким образом, церковное руководство попыталось поместить на второй план социальные проблемы. Кроме того, позицию пастыря церкви на выборах определяли слова о том, что духовное лицо не может голосовать «как простой мирянин». Синод давал ясно понять, что духовенство не должно, участвуя в политической жизни, выходить за определенные рамки [5].

В подобном же роде были написаны многие проповеди консервативно настроенных представителей духовенства. Либеральный лагерь также имел своих сторонников в церковной среде. Монархическая агитация оказалась тщетной, и результаты выборов в Думу это подтвердили. В числе правых депутатов оказались двое из шести избранных в Думу священнослужителей – Павел Воздвиженский (Там-

бовская губерния) и Василий Гума (Бессарабская губерния). Взгляды остальных представителей духовенства – депутатов Думы – не отличались особенным консерватизмом: лишь о. Авдий Концевич (Волынская губерния) на выборах шел как октябрист. Священники Клавдий Афанасьев (Область Войска Донского), Николай Огнев (Вятская губерния) и Алексий Поярков (Воронежская губерния) примкнули к кадетской фракции [4, с. 345-346]. Численность православного духовенства в Думе незадолго до ее роспуска сократилась. Рассматривая выборное производство по Тамбовской губернии, Дума обнаружила явные и значительные нарушения, допущенные губернским предводителем дворянства и генерал-губернатором. Результаты выборов были пересмотрены, и тамбовские депутаты, в том числе и священник Воздвиженский, покинули Думу [1, с. 156].

Основным вопросом, который решала I Дума, был аграрный. Большинство депутатов выступало с идеей принудительного отчуждения помещичьей земли в пользу крестьян, на что правительство, разумеется, пойти не могло. При обсуждении крестьянской темы сторонниками левых партий (а таковыми были все объединения левее октябристов) показали себя и некоторые православные священники-депутаты.

Состав и направление деятельности I Думы вызвали разочарование в среде светской и духовной бюрократии. Однако, поскольку Дума входила в состав высших государственных органов, «Церковные ведомости» воздерживались от критики в ее адрес. Зато другие церковные издания, в частности, «Церковный вестник», предоставили свои страницы для дискуссий по поводу работы Думы. Это издание помещало у себя статьи, содержащие резкую, далеко не всегда конструктивную критику в адрес законодательного собрания.

Обновленческое духовенство, продолжавшее сближаться с кадетами, занимало по отношению к Думе иную позицию. Не рассчитывая на проведение церковных реформ посредством духовного ведомства, обновленцы возлагали надежду на Думу в разрешении вероисповедных вопросов. Однако до их рассмотрения дело не дошло, Дума остановилась на прениях по аграрной проблеме. Тем не менее, тот же «Церковный вестник», будучи и органом обновленчества, защищал кадетов от нападок черносотенных организаций, выступая за создание кадетского министерства. По большому счету, у обновленцев и либе-

ралов почти не осталось расхождений, кроме вопроса о судьбе монастырского и церковного землевладения. Обновленцы считали неправомерным передачу крестьянам монастырских земель даже за выкуп, считая, что «вознаграждение за отчуждение земли по принятой норме далеко не возместит убытков» [7, с. 701-703].

В конце июня – начале июля 1906 г. конфликт между Думой и правительством достиг критической стадии. 20 июня было опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу, резко отвергавшее идею принудительного отчуждения земли в какой бы то ни было форме. В ответ на это фракция трудовиков предложила выступить от лица Думы с обращением к народу. «Церковный вестник» советовал «очень и очень подумать», прежде чем выпускать такое обращение. Тем не менее, 6 июля Дума приняла обращение, в котором призывала народ «спокойно и мирно ожидать окончания работ» по подготовке думского земельного закона [1, с. 158].

9 июля Дума была распущена, поскольку, как говорилось в царском манифесте, «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей… и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению» [3, с. 154]. Манифест о роспуске Думы был размножен в количестве свыше 2 млн. экземпляров и приложен к «Церковным ведомостям». Кроме того, Синод предписывал зачитать манифест во всех церквах империи в ближайший воскресный день. Своим определением от 12 июля Синод одобрил разгон неугодной правительству Думы. Петербургские обновленцы на страницах «Церковного вестника» признались, что роспуск Думы стал для них неожиданностью, и сожалели об этом.

Значительная часть депутатов Государственной Думы, прочитав 9 июля 1906 г. у Таврического дворца указ о роспуске, решила провести совещание. Совещание состоялось в Выборге; депутаты составили и подписали воззвание «Народу от народных представителей». В нем заявлялось, что депутаты прежде всего желали издать закон о наделении землей крестьян, используя казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли, а также принудительно изъяв частновладельческие земли. Это, по мнению депутатов, и послужило причиной разгона Думы. Депутаты призвали народ стоять за

права народного представительства; «Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу, - говорилось в воззвании. – А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег». По существу, это был призыв бойкотировать государственную власть, призыв к неповиновению. Среди подписавших Выборгское воззвание оказались и два православных священника-кадета – К. И. Афанасьев и Н. Огнев [3, с. 154].

Св. Синод откликнулся на это воззвание согласно своему высокому положению в государстве. Его указом от 16 августа 1906 г. священники Афанасьев и Огнев были запрещены в священнослужении, лишены приходов и преданы духовному суду, который лишил их сана. 12-18 декабря 1907 г. на процессе, рассматривавшем дело подписавших воззвание депутатов, оба бывших священника получили наравне с остальными тюремный трехмесячный срок [3, с. 354].

Обновленческое духовенство, несмотря на свою близость кадетам, резко осудило Выборгское воззвание, назвав его «неконституционным актом». Одобрение столичных либеральных пастырей получило «контрвоззвание», выпущенное небольшой группой депутатов-«мирнообновленцев», в котором преступлением называлось стремление «среди переживаемых Россиею опасностей и смут колебать государеву власть» [8, с. 958-959].

Два священника, наказанные за свой радикализм, оказались далеко не последними представителями православного духовенства в Думе, придерживавшимися левых воззрений. Вторая Дума по своему составу оказалась еще более радикально настроенной, нежели ее предшественница. Несмотря на некоторое присутствие правых и октябристов (22 и 32 депутата), вся остальная часть Думы была настроена оппозиционно. Среди ее членов православных священников насчитывалось в два раза больше, чем в предыдущей: если клирики в Первой думе составляли группу из шести человек, то во Второй их было уже тринадцать. Из этого числа к правым относились только четыре депутата – отцы Дамиан Герштанский, Николай Пирский и епископы Евлогий (Георгиевский) и Платон (Рождественский). Большинство священнослужителей принадлежало к левым и либеральным фракциям (Александр Бриллиантов, Федор Владимирский, Александр Архипов, Антоний Гриневич, Кон-

стантин Колокольников, Григорий Петров, Федор Тихвинский). Двое священников – Михаил Гашкевич и Вячеслав Якубович – числились в правоцентристских фракциях прогрессистов и октябристов. Таким образом, и на этот раз в Думе оказалось больше левых священников, чем духовное ведомство могло предположить [3, с. 355].

В период между I и II Думами священноначалие, казалось бы, приняло все возможные меры для того, чтобы в законодательный орган не «просочились» ненужные правительству элементы. 12 декабря 1906 г. Синод издал циркулярный указ, требовавший от всех священников, обладающих избирательным правом, обязательной явки на выборы. Синод также предписывал голосовать таким образом, чтобы в Думу попало максимальное количество консервативно настроенных священников. Духовенство обязано было развернуть энергичную избирательную кампанию; все выборные собрания необходимо было предварять молебствиями, на которых духовенство выступало в поддержку людей «благоразумных и верных». Оставаясь формально на почве беспартийного монархизма, Синод стремился к тому, чтобы Дума наполнилась правыми депутатами и послушным ему духовенством. Итоги выборов сделали неизбежным новый конфликт между правительством и Думой.

Св. Синод заявил о своей полной поддержке правительства в самом начале думских заседаний. 6 марта 1907 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин выступил в Думе с правительственной декларацией. Она получила поддержку лишь правых депутатов, в том числе и епископа Платона, заявившего, что «совместная работа с правительством возможна» [1, с. 158]. На следующий день митрополит петербургский Антоний послал Столыпину приветственную телеграмму. «Первое выступление министерства в Государственной Думе в лице Вашем, - гласил текст телеграммы, - было полно достоинства, авторитета и власти. Сердечно Вас приветствую и призываю Божие благословение на дальнейшие труды Ваши. Да направит Господь членов Думы к мирной работе на благо Родины» [1, с. 168].

Аграрный вопрос вновь занял самое важное место в работе Думы. Правительство пыталось провести через Думу столыпинский проект, однако при таком составе народного представительства это не представлялось возможным. «Церковные ведомости» в период работы II Думы помещали на своих страницах статьи, также посвященные ре-

шению аграрной проблемы. Церковь всерьез опасалась за судьбу монастырских и церковных земель и публиковала разного рода материалы, подтверждающие право Церкви на владение земельной собственностью. Тем временем правительство искало предлог, чтобы разогнать мятежное законодательное собрание и самостоятельно принять законопроект о столыпинской реформе. В мае 1907 г. было опубликовано правительственное сообщение об аресте группы лиц, состоящей из членов партии эсеров и поставившей своей целью посягательство на жизнь государя, великого князя Николая Николаевича и П.А. Столыпина. После публикации данного сообщения правые члены Думы, действуя, вероятнее всего, по заранее составленному сценарию, обратились с запросом к правительству. 7 мая Столыпин давал в Думе «объяснения». Замысел правительства заключался в том, чтобы добиться от Думы осуждения революционных партий, в случае же отказа – получить предлог для ее роспуска. Левые фракции, не желая участвовать в обсуждении провокационного «запроса», в заседании 7 мая отсутствовали. Кадеты, решившие «спасти» Думу, вступили в блок с черносотенцами. В итоге Дума единогласно приняла формулу перехода к очередным делам, в которой выразила чувство «величайшей радости» по поводу «избегнутой» императором опасности. 9 мая в Троицком соборе Александро-Невской лавры 14 высшими иерархами, собравшимися в столице, было совершено молебствие «по случаю спасения драгоценной жизни государя императора от угрожавшего крамольного посягательства». Затем иерархи решили заняться вопросом о духовенстве, не разделившем их радости «о спасении драгоценной жизни государя». Дело в том, что священники, принадлежавшие к левым фракциям, отсутствовали, как и все депутаты этих фракций, на заседании 7 мая.

12 мая 1907 г. Синод выпустил специальное определение «о священниках, членах Государственной Думы, принадлежащих к революционным партиям». В определении Св. Синод поручал митрополиту Антонию (Вадковскому) вызвать этих священников для того, чтобы они объяснили причины своего отсутствия, и потребовать немедленного оставления «революционной партии». В случае если бы депутаты не пожелали оставить «революционные партии», предусматривалось потребовать от них добровольного снятия священного сана. Если же и на это последовал бы отказ, дело планировалось передать на рассмотрение их епархиальных архиереев. 14 мая митрополит вызвал к себе

священников Архипова, Гриневича, Колокольникова, Тихвинского. Бриллиантов, также вызванный к митрополиту, на разговор не явился. Решено было, что до 18 мая «мятежники» должны были прислать Антонию свой ответ или же снять сан. Ни того, ни другого не последовало. Лишь к 20 мая три священника (Архипов, Колокольников и Тихвинский) прислали оправдательные письма. Однако эти письма уже не могли им помочь: 19 мая Св. Синод постановил всех священников, не присутствовавших на заседании 7 мая, передать на суд епархиальных преосвященных. Исключение было сделано лишь для А. Гриневича, заявившего о своем выходе из фракции трудовиков и доказавшего факт своего присутствия на заседании [3, с. 357-358].

Дальнейшую судьбу четырех священников нетрудно было предугадать: все они были лишены священного сана. Такая же судьба постигла и священника Григория Петрова, хотя он не принадлежал к левым фракциям и в Думе старался ничем не выделяться. Такими мерами церковное руководство постаралось отсечь от Церкви левое и даже отчасти либеральное духовенство, надеясь таким путем восстановить единство церковной организации, расшатанное под воздействием революции [1, с. 173].

3 июня 1907 г. Государственная дума была распущена. В обход существующего законодательства, без согласия народного представительства был издан новый избирательный закон. Синод не счел для себя затруднительным санкционировать эту противозаконную акцию царского правительства. Определением от 3 июня 1907 г. было предписано прочесть царский манифест во всех церквах империи в праздник Троицы 10 июня [6].

Роспуск Думы поприветствовали и петербургские обновленцы, к тому времени растерявшие былую оппозиционность. «II Дума, - писал «Церковный вестник», - не оправдала самой главной надежды, возлагавшейся на нее, - надежды на успокоение измученной революционным кошмаром страны… И получилось, что II Дума… не столько распущена, сколько сама себя распустила» [9, с. 732].

В целом вышеприведенные факты ярко свидетельствуют об определенном участии официальной Церкви в подготовке и проведении третьеиюньского государственного переворота. Святейший Синод на протяжении всей революции 1905-1907 гг. продолжал отстаивать интересы самодержавной власти. С другой стороны, позиция Синода

вовсе не означала, что остальное духовенство во всем с ним солидарно. Напротив, большинство православных священников, участвовавших в первом российском народном представительстве, придерживалось демократических убеждений и пострадало за эти свои убеждения. Не следует также забывать и об избирателях, голосами которых в Думу смогло проникнуть такое значительное количество «неблагонадежных» элементов. Даже при наличии многоступенчатой системы выборов, при отсутствии всеобщего избирательного права, и I, и II Государственные Думы состояли, по преимуществу, из демократически настроенных депутатов. А это означало, что между обществом и государственной властью противоречия носили неразрешимый характер. Даже духовенство, убеждения которого должны были оказаться выше политических интересов, разделилось и поддерживало ту или иную точку зрения.

Библиографический список

1. Зырянов, П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. [Текст] / П.Н. Зырянов. - М.: Наука, 1984. - 224 с.

2. Зырянов, П.Н. Церковь в период трех русских революций [Текст] / П.Н. Зырянов // Русское православие. Вехи истории / ред. Клибанов А.И. - М.: Политиздат, 1989. - С. 380-437.

3. Обнинский, В. Новый строй. Ч. 1 Манифесты 17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г. [Текст] / В. Обнинский. - М., 1913. - С. 154.

4. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.) [Текст] / С.Л. Фирсов. - М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. - 624 с.

5. Церковные ведомости [Текст] / Еженед. изд-е Святейшего Синода Православной Российской Церкви. - СПб.,1906. № 7. Приложение.

6. Церковные ведомости [Текст] / Еженед. изд-е Святейшего Синода Православной Российской Церкви. - СПб.,1907. - 9 июня.

7. Церковный вестник [Текст] / Журнал, издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии. - СПб., 1906. 1 июня.

8. Церковный вестник [Текст] / Журнал, издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии. - СПб., 1906. 20 июля.

9. Церковный вестник [Текст] / Журнал, издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии. - СПб., 1907. 7 июня.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 372.8

И.Е. Коротаева

Вопрос на уроке истории: философско-методологическое обоснование проблемы

Современная школа призвана обеспечить учащихся знаниями, отражающими современный уровень развития науки, сформировать самостоятельность и инициативность, познавательную активность, исследовательские способности учащихся. Школьное образование должно способствовать социализации личности, ее адаптации в современном мире. В современной дидактике истории происходит поиск эффективных педагогических средств обучения, которые способствуют формированию и развитию познавательных возможностей, заинтересованности учащегося в получении новых знаний, реализации личностно-ориентированного подхода в образовании. В этом отношении большое значение имеет умение учащихся задавать на уроке истории вопросы.

Приходится признать: в дидактике истории до сегодняшнего дня этой проблеме не уделялось должного внимания. В большей степени внимание привлекал вопрос учителя к классу и отдельным учащимся.

В плане постановки проблемы исследования представляется необходимым обратиться к ее философско-методологи-ческим основаниям. Не подлежит сомнению: во все эпохи, начиная с древности, философы искали сущностный смысл «задавания» вопросов.

Вопрос как источник постижения истины начал рассматриваться еще со времен Сократа. Основной формой философствования Сократа являлся диалог, предполагающий непосредственный контакт собеседников, совместный поиск истины в ходе беседы и споров. Сократ считал жизнь вне диалога, обсуждений и исследований бессмысленной [6, с.134-135]. Диалог в понимании Сократа - это подлинная, «живая и одушевленная речь знающего человека», своего рода лабора-

тория, одушевленное поисковое поле, он невозможен без общения, без присутствия двух людей при совместном поиске истины [6, с.136-137]. Вне диалога, по Сократу, нет и подлинной мудрости, возможно лишь многознайство.

В сократовском диалоге каждый из собеседников выступает как равный. Здесь нет учителя, который обучает, то есть передает знания ученику, и нет ученика, который уносит в своей голове этот набор сведений, как в пустом сосуде. В сократовском диалоге есть два лица, для которых истина и знание не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Таким образом, истина и знание не передаются, не переливаются из одной головы в другую, а раскрываются в сознании участников диалога [6, с.139].

Сократ пытался научить искусству ведения диалога, при котором собеседник, отвечая на заданные вопросы, обнаруживал свое знание или неведение. Из этого следует, что искусство диалога – это мастерство задавать вопросы. Такое мастерство либо обличало самоуверенность собеседника, его невежество, либо ориентировало его на обнаружение истины. Вопросно-ответное или диалогическое искусство он сравнивал с повивальным искусством и называл «майевтикой» [6, с.140-141]. Сократ его также назвал диалектикой. Этот термин означал «разговариваю», «беседую», «обсуждаю». Диалектика – это искусство ведения диалога. Главный критерий, отличающий диалектику, искусство вести рассуждения, от искусства спора, Сократ видел в нахождение истины. Он считал, что только в диалоге рождается истина [6, с.145].

Только в соответствии с диалектическим искусством «вести рассуждения» становится возможным постижение истиной сущности вещей. Сократ считал диалектиком того, кто умеет ставить вопросы [6, с.148]. «…Я ничего не знаю…и все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать…» - в этом весь Сократ, в этом вся его идея о познании, о значении вопроса, беседы, о рождении истины [6, с.142].

К проблеме диалектики, соответственно к проблеме вопроса, обращался и другой древнегреческий философ, ученик Сократа – Платон. Он понимал «диалектику» как искусство побуждения к размышлению и исследованию посредством указания на противоречия, заключающиеся в обычных поспешно составленных мнениях о различных вещах. Он считал, что, сопоставляя мнения и сводя их в своих

исследованиях воедино, мастера диалектики «показывают, что эти мнения находятся между собой в противоречии». Поэтому мыслить противоречивыми утверждениями об одном и том же, в одно и то же время, в одном и том же отношении недопустимо. Обнаружение подобных противоречий во мнениях «изобличает мнимого знатока предмета в невежестве». Желание освободиться от этого состояния побуждает обличенного напрячь все свои силы. В результате его усилий знания, погребенные в душе, начинают в нем проясняться. Если же диалектик «начнет часто и различным образом спрашивать о том же самом предмете, то…в конце он, без всякого сомнения, будет знать о нем ничем не хуже другого». Платон не столько раскрывает содержание истины, сколько заставляет мысль обратиться от мнимого знания к истинному [3, с. 220-223]. Таким образом, вопрос здесь является одним из способов получения истины, средством ее постижения.

Аристотель, разрабатывая учение о мышлении, уделил внимание и вопросу как одной из его форм. Проблемы вопроса нашли отражение в «Топике». Предметом изучения в «Топике» выступает не содержание диалога, как у Платона, а принципы диалогового обсуждения. Аристотель выделяет структуру диалога, которая содержит пять компонентов: постановка проблемы, средства правильного построения умозаключения, правила построения умозаключения, стратегия постановки вопросов, стратегия ответов на них [9].

Разрабатывая диалогический метод, Аристотель преследовал цель дать общие приемы мышления с тем, чтобы получить истинное знание. Это была попытка рассмотрения вопроса в качестве основы диалога, одного из основных приемов достижения истины знания, полученного посредствам вопроса. Аристотелем были отмечены особенности правильной постановки вопроса и ответа, поведения «вопрошающего» и «отвечающего». Аристотель говорил о противоречивой основе вопроса, противоречивом содержании: «вопрошающий», задавая вопрос, закладывает в нем возможность противоречивого, противоположного ответа. Вопрос имеет две стороны, из которых всегда можно сделать два возможных вопроса, каждый из которых будет носить уточняющий характер в отношении того или иного ответа. Вопрос всегда сохраняет в себе свою противоположность. Любой последующий вопрос будет выступать в качестве уточняющего или развивающего предыдущий [2, с.106].

Влияние Аристотеля оказалось сильным и на последующие поколения философов, особенно на мыслителей Нового времени. Френсис Бэкон говорил: «Умный вопрос – это уже добрая половина знания». В доказательство своего тезиса он вспоминает слова Платона: «Тот, кто о чем-то спрашивает, уже представляет себе в самом общем виде то, о чем он спрашивает, а иначе, как бы он смог узнать правильность ответа, когда он будет найден» [4, с.298]. В этом высказывании есть одна важная мысль: в вопросе заключено определенное знание и ответ на него есть по существу знание, которое уже известно спрашивающему, но оно предоставлено ему не в полной мере. Только при хорошем предварительном знании можно правильно поставить вопрос [1, с.9]. Таким образом, прослеживается связь философии с дидактикой. Положение доказывает, что одним из условий «задавания» вопросов является наличие «фоновых» знаний. «Поэтому чем более обширным и точным будет наше знание, тем более прямым и кратким путем пойдет исследование,…так что если мы встретим какого-то знающего и опытного человека, то сможем разумно и толково спросить его о том, что ему известно…» [4, с.299]

В проблематике исследования вопроса большое значение имеет его логическая структура, особенности его построения по определенным правилам. Этот аспект был затронут Аристотелем, но больше разрабатывался в новое время. Философы стали уделять внимание проблеме соотношения взаимосвязи известного и неизвестного, видя в этой взаимосвязи существенный момент развития знания, перехода от незнания к знанию [1, с.11]. Наиболее четко эта мысль прозвучала у Р. Декарта в сочинении «Правила для руководства ума». Он писал: «Во-первых, во всяком вопросе необходимо должно быть налицо некоторое неизвестное; ибо иначе вопрос бесполезен; во-вторых, это неизвестное должно быть чем-то отмечено, иначе ничто не направляло бы нас к исследованию данной вещи, а не какой-нибудь другой; в-третьих, вопрос должен быть отмечен только чем-нибудь известным» [5, с.77]. Здесь мы прослеживаем очень важную мысль – необходимо уметь ставить вопросы правильно, четко выделяя то, что мы хотим узнать. Всякий вопрос должен иметь логическую структуру.

Еще один философ нового времени, Э. Кондильяк, в труде «Логика, или начало искусства мыслить» писал: «Таким образом, в каждом вопросе есть два момента — формулировка данных — это, собственно, то, что понимается под изложением вопроса, а выделение неизвестных —

рассуждение, в результате которого находят его решение» [7, с.261]. Под вопросом он понимает не форму выражения проблемы, а саму проблему. «Сформулировать изложение вопроса — значит по существу перевести данные в наиболее простое выражение, так как именно наиболее простое выражение облегчает рассуждение, способствует выделению неизвестных» [7, с.262]. Формулировка вопроса для Кондильяка, определение его содержания, неразрывно связаны с процессом рассуждения, размышления, которое помогает определить неизвестное в вопросе, то есть то, что предстоит выяснить.

Г. Лейбниц высказал мысль о разделении вопросов по сложности: «Можно даже сказать, что существуют темы, представляющие нечто среднее между идеей и предложением. Таковы вопросы, из которых некоторые требуют в качестве ответа только «да» или «нет»; такие вопросы ближе к предложению. Но есть также вопросы, в которых спрашивается об обстоятельствах дела и… которые требуют больших дополнений для превращения их в предложения» [8, с.364]. Таким образом, философ предложил разделить вопросы на простые, которые требуют выявления истинности или ложности высказанной мысли, и сложные, предполагающие полный, развернутый ответ, дополнения и уточнения имеющихся знаний. Исходя из того или иного типа вопроса, можно определить уровень знаний человека по интересующей теме. С помощью вопроса определяются средства достижения цели, то есть выясняют, что необходимо для того, чтобы ответить на вопрос и найти неизвестное.

Кроме того, Г. Лейбниц продолжает идею о типологии вопросов: чтобы выяснить истинность или ложность некоторого предложения, необходимо ответить на вопрос «Так ли?, то есть, так ли это или нет?» [8, с.375]. Это так называемые вопросы первого типа. «А иногда нужно ответить на более сложный вопрос и вносить больше дополнений». Такие вопросы Г.Лейбниц называет вопросами второго типа. Философ считает, что «даже положительный или отрицательный ответ на вопрос первого рода требует как рассудительности, так и изобретательности, хотя и меньшей, чем при ответе на вопросы второго типа. Вопросы второго типа более трудны, они требуют дополнительных разъяснений, они выступают проблемами, которые необходимо разрешить». Но Г. Лейбниц не рассматривал возможность перехода вопросов первого типа в вопросы второго и обратно [1, с.13]. Отсюда

можно заключить: и простые и сложные вопросы требуют размышлений, рассуждений. Вопрос, вне зависимости от типа, уже предполагает умственную деятельность, самостоятельность в нахождении ответа. И не важно, желаем мы получить односложное «Да» или развернутое аргументированное объяснение при ответе на поставленный вопрос.

В настоящей статье представлен лишь краткий обзор представлений о проблеме вопроса в философии. Она рассматривалась многими философами с разных позиций.

Вопрос – одна из форм познания и раскрытия предмета. Нет такой науки, которая обходилась бы без постановки вопроса. Правильная постановка вопроса имеет огромное значение в развитии научного знания, т.к. нужный вопрос - это результат мыслительной деятельности. Нельзя даже предположить существование какой-либо науки без постановки вопросов и без получения ответа на них.

В настоящее время проблемы вопроса остаются далеко не разрешенными, их исследуют эпизодически, вне системы, очень часто в рамках работы над другими философскими проблемами. Тем не менее, важность исследования данной проблемы неоспорима.

Библиографический список

1. Аверьянов, Л.Я. Почему люди задают вопросы? [Текст] /Л.Я. Аверьянов – М.: Социолог,1993. – 152 с.

2. Аристотель. Сочинение в четырех томах. [Текст] /Аристотель. - М.: Мысль, 1978. - Т. 2. – 688 с.

3. Асмус, В.Ф. Античная философия [Текст] / В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 2009. – 400 с.

4. Бэкон, Ф. Соч. в двух томах [Текст] /Ф. Бэкон. - М.: Мысль, 1971. - Т. 1. – 592 с.

5. Декарт, Р. Правила для руководства ума. - Соч. в двух томах томах [Текст] / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 176 с.

6. Кессиди, Ф.Х. Сократ [Текст] /Ф.Х. Кессиди. - СПб.: Алетейя, 2001. — 352 с.

7. Кондильяк, Э. Соч. в трех томах [Текст] / Э. Кондильяк. - М.: Мысль, 1983. - Т. 3. – 342 с.

8. Лейбниц, Г. Соч. в четырех томах [Текст] / Г. Лейбниц. - М.: Мысль, 1983. - Т. 2. – 686 с.

9. Микеладзе, З. Н. Что такое «Топика» Аристотеля? [Текст] /З.Н. Микеладзе// Вопросы философии. - 1979. - № 8. - С. 109—113.

УДК 372.8

В. В. Кумсков

Педагогические идеи Джона Дьюи и преподавание истории в школе

В течение двадцатого века дидактика истории окончательно утвердилась в роли самостоятельной науки и сделала огромный скачок в своем развитии. Несомненно, что для этого потребовались усилия многих педагогов, среди них отдельно хотелось бы выделить американского педагога и философа Дж. Дьюи. Его вклад в развитие дидактики невозможно не оценить. Философ, социолог, психолог, педагог и общественный деятель Дж. Дьюи (1859-1952) в конце XIX в. выразил резко критическое отношение к традиционной педагогике, абстрактно-схоластическим методам обучения и воспитания, существующим тогда в школе США, указал на ее главный недостаток - отрыв от жизни и продуктивной практической деятельности. Используя прагматическую методологию, он стал активным участником реформирования американской образовательной системы. Наряду с другими сторонниками «свободного воспитания» он обосновал принципы школьного обучения и воспитания, определяемые социальными потребностями и особенностями индивидуального развития ребенка. Говоря о необходимости изменения системы образования, а также пересмотре методов обучения и воспитания, он затрагивал вопросы преподавания всех предметов школьного курса. Дьюи не обошел стороной и дидактику истории.

Состояние проблемы исследования. Работ, специально посвященных вкладу американского педагога в дидактику истории, нет. Условно педагогическую литературу на русском языке, посвященную изучению и анализу педагогических идей Джона Дьюи, можно разделить на несколько периодов. Первый период, 20-е годы XX века, время наиболее активного изучения его трудов. Интерес был обусловлен попытками реформировать отечественную школу, этот период отмечен применением идей Дьюи в отечественную педагогику. Его идеи высоко

оценивались в трудах советских педагогов: М.С. Бернштейна «По педагогической Америке»[1], Б.Б. Комаровского «Педагогика Дьюи»[14], С.Т. Шацкого – и стали важным фактором строительства новой школы и педагогики в этот период. Во второй период, с 30-х гг. XX в. и на протяжении всего дальнейшего периода советской истории, педагогика прагматизма подвергалась критике как буржуазная, индивидуалистическая. Этот критический подход ярко отразился в работах А.В. Гуреевой «Критический анализ прагматической эстетики Дж. Дьюи» [5], П. Кроссера «Нигилизм Дж Дьюи»[18]. С 1980-90-х гг. началось переосмысление взглядов Дьюи. Философско-социальные, психологические и педагогические взгляды Дж. Дьюи по-новому рассмотрены в статьях Г.Б. Корнетова[13,15,16]. Отечественные исследователи американской психолого-педагогической теории и практики, их методологических и социальных основ, Б.Л. Вульфсон[4] и З.А. Малькова[19], в своих работах представили основные тенденции исторического развития общеобразовательной школы США. Результаты исследований, Р.Б. Вендеровской, Е.Ю. Рогачевой [21,22,23] и А.Э. Коробовой[17] показывают, что в 20-е гг. XX в. в зарубежной и отечественной школах идеи Дж. Дьюи получили широкое распространение в развитии теории и практики образования. Ведущие положения прагматической концепции Дж. Дьюи стали предметом исследования в трудах зарубежного психолога и философа Р.Б. Вестбрука (США)[3]. Гражданское воспитание в американских школах, основанное на идеях Дж. Дьюи, обосновано, проанализировано и описано в трудах Р. Мошера (США), Р. Кении (США), Э. Гаррада (США)[20]. Все эти исследования внесли важный вклад в изучение педагогических взглядов Дж. Дьюи, сильных и слабых сторон американской системы образования, базирующихся на концепции прагматизма. Изучение и обобщение историко-педагогической и современной педагогической литературы подтверждают, что проблема методики преподавания истории в педагогической концепции Дж. Дьюи не получила специальной разработки. В связи с недостаточной разработкой этой темы возникла необходимость в исследовании вклада Дж. Дьюи в дидактику истории.

Источниковой базой нашего исследования стали работы Дж. Дьюи. У него нет специальных трудов, посвященных проблемам преподавания истории, но его общие педагогические работы содержат немало сведений на этот счет. На русский язык переведена лишь часть

его работ, и в них достаточно информации, чтобы оценить основные идеи Дьюи о преподавания истории. Во всех работах, посвященных проблемам педагогики, Дьюи говорит о необходимости изучения истории во взаимосвязи с другими отраслями знания. В статье «Моя педагогическая вера» он изложил основные идеи построения школьной системы, это своего рода программа американского педагога по переустройству системы образования. Если в этой работе Дьюи лишь говорит о том, что необходимо сделать для переустройства школы, то в более поздних работах он уже детально разбирает методы и приемы работы, которые необходимо использовать в «новой школе». Особенно хотелось бы выделить работу «Школа и общество»[11]. В ней Дьюи значительное внимание уделяет проблеме преподавания истории в начальном обучении, методам и приемам работы с детьми младшего возраста. В книге «Школы будущего»[12] он подробно рассматривает игровые формы работы на уроках, говорит о необходимости активнее использовать драматизацию как средство активизации учебного и мыслительного процесса на уроках истории. «Введение в философию воспитания»[7] показывает основные идеи Дьюи о применении и использовании деятельностного подхода, о роли различных предметов школьной программы, и истории в частности.

Ключевым понятием педагогической философии Дьюи является "опыт"; получение и накопление опыта становится главной задачей школы по Дьюи. Он считал, что именно история является вместилищем опыта, поэтому при изучении истории дети могут получить богатый жизненный опыт, который будет распространяться на все сферы их деятельности. Но встает вопрос: каким образом школьники могут получать опыт на уроках истории? Дьюи говорит о том, что существующая система образования не может решать задачи подобного рода, ребёнку навязывают пассивную, поглощающую, принимающую позицию. В этих условиях ему не позволяют активно развиваться, результат - сопротивление и пустая трата сил и времени[9, с.5]. Он предлагал отказаться от монологической формы работы учителя, когда ученикам отводилась лишь роль пассивных слушателей, задача которых заключалась лишь в заучивании сказанного учителем. Дьюи связывает знание с движением, с деятельностью, сознательно изменяющей окружающее. «Я считаю, что истинное образование происходит, когда способности ребёнка пробуждаются под действием требований социаль-

ных ситуаций, в которые он попадает. Эти требования заставляют его действовать как члена общества, выбираться из свойственных ему узких границ действий и чувств и выражать себя с точки зрения ценностей той группы, к которой он принадлежит», - утверждал Дьюи[9, с.5]. История должна изучаться не как нагромождение выводов и действий, не как отчет о том, что произошло, а как процесс, полный сил и действий. Основной задачей обучения, считал он, должно стать не сообщение и получение знаний, а умение их добывать. Изучение истории не есть накопление «груды сведений», но применение этих сведений для создания живой картины: как и почему люди поступали так или иначе; как они добивались успеха или терпели неудачу[11].Американский педагог предложил положить в основу обучения деятельность учеников, он говорил о том, что ученики должны пропускать историю через себя, тем самым Дьюи можно считать отцом деятельностного подхода в преподавании истории. Найти путь, как добывать знания, когда они нужны, – вот всеобщая цель приобретения знаний в школе, а не знание само по себе[12]. Стремление к самостоятельной деятельности - сильный инстинкт, который следует не игнорировать, а напротив, целенаправленно использовать, поэтому «класс-аудитория» должен быть превращен в «класс-лабораторию»[12, с. 37]. Большое место в ходе учебного процесса следует отвести выполнению детьми проектов, постепенно усложняющихся практических заданий, при работе над которыми возникают различные ситуации и трудности. Они преодолеваются с помощью знаний и навыков, нужных для достижения именно данной практической цели. Это создает в школе атмосферу увлеченности учением, доставляет детям радость самостоятельного творчества, поисков и открытий.

Дьюи считал необходимым систематически включать в учебный процесс игровую деятельность. Инстинкт игры помогает в старших классах использовать жизнь вне школы для конкретизации и придания эффективности школьной программе. Если самые действенные уроки имеют место, когда в школу переносится свободные занятия детей вне школы, - не кажется ли правильным сделать игру главной частью работы? [7, с.29] В игре дети замечают и запоминают весь характер жизни вокруг гораздо полнее и рельефнее, чем они просто обучаются в известной им обстановке. Поэтому игры очень важны в воспитании, помогают детям замечать окружающую жизнь и ее процессы.

Инстинкт игры, желание детей играть особенно полно используется в младших классах. В игре есть один элемент, которым можно пользоваться в любом возрасте, - это драматический инстинкт, любовь к изображению в лицах [12]. Тем самым Дьюи одним из первых обращает внимание на такое средство активизации учебной деятельности, мыслительного процесса на занятии, как драматизация. Отличие драматизации от другой работы кроется в сущности вопросов, которые дети изучают. При изучении истории школьники сталкиваются не с миром вещей и предметов, а с миром идей и мыслей, поэтому и необходимо использовать эффект драматизации, чтобы приблизить историю к ученикам. Драматизация помогает детям не только понять, но и почувствовать это прошлое [12]. Занятия становятся частью жизни детей, и история запоминается как личное переживание, а не как текст книги. Именно в игре, полагал он, у ребенка впервые формируется потребность взаимодействовать с миром, со сверстниками; игра - эффективное средство развития интеллектуальных, моральных и волевых качеств формирующейся личности. Он считал, что для более успешного понимания материала необходимо использовать деловые игры, в ходе которых ученики самостоятельно решают поставленные перед ними задачи, тем самым овладевают историческим инвариантом поведения того или иного субъекта, запечатленного историей.

Большой вклад внес Дьюи в разработку принципов и методов проблемного обучения, которое, по его утверждению, имеет неоспоримые преимущества по сравнению с объяснительно-иллюстративным методом. Созданные в ходе учебного процесса проблемные ситуации могут обнаружить недостаточность ранее усвоенных учащимися знаний, что побуждает их к соответствующим поискам, способствует формированию познавательной самостоятельности, развитию критического мышления и творческих способностей [7].

Еще одним новшеством, предложенным Дьюи, стало развитие связи истории с другими дисциплинами. Раз история понимается как процесс, как нечто динамичное, тем самым выдвигаются ее экономические и промышленные стороны. Только техника выражает проблему, над решением которой человечество безостановочно работает: как жить, как овладеть и пользоваться силами природы, чтобы сделать их пригодными для обогащения человеческой жизни [6, с.121]. Он говорил о том, что не только нельзя отрывать историю от других областей

знания, но и о необходимости их изучения во взаимосвязи с историческим процессом. Цель обучения истории в школе - проследить процессы, при помощи которых человек начинал понимать свои нужды и стал придумывать орудия и средства, которые доставляли ему возможность удовлетворить их; как он учился при помощи этих новых средств открывать новые горизонты и выдвигать новые проблемы[6].

В целом, без Дьюи трудно представить современную дидактику истории. Возможно, что идеи Дьюи в этой области опередили свое время и истинное понимание их ценности приходит к нам только сейчас. Методы обучения и воспитания, применяемые учителями сейчас, есть развитие его идей применительно к преподаванию истории. Современные средства обучения позволяют еще более эффективно использовать потенциал идей Дж. Дьюи.

Библиографический список

1. Бернштейн, М.С. По педагогической Америке [Текст]. - М.: Просвещение, 1930.

2. Вендеровская, Р.Б. Очерки истории Советской дидактики [Текст]. - М.: Просвещение, 1982.

3. Вестбрук, Р.Б. Джон Дьюи [Текст]/ Р.Б. Вестбрук // Перспективы: вопросы образования. -1994. -N 1/2. - С. 269-284.

4. Вульфсон, Б. Джон Дьюи: Педагогика прагматизма (1859 - 1952 гг.) [Текст] / Вульфсон Б. // Лидеры образования. - М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2004. -№ 3.

5. Гуреева, А.В. Критический анализ прагматической эстетики [Текст] / Д. Дьюи. – М., 1983.

6. Дьюи, Дж. Школа и ребенок [Текст]. – М.: Работник просвещения, 1922.

7. Дж. Дьюи. Введение в философию воспитания [Текст]. – М.: Работник просвещения, 1921.

8. Дьюи, Дж. Демократия и образование [Текст]. – М.: Педагогика-Пресс, 2000.

9. Дьюи, Дж. Моя педагогическая вера [Текст] // Свободное воспитание. - 1913 – 1914. - № 1. - С. 3– 16.

10. Дьюи, Дж. Педагогика и психология мышления [Текст]. – М.: Лабиринт, 1999.

11. Дьюи, Дж. Школа и общество [Текст]. – М.: Работник просвещения, 1925.

12. Дьюи, Дж. Эвелина Дьюи. Школы будущего [Текст]. – М.: Работник просвещения, 1922.

13. История образования и педагогической мысли [Текст]: материалы к учеб. курсу : учеб. пособие/ М-во образования Моск. обл., Акад. соц. упр., каф. педагогики; под ред. Г. Б. Корнетова. -М.: АСОУ, 2008. - 251 с.

14. Комаровский, Б.Б. Педагогика Дьюи [Текст]. Ч.1. Баку,1926.

15. Корнетов, Г. Б. Модель школы будущего Джона Дьюи [1859-1952 гг.] [Текст] / Г. Б. Корнетов // Альтернативы: [б. и.], 2008.

16. Корнетов, Г. Б. Прогрессивистская педагогика Джона Дьюи [Текст]: [амер. философ, психолог, педагог, 1859-1952 гг.]/ Г. Б. Корнетов // Школьные технологии. - М.: НИИ школ. технологий при участии ред. " Нар. образование". - 2007. - № 6.

17. Коробова, А.Э. Педагогические идеи Джона Дьюи и их интерпретация в отечественной педагогической теории и практике 20-30-х годов [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.Э. Коробова; Волгогр. гос. акад. физ. культуры. - Саратов, 2000.

18. Кроссер, П. Нигилизм Дж. Дьюи. [Текст]. - М., 1958.

19. Малькова, З.А. Джон Дьюи - философ и педагог-реформатор [1859-1952 гг.] [Текст]/ З.А. Малькова // Педагогика. -1995. - N 4. - С. 95-104

20. Мошер, Р. Кенни, Р. Гаррод, Э. Воспитание гражданина, демократические школы [Текст]. - М.: Народное образование. – 1996. - С. 35-49.

21. Рогачева, Е. Педагогический эксперимент Джона Дьюи и его значение для будущих учителей [1859-1952 гг.] [Текст] / Е. Рогачева // История педагогики как учебный предмет. - М., 1995. - С. 143-153.

22. Рогачева, Е. Ю. Педагогика Дж. Дьюи в XX веке: кросскультурный контекст [Текст]. – Владимир, 2005.

23. Рогачева, Е.Ю. Педагогическое творчество Дж. Дьюи в чикагский период [Текст]: [Амер. педагог и психолог, 1859-1952 гг.] / Е.Ю. Рогачева // Педагогика. -М.: Педагогика, 2004. - №5.

УДК 930.1

Ю.С. Никифоров

Университетская деятельность историков «русской школы»

В последней трети XIX – начале XX вв. в отечественной исторической науке сформировалась группа ученых, которые углубленно занимались проблемами западноевропейской истории. От своих французских коллег (Ж.Жореса, А.Олара и др.) эта группа российских историков получила название «русская историческая школа». К ней традиционно относят Н.И.Кареева, М.М. Ковалевского, И.В.Лучицкого [31], а некоторые исследователи также П.Г. Виноградова и М.С.Корелина [33].

Историки «русской школы» ярко проявили себя не только в научной сфере, но и в педагогической деятельности, которая протекала в крупнейших городах Российской империи, а также за рубежом. Н.И.Кареев преподавал короткое время в Московском и Варшавском университетах, но самый значительный период его профессорства связан с Петербургским университетом. В преподавательской деятельности М.М.Ковалевского можно выделить три цикла: московский, заграничный и петербургский. Большая часть педагогической карьеры И.В. Лучицкого прошла в Киевском университете, а П.Г.Виноградова и М.С.Корелина в Московском университете. Заключительный период научно-педагогической карьеры Виноградова протекал в Оксфорде, а Лучицкого в Петербурге.

В настоящей статье будет сделана попытка рассмотреть университетскую деятельность историков «русской школы» через призму понятия «культура». Педагогическая культура историка-преподавателя включала в себя идеалы образования, особенности подготовки лекций, стиль преподавания.

Основу курсов Н.И.Кареева составляла история нового времени, но некоторые из них охватывали и более ранние исторические периоды (античность, средние века), а также носили типологический характер или представляли собой введения к курсам; для большинства из них была характерна широкая степень обобщения материала [12; 13; 15]. Существенной частью педагогического наследия ученого являлись курсы лекций по методологии истории и социологии [14; 16].

Программа М.М.Ковалевского более разнообразна. В Московском университете (1877-1887 гг.) были популярны курсы Ковалевского по государственному праву и местному самоуправлению [19]. Отдельный пласт составляли лекции Ковалевского, прочитанные за границей: по истории происхождения семьи и собственности в Стокгольме, русскому праву в Оксфорде, экономическому развитию Европы в Брюсселе, русским политическим институтам в Чикаго [23]. В петербургском цикле преподавательской деятельности Ковалевского (1906-1916) нужно отметить темы конституционного права и истории политических учений [20; 22].

Тематика лекций другого историка «русской школы», П.Г.Виноградова, в период его преподавания в Москве (1877-1901, 1908-1911) хронологически охватывала все разделы всеобщей истории: от античности и средних веков до нового времени [6]. Существенная особенность курсов Виноградова в Оксфорде (1901-1925), напрямую связанная с его исследовательским интересом, - это историко-юридическая проблематика [8]. Другая характерная особенность лекционного наследия П.Г. Виноградова - обстоятельные историографические введения к учебным курсам, вылившиеся в специальные историографические исследования [7].

Для М.С.Корелина, как и для большинства представителей «русской исторической школы», была характерна универсальная тематика лекций с акцентом на изучение явлений культуры [26; 27]. Наиболее узкий и специализированный характер носят курсы И.В.Лучицкого [29]. Это обстоятельство было обусловлено его педагогическими представлениями и личной неприязнью к лекциям общего характера, сведения из которых, по его мнению, студенты могли без помощи преподавателя прочесть в учебнике.

Частью педагогической культуры историков «русской школы» была подготовка различных учебных книг для средних учебных заведений (исключение составил М.М.Ковалевский) – так называемых «профессорских учебников», феномен которых в полной мере проявился в педагогической деятельности Н.И.Кареева и П.Г.Виноградова [9; 18]. Интерес представляет также серия «Иллюстрированных чтений по культурной истории» М.С.Корелина [25]. Отдельные статьи педагогически-просветительского характера опубликовал И.В.Лучицкий [28].

Остановимся на особенностях культуры преподавания и главных отличительных чертах лекторского стиля исследуемых историков. Переписка М.М.Ковалевского с А.И. Чупровым дает богатейший материал об особенностях подготовки и проведения лекций историками [32]. Неизменными атрибутами были составление предварительного конспекта и использование литературных новинок при подготовке лекции. При чтении лекций частыми были, по выражению Ковалевского, «набеги в область чужих специальностей» [32.С.512]. С точки зрения Ковалевского, развитию навыков преподавания способствовали определенные виды деятельности: «От лекторов требуются не ученые степени, а работа в литературе или в печати» [32, с.527]. Преподавание стимулировало и публицистическую деятельность историка. По этому поводу Кареев писал следующие строки: «Некоторые мои книги имеют учебный характер или возникли из читавшихся курсов» [17, с.286].

Попробуем ответить на вопрос: как историки воспринимали собственную преподавательскую деятельность? Н.И. Кареев от чтения лекций и других форм преподавательской работы получал явное удовольствие: «Давание уроков и чтение лекций никогда не надоедало» [17, с.286]. Сходную позицию занимал П.Г.Виноградов, отмечавший, что «лишняя лекция» не может его затруднить» [11, с.278]. Одно из писем Ковалевского к Чупрову дает представление об интенсивности преподавательской деятельности историков: «Прибыл в Брюссель и прочел здесь пятьдесят пять лекций, читая по две и даже три на день перед аудиторией человек в тридцать и более» [32, с.497].

Интересно взглянуть, как оценивали преподавательскую деятельность историков их современники. Т.Александровская, автор мемуаров «Профессор Н.И.Кареев», вспоминала о той серьезности и обстоятельности, которые были характерны для лекторского стиля Кареева. В подтверждение она приводила забавный пример того, как долго и обстоятельно Кареев делал предложение о браке будущей жене Софье Андреевне: «С одной стороны, изложил все положительные моменты своего чувства, с другой стороны, рассказал о хорошем будущем их брака, а затем как на лекциях добавил «для ясности – начнем сначала…», но невеста уже крепко спала!» [4, л.3].

Поздравительное письмо Р.Ю.Виппера из Одессы от 4 мая 1897 года, в котором он характеризовал Кареева как передового профессора, дает четкое представление о дидактических и воспитательных особен-

ностях лекций историка: «Среди нашего университетского преподавания, направленного на создание книжных червей и аккуратных мальчиков, Ваше слово, постоянно призывающее к общим проблемам истории, намечающее общие связи в изучении исторического процесса и сближающее это изучение с запросами современной жизни, вносит глубоко благотворный, здоровый и бодрящий элемент, помогает учащейся молодежи приобрести и сохранить облик человеческий… эта деятельность Ваша должна продолжаться, соединяя всех, кто не хочет в науке видеть служанку Департамента и беззубую хранительницу редкостей, кто с наукой связывает понятие об общем мировоззрении, морали и общественном долге» [1, л.1]. Как видно из цитаты, Виппер, с одной стороны, подчеркивал присутствие в преподавательской деятельности Кареева таких фундаментальных дидактических принципов, как связь обучения с жизнью, научность, систематичность и последовательность обучения, развивающий и воспитывающий характер обучения, сознательность, активность и самостоятельность студентов при руководящей роли преподавателя. С другой стороны, он отмечал глубокую гуманистическую и общественную направленность кареевского преподавания, входящую в противоречие и конфликт с официальной политикой Департамента просвещения.

Обратимся к оценке современниками лекторского и педагогического таланта М.М.Ковалевского. В.А.Вагнер характеризовал его как «блестящего лектора с огромной эрудицией» [24, с.101]. И.М.Ивановский подчеркивал особую лекторскую манеру историка проводить занятие в форме беседы, «пересыпаемой остроумной шуткой и метким словом» [24, с.110]. Такой лекторский стиль позволял Ковалевскому собирать массы слушателей на свои лекции, пользовавшиеся большим успехом. М.С.Корелин в письме к Н.И.Карееву от 21 февраля 1878 года весьма позитивно оценивал характер лекций молодого доцента: «Частенько захожу к Ковалевскому в аудиторию, лекции небезынтересны, хотя бросается в глаза самолюбие ученого, касающееся внутренних оценок. В его лекциях мне особенно нравится его манера выставлять насущные вопросы жизни, обращая на них внимание слушателей» [2, л.44]. Эта цитата свидетельствует, что Ковалевский умел увязать содержание лекции с актуальными проблемами современной жизни и привлечь слушателей самых разных специальностей. По мнению С.Гогеля, Ковалевский относился к редкому типу лекторов, которые «умеют выстраивать собственные сложившиеся

научные взгляды в ясную систему изложения и осознают, что аудитория состоит не из специалистов в данной науке, что их надо заинтересовать» [24, с.116].

Заметим, что подготовка качественной лекции отнимала у историка много времени и сил. К примеру, в письме от 1888 года М.М.Ковалевский к В.Ф.Миллеру писал: «Все время был занят подготовкой курса, написал 12 лекций. Работаю далеко за полночь» [3, л.5]. О трудностях создания лекционного курса в условиях ограниченного времени рассказывал в письме к В.И.Герье и другой историк «русской школы» П.Г.Виноградов: «Не знаю, как успеть прочесть курс, имея один час в неделю» [11, с.278].

В письме к Герье из Берлина от 7 ноября 1875 г. Виноградов, исходя из личных впечатлений и анализа лекций коллег, сформулировал своеобразные правила хорошего тона для историка-лектора, культуру университетского преподавания: живые характеристики, остроумные мысли, смелые сближения [11, с.268]. Молодой ученый предостерегал от примитивизма в лекционном изложении – «объяснения самых простых вещей» в ущерб сложным понятиям. Одно из важных качеств университетского лектора Виноградов усматривал в умении показать важность сообщаемых специальных сведений и сделать их интересными. Хорошая лекция историка, по мысли Виноградова, должна представлять материал в доступной и свободной форме. Идеальны для Виноградова определенные внешние характеристики лектора: тихая и спокойная речь, простота и непритязательность манер [11, с.269].

Сам Виноградов стремился следовать описанным принципам в своей собственной лекторской деятельности. В подтверждение приведем свидетельство современника. М.М. Богословский очень ярко описал свое впечатление от одной из лекций Виноградова: «Громкий, богатый оттенками голос, медленная речь, отчетливая дикция, выражение лица с несколько нахмуренными бровями, показывавшие всю важность читаемого предмета и заразившее слушателей сознанием этой важности, выпуклое чтение цитат, навсегда оставшихся в памяти, после того как их услышал в аудитории, - все это оказывало внушительное действие на слушателей» [5, с.70]. Особую любовь Виноградов испытывал к такой форме занятий, как семинар: «Очень дорожу практическими занятиями со студентами» [11, с.278]. Характер семи-

нарских занятий Виноградова высоко оценивал его ученик, будущий великий историк П.Н. Милюков: «Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ей научились» [30, с.92].

Ковалевский считал, что «чтение лекций подобно драматическому представлению, и когда профессора – плохие актеры, то публики собирается мало» [21, с.223]. В другом месте мемуаров Ковалевский проводил мысль о том, что лектор должен завоевывать аудиторию не только яркой формой изложения, но и оригинальным содержанием лекции, отличным от учебника, и приводил в пример великих русских историков: «Ключевский и Миллер говорили новое со своих кафедр, этим волнуя умы и сердца своих слушателей, а профессор-учебник всегда сидел в пустой аудитории» [21, с.316].

И.В.Лучицкий выделялся среди историков «русской школы» особой манерой преподавательской деятельности. Прежде всего, он стремился «приохотить слушателей к самостоятельной работе над источниками» [33, с.5]. Как писал его ученик, Е.В.Тарле, «сердце Лучицкого всегда лежало к подготовке будущих исследователей» [33, с.6]. Он избегал чтения общих курсов, а «привольно чувствовал себя», читая строго специальный, часто необязательный курс. По словам Е.В.Тарле, для таких курсов он выбирал тему, односторонне освещенную в исторической литературе, и на лекциях добросовестно излагал положение вопроса в литературе, основания для пересмотра установившихся мнений, результаты собственного расследования проблемы. Тарле отмечал его качества как лектора: щепетильная добросовестность, обстоятельность, собственная логичная аргументация, живость, захватывающе интересное изложение. Для частных курсов Лучицкий любил выбирать историю стран, которыми русская кафедра всеобщей истории занималась редко: Дании, Швеции, Испании [33, с.7]. Как лектор он умел представить «неинтересную» страну как важную для понимания всего исторического типа общеевропейского цикла [33, с.8]. Как руководитель семинаров он выбирал такие темы для студентов, которые требовали непременно самостоятельного выбора нужного материала. По мнению Е.В.Тарле, Лучицкий был «на университетской кафедре тем, чем был в кабинете: ученым-исследователем» [33, с.9].

Другой историк «русской школы», М.С.Корелин, по словам М.Иванцова, умел «с редким искусством сочетать в своем преподавании научную серьезность содержания с наглядно-живым изложением» [10, с.139]. В семинарах Корелина, который мог придать занятиям характер общей совместной работы, студентов привлекало «полное отсутствие педантизма и навязчивого менторства» [10, с.146].

Таким образом, неотъемлемой частью профессиональной жизни большинства историков последней четверти XIX – начала XX вв. была преподавательская деятельность. Культура преподавательской деятельности историков включала в себя следующие компоненты: универсализм и широкую специализацию лектора, основанную на глубокой эрудиции ученых, желание лекторов сделать свои лекции интересными и доступными для самой разной аудитории, ответственное и внимательное отношение как к подготовке занятий, так и к самим слушателям, стремление реформировать существовавшую систему среднего и высшего образования на основе передовых педагогических идей, включение не только образовательного, но и воспитательного компонента в преподавание.

Библиографический список

1. Архив РАН СПб. - Ф.980. - Оп.1. - Д.76.
2. Архив РАН СПб. - Ф.980. - Оп.1. - Д.79.
3. РГАЛИ. - Ф.323. - Оп.1. - Ед.хр. 221.
4. РГАЛИ. - Ф.1094. - Оп.1. - Ед. хр.14.
5. Богословский, М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярия [Текст] / М.М.Богословский. - М., 1987. – 224 с.
6. Виноградов, П.Г. История средних веков [Текст]/ П.Г.Виноградов. - М., 1903. – 212 с.
7. Виноградов, П.Г. Очерки западноевропейской историографии [Текст] / П.Г.Виноградов // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1883. - № 8-12; 1884. - № 1-2, 6-8, 1.
8. Виноградов, П.Г. Римское право в средневековой Европе [Текст] / П.Г.Виноградов. - М., 1910. – 84 с.
9. Виноградов, П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч. 2. Средние века [Текст] / П.Г.Виноградов. - М., 1911. – 197 с.

10. Иванцов, М. М.С.Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий [Текст] / М. Иванцов // Русская мысль. - № 10. – С. 137-148.

11. Из писем П.Г.Виноградова [Текст] / публикация К.А. Майковой // Средние века. - Сборник 22. - М., 1962. – С. 267-282.

12. Кареев, Н.И. Введение в курс истории нового времени [Текст] / Н.И.Кареев // Варшавские университетские известия. - 1883. - № 6. - С.1-72.

13. Кареев, Н.И. Государство-город античного мира [Текст] / Н.И.Кареев. - СПб., 1910. - 420 с.

14. Кареев, Н.И. Историология [Текст] / СПб., 1915. – 320 с.

15. Кареев, Н.И. Общий курс истории XIX века [Текст] / Н.И.Кареев. - СПб., 1907. – 408 с.

16. Кареев, Н.И. Общие основы социологии [Текст] / Н.И.Кареев. - СПб., 1919. – 520 с.

17. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н.И.Кареев. - Л., 1990. – 384 с.

18. Кареев, Н.И. Учебная книга по новой истории [Текст] /Н.И.Кареев. -СПб., 1914. – 351 с.

19. Ковалевский, М.М. Государственное право европейских держав [Текст] / М.М.Ковалевский. - М., 1886. – 270 с.

20. Ковалевский, М.М. История политических учений нового времени [Текст] / М.М.Ковалевский. - СПб., 1910.- 270 с.

21. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст] / М.М.Ковалевский. - М., 2005.- 784 с.

22. Ковалевский, М.М. Общее конституционное право [Текст] / М.М.Ковалевский. - СПб., 1908.- 506 с.

23. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности [Текст] / М.М.Ковалевский. - СПб., 1895.- 178 с.

24. Ковалевский, М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин [Текст] / М.М.Ковалевский. - Пд., 1917. – 116 с.

25. Корелин, М.С. Иллюстрированные чтения по культурной истории. Вып. 1. Египетские боги, их храмы и изображения [Текст] / М.С.Корелин. - М., 1894.- 72 с.

26. Корелин, М.С. История Древнего Востока (курс 1894-1895) [Текст] / М.С.Корелин. - М., 1901. – 280 с.

27. Корелин, М.С. История XIX столетия [Текст] / М.С.Корелин. -Б.м., Б.д.

28. Лучицкий, И.В. Крестьянство во Франции [Текст] / И.В.Лучицкий // Книга для чтения по истории нового времени. - М., 1911. - С.244-290.

29. Лучицкий, И.В. Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям [Текст] /И.В.Лучицкий // Университетские известия. - Киев. - 1870. - № 10. - Ч.2. - Отд.2. - С.1-28.

30. Милюков, П.Н. Воспоминания [Текст] / П.Н. Милюков. - М., 2001. – 638 с. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] /Г.П.Мягков. -Казань, 2000. - 286 с.

31. Письма М.М.Ковалевского к А.И.Чупрову [Текст] // М.М.Ковалевский. Моя жизнь. - М.: РОССПЭН, 2005. - С.485-531.

32. Погодин, С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский [Текст] / С.Н.Погодин. – СПб., 1997.- 280 с.

33. Тарле, Е.В. И.В. Лучицкий как университетский преподаватель [Текст] / Е.В.Тарле // Научный исторический журнал. - 1914.- Т.2. - № 4. - С.5-9.

УДК 372.8

Н.Ф. Бабурина

Положительный опыт преподавания истории в дореволюционной школе

Анализ методической литературы, вышедшей в России в конце XIX- начале XX века, позволяет сделать вывод о том, что в дореволюционной школе был накоплен положительный опыт в преподавании истории, заключающийся в стимулировании самостоятельной познавательной деятельности школьников. Решать эту задачу учителя гимназий и методисты предлагали разными путями. Свои идеи они изложили в книгах и брошюрах, среди которых можно назвать «Опыт методики элементарного курса истории» А. Кролюницкого (1899), по отзывам

современников это было лучшее издание, достать которое в начале XX века было в высшей степени трудно. Легко и интересно написана книга К.А. Иванова «Очерки по методике истории» (1908), в которой изложен авторский опыт преподавания истории. Пользовалось спросом учебное руководство для учителей Л.А. Кругликова-Гречанова «Методика истории» (1911). В высшей степени полезная книга Н.П. Покотило «Практическое руководство для начинающего преподавателя истории» (1912), заключающая в себе массу тем ученических рефератов по истории с подробным указанием пособий для их написания и характеристикой каждой темы, список рекомендуемых для учеников книг с их характеристиками и распределением по возрастам и с указанием, в каком классе что читать. В пособии приведен полный перечень изданных к тому времени карт, атласов, картин и других наглядных пособий по истории. Заслуживает внимания «Методика истории. Курс 8-го класса женских гимназий» Б.А. Влахопулова (1914), где содержатся рекомендации для будущих учительниц истории.

Многие значимые вопросы преподавания истории были рассмотрены в следующих изданиях: «Заметки о преподавании истории в средней школе» Н. Кареева (1911) , «Школьная реформа снизу» А. Гартвига (1908), «Каким требованиям должен удовлетворять учебник систематического курса истории в средней школе» Я. Кульжинского (1911), «Школьные экскурсии, их значение и организация» (1910), «Наглядные пособия в оценке педагогического музея бывшего педагогического общества» (1910), «Наглядное преподавание всеобщей истории» С.В. Фарфаровского (1908). Большинство этих изданий находятся в фундаментальной библиотеке ЯГПУ им. К.Д Ушинского.

Одним из первых вопросов, рассматриваемых дореволюционными методистами, был вопрос о формировании у школьников понимания того, что такое история. Б.А. Влахопулов определял историю как науку, изучающую и излагающую явления жизни человека, как существа общественного в их причинной связи [1, с.27]. Такое трудное понятие К.А. Иванов предлагал изучать в ходе беседы учителя с учениками: в какой класс поступили, где учились раньше, где и как проводили каникулы? Его ученикам становилось понятным, что каждый из них, а следовательно, и каждый человек уже имеет свою историю; в ходе дальнейшей беседы выяснялось, что в каждой семье бывают перемены и разные горести и радости, значит, и семья имеет свою историю. От

семьи переходили к городу, который также имеет свою историю, затем следовал переход к целому народу, целому человечеству. В итоге такое абстрактное понятие делалось понятным, т.к. был сделан переход от известного, близкого ученикам, к далекому, от конкретного к абстрактному [2, с. 85].

С целью формирования представления об исторической перспективе, об исторической эволюции ученикам предлагалось прочитать роман А.Толстого «Князь Серебряный», найти в данном произведении такие черты, которые были отличными от жизни современной. Таким образом, для учеников становилось возможным сделать сравнение двух эпох по одинаковым категориям [2, с.86].

Учителя и методисты высказывали мнения о том, что первостепенной задачей школы должно стать развитие самодеятельности, умения самостоятельно работать и разбираться в трудных вопросах. В частности, Н.П. Покотило указывал на то, что как бы хорошо ни рассказывал преподаватель, какое бы серьезное содержание он ни вкладывал в свои лекции, ученики будут повторять все разъясненное преподавателем, все чужое, данное им уже в готовом виде [2, с.102]. Его поддержали коллеги, говоря, что такой системой преподавания «мы готовим попугаев» [2, с.102]. Выход из этой ситуации виделся в чтении книг, составлении устных и письменных рефератов. Эти виды работ приучали учеников выделять главное, критически мыслить и разбирать прочитанное и услышанное [2, с.107], они приобретали привычку внимательно читать, продумывать прочитанное, правильно, ясно излагать свои мысли [2, с.134]. Б.А. Влахопулов и Н.П. Покотило разработали реферативный метод. Подготовка реферата проходила в несколько этапов. На первом ученик осмысливал содержание одного источника (статья, небольшая книга, брошюра): он читал весь текст, делил его на части и выделял главную мысль каждой из них, затем составлял конспект, состоящий из фраз автора, стремясь не отступать от авторского плана изложения. На втором этапе ученику предлагалось прочитать большую по объему книгу, делая заметки о наиболее значимых местах, составить план реферата и изложить в соответствии с ним содержание книги. При этом не разрешалось переписывать предложения полностью, содержание должно быть передано своими словами. Дальнейшая работа заключалась в использовании нескольких книг, не противоречащих друг другу, и составлении плана прочитан-

ного. Иногда школьникам предлагалось проанализировать несколько пособий, содержащих противоположные точки зрения, и в сочинении высказать свое отношение к прочитанному. Самым трудным считалось составление сочинения по источникам [1, с.120]. Такая работа предлагалась в гимназиях крайне редко. Особое внимание уделялось обсуждению рефератов в классе. Анализу подвергались все части работы: план, введение, заключение, содержание основной части, где должна быть раскрыта главная идея работы с помощью различных примеров. Таким образом, уже в дореволюционной школе на первый план выдвигалось требование «самодеятельности, уменья самостоятельно работать, самостоятельно разбираться в трудных вопросах» [2, с.102].

В этой связи среди историков и методистов обсуждался вопрос о возможности использования источников в преподавании истории Дореволюционные методисты считали необходимым устранить «*разучивание учебника*», он, по их мнению, должен сохранять лишь характер справочной книги. Также необходимо было устранить «*изложение* преподавателем того материала, который обыкновенно помещается в учебнике» [2,с.60-61].

Первым, кто предложил знакомить учащихся непосредственно с источниками, а потом – с учебником, был профессор М.М.Стасюлевич. В 1863 году он предложил метод, получивший в дальнейшем название «реального», основанный на самостоятельном, активном изучении исторических документов. С этой целью он издал специальную хрестоматию по истории средних веков [3]. По его глубокому убеждению, «кто прочел Тацита, Эйнгарда, Фруассара, тот знает историю, более исторически образован, чем тот, кто усвоил целое историческое руководство» [4,IX].

Впоследствии «реальный метод» изучения истории распался на несколько направлений, одним их которых стал «лабораторный метод». Изначально он противопоставлялся формальному методу, требовавшему от учеников заучивания и воспроизведения речи учителя и текста учебника. Становление лабораторного метода обычно связывают с именами С.В. Фарфоровского [5,6] и Н.А Рожкова [6]. Они считали, что преодолеть догматизм традиционного преподавания можно, если познавательную деятельность учеников приблизить к научным методам исследования, ибо «не может быть надежного и прочного

изучения истории без самостоятельного изучения первоисточников с критической и реальной стороны» [7,I]. Двигаясь тем же путем, что и ученые, школьники будут введены в лабораторию историка-исследователя. Эта мысль и подтолкнула С.В.Фарфоровского назвать свой метод «лабораторным». Кроме того, он считал, что «уже один тот факт, что учащиеся читают старинный документ…возбуждает у них очень живой и чрезвычайно напряженный интерес» [7,I-II]. В 1913 году он подготовил двухтомную хрестоматию «Источники русской истории», на основе которой предполагалось организовать процесс обучения. Хрестоматия содержала множество самых разных источников: писцовые книги, отрывки из летописей, юридические акты, дипломатические документы, всевозможные грамоты, послания и т.д. К некоторым документам автором были даны пояснения: он объяснял наиболее сложные понятия, давал рекомендации по изучению того или иного документа. С.В. Фарфоровский и его последователи считали, что ведущая роль на уроке должна принадлежать ученику, потому что «в средних классах уже пробуждается в умах учеников критическая способность, потребность анализа. Необходимо этим способностям дать здоровую пищу, а не заглушать их догматизмом учебника, необоснованными и аподиктическими утверждениями. Как показывает опыт, учащиеся работают тогда интенсивнее, чем на обыкновенных уроках. Работа класса отличается при этом большим оживлением, она больше возбуждает активное внимание, чем скучное, монотонное, бездеятельное, догматическое преподавание, утомляющее своим однообразием и бесплодное по своим результатам» [7,II]. Задача учителя, по мнению С.В.Фарфоровского, состоит в том, чтобы помочь учащемуся проделать в облегченном виде ту же работу, которую осуществляет ученый, побудить его повторить весь ход мыслей, приводящих к заранее намеченному положению (поскольку ученики должны коротко познакомиться с выводами ученых). Однако всю работу с документами учащиеся ведут самостоятельно (на современном языке это метод может быть назван творческо-поисковым).

Идеи С.В.Фарфоровского были подхвачены многими преподавателями – историками. Часть из них вносили изменения и дополнения. Так, А.Гартвиг и Н. Крюков предлагали использовать исторические источники, чтобы сделать знакомство с историческими фактами более полным, оживив тем самым преподавание истории, а также

организовать работу исторической мысли учеников. По их мнению, один только «учебник не рисует яркой картины прошлой жизни, не дает (да и не может давать) тех конкретных и обстоятельных описаний происходивших явлений, тех подробных характеристик, которые дали бы учащемуся возможность делать выводы, заключения и уяснять себе общую связь происходившего. Не имея в руках нужных фактов для суждений о той или иной теме, учащиеся воспринимают готовые формулы учебника лишь памятью, что является в высшей степени нежелательным с точки зрения рациональной педагогики [8, III]. А.Гартвиг определил одно из основных условий правильного, по его мнению, ведения дела преподавания истории – самостоятельность работы учащихся. Он писал, что «…наша совместная работа будет гораздо продуктивнее, если ученицы будут участвовать в этой работе активно и притом коллективно [9, с.82]. Учитель же должен «…научить учащихся самостоятельно пользоваться историческим материалом, научить читать книги исторического содержания, научить понимать хоть сколько-нибудь исторический смысл того, что совершается…» [9, с. 54]. А. Гартвиг предлагал делить класс на группы по 5-6 человек и раздавать им источники и пособия для прочтения, после чего на уроке организовывалась беседа. При этом один из учеников излагал основной материал по своему вопросу, а остальные – дополняли его или дискутировали с ним. А.Гартвиг считал достаточным, если каждый из учеников будет знать лишь четвертую часть всех вопросов, зато достаточно глубоко.

В целом, дореволюционные методисты заложили основы лабораторного метода, который позволял сформировать у школьников представление о методологии, знакомил их с методами научного исследования, способствовал самостоятельному поиску учениками истины, развитию их критического мышления.

Особое место в дореволюционной школе отводилось наглядности. Многие методисты считали, что «наглядность преподавания вообще должна стоять на первом плане… При этом чем моложе и менее развиты ученики, тем она нужнее». [1, с.100] Б.А. Влахопулов выделял, прежде всего, наглядность внутреннюю. Он высказал идею о том, «каждое отвлеченное понятие должно быть наполнено конкретным содержанием, историю нельзя излагать в виде отвлеченных фактов, необходимо облечь отчасти их в плоть и кровь, придать им жизнен-

ность. Тогда они покажутся правдивее и глубоко врежутся в память учащихся. Более того, даже если отдельные факты и будут забыты, останется общее впечатление от эпохи, а это уже в высшей степени ценно» [1, с.100]. Для этого предлагалось сообщать ученикам мелкие подробности, тщательно заранее выбранные и очень характерные: описание внешности Петра Великого, описание деталей быта, архитектурных стилей эпохи Возрождения. Предлагалось использовать исторические источники: капитулярий Карла Великого о виллах, переписку Курбского с Иваном Грозным; литературные произведения – Песнь о Роланде, отрывки из «Бориса Годунова». С этой целью в помощь учителям истории в начале XX века было издано большое количество картин известных художников, выполненных в красках, с объяснительными текстами к ним. В пособии для учителей Н.П. Покотило дает краткое описание и характеристику этих наглядных пособий. Украшением коллекции по русской истории он считает картины С.В.Иванова «В приказе Московских времен», «Суд в Московском государстве», «На сторожевой границе», картину Бенуа «Вахтпарад при Павле I» [2, с.442]. Превосходно, по его мнению, были выполнены картины по всеобщей истории, на которых были изображены германский поселок, замок феодала, немецкий город XV в. и др. [2, с. 446]. Часть пособий была составлена на основании первоисточников и представляла собой материал «безукоризненный в научном отношении» [2, с.447]. Необходимо отметить, что часть наглядных пособий была переиздана в советское время и успешно использовалась в преподавании истории в средней школе. Многие из них и сейчас применяются для занятий со студентами исторического факультета ЯГПУ им. К.Д.Ушинского при изучении дисциплины «Теория и методика обучения истории».

В целом в дореволюционной школе был накоплен значительный опыт организации активного изучения истории. Многие методы и приемы претерпели к сегодняшнему дню значительные изменения, однако главная идея – развитие познавательной самостоятельности школьников при изучении истории - остается неизменной.

Библиографический список

1. Влахопулов, Б.А. Методика истории [Текст]: курс 8-го класса женских гимназий. - Петербург-Киев, 1914. – 136 с.

2. Покотило, Н.П. Практическое руководство для начинающего преподавателя истории [Текст] – СПб., 1914. – 457 с.

3. Стасюлевич, М.М. Сочинения [Текст]: в 3 т. Стасюлевич, М.М.История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. – СПб., 1863- 1865.

4. Стасюлевич, М.М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых [Текст] – СПб., 1863. – Т. 1. – 624 с.

5. Фарфоровский, С.В. В защиту лабораторного метода [Текст] //Педагогический вестник Московского учебного округа. – 1914. - № 1.

6. Рожков, Н. К вопросу о преподавании истории в средней школе [Текст] // Образование.- СПб. – 1901. - № 5-6.

7. Источники русской истории [Текст]: пособие для старших классов средних учебных заведений и для самообразования / сост. С.В.Фарфоровский. - СПб, М., 1913. - Т.1.

8. Гартвиг, А. и Крюков, Н. Хрестоматия для классных занятий по русской истории в высших начальных училищах и младших классах средних учебных заведений [Текст]. - М., 1917.

9. Гартвиг, А. Школьная реформа снизу [Текст]. - М., 1908.

УДК 372.8

Я.С. Соловьев

Использование мультимидийных технологий на уроках истории родного края

В последнее время в современной педагогике происходят значительные изменения, в первую очередь связанные с внедрением в учебный процесс электронных учебных пособий и образовательных компьютерных программ. Как замечают исследователи в области разработки электронных учебно-методических комплексов, одним из современных направлений реформирования системы образования является информатизация, основанная на внедрении информационно-коммуникационных технологий, использовании компьютеров в обучении [2].

Мультимедиа – совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику,

текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение [1, с. 3].

Как отмечают методисты, внедрение мультимидийных продуктов в образовательный процесс способствует реализации основных образовательных принципов: научности; последовательности и цикличности; доступности содержания; активности и самостоятельности; индивидуализации и коллективности обучения; эффективности учебной деятельности; связи теории и практики; принципу наглядности [3, с.34].

Не секрет, что сегодня грамотное применение компьютерных технологий повышает качество образования через оптимизацию учебно-познавательной деятельности, дает возможность организовать самообразование учащихся и их коллективной научно-исследовательской деятельности. Компьютерные технологии открывают широкие перспективы повышения эффективности обучения и интенсификации педагогической деятельности, что связано с уникальными возможностями современной электронной техники:

- все материалы размещаются на компакт-дисках и имеют удобный и понятный интерфейс, оформленный в специальном стиле;

- на одном диске могут размещаться от 1 до 20 учебных курсов и дисциплин, по объему информации диск содержит в 4 раза больше информации, чем в печатных сборниках;

- значительное снижение затрат учебного заведения на учебно-методические материалы;

- удобный поиск и использование материалов на компакт-дисках, возможность их распечатывания при необходимости;

- унификация учебных материалов, снижение затрат на организацию учебного процесса и т.д.

В Ярославском техникуме бытового сервиса нами был разработан и успешно внедрён электронный учебно-методический комплекс по дисциплине «История Ярославского края». Данная дисциплина была внедрена в учебный процесс благодаря инициативе студентов и вызвала у них большой интерес. В течение первого года дисциплина преподавалась по традиционной методике (чтение лекций и проведение семинарских занятий). Это повлекло ряд трудностей, т.к., во-первых, ощущалась нехватка учебного материала, во-вторых, существующий материал не был адаптирован для его применения в учебном процессе. В результате

возникла идея создания ЭУМК по дисциплине, который должен был решить эти методические проблемы.

ЭУМК по дисциплине «История Ярославского края» имеет следующею структуру:

1. Рабочая программа учебной дисциплины.
2. Поурочное планирование.
3. Рекомендации для выполнения самостоятельной работы.
4. Презентации занятий курса.
5. Исторические источники по истории Ярославского края.
6. Программа контроля знаний умений и навыков.

Использование ЭУМК на уроках показало его преимущество по сравнению с традиционной методикой преподавания истории, в то же время педагогический опыт показывает, что применение электронного обучения возможно только при интеграции с традиционными методами обучения.

В качестве примера такой интеграции можно привести учебное занятие на тему «Ярославский край в составе Владимиро-суздальского княжества». Для наглядности, о чем говорили еще классики педагогической мысли, визуально представим план лекции, но уже при помощи ноутбука и мультимедийного проектора. Каждую часть лекции также высветим в виде схем, состоящих из блоков, которые позволят систематизировать материал. Блоки, в свою очередь, сопровождаются иллюстративным материалом. Например, рассказывая о правлении Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, покажем памятник Юрию Долгорукому в Москве, иконописный образ Андрея Боголюбского XVIII века, Золотые ворота во Владимире, церковь Покрова на Нерли и другие архитектурные шедевры изучаемого периода.

В блоке «Всеволод Большое Гнездо и возникновение Ярославского княжества» презентация предлагает работу с письменным источником – Никоновской летописью 1213 года. Анализ текста позволяет установить политическую ситуацию, сложившуюся в княжестве после смерти Всеволода, и принцип передачи власти на Северо-западной Руси и самостоятельно делать вывод. Кроме того, каждый блок сопровождается демонстрацией короткометражного фильма из цикла «История Государства Российского» (проект Центр-ТВ). Обсуждение видеофрагментов способствует закреплению изученного материала.

Наш пример демонстрирует, как внедрение в учебный процесс информационных технологий опирается на традиционные методы, словесные и наглядные. Они взаимодополняют друг друга: броская картинка обретает смысл и целесообразность; сухое изложение материала становится ярким и насыщенным.

Библиографический список

1. Егорова, Н. Ю. Мультимедиа как средство повышения эффективности обучения в общеобразовательной школе [Текст]: дис. ... канд. пед. наук. - Чебоксары, 2000. -196 с.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года – [Электронный ресурс]. http://www.ed.gov.ru/min/pravo/276/

3. Студеникин, М.Т. Современные технологии преподавания истории в школе [Текст]: пособие для учителей и студентов высших педагогических учебных заведений. –М., 2007. -80 с.

УДК 374.1

М. Е. Кожевникова

Музейная педагогика как педагогическое средство

Сегодня актуальными становятся вопросы повышения качества подготовки специалистов в условиях высшего профессионального образования. При этом развитие отечественной экономики в условиях рыночных отношений обусловливает потребность в специалистах, обладающих такими характеристиками, как компетентность, социальная активность, творческое мышление, способность самостоятельно принимать решения в сложных, изменяющихся условиях современной действительности. В контексте современной образовательной парадигмы, зафиксированной в Проекте федерального государственного образовательного стандарта второго поколения, в основе построения содержания образования лежит системно - деятельностный (компетентностный) подход, который предполагает:

- формирование и развитие в ходе образовательного процесса качеств личности, отвечающих потребностям «знаниевого» общества, инновационной экономики, демократического строя и многонациональ-

ного, поликультурного и поликонфессионального российского общества;

- постоянную внутреннюю мотивацию к учению, умение общаться, социальную мобильность, чувство ответственности и личностной перспективы, эмоциональную развитость, стремление к познанию, диалогичность с другими культурами, лояльность по отношению к государству, рефлексивность, критическое мышление, социальный оптимизм;

- обучение учащихся самостоятельному конструированию своего знания, необходимого для решения возникающих перед ними задач, способности объединять различные элементы знаний в нужные знаниевые комбинации, а затем и новое знание;

- общекультурное и личностное развитие учащихся, в том числе за счет реализации программы формирования универсальных учебных действий, не только обеспечивающих успешное усвоение содержания образования, но и создающих функциональный базис для непрерывного самообразования и профессиональной деятельности;

- понимание актуального для современного российского общества ценностно-нравственного значения образования [1].

Перечисленные требования к общему образованию актуальны и для сферы высшего профессионального образования. Соответственно, педагогическая наука ищет новые средства, обеспечивающие эффективность развития профессионала, отличающегося сформированной профессиональной направленностью. К таким средствам вполне можно отнести и музейную педагогику.

Исследования свидетельствуют о высоком потенциале музейной педагогики применительно к профессиональному образованию. Музей всегда рассматривался как важнейшее средство образования; музейная педагогика, являясь особой областью знаний и исследований, изучает опыт педагогических учреждений, выполняет функции дополнительного образования.

На сегодняшний день в России практически нет ни одного высшего учебного заведения, где не было бы какой-либо коллекции или собрания тех или иных ценностей и раритетов разной направленности. Некоторые вузы имеют музеи прикладного значения, имеющие государственный статус. Качественная подготовка выпускников в этих вузах заметно выше. Это определяется тем, что музей является историче-

ски сложившимся институтом, построенным на принципе «диалога культур», хранящим в подлинных материальных предметах, не существующих уже культурных реальностей, общечеловеческие ценности, различные картины мира, отличные друг от друга способы познания бытия. В сфере образования, в которую активно включается музей, происходит «переход от идеи «образованного человека» - к идее «человека культуры» [2]. Основы музейной педагогики были заложены немецкими учеными и деятелями культуры: А. Лихтварком, Г. Кершенштейнером, А. Рейхвеном.

О значении музейной педагогики писали К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий. По их мнению, именно во временной предметно-пространственной среде музея осуществляется трансляция духовного, культурного опыта, накопленного человечеством за многие века своего существования. В настоящее время базой для методологических и теоретических основ музейной педагогики служат философско-педагогические идеи М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.А. Столярова, Н.Ф. Федорова, технологические компоненты театральной педагогики К.С. Станиславского.

Музейная педагогика признана в качестве научной дисциплины учеными всего мира (Й. Аве, А.Г. Бойко, Е.В. Бондаревская, М.Б. Гнедовский, А. Кунтс, К. Пацвалл, Н.Ф. Рева, М.Ю. Юхневич, К. Фризен, В. Хильгерс, Р. Якушек и др.). Исследованию роли музейной педагогики в процессе образования уделяли внимание такие ученые, как М.Ю. Билавов, Е.Н. Корчагин, М.В. Соколова и др. Значительное внимание уделяется музейной коммуникации, которая рассматривается в качестве предмета исследования музейной педагогики (А. Александер, В. Глузинский, М.Б. Гнедовский, Ю. Каграманов, Д.Ф. Камерон, Н.А. Никишин, Д. Портер, Ю. Родемер и др.). А.В. Бакушинским, Е.Г. Вансловой, Л.С. Выготским, Ю.К. Королевым, Ю.Н. Петровой и др. глубоко и разносторонне исследованы образовательные возможности экспозиции. Музейная экспозиция транслирует социально значимую информацию посредством «языка вещей» и может оказывать влияние на формирование направленности учащихся.

Анализ различных исследований позволяет рассматривать нам музейную педагогику как науку и область практической педагогической деятельности, реализующую взаимодействие музейной среды и посети-

телей, направленное на формирование социально-культурной компетентности личности.

Музейную педагогику от любой другой педагогики отличает также, на наш взгляд, наличие музейного предмета, обладающего способностью одновременно воздействовать на эмоциональную, интеллектуальную и нравственную сферы личности, благодаря его свойствам: информативности (способности нести информацию); аттрактивности (способности привлекать внимание посетителя); экспрессивности (способности вызывать ассоциации и оказывать эмоциональное воздействие); репрезентативности (способности отражать действительность в типичных или уникальных чертах).

В сегодняшних исследованиях и публикациях на тему музейной педагогики отчетливо прослеживается процесс постепенного отхода от информативной модели музея в пользу коммуникативной**,** когда меняются представления о сущности музейно-образовательного процесса и характере взаимодействия между музеем и посетителем. Именно данная модель, по нашему мнению, может быть положена в основу работы со студентами в целях формирования их профессиональной направленности. Коммуникативность взаимодействия музейной среды и посетителей проявляется, на наш взгляд, в символическом акте встречи прошлого и настоящего, в диалоге музея и посетителя, обладающего правом выбора и интерпретации.

Образовательная деятельность современного музея рассматривается в трех аспектах – познавательном, творческом и социальном.

Как показал проведенный нами анализ публикаций по теме исследования, в современных музейных педагогических проектах предпочтение отдается детям дошкольного возраста и школьникам. Вместе с тем, по статистике, которую приводят в своей монографии И.М. Косова и А.А. Сундиева [3], примерно треть всех посетителей музеев составляют студенты. И в то же время именно в отношении данной значительной части молодежи, наиболее самостоятельной в выборе личных интересов, в музейной педагогике недостаточно научных изысканий.

В современной деятельности музеев достаточно четко обозначились два направления работы со студенческой аудиторией. Первое, наиболее традиционное, связано с помощью молодым людям в усвоении профессии. Между профильными музеями и высшими учебными заведениями устанавливаются различные формы сотрудничества, предполага-

ется взаимодействие в профессиональном образовании, развитии интересов и способностей будущих специалистов. Второе направление связано с реализацией культурно-развивающей функции, гуманитаризацией образования.

При этом средства музейной педагогики могут рассматриваться как существенная часть субъектно-ориентированного образовательного процесса в современном вузе. Педагогически целесообразное использование музейной среды может, на наш взгляд, способствовать погружению студентов в определенную эпоху, проживанию ими исторических ситуаций, актуализации ассоциативных связей, со-бытию и со-участию, со-причастности культурному потоку. Мы провели сравнительный анализ традиционных академических форм обучения и активных методов, предлагаемых современной музейной педагогикой. Результаты сравнения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Возможности традиционного академического обучения в вузе и обучения посредством музейной педагогики

Критерии	Традиционное академическое обучение	Обучение средствами музейной педагогики
1. Позиция обучающегося.	Участие формальное. Подчеркиваются обязанности обучающихся в выполнении правил и заданий.	Добровольность участия. Поддерживается тенденция принятия других. Присутствует эмоциональная поддержка и взаимное доверие.
2. Позиция педагога.	Постоянное доминирующее воздействие личности преподавателя. Преобладает односторонняя коммуникация.	Преобладает двусторонняя коммуникация; занятия строятся на основе партнерского общения. Нормой является открытое выражение чувств и эмоций. Постоянная рефлексия того, что происходит в ситуации коммуникации.
3. Мотивация обучающихся.	Накопление знаний, их репродуктивное воспроизведение, получение положительной оценки, одобрения "значимых других".	Интерес к происходящему, формирование эмоциональной поддержки исследовательских действий, возможность выражения своей точки зрения, ощущение причастности к происходящему.
4. Соотнесение целей занятий с целями обучающихся.	Обучающиеся часто принимают навязанные цели и не связывают их со своими индивидуальными потребностями.	Цели выработаны совместно, существует согласованность между групповыми и индивидуальными целями.
5. Степень активности.	Пассивность или видимая активность. Отсутствие самостоятельности, слабая речевая активность.	Проявление как внешней, так и внутренней активности всеми участниками образовательного процесса.
6. Возможности коммуникаций в учебном процессе.	Обучающиеся изолированы от общения друг с другом, а общение с преподавателем	Происходит полноценный процесс общения между всеми участниками группы.

	строго регламентировано.	
7. Учет эмоционального состояния обучающихся "здесь и теперь".	В большинстве случаев игнорируется.	Учитываются процессы, происходящие в группе в данный момент, переживаемые чувства, появляющиеся мысли и суждения.
8. Степень внутренней мыслительной активности и проявления рефлексии у обучающихся.	В большинстве случаев мышление репродуктивное, пассивное, редкое проявление творчества и инициативы. Отсутствие рефлексии.	Глубокая рефлексия, развивается гибкость мышления, поощряются инновации, оригинальные способы самовыражения.

В таком случае педагогический потенциал музея может быть реализован при его включении в образовательный процесс. При этом педагогические возможности вузовского дидактического процесса в контексте развития общекультурной компетентности студентов значительно расширяются за счет включения в его арсенал элементов музейной педагогики - музейных предметов, музейно-дидактических игр, образного языка музейно- образовательной среды, обращения к культурным эталонам.

Проведенный нами выше сравнительный анализ термина «музейная педагогика» показал, что на протяжении длительного времени типологическое определение музейной педагогики формировалось на основе ее междисциплинарности, что подчеркивает необходимость дифференциации музейной педагогики по профильной специфике музея. Это, в свою очередь, определяет влияние средств музейной педагогики на формирование профессиональной направленности специалистов.

Естественно-научные, технические и политехнические музеи помимо просветительской функции, функции научных центров, на наш взгляд, могут эффективно реализовать функцию формирования профессиональной направленности будущих специалистов технического профиля.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А., Алексеева, О.Ф., Князев, А.М., Кривченко, Т.А., Лаптева, М.Д., Морозова, Н.А. Отражение содержания ключевых социальных компетентностей в текстах действующих ГОС ВПО (теоретико-эмпирический анализ) [Текст] // Проблемы качества образования: Кн.2. Ключевые социальные компетентности студента.- М., Уфа, 2004.

2. Библер, В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век [Текст] - М.: Политиздат, 1991.

3. Музейное дело в России/ под. ред. И.М. Косова, А.А. Сундиева [Текст]. - М.: «ВК», 2003.

Сведения об авторах

Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Архипова Любовь Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Бабурина Наталья Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Бабуркин Сергей Александрович, доктор политических наук, заведующей кафедрой политологии и социологии ЯГПУ, профессор

Басалова Наталья Станиславовна, кандидат культурологии, зав.кафедрой иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Басков Виктор Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Вершинина Татьяна Сергеевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Воронина Станислава Владимировна, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Гушель Ревекка Залмановна, старший преподаватель кафедры геометрии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Давыдова Наталья Алексеевна, соискатель, ДМШ №1 им. П.И. Чайковского, преподаватель, кандидат культурологии.

Добродеев Валерий Вадимович, кандидат теологических наук, доцент кафедры теологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Дубичев Олег Валерьевич, МОУ Иванищевская СОШ (Ярославский район), учитель истории

Ерёмин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Ермаков Александр Михайлович, кандидат исторических нак, доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Ермолина Галина Михайловна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Зорина Елена Владимировна, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Кищенков Михаил Сергеевич, аспирант дневного обучения кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Кожевникова Мария Евгеньевна, соискатель кафедры методики преподавания истории ЯГПУ им. К.Д, Ушинского

Коротаева Ирина Евгеньевна, аспирантка кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Кочешков Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Красильников Григорий Владимирович, зав. филиалом ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха»

Кумсков Виктор Викторович, аспирант кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Курцев Леонид Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Леонов Дмитрий Евгеньевич, ассистент кафедры теологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Лебедев Антон Вячеславович, ассистент ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Леонов Дмитрий Евгеньевич, ассистент кафедры теологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Лисица Анна Викторовна, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Литвинов Александр Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Литвинова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Лихова Наталья Алексеевна, аспирантка дневного обучения кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Лихоманов Николай Иванович, ст. преподаватель ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, заведующий кафедрой теологии

Луговая Анна Владимировна, аспирантка кафедры отечественной истории ЯГПУ им К.Д. Ушинского

Лымарев Алексей Валерьевич, аспирант кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Любарец Алексей Григорьевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Любимова Екатерина Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Мамзелев Илья Александрович, ассистент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д, Ушинского

Миронова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Никифоров Юрий Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Новикова Наталья Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Оксем Константин Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Осипова Маргарита Сергеевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Пелевина Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Пирогов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Сараева Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Смирнова Лидия Лазаревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной антропологии и межкультурной коммуникации ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Соловьев Яков Сергеевич, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры методики преподавания истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Талашов Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Талызина Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Тихонов Александр Алексеевич, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Тумаков Денис Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Фефилин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Ходнев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Юсупов Валентин Турсунович, ассистент кафедры теологии ЯГПУ им. К.Д.Ушинского

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Басалова Н.С. Основные аспекты изучения социокультурной истории Египта Птолемеев в зарубежной историографии XX века (Великобритания, Франция, США)…… 3
Ходнев А.С. Конструирование идентичности горожан в конце XIX – начале XX вв.: выбор и подвижность досуга… 9
Осипова М.С. Эволюция английского законодательства о детском труде в первой половине XIX века…… 17
Новикова Н.В. Женское движение в Ирландии в начале XX в……. 24
Литвинов А. В. Младодвижения в странах Востока: сравнительный анализ……..... 32
Ермаков А. М. Маскулинность и гендерные роли мужчины в мировоззрении Гитлера……. 38
Зорина Е. В. Благотворительность в третьем рейхе: цели и принципы…… 47
Вершинина Т.С. Конструирование образа солдата в пропаганде Третьего Рейха…….. 53
Ермолина Г.М. Сторонники германского фашизма в 1920-30-е гг. в Великобритании……. 58
Воронина С. В. Поиски религиозной идентичности исламскими сообществами в Великобритании в конце XX – начале XXI века…….. 64
Тихонов А. А. Европейская социал-демократия в эпоху глобализации: меняющаяся идентичность…….. 72

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Талашов М.В. Кризис великокняжеской власти 1014-1019 гг. в летописной и агиографической традиции…… 80
Сараева Е.Л. Культурные универсалии европейской цивилизации Нового времени: взгляд русских западников…… 89
Смирнова Л.Л. Литературная жизнь Костромского края на страницах губернских ведомостей в 30-70-е гг. XIX в…….. 97
Александров Н.М. Крестьянский отход и демографические процессы в пореформенной деревне (по материалам Верхнего Поволжья)……... 107

Лихова Н.А. Отходничество в Ярославской губернии в кон. XIX-нач. XX вв: социокультурный аспект…….. 115
Красильников Г.В. «Что ни мужик, то приятель»: крестьяне-отходники дворян Некрасовых в документальных и мемуарных источниках……... 119
Дубичев О.В. Из истории создания сельскохозяйственных обществ Ярославской губернии (начало XX века)…….. 131
Гушель Р.З. Становление и развитие реального образования в Ярославле в конце XIX – начале XX века…….. 140
Кочешков Г.Н. Исторические взгляды А.А. Кизеветтера…. 148
Луговая А.В. Особенности досуга россиян в конце XIX – начале XX века: историографический аспект…… 155
Любарец А.Г. Участие ярославского духовенства в благотворительной поддержке русской армии в годы русско-японской войны…….. 161
Архипова Л.М. «Прогресс» идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?»: святитель Игнатий (Брянчанинов) о пореформенной России…….. 169
Кищенков М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии…….. 182
Карандашев Г.В. Женская преступность в России в конце XIX – начале XX века (историографический аспект)……. 191
Курцев Л.Н. Городская мода в эпоху гражданской войны в Советской России (1917-1921 гг.)…….. 196
Любимова Е.А. Праздники в первое послереволюционное десятилетие: «Одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут…»…… 204
Миронова Н.А. Ярославская городская больница во 2-й пол.1918 –1919 гг…… 212
Пирогов В. Н. НЭП 1920-х и экономическая политика сегодня: сравнительный анализ…… 220
Лебедев А.В. Деятельность Северной железной дороги в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)…….. 225
Литвинова О. Н. Государственно-правовое регулирование партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (на примере Брянского края)…….. 232
Тумаков Д.В. Борьба с нарушителями трудовой дисциплины в Ярославской области во время Великой Отечественной войны (1941-1945гг.)……... 242

Оксем К.В. Политические кампании в СССР в послевоенное время: историографический аспект……..... 250

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

Бабуркин С.А. Оценки состояния контрразведывательного сообщества США в начале XXI века……..... 257
Лисица А. В. Великобритания и конституционная реформа в Европейском Союзе……. 265
Басков В. П. Демографические проблемы молодежи…… 272
Пелевина Е. А. Консерватизм и модернизации…….. 275
Талызина Л.Н. Социальная база модернизации современной России……... 281
Фефилин С.В. Некоторые проблемы социологии электоральных процессов: региональный аспект……... 286
Лымарев А.В. Парламентский контроль спецопераций ЦРУ США…… 290
Мамзелев И.А. Итоги избирательного цикла 2007-2009 гг. в Ярославской области и изменения в партийно-политической системе региона…….. 297
Гаврилов А.В. Правый радикализм: о современных возможностях понятия…… 302
Ерёмин А.В. Вероисповедная политика государства на рубеже XX –XXI веков……... 310

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

Лихоманов Н.И. Священномученик Вениамин (Воскресенский) в истории Ярославского края……. 314
Добродеев В.В. К вопросу о причинах разделения Церкви в XI в…….. 320
Юсупов В.Т. О литургическом возрождении…….. 329
Давыдова Н.А. Проблемы церковно-певческой жизни в России на рубеже XIX – XX веков в осмыслении современников…… 338
Леонов Д.Е. Православная церковь и государственные думы периода революции 1905-1907 гг……. 346

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Коротаева И.Е. Вопрос на уроке истории: философско-методологическое обоснование проблемы…….. 356
Кумсков В. В. Педагогические идеи Джона Дьюи и преподавание истории в школе…… 362
Никифоров Ю.С. Университетская деятельность историков «русской школы»……. 369
Бабурина Н.Ф. Положительный опыт преподавания истории в дореволюционной школе…… 378
Соловьев Я.С. Использование мультимидийных технологий на уроках истории родного края……. 385
Кожевникова М. Е. Музейная педагогика как педагогическое средство……... 388
Сведения об авторе……... 395

Научное издание

Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета

Редактор Л.К.Шереметьева
Компьютерная верстка - Ю.В. Ефимова

Подписано в печать 31.08.10
Формат 60х90/16.
Объем 25,2 п.л., 20,4 уч.-изд.л. Тираж 100 экз. Заказ № 349

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им.К.Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44